

Александр
Норнейчук

3

3

Александр Норнейчук

Александр
Норнейчук

Собрание
сочинений
в четырех
томах

Александр Корнейчук

3

«Макар Дубрава»
«Калиновая роща»
«Крылья»
«Почему улыбались
звезды»
«Над Днепром»

«Искусство»
Ленинградское
отделение
1977

С(Укр)2
К67

Перевод с украинского
автора

Примечания
Д. Шлапака

Художник Г. Никеев

К 70600-060
025(01)-77 подписано

© «Искусство», 1977 г.

**МАКАР
ДУБРАВА**

**Пьеса в трех
действиях,
четырех картинах**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МАКАР ИВАНОВИЧ ДУБРАВА.
ОКСАНА АНДРЕЕВНА — его жена.
ОЛЬГА — их дочь.
АРТЕМ — их сын.
ПАВЕЛ КРУГЛЯК — муж Ольги.
КОНДРАТ ТОПОЛЯ.
АНКА — его дочь.
ГАВРИЛА БРАТЧЕНКО.
ТРОФИМ ГОЛУБ.
ГАЛЯ ИВАНЧУК.
МАРФА СТЕПОВАЯ.
ХМАРА.
ОРЛОВ.
ЗИНЧЕНКО.
МАРИЯ СМЕРЕКА.
ФИЛИПП СЕМЕНЕНКО.
СТЕША.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

В саду домик на две квартиры. На веранде зеленеют листья дикого винограда. Вдалеке, в пышных садах, рабочий поселок. В центре поселка большая площадь, на которой находятся Дом культуры, школа, больница. За поселком, в степи, терриконы шахт. На ступеньках веранды сидят Оксана Андреевна и Макар Иванович. Издали слышны гудки паровозов. Вечереет.

Вспыхнуло огромное пламя и на миг осветило терриконы.

Макар. Чугун пошел... (*Вынул часы, смотрит.*)
Точно...

Оксана. А может, наш Петр живой, где-то по миру скитается...

Макар. Вряд ли...

Оксана. А было в газете: английские генералы держат наших в лагерях, ты ведь сам мне читал.

Макар. Читал.

Оксана. Может, и наш Петр там страдает. Вывезли его гитлеровцы, а потом...

Макар. Нет.

Оксана. Почему же среди расстрелянных не было нашего Петра?

Макар. Закопали где-нибудь в другом месте.

Оксана. А если бы Артем порасспросил в городе?

Макар. Скажут то же, что и мне сказали.

Оксана. Чует мое сердце... Артем смог бы концы найти. Он офицер, ему больше скажут.

Входит Ольга.

Ольга. Здравствуйте.

Макар. Здравствуй, дочка.

Делаются.

Ольга (*целует мать*). Артем приехал?

Оксана. Приехал, приехал ночью.

Ольга. Я только пришла из больницы, Павел звонит из шахты, говорит, Артем приехал. Где же он?

Макар. Поехал в город.

Ольга. Зачем?

Макар. Дело есть. Скоро будет. Садись.

Ольга. Какой он теперь?

Оксана. Генерал, настоящий генерал.

Макар. Не генерал, а майор.

Оксана. Так это почти что генерал.

Макар. Еще не одну пару подметок истопчет, пока дойдет до генерала.

Оксана. Так они ж у него казенные...

Ольга. Мама, Артем будет генералом, будет. (*Обняла мать.*)

Макар. Когда еще будет, а ушел бы из армии на шахту, сразу стал бы генералом.

Ольга. Здесь станешь! Вот Павел уже стал.

Макар. Извини, но Артем — не твой Павел. Потомственный шахтер.

Оксана. Поговаривают, Павел твой гулять стал?..

Макар. Тише, Оксана.

Оксана. Не могу я молчать. Почему Ольга в руки его не возьмет? Я бы ему задала! Попробовал бы ты так гулять, как ее Павел!

Макар. А что бы ты мне сделала?

Оксана. Взяла бы за чуб и тянула через весь поселок. Вот так...

Макар. Стой, стой, последние вырвешь.

Оксана. Все вы такие.

Макар. Я ведь без тебя ни к кому в гости не ходил.

Оксана. Как не ходил? А первого мая где ты был?

Макар. Когда?

Оксана. Первого мая в тысяча девятьсот шестнадцатом году.

Макар. Сто тысяч раз тебе говорил: было у нас в лесу нелегальное собрание.

Оксана. А пришел ночью и выпивший.

Макар. По дороге зашел к Климу Гире.

Оксана. А почему меня не позвал?

Макар. Ты видишь, Ольга: умирать будет, и то вспомнит первое мая шестнадцатого года.

Оксана. И вспомню. Если тебя не держать в руках, ты и на том свете к Климу Гире зайдешь.

Макар. Не бойся, Клим давно в раю, а меня в ад отправят. Это ты с ним встретишься.

Оксана. Все вы такие! Смотри, дочка, за Павлом.

Ольга. Поздно смотреть.

Макар. Почему?

Ольга. Не выходит у меня с ним. Мама говорит правду. Павел не только пьет...

Макар. Так думаешь?

Ольга. Об этом все говорят.

Оксана. Что ты, доченька! Разве можно так к сердцу принимать! Люди языки чешут.

Ольга. Не успокаивайте. Я не маленькая. Знаю, в жизни все может случиться, но какая-то мера должна быть.

Макар. Говорить могут... Чего только нашему брату, мужчине, не припишут!

Оксана. Да ты б уж...

Ольга. Дело не только в этом. Павел за последний год так изменился, его раздражает каждое мое слово. Вот сегодня я сказала, что на его шахте увеличивается число несчастных случаев. У меня ведь в больнице все видно, как в зеркале. А он как налетел на меня: «Сидите в белых халатах в кабинетах, в забой бы вас погнать на добычу...» Послушал бы, что шахтеры говорят о нем, когда я им оказываю помощь... Я не могу быть только женой, да еще такой, которая на все закрывает глаза.

Макар. Это так, но семья есть семья, за нее надо бороться. Ты ведь его любишь?

Ольга. Люблю.

Пауза.

Оксана. Ничего, дочка, он еще пожалеет, и очень пожалеет.

Сышен гудок.

Нужно ужин готовить, девушки сейчас придут. Неси дрова, старик.

Макар. Сейчас.

Оксана. Поужинай с нами, Ольга.

Ольга. Спасибо, мама.

Оксана. А после ужина поговорим. Хорошо, доченька?

Ольга. Хорошо.

Оксана ушла в дом.

Пить начал Павел.

Макар. Это пройдет. В наше время тоже бывало... Сорвется шахтер, гуляет, до последней нитки прошьет все, а потом берется за ум. (*Оглянулся, тихо.*) Было один раз такое и со мной в молодости. Было, Оля.

Ольга. А мама что?

Макар. Хотела бросить. Едва упросил. Два месяца варила из меня воду, а потом простила. Правда, взяла слово, и я его тридцать лет держу, но не ручаюсь, как будет дальше... (*Смеется.*)

Ольга. Куда тебе теперь!

Макар. А чего? Я б сказал, осень только еще наступает. Вот нашу «Звезду» поднимем, вспомню молодость, три дня гулять буду.

Ольга. Если Павел так будет хождничать, как сейчас, то ждать долго.

Макар. А я ему объявил войну.

Ольга. Как?

Макар. Ты нашу газету видела сегодня?

Ольга. Нет.

Макар. Прочитай.

Ольга. Что там?

Макар. Напечатали мою статейку. Писал я ее долго. Месяц ходил по шахте с часами, хронометраж делал. Выложил все.

*Из кустов к крайнему окну крадется девочка,
она прыгает в окно.*

Анка!

Анка. Что?

Макар. Иди сюда.

Анка. Чего тебе нужно?

Макар. Где ты была?

Анка. Какое тебе дело?

Макар. Иди, что-то скажу.

Анка. Говори.

Макар. Иди.

Анка. Не хочу. (*Исчезла в окне.*)

Макар. Беда ряжему с ней. Пропадет девочка. Он на шахте, а она где только не бегает. И такое злющее

растет. Всех мальчишек бьет. Нужно Кондрату жениться.

Ольга. А почему в самом деле Кондрат не женится?

Макар. Тихий, слишком тихий. А на работе — огонь... Хороший шахтер.

Ольга. Таким был и в молодости. Тихий-тихий.

Макар. Кажется, Кондрат ухаживал за тобой?

Ольга. Нет. Мы только дружили.

Голос Оксаны: «Макар, когда же ты дрова принесешь?»

Макар. Иду, иду... (*Ушел в сад.*)

Через окно вылезает Анка, в руках у нее шахтерская лампочка.

Анка (*издали смотрит на Ольгу*). А я знаю, зачем вы сюда пришли.

Ольга. Скажи, если знаешь.

Анка. Не скажу.

Ольга. Иди сюда.

Анка. Не хочу.

Ольга. Боишься меня?

Анка. Я боюсь? (*Подошла, села около Ольги.*) Меня все мальчишки боятся.

Ольга. А кто тебе лоб разбил?

Анка. Никто, сама разбила.

Ольга. Как?

Анка. В старую шахту лазила.

Ольга. Зачем?

Анка. А вы мне скажите: если долбить все вниз и вниз, можно пробить дыру сквозь землю или нет?

Ольга. Нет.

Анка. Учитель тоже говорит, что нет, а я знаю, как это сделать.

Ольга. Расскажи.

Анка. Не скажу.

Ольга. Почему?

Анка. Это военная тайна.

Ольга. Если так, не говори.

Анка. Как жаль, что война окончилась!

Ольга. Почему?

Анка. Я бы поступила в «Молодую гвардию». Что, не верите?

Ольга. Верю. Только не ходи в старую шахту, там завалить может.

Анка. Нет, не завалит.

Ольга. Куда это ты с лампой?

Анка. Тайна.

Ольга. И ты не боишься лазить в старую шахту?

Анка. А чего мне бояться? Где были наши партизаны, там и я могу быть. Я ничего не боюсь.

Ольга. А разве там были партизаны?

Анка. Были.

Ольга. А откуда ты знаешь?

Анка. Знаю. В шахте нашла пустые немецкие патроны.

Ольга. Ну и что из того?

Анка. В кого ж фашисты стреляли? Ясно, что в партизан.

Ольга. Может быть. А почему у тебя синяк под глазом?

Анка. Петька ударил. Он такой задавака. Думает, что если отец — инженер, то ему все можно.

Ольга. За что он тебя ударил?

Анка. Обозвал меня рыжей кошкой, а я ему дала сдачи.

Ольга. Как?

Анка. Не знаете — как?

Ольга. Нет.

Анка. Какая вы чудная.

Ольга. Почему?..

Анка. Разве вас никто не обижал?

Ольга. Было. Обижали.

Анка. И вы не давали сдачи?

Ольга. Не всегда.

Анка. И почему вы, взрослые, такие трусы?

Ольга. Что?

Анка. Редко один другому сдачи даете.

Ольга. А ты не трус?

Анка. Пусть только кто попробует...

Ольга. А вот Петька тебе синяк поставил!

Анка. А я ему нос разбила. Он и сейчас плачет.

Ольга. А ты плакала?

Анка. Я никогда не плачу.

Ольга. А что тебе отец скажет, когда увидит такой синяк?

Анка. Ничего. Он меня боится.

Ольга. Боится? А ты его любишь?

Анка. Я его не люблю.

Ольга. Почему? Ведь он у тебя такой красивый, хороший.

Анка. А вы откуда знаете?

Ольга. Я дружила с ним в молодости. Он добрый, сердечный.

Анка. Рыжий он. А я еще рыжее. Рыжие добрыми не могут быть.

Ольга. Почему?

Анка. Потому, что нас все дразнят. О нем говорят «рыжий Кондрат», а обо мне — «рыжая кошка Кондрата».

Ольга. Ну так что..

Анка. Меня никто никогда не полюбит.

Ольга. Почему?

Анка. Всегда будут дразнить.

Ольга. Ошибаешься. Ты ведь красивая девочка.

Анка. Не врите! Я рыжая кошка, рыжая кошка!

Ольга. А учишься хорошо?

Анка. На «отлично». Только недавно директор хотел выгнать меня из школы.

Ольга. За что?

Анка. Это как мы с отцом вернулись с Кузбасса, пришла в наш класс новая учительница, такая накрашенная, здесь перманент, а здесь рога. Подошла ко мне, взяла за подбородок: «Скажи, девочка, что ты делала вчера дома?» А я ей: «Что ты делала, когда фашисты были?» А она: «Я страдала, как все люди, я так страдала». — «Врешь,— крикнула я,— ты с немецким офицером гуляла под руку». И как начали мы кричать: «Вон, вон, вон!» Она удрала. Что потом было! Директор меня вызвал, кричал «выгоню», но комиссия разобрала, выгнали ее и директора. Все же знали, что она с офицером гуляла и никогда учительницей не была.

Близко слышен свист.

Ольга. Кто это?

Анка. Мой начальник штаба, Володька. (*Свистнула.*) Мы идем по следам наших... Но — это тайна... не скажу. (*Побежала в сад.*)

Идет Макар, несет дрова в дом.

Ольга. Отец, в старой шахте были партизаны?

Макар. Нет. Наши партизаны были на «Глубокой».

В старой шахте ежеминутно может завалить. А что?

Ольга. Это я так.

Макар пошел в дом. Входит Кондрат. Он несет на плече телеграфный столб.

Кондрат. Ольга Макаровна, здравствуйте.

Ольга. Здравствуй, Кондрат. Что это ты тащишь?

Кондрат. Около нашей шахты меняют столбы телеграфные, я выпросил старый столб. Сарай хочу построить. Макар Иванович посоветовал: раз, говорит, кабанчика собираешься покупать, то сарай надо строить.

Ольга. Да положи его.

Кондрат. Сейчас. (*Отнес в сторону, кладет, возвращается.*) Огород у меня большой в этом году. Картошки много посадил.

Ольга. Садись, Кондрат.

Кондрат садится.

Кто тебе огород обрабатывает?

Кондрат. Сам.

Ольга. Как же ты живешь?

Кондрат. Неплохо.

Ольга. Сколько зарабатываешь?

Кондрат. Как когда. Этот месяц у нас неважный.

Ольга. А кто виноват?

Кондрат. Начальство.

Ольга. Но ведь вы план не выполняете.

Кондрат. А почему? Разве мы лентяи? Я за неделю могу месячный план нарубать. Дали бы только развернуться. Я, Оля, могу рубить уголь, как на баяне играть.

Ольга. А ты когда-то хорошо играл. Как теперь?

Кондрат. Нет баяна. А как вы живете, Ольга Макаровна?

Ольга. Что это ты меня на «вы» называешь? Разве я для тебя не просто — Оля?

Кондрат. Я бы с радостью, но...

Ольга. А если с радостью, так и зови меня «Оля».

Кондрат. Ну хорошо...

Ольга. Почему замолчал?

Кондрат. Разве я молчу?

Ольга. Выходит, я молчу?

Кондрат (*крикнул*). Анка! Анка!

Ольга. Она куда-то побежала.

Кондрат. Вот бесенок, снова к ночи придет.

Ольга. Славная девочка у тебя. Учится хорошо?

Кондрат. Очень хорошо.

Ольга. А как ты с Павлом теперь?

Кондрат. Он прошлое забыл. А я хоть и не забыл, но не напоминаю.

Ольга. Неужели Павел ни разу не напомнил тебе о прошлом?..

Кондрат. Нет. Когда вы только приехали, я было разогнался к нему, но он так посмотрел на меня... Теперь только о делах говорим.

Ольга вытерла слезу.

Что с тобой, Оля?..

Ольга. Ничего, ничего... Эх, Кондрат! (*Сняла кепку с его головы.*) Такой же пожар на голове, как и когда-то был...

Кондрат. Рыжий, рыжий, как и был. Сколько лет прошло, у людей вылезают, а у меня держатся. Рыжим, видно, и помру.

Ольга. А помнишь, как ты мне письма носил от Павла?

Кондрат. А как же! Какой он был живой, веселый.

Ольга. Да. (*Пауза.*) Теперь отяжелел, на сердце жалуется.

Кондрат. Походил бы каждый день под землей, похудел бы, и сердце было бы здоровое. Телефон губит начальников, пухнут они от него. Павел сидит у телефона, и инженер с него пример берет, редко когда вниз спустится.

Ольга. Скажи, Кондрат, куда ты исчез в день моей свадьбы?

Кондрат. А ты не забыла?

Ольга. А как же! Год не было тебя, потом мы уехали отсюда. И я лишь случайно узнала, что ты только через три года вернулся на шахту. Что случилось?..

Кондрат. Тогда, с твоей свадьбы, пошел я на станцию, сел в поезд, потом пересел в другой, а потом попал в Одессу. Поступил на пароход кочегаром. Думал никогда не возвращаться. За три года где только не бывал. Но... Бросаешь уголь в топку, и все кажется, что он из

«Звезды» нашей. Потянуло в шахту. Отец твой правду говорит: тот, кто родился в Донбассе, где бы ни бродил, а вернется.

Ольга (*тихо.*) Зачем ты это сделал?

Кондрат. Дело давнее.

Ольга. Ну...

Кондрат. Теперь сказать можно. Только ты, Оля, пойми меня. Может, не стоит...

Ольга. Говори, Кондрат.

Кондрат. Я, Оля... я любил тебя...

Ольга. Любил?

Кондрат. Да. Ты прости, дело давнее...

Ольга. Почему же ты даже не намекнул мне?..

Пауза.

Кондрат. Не мог, Оля. (*Пауза.*) Как быстро вечереет...

Ольга. Как оно в жизни бывает...

Долгая пауза. Сышен баян.

Кондрат. Парни идут, а наших барышень нет.

Входят Гаврила и Трофим, здороваются.

Садитесь, хлопцы, с нами.

Гаврила. Не помешаем вам?

Ольга. Нет, нет, пожалуйста.

Гаврила и Трофим садятся. Долгая пауза.

Трофим. А погода сегодня хорошая.

Гаврила. Думаю, что и завтра будет хорошая.

Трофим. Может, и будет.

Гаврила. Похоже на то.

Трофим. Пойдем, Гаврила.

Кондрат. Подождите, у девушки собрание, сейчас придут.

Гаврила. Если так, то подождем.

Трофим. Подождем.

Пауза.

Кондрат. Что это вы, ребята, сидите, словно женихи? Сыграли б.

Ольга. Сыграйте.

Трофим. Давай, Гаврила.

Гаврила. Какую вам — сердечную или веселую?

Ольга. Сердечную.

Гаврила. Тогда Трофим будет играть. (*Передает баян.*)

Ольга. Почему это так?

Гаврила. Он больше приспособлен к сердечной, а я — только к веселой. Начинай, Троша.

Трофим. Начинаю. (*Играет.*)

Через некоторое время входят девушки — Галя и Марфа. Парни встали.

Марфа. Говорила я тебе, Галя, что будут ждать.

Галя. Здравствуй, Гаврила.

Марфа. Здорово, Троша. Это ты играл?

Трофим. Я.

Галя. Так и знала.

Гаврила. Давай баян.

Трофим. Обожди, Гаврила.

Гаврила. Давай, давай... (*Забирает баян.*)

Галя. Подождите, мы быстро переоденемся.

Марфа. В две минуты.

Девушки побежали в дом.

Кондрат. Хорошо играешь, а ну дай-ка баян.

Гаврила передает баян.

(Наигрывает.) Ох и баян! Продай, Гаврила.

Гаврила. Я ведь вам говорил, не продаю.

Кондрат. Жаль. (*Тихо наигрывает.*)

Трофим. Как у вас на «Звезде» дела идут?

Кондрат. Не очень. А у вас на «Глубокой?»

Гаврила. Порядок. Мы сегодня с Трошей дали всем пить. Рубанули столько — за три смены не вывезут.

Кондрат (*наигрывает*). У вас хозяин хороший.

Гаврила. Дисциплину любит. Ух, коли что,— держись!..

Трофим. А все-таки он душевный. Как ни кроет, а никогда не уничтожает,— значит, как бы это сказать, говорит, как человек с человеком.

Входит Макар.

Макар. Здорово, ребята!

Гаврила и Трофим. Здравствуйте, Макар Иванович!

Макар. Садитесь.

Гаврила. Постоим.

Макар. Не забыл, Кондрат?

Кондрат (*наигryвает*). Не забыл.

Входят Галя и Марфа.

Гаврила. Давайте баян.

Кондрат возвращает баян.

Галя. Пойдемте в сад.

Гаврила, Галя, Марфа и Трофим уходят в сад.

Оксана (*из окна*). Оля, ужинать! Макар, иди!

Макар. Сейчас. Пойдем, Кондрат, с нами.

Кондрат. Спасибо.

Ольга. Пойдем. (*Взяла его под руку, ведет в дом.*)

Входит Павел. Его не замечают.

Павел (*когда Ольга и Кондрат скрылись в дверях, тихо*). Макар Иванович!

Макар (*поворнулся*). Павел?

Павел. Я.

Макар. Заходи, там Ольга.

Павел. Видел. Кого это она повела?

Макар. Кондрата.

Павел. Рыжий Кондрат?

Макар. Он. Ты когда-то дружил с ним.

Павел. Дружил. Тогда он был тихий-тихий...

Макар. Пойдем в дом, поужинаешь с нами.

Павел. Я не ужинать пришел. Газетку видели, Макар Иванович?

Макар. А... Видел и читал, Павел Софронович.

Павел. Новый рабкор появился на «Звезде».

Макар. Почему новый?.. Старый рабкор. Еще когда ты под стол пешком ходил, он уже писал в «Правду».

Павел. И тогда о «Звезде» писал?

Макар. Писал, когда дела шли плохо.

Павел. И помогал?

Макар. Помогало. Начальника шахты сняли и судили.

Павел. Может, он и сейчас этого хочет?

Макар. Он хочет одного: чтобы наша большая техника использовалась до конца, чтобы «Звезда» первой

светилась над всем Донбассом. Кроме того, у него есть еще и личное желание.

Павел. Какое?

Макар. Он хочет еще пожить при коммунизме. И как бы ему ни мешали — доживет до тех дней, непременно доживет.

Павел. Где же он нашел такого дурака, который не хотел бы жить при коммунизме?

Макар. Искать не надо. Он здесь.

Павел. Выходит, я?

Макар. Люблю, когда человек догадлив.

Павел. Слушайте, Макар Иванович, хоть и тесть вы мне, но меру знайте, может терпение лопнуть.

Макар. С тобой, голубчик, не тесть говорит, а коммунист.

Павел. Воевать хочешь?

Макар. Хотел бы, да...

Павел. Что?

Макар. Ты уже созрел. Тебя раз хорошенъко трусануть — и упадешь.

Павел. А ты уж и перезрел. Дунь на тебя — и рассыпешься.

Макар. Попробуй. Только когда начнешь дуть, то намажь губы салом, чтоб не потрескались. И еще одно скажу, по-шахтерски, в глаза: берись за ум, еще не поздно, а то выгонят тебя не только из шахты, но и из партии. И не спасут тебя ни эти ордена, ни какие бы то ни были прошлые заслуги.

Входит Ольга.

Ольга. Павел!

Павел молчит.

Отец!

Макар молчит.

Что случилось? Что с тобой?.. (*Положила руку на плечо Павла.*)

Павел отвел ее руку, уходит.

Павел!

Павел не обернулся.

Что случилось, отец?

Макар. Ступай, Ольга, за ним, сейчас ты ему нужна... Иди, дочка.

Ольга. Будь здоров, отец. (*Пошла.*)

Макар. Будь здорова, дочка.

Ольга ушла. Макар пошел в дом. Из сада выходит Галя, за ней Гаврила.

Гаврила. Галя, Галя!..

Галя. Не хочу с тобой разговаривать.

Гаврила. Почему? Что ж я такого сказал?

Галя. Не имеешь права насмехаться над нами. Что ты задаешься?

Гаврила. Да разве я над тобой насмехаюсь? Я овашей шахте...

Галя. Наша шахта — это мы все...

Входят Марфа и Трофим.

Гаврила. Скажи ей, Марфа...

Марфа (*перебивает*). Скажу, скажу... Пойдем, Галя, домой.

Трофим. Девушки, что вы?.. Ну, Гаврила не так сказал...

Марфа. Не впервые слышим от него. Да и ты тоже нос задираешь. Подумаешь — передовые! Мы тоже будем передовыми.

Гаврила. Пойдем, Троша.

Трофим. Подожди, Гаврила, надо разобраться.

Галя. Нечего разбираться. Нам надоело слушать, как вы хвастаетесь своими заработками...

Гаврила. Переходите на нашу шахту, и вы будете хорошо зарабатывать.

Галя. Нас комсомол прислал сюда поднимать Донбасс, а не искать, где больше платят.

Трофим. Не горячись, Галя.

Гаврила. Мы добычу даем за себя и за вас, вы же в хвосте плететесь и всю картину Донбасса портите.

Галя. Так помогите нам. Переходите на нашу шахту. Без вас на «Глубокой» ничего не случится, она идет впереди всех.

Марфа. Верно, переходите, тогда и картина будет другая.

Гаврила. А зачем нам переходить? Нашу шахту весь Союз знает, а у вас что на сегодняшний день? Дыра, а не шахта.

Галя. Дыра?! Тогда идите к своим девушкам. (*Ушла в дом.*)

Марфа. Эх вы, задаваки!.. (*Тоже пошла в дом.*)

Гаврила. Вот и все.

Трофим. Что же теперь будет?

Гаврила. А я почем знаю?..

Трофим. А зачем ты начал насмехаться?

Гаврила. Не в этом дело.

Трофим. А в чем же?

Гаврила. Завидуют нам.

Трофим. Как сказала... «Задаваки!»...

Гаврила. Ну и задаюсь, есть чем. За этот месяц у нее восемьсот, а у меня — пять тысяч.

Трофим. А что, если б мы перешли к ним и показали класс работы?.. А?..

Гаврила. Одурел ты. О нас в газетах пишут... Быть первыми на самой первой шахте и променять на что? Пойдем в гости к нашим девушкам.

Трофим. К кому?

Гаврила. К Марусе.

Трофим. Сказал! Лучше к Кате.

Гаврила. Тоже выдумал! Сидит, как квочка... К Пелагее пойдем.

Трофим. К Пелагее? Да она такая врунья...

Гаврила. К кому же тогда?

Входят Галя и Марфа. Из дома слышен голос Оксаны: «Куда вы, девушки?»

Галя. В кино идем.

Посмотрели на парней, отвернулись и быстро ушли на улицу.

Гаврила. Может, к Наде пойдем?

Трофим. У нее Николай, верно, сидит, зачем им мешать?.. Говорят, сегодня хорошая новая картина.

Гаврила. Новая! «Чапаев». Сто раз видел.

Трофим. Так, может, пойдем к девушкам в общежитие?

Гаврила. Да ну их! Пойдем, Трофим, смотреть «Чапаева» в сто первый раз.

Трофим. Вот это верно, Гаврила.

Гаврила растянул баян. Уходят, напевая. Входят Кондрат, Макар и Оксана.

Кондрат. Кажется, время спать. Спокойной ночи.
Макар. Спокойной ночи.

Кондрат ушел.

Оксана. Что Павел?

Макар. Злится — значит, толк еще будет.

Входит Артем.

Оксана. Артем, где это ты так долго пропадал?

Артем. Дела задержали в городе.

Оксана. Иди, Артем, ужинать.

Артем. Спасибо, мама, я не голоден.

Оксана. Как тебе хорошо в этом мундире!

Артем. Ну?..

Оксана. Очень к лицу.

Макар. А все-таки не для того ты учился, стал горным инженером, чтобы в военном мундире ходить. Петр погиб. Кто нашу честь шахтерскую поддержит?

Артем. Отец, не в мундире дело. Я офицер, и офицерская честь такая же, как и шахтерская. Разве армия может сейчас обойтись без инженеров?

Макар. Не может — это правда. Что ж, иди своей дорогой.

Оксана. А я завтра иду на шахту.

Артем. Зачем?

Оксана. Собрала своих подруг, идем па помошь, берем шефство над общежитием и столовой.

Макар. Мои старые приятели — Орлов, Хмара, Зинченко — тоже решили выйти с понедельника на шахту. Увидишь мою гвардию — большая сила на «Звезду» идет.

Артем. Да разве их старые руки смогут что-нибудь серьезное сделать? Тебе давно пора отдохнуть, а они ведь старше тебя.

Макар. Дело не в руках. Они пойдут как инструктора. Учить людей будут. Помогут навести порядок. Народ заслуженный. Дошло, товарищ инженер?

Артем. Дошло. А все-таки тебе, мама, не стоит идти на шахту.

Оксана. Отцу можно, а я что, старше его? На целых два года моложе. Я расскажу тем девушкам и парням, которые теперь пришли на Донбасс, как мы работали на англичанина, как жили и что теперь Советская власть сделала для шахтера. Я им, сто чертей...

Макар. Но, но... Только не ругайся.

Оксана. Не перебивай, коль правду говорю.

Макар. Иди, Оксана, а я с Артемом хочу поговорить. Не трать порох, на шахте завтра об этом скажешь.

Оксана. Скажу, еще не так скажу! На шахте мне никто рта не закроет. (*Уходит.*)

Макар. Там был?

Артем. Был, отец.

Макар. Что сказали?

Артем. Первым гестаповцы посадили нашего Петра, а через день — весь комитет. Расстреляли их возле старой шахты, но среди расстрелянных Петра не было. Куда он исчез, никто не знает. Одно ясно — выдал их кто-то из местных. Но кто — неизвестно. Больше ничего не сказали.

Макар. Ничего?

Артем. Ничего.

Макар. Всех наградили посмертно, а нашего Петра — нет.

Артем. Если бы он был вместе со всеми...

Макар. Все равно несправедливо. Его убили где-то в другом месте.

Артем. Взяли на расстрел Петра со всем комитетом.

Макар. Так что же это может быть?

Артем. Не знаю. Пройдет время — когда-нибудь выяснится.

Макар. Мучит меня: не знаю, как Петр стоял перед смертью.

Артем. Я верю, Петр...

Макар. Я верю, но иногда такое в голове начинает мерещиться... Скажи, сын, твердо решил в армии остаться?

Артем. Твердо. Вы ведь сами когда-то были в армии командиром и знаете, как можно полюбить военное дело.

Макар. Да. Скажу я тебе правду: я тоже когда-то думал навсегда остаться в Красной Армии.

Артем. Почему же не остались?

Макар. Почему? Партия сказала нам: «Вы, шахтеры, навеки хозяева своих шахт, поднимайте шахты, уголь нужен нам, как победа над белыми...» И я вернулся. Мы тогда впервые зажгли звезду над нашей шахтой. Видишь, вон она, наша звезда горит?

В глубине сцены зажглась звезда.

Артем. Вижу, отец... Вижу. (*Поцеловал его.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Большая комната. На стенах — пейзажи Донбасса, портреты Ольги и Павла. Стулья и кресла в белых чехлах. Возле дивана столик, на нем несколько пузырьков с лекарствами, графин, папиросы, пепельница, телефон. На диване лежит Павел. На столике у стены — макет шахты.

Павел (*говорит по телефону*). Лежу, Сергей Сергеевич, уже шестой день лежу. Так осточертело! Да что врачи, когда сердце сдало. Этот месяц для меня был просто сумасшедшим. А? Кисловодск? Еду. Путевку получил. Вечером еду... Да, читал сегодня, как же. Опередил ты нас всех, опередил. От души поздравляю. Я вылез, вылез. Начинаю план давать... Спасибо. За тобой не уговариваюсь... Что? Макар Иванович... Да он со своими стариками из шахты не вылезает. Хлопот с ними много. Да, въедливые старики... Ольга не едет, у нее съезд врачей. Спасибо, передам. Будь здоров. (*Положил трубку*.)

Входит домработница Стеша.

Стеша. Пришел завстоловой Филипп Семененко. Спрашивает, можно ли войти.

Павел. Пусть войдет. Принеси воды, я лекарство приму.

Стеша. Хорошо. (*Взяла графин, вышла*.)

Входит Филипп Семененко, на лысине у него пластири. Вносит ящик.

Филипп. Как ваше драгоценнейшее, Павел Софронович?

Павел. Что?

Филипп. Здоровьечко.

Павел. Ты ведь сегодня уже спрашивал меня. Что притащил?

Филипп. В дальний путь, в дорогу.

Павел. Что там?

Филипп. Что у нас можно достать? Трафарет, трафарет!..

Павел. А все-таки?

Филипп. Колбаса, семга, икорка. Трафарет! Весь город обыскал, а такой натуральной мелочи, как коньяк пять звездочек, нет.

Павел. На кой он мне черт! Я его терпеть не могу. И вообще мне запрещено.

Филипп. Сердце, сердце...

Павел. Ну, положи там, на всякий случай, литр водки. Может, кто-нибудь в дороге в купе зайдет...

Филипп. Есть, есть. Так хотел достать коньяк! Все-таки будете ехать в международном, а там всегда один, а то и два министра, три-четыре генерала... Слово за слово, не с водки же начинать записывать пульку с такими людьми.

Павел. Я с министрами встречался. Пьют водку так же, как и мы. Вот что, ты бы красного перцу...

Филипп. Только подумали, а мы — вот. (*Достает из ящика бутылку, в которой стручок красного перца.*)

Входит Стеша, ставит графин с водой. Вышла.

Павел (*взял бутылочку с лекарством*). Нужно лекарство принять, налей в стопку воды.

Филипп (*взял стопку*). Павел Софронович... Павел Софронович...

Павел. Что с тобой?

Филипп. Карайте, но не могу исполнить вашей просьбы. В такую святую посуду — лить простую воду. Разрешите?..

Павел. Врачи запретили. Нельзя.

Филипп (*прячет в ящик водку*). Сердце... сердце!.. (*Наливает воду.*) Жаль.

Павел (*принял лекарство*). Что нового?

Филипп. Вчера слушал по радио «Голос Америки». Серьезные дела творятся в мире, Павел Софронович. И какие опасные! Мы здесь все «добыча, добыча!..», а как послушаешь...

Павел. А зачем ты их слушаешь? Врут, дураков ищут... Или, может, ты в дураки записался?

Филипп. Врут, очень врут. Но для кругозора послушать интересно. Что ни говорите, а живем мы — день ото дня не отключишь. Добыча, добыча... Трафарет!

Павел. Трафарет, говоришь?

Филипп. Трафарет.

Павел. А вчера, Семененко?

Филипп. Что?

Павел. Моя теща, Оксана Андреевна, говорят...

Филипп. Правда, правда.

Павел. Как это случилось?

Филипп. Зашел я в столовую — порядок, шахтеры обедают, только в углу ваша теща что-то громко говорит. Я подошел. А она: «Вот кто таким борщом кормит шахтеров». Я, помня, что Оксана Андреевна ваша теща, ответил ей вежливо: «Не нравится вам наш шахтерский борщ — готовьте дома». Ну что здесь такого я сказал?

Павел (*сдерживая смех*). А она?

Филипп. Тарелкой меня по голове — раз, тарелка вдребезги. Видите? (*Показал на голову.*)

Павел. Ну а шахтеры что?

Филипп. Не дали мне и слова сказать. Я — жертва наших трудностей. Жертва!

Павел. Трудности трудностями, а жалоб на тебя много. Почему у соседей прилично кормят? Почему ты сидишь? Поехал бы в колхоз — с неба продукты не упадут. Я тебя предупреждаю: душу вытрясу. Надоело мне жалобы слушать.

Филипп. Не волнуйтесь. Сердце... сердце берегите.

Павел. Ты бы хоть раз в шахту спустился и посмотрел, как работает шахтер.

Филипп. В лепешку расшибусь, все, что в моих силах, сделаю.

Павел. Предупреждаю в последний раз: еще одна жалоба — и выгоню.

Звонит телефон.

(*Берет трубку.*) Слушаю. Когда? А хотя бы и сейчас. Заходите. (*Положил трубку.*) Макар Иванович со своей гвардией. Надо пиджак надеть. (*Встает, идет в другую комнату. Говорит оттуда.*) Как с билетом на поезд?

Филипп. Будет, через час обещали выдать.

Вошел Павел.

Разрешите на вокзал?..

Павел. Сколько стоит билет?

Филипп. Сто двадцать.

Павел. Получай. (*Дает деньги.*) А это? (*Показывает на ящик.*)

Филипп. Пустяки. Не беспокойтесь. Это наше дело.
Павел. Как?

Филипп. Денежки вам на курорте понадобятся. Лечение, лечение... Куда ни повернешься — шашлычок, кахетинское... Не беспокойтесь. Проведу по столовой. Это уж мое дело. Трафарет!

Павел. Скажи, сколько все это стоит, чтобы я знал, за что мне благодарить тебя.

Филипп. Что вы, для вас я на все готов!.. Пустяки. Ящичек этот семьсот пятьдесят рублей. Не беспокойтесь — проведем...

Павел. Вот что. (*Отсчитывает деньги.*) Получай семьсот пятьдесят рублей и завтра сдавай дела. Понял?.. (*Дал деньги.*)

Филипп. Павел Софронович, да вы... да я... я пошутил.

Павел. Убирайся, гад, прочь!..

Филипп выбежал. Входит Стеша.

Стеша. Рыжий Кондрат пришел.

Павел. Проси.

Стеша вышла. Входит Кондрат.

Кондрат. Здравствуйте, Павел Софронович.

Павел. Здорово, Кондрат Карпович, садись. Отдыхаешь сегодня?

Кондрат. Отдыхаю.

Павел. Ну и костюм же у тебя. Да, хорош! Ты в нем просто как жених. Не влюбился ли?

Кондрат. Нет.

Павел. Что-то не верится.

Кондрат. Любить можно только раз, Павел Софронович.

Павел. Ну, это неверно. Жена умерла, чего ж тебе ходить одному?

Кондрат. Я привык, давно один хожу... Какой красивый портрет!

Павел. Это Ольга месяц назад фотографировалась в Киеве. Что, постарела Оля, правда?..

Кондрат. Нет, такая же, как и была...

Павел. Ну, это у тебя, видно, зрение неважное...
А знаешь, для чего я тебя вызвал?

Кондрат. Нет.

Павел. Вспомнил я, что ты когда-то неплохо играл на баяне и пел.

Кондрат. Был такой грех. (*Улыбнулся.*)

Павел. Принесли мне один баян. Продают. Я хочу, чтобы ты посмотрел, стоит ли его купить. (*Идет в другую комнату и выносит баян, подает Кондрату.*)

Кондрат осмотрел, пробует.

Как?

Кондрат. Хороший, очень хороший. Новый...

Павел. Стоит покупать?

Кондрат. Если бы мне такой случай подвернулся, купил бы сразу. Сколько просят?

Павел. Не в деньгах дело.

Кондрат. Повезло вам, повезло: такой инструмент случился. (*Играет.*) Как звучит!

Павел. Рад, что тебе нравится.

Кондрат. Может, не сторгуешься, так...

Павел. Ты бы взял?

Кондрат. И глазом не моргнул бы.

Павел. Так бери.

Кондрат. Как?

Павел. Для тебя купил. Премия тебе за этот месяц.
Хорошо уголь рубал. Дай руку.

Кондрат. Павел Софронович, я...

Павел (*перебивает*). Играй, говорить ничего не нужно. Вывез ты нас, вывез.

Кондрат. Это ж не я, а Макар Иванович, бригадир наш, так дело организовал.

Павел. Макару Ивановичу я вынес благодарность по приказу.

Кондрат. Спасибо, спасибо! Хочу тебе, Павел Софронович, открыть одну свою мечту.

Павел. Какую?

Кондрат. Думаю выполнить свой пятилетний план за полтора года. Макар Иванович обещал так организовать работу в нашей бригаде, чтоб моя мечта сбылась.

Павел. Хочешь рекорд дать?

Кондрат. План хочу дать. Завтра на партийном собрании дам слово коммуниста.

Павел. Что ж, давай руку, это хорошее дело.

Кондрат. Не подведу, Павел Софронович.

Павел. Верю. (*Пауза.*) Смотрю я на тебя, Кондрат, и вспоминаю нашу молодость. Помнишь, как мы коногонами работали, а? В старых шахтах, без машин, шахтеры обушком долбят... А какие были шахтеры!.. Богатыри! Богатыри!.. Ваську Громова и его друга Зубцова помнишь?

Кондрат. Таких не забудешь.

Павел. Гуляют день, гуляют два, а потом как рванут, только успевай возить.

Кондрат. И лошадка же у вас была — Орлик...

Павел. Орлик, Орлик.

Кондрат. Летали же вы на ней!..

Павел. Бешено ездил. Это правда. Дни молодости... Не забыл, Кондрат? (*Начинает петь.*)

Кондрат тихо играет и тоже поет.

Павел умолк, слушает, как Кондрат играет и поет песню про коногона.

Кондрат.

Вот лошадь мчится по продольной,

По темной, узкой и сырой,

А коногона молодого

Предупреждает тормозной:

— Ах, тише, тише, ради бога!

Здесь ведь и так большой уклон.

На повороте путь разрушен,

С толчка забурится вагон. —

И вдруг вагончик забурился,

Беднягу к нарам он прижал.

И к коногону молодому

Друзей на помощь кто-то звал.

Через минуту над вагоном

Уже стоял народ толпой,

А коногона к шахтной клети

Несли с разбитой головой.

Прощай навеки, коренная,

Мне не увидеться с тобой.

Прощай, Маруся ламповая,

И ты, товарищ столовой.

Кондрат закончил песню. Большая пауза.

Что с тобой, Павел?

Павел. Сердце немногого... нервы разошлись...

Кондрат. Беречься нужно.

Павел. Пройдет. (*Вынул из ящика бутылку, закуску, наливает Кондрату стопку водки.*) Бери, Кондрат. За нашу молодость.

Кондрат. А ты?

Павел. Нельзя мне, сердце. Ну, по такому случаю, пожалуй, немногого. (*Берет стопку, наливает.*) Будь здоров, дружище!

Выпили, закусывают.

А ты знаешь, легче стало. Легче. Давай поговорим. (*Наливает.*)

Кондрат. Твоё здоровье.

Пьют.

Павел. Определенно легче.

Закуривают.

Эх, Кондрат, ты, дружище, представить не можешь, как бы я хотел быть сейчас на твоем месте. Бросить все, пойти в забой...

Кондрат. Что ты, Павел, столько учился!

Павел. Учился... Но как мы тогда учились! Окончить не дали, а теперь доучиваться поздно. Да и понял я: одной наукой не возьмешь. Есть у нас такие инженеры, нормально учились, а чего они стоят? Ни характера, ни силы. Поверишь, никто не знает... Бывает так... Трудно мне сейчас. Очень трудно. За всех работаю и отвечаю один за всех.

Кондрат. Самое тяжелое уже позади. Начали план давать, становимся на ноги.

Павел. Только начали, не успели вылезть, а сегодня уже сообщили — план нам увеличивается.

Кондрат. Увеличили?

Павел. И насколько увеличили! Вот почитай. (*Подает бумажку.*)

Кондрат прочитал, улыбнулся.

Чего ты улыбаешься?

Кондрат. Не дают дремать, не дают. Вперед — и все.

Павел. А с кем вперед? С кем идти? Если бы у меня таких, как ты, хотя бы десяток был.

Кондрат. Так работать, как я, у нас могут почти все. Прости, Павел, нет у нас порядка. Штурмуем, шахту гробим.

Павел. А почему это так?

Кондрат. Тебе виднее.

Павел. Э, нет, начал, так говори прямо.

Кондрат. Нет хозяйствской руки, администрация виновата.

Павел. Это значит — в первую очередь я?

Кондрат. Так выходит.

Павел. А шахтеры? Шахтеры святые? Ни в чем не виноваты?

Кондрат молчит.

Чего умолк?..

Кондрат. Думаю.

Павел. О чём же ты думаешь?

Кондрат. Думаю, на рабочих вину сваливает только тот, кто не руководит делом как нужно.

Павел. Кем же на «Звезде» руководить? Разве у нас рабочие, шахтеры? Где ты их видел? Настоящих шахтеров по пальцам можно перечесть, а то все...

Кондрат. Что?

Павел. В Донбасс теперь понесяхали только те, кто нигде не мог устроиться. Какая с них работа? А завербованные сельские девушки да парни только и думают, как бы домой возвратиться. Ты что, с неба упал?

Кондрат. Никогда на небо не забирался. Мое дело — под землей, но считаю: таких шахтеров, как сейчас, у нас еще никогда не было. На «Звезде» все грамотные, сельские девушки и парни по семь классов имеют... Нужно только организовать их как следует.

Павел. Грамотные, а добыча где? Чего молчишь? Я спрашиваю: где добыча, черт возьми! Молчишь?! (*Ударил кулаком по столу.*)

Кондрат. Не кричи, я не из пугливых.

Павел. Я не о тебе, ты не в счет. Пойми, надоело мне выговоры получать, надоело, к черту! Я теперь так на всех наожму, что масло потечет. Хватит разговоров, довольно! (*Пауза.*) Чего молчишь?

Кондрат. Думаю.

Павел. Ты не крути, отвечай.

Кондрат. Не поймешь.

Павел. Не пойму?

Кондрат. Да.

Павел. Шибко грамотными все вы стали для себя, а уголь пусть начальник шахты дает? Не выйдет!

Звонок телефона.

(Повернулся, взял трубку.) Ну... Да не спеши. Так. А где я тебе, из кармана лес возьму? Что?.. Да не болтай. Выкрутишься, выкрутишься...

Кондрат незаметно вышел.

Утром лес будет, обещали. Без паники. Я знать ничего не хочу. Кто виноват? Не твоего носа дело. (Положил трубку, обернулся, увидел, что Кондрата нет, крикнул.) Стеша!

Входит Стеша.

Стеша. Что, Павел Софронович?

Павел. А Кондрат где?..

Стеша. Ушел.

Павел. Иди.

Стеша вышла.

(Взял баин, наигрывает, бросил его на диван.)

Входит Стеша.

Вернулся?

Стеша. Нет. Пришел Макар Иванович и с ним три деда. Поговорите с ними па кухне, а то они только из шахты вылезли...

Павел. Шахтеров принимать на кухне?!. Зови их сюда! (Открыл дверь.) Прошу, входите, входите!

Стеша выходит. Входит Макар Иванович, с ним старые шахтеры Орлов, Зинченко, Хмара.

Шахтеры. Здорово, Павел Софронович.

Павел. Здравствуйте. (Подает руку.)

Макар. Как здоровье?

Павел. Неважно. Садитесь.

Орлов. Мы только из шахты. Спешили, ведь вы едете.

Х м а р а. Мы постоим.

М а к а р. Ничего, ребята постоят.

П а в е л. Садись, шахтеры, садись, иначе разговаривать не буду.

М а к а р. Садись, ребята.

Все сели.

П а в е л. Курите. (*Угощает всех, закурили.*) Ну, Макар Иванович, начинай, я слушаю.

Макар встал.

Да сиди.

М а к а р. Мне так удобнее. (*Достает очки, записную книжку.*)

Шахтеры делают то же.

Мы задумали большое дело...

П а в е л. Выкладывайте, что еще за Америку открыли?

М а к а р. Америку открывать мы не собираемся. Да и стоит ли нынче Америку открывать?.. Разреши Никифору Петровичу Орлову дать слово.

Орлов (*посмотрел в книжечку*). Меня послал Макар Иванович на шахту Чигари, чтобы я присмотрелся и в точности понял, как работает забойщик Евгений Никитич Пастухов. Приехал я к нему и говорю: «Евгений Никитич, слышали мы о вас и приняли решение познакомиться. Привет вам сердечный от всех шахтеров нашей «Звезды»... Привет также вашей жене...»

М а к а р. Вы, молодой человек, к делу ближе.

Орлов. Слушаю, Макар Иванович. Три дня я провел с Евгением Никитичем. Тридцать три года я проработал на шахтах, но такого не видел. Евгений Никитич использовал давление породы на пласт угля. Давление миллионов тонн. Природу Евгений Никитич заставил работать на пятилетку. За полтора года выполнил пятилетнее задание. Здесь у меня про метод Евгения Никитича исписана целая книжечка.

М а к а р. Садитесь, Никифор Петрович, садитесь. Иван Иванович Хмара.

Х м а р а. Я коротко. Макар Иванович послал меня к молодому забойщику Пантелейю Дмитриевичу Рындуну. Шахта номер девять имени Артема. Передал я ему привет от всех наших. Поначалу мы выпили, кажись, литр,

хотя нет, нас было пятеро: Рындин, его ученики, люди молодые, веселые, грамотные, по-настоящему грамотные. О деле говорят так, что не только нам, старикам, но и многим инженерам у них поучиться можно.

Макар. Это неважно. Рассказывай, хлопче, о деле.

Хмара. Я коротко. Выпили мы прилично, даже хорошо, а на другой день пошел я с Пантелеем Дмитриевичем в шахту. В чем метод Рындина?

Павел. Я слышал о его методе.

Хмара. Тогда я коротко. Рындин за одну смену при мне сделал полный цикл по всей лаве и вырубил сто двадцать шесть тонн, при норме восемь и две десятых. Все у меня здесь описано.

Макар. Вот если бы все так работали, то мы бы через несколько лет в коммунизме были.

Павел. Коммунизм — это после нас, а нам бы план выдержать. Только вылезли. Удержаться — вот что главное сейчас.

Макар. Не согласен. Коммунизм — это дело нашего поколения, нашего. Ты не улыбайся. Мы — старики, а думаем жить еще не меньше пятнадцати, а то и двадцати лет. Так, Хмара?

Хмара. Обязательно проживем! А если некое «лекарство» станет подешевле, то я лично ручаюсь за двадцать пять. Нужно, чтобы все учились у наших знаменных передовиков и не отставали от них.

Макар. Так вот, Павел, возьмись за это твердой рукой, а мои ребята помогут.

Зинченко. Мы готовы не вылезать из шахты.

Павел. Что же вы предлагаете?

Макар. Надо учить молодежь.

Хмара. Чтобы все как один грамотно брали уголь.

Павел. Нам план, уголь давать надо. Что у меня, академия?

Макар. Нужно учить и работать.

Павел. Ну, если вы все так понимаете, а я, сумасшедший, ни черта не смыслю, то, пожалуйста, садитесь на мое место и командуйте. Кто из вас желает? Прошу.

Макар. Ты, Павел, не обижайся.

Павел. Я ничего не смыслю...

Макар. Ты понимаешь, и хорошо понимаешь, но не делаешь того, что можешь сделать. А мы тебя заставим поворачиваться так, как нужно. Заставим.

Павел. Кто это — мы?

Макар. Коммунисты шахты.

Павел. Всё? Будьте здоровы.

Хмара. Сегодня на партбюро все выложим.

Макар. Подумай.

Павел. Подумаю.

Зинченко. У Тараса Шевченко есть хорошие слова:
«Думи мої, думи мої, лихомені з вами...»

Шахтеры ушли. Входит Стеша.

Стеша. Какие рубахи вам положить в дорогу?

Павел. Что? (*Сел за стол, просматривает бумаги, пишет.*)

Стеша. Какие рубахи положить? Скоро поезд.

Входит Ольга.

Хорошо, что вы пришли, Ольга Макаровна. Какие рубахи положить в дорогу?

Ольга. Идите, Стеша, я сама положу.

Стеша (*тихо, Ольге*). Видите (*показывает на стулья*), шахтеры были...

Ольга. Ничего. Идите.

Стеша уходит.

Прости, Павел, никак не могла раньше вырваться.

Павел. Почему? У тебя ведь перерыв на съезде, кажется, с четырех, а сейчас уже шесть.

Ольга. Да, но группа хирургов захотела осмотреть мою поликлинику. Я им показывала... Ты едешь, тебя нужно в дорогу собрать. (*Открыла ящик, вынула рубахи.*) Вот, Стеша всегда забывает пуговицы пришить. (*Берет иголку, пуговицу.*) Сколько вопросов мне задали! Никогда у меня не было такого экзамена. А потом... нет, не скажу... Вот, это для тебя принесла. (*Подает журнал.*)

Павел. Что это?

Ольга. Журнал поликлиники. Прочитай, что написал профессор Торченко. Если бы ты его видел! Сердитый дед. Вот здесь читай, как он оценивает нашу работу. (*Показала, снова взяла рубаху, пришивая пуговицу.*)

Павел молча читает.

Будет ли еще в моей жизни такой праздник? Ой, нет...
(*Закрыла глаза.*)

Павел (*бросил на стол журнал*). Хорошо написал профессор. Хорошо!.. Поздравляю, Оля. У меня скоро партбюро, а там и поезд. Собирай чемодан. Ольга, ты что, уснула? Чемодан собирай.

Ольга. Нет, я не сплю.

Павел. Чего ж глаза закрыла?..

Ольга. Так. Ты что-то сказал?

Павел. Что с тобой?..

Ольга. Я сейчас. Сейчас соберу тебе все в дорогу. Ты хочешь что-то сказать?

Павел. Не забудь положить мне домашние туфли.

Ольга. Хорошо, положу. Еще что?

Павел. Смотри сама, на месяц еду. Надеюсь, ты проводишь меня?

Ольга. К сожалению, не могу. На вечернем заседании мой доклад стоит первым.

Павел. Скажи, чтобы перенесли на завтра.

Ольга. Это неудобно, да и нельзя.

Павел. Выходит... Ну, как знаешь. Просить не буду. Меня друзья проводят.

Ольга. А разве они с тобой не едут?

Павел. Кто?

Ольга. Твои друзья.

Павел. Нет.

Ольга. Жаль.

Павел. Почему?

Ольга. Ты так к ним привык, почти каждый вечер после работы с ними.

Павел. А с кем же мне быть? Что они, плохие люди?

Ольга. Я этого не говорю, но уж больно веселые.

Павел. Лучше с веселыми потерять, чем со скучными найти.

Ольга (*укладывает вещи в чемодан*). Этот галстук тоже положить?

Павел. Положи.

Ольга. Я хотела, чтобы ты просмотрел мой доклад. Только две последние главы.

Павел. Я в медицине не разбираюсь.

Ольга. Там идет речь о твоей шахте.

Павел. О «Звезде»?..

Ольга. Да.

Павел. Ты что же, ее лечить собираешься? (*Улыбнулся.*)

Ольга. Прочитай, Павел, хотя бы эту главу.

Павел. Некогда мне, готовлюсь, у меня партбюро.

Ольга. Я тебя прошу.

Павел. Расскажи коротко, что там.

Ольга. Коротко... Ну хорошо. (*Раскрыла доклад.*)

Я показываю, что на шахте «Глубокой» почти нет несчастных случаев. Почему? Там высокая социалистическая культура труда уничтожила их. Процент травмированных на «Глубокой» очень низкий.

Павел. А что же о «Звезде» говоришь?

Ольга. Павел, мне трудно было найти другую такую шахту, как твоя. Ты пойми меня правильно. Перед наукой... надо быть честным...

Павел. Говори, говори...

Ольга. За этот год у тебя техника использовалась плохо. Рывки, штурмы дали такие цифры. Травматизм серьезный. Вот как идет кривая. Моя поликлиника зарегистрировала на протяжении года...

Павел. Для чего ты это делаешь?

Ольга. Для того, чтобы показать, что там, где механизмы работают как следует, исчезает самое большое зло в горном деле — травматизм,увечье, инвалидность. У тебя же, Павел...

Павел. Довольно. (*Ходит по комнате.*)

Ольга. Я с тобой, Павел, об этом не раз говорила. Я понимаю, тебе трудно, но... Если бы ты знал, что мне приходится выслушивать от рабочих в твой адрес, когда я им оказываю помощь!

Павел. Ты знаешь, что значит сегодня дать уголь государству? Это бой, это фронт.

Ольга. Знаю.

Павел. А в бою все остаются целы?

Ольга. В шахте все должны быть целыми и здоровыми. За здоровье шахтеров отвечаешь ты.

Павел. На кой черт вы тогда нужны?

Ольга. Чтобы не только помогать тем, кто страдает от твоей беззаботности...

Павел. Что?

Ольга. И отсталости.

Павел. Ну что ж, иди. Только ты думала над тем, как же нам дальше жить?

Ольга. Думала, и больше тебя.
Павел. Что же ты решила?

Ольга молчит.

Говори.

Ольга. Не спеши, я скажу... Все скажу.

Павел. Чего же ты от меня хочешь?

Ольга. Теперь только одного. Отвечай за здоровье рабочего в шахте. Ты не имеешь права закрывать на это глаза. (*Показала на свой доклад.*) Тебе никто этого не простит. (*Надела плащ, берет журнал и доклад.*)

Павел. Идешь меня позорить, топтать в грязь.

Ольга. Моя профессиональная честь...

Павел. А моя честь — что для тебя?

Ольга. Я не могу молчать, не могу идти против своей совести. Не могу...

Павел. Что ж, иди. Твой отец на партбюро будет меня крыть, а ты — там. Здорово получается! Желаю вашей семействе успеха. Иди.

Ольга. Знаешь, Павел...

Павел. Что?

Ольга. Не надо нам жить вместе. Не надо, просто невозможно... (*Ушла.*)

Павел (*вслед*). Ольга! Оля... (*Опустился в кресло.*)

Стук в дверь. Павел не отвечает. Входят Гаврила и Трофим.

Гаврила. Простите, что мы к вам, Павел Софронович, пришли на квартиру. Нам сказали, что вы дома и сегодня едете...

Трофим. Мы решили зайти.

Павел молчит.

Гаврила. Я — Гаврила Гаврилович Братченко, а это мой напарник — Трофим Александрович Голуб. Мы с шахты «Глубокой».

Павел. Что вам нужно?

Гаврила. Решили перейти на вашу шахту.

Павел. Кто?

Гаврила. Мы.

Павел. Что вы там натворили?.. Почему удираете с «Глубокой»?

Трофим. Ничего не натворили.

Гаврила. И удирать не в нашем характере.

Павел. Не врите. Вы думаете, я вас не знаю?

Гаврила. Нас весь Донбасс знает.

Павел. Говорите правду.

Трофим. Мы и говорим. Гаврила и я пришли в райком комсомола и попросили, чтобы нам помогли перейти на «Звезду».

Павел. Для чего?

Гаврила. Показать у вас класс работы.

Павел. И Сергей Сергеевич отпустил?

Гаврила. Не хотел сначала, но секретарь райкома уговорил.

Павел. А вы знаете, что сейчас на «Звезде» не сможете зарабатывать столько, сколько на «Глубокой»?..

Трофим. Это еще увидим.

Гаврила. Нас сейчас не деньги интересуют.

Павел. А что же?

Гаврила. Картина...

Павел. Какая картина?

Трофим. Шахта ваша отстает.

Гаврила. Нужно, чтобы она не портила всю картину Донбасса.

Павел. Вы что же, художниками стали?

Гаврила. Мы и есть художники своего дела.

Павел. Что ж, хорошо. Спускайтесь завтра в шахту, рисуйте.

Гаврила. Нарисуем!..

Трофим. Мы никогда не подведем, товарищ начальник.

Гаврила. Вот наше заявление. Пошли. Передайте привет Ольге Макаровне.

Ушли. Входит Стеша.

Стеша. Семененко билет на поезд передал.

Павел взял билет, разорвал его и бросил.

Что вы, Павел Софонович?!

Павел. Никуда я не поеду, Стеша.

Занавес

Картина вторая

Место действия то же, что и в первом акте, только осень осыпала золотом сад. Из глубины сада слышна песня. Это поют Галя, Марфа, Гаврила и Трофим. С улицы входит Кондрат. Вид у него усталый. Подошел к окну, тихо позвал: «Анка, Анка!..» Ему никто не отвечает. Кондрат подошел к веранде, сел на ступеньку. Из дома выходит Ольга. Увидела Кондрата, подошла, села около него.

Ольга. Нет Анки?..

Кондрат. Нет.

Ольга. Найдется. Не может быть, чтоб она...

Кондрат. Третий день ищу. Где пи ходил, всех переспросил — никто ее не видел.

Ольга. А в старой шахте был?

Кондрат. Был. Прошел немного, но дальше идти не смог, может завалить. Боюсь я, она все книги о всяких путешествиях читала. Не прыгнула ли в поезд?

Ольга. Если даже так, то поездит еще два-три дня и вернется.

Кондрат. А если нет?

Ольга. Не может быть, чтобы Анка навсегда тебя оставила. Ты даже похудел за эти дни. Пойдем, я приготовлю тебе чего-нибудь поесть.

Кондрат. Спасибо, Оля, не хочется.

Ольга. Нельзя так, пойдем...

Кондрат (*встал*). Макар Иванович дома?

Ольга. Нет, куда-то ушел.

Кондрат. Сегодня ночью нам нужно в Москву ехать, как мне теперь быть?

Ольга. Зачем вас министр вызывает?

Кондрат. В телеграмме сказано: выехать мне и Макару Ивановичу. И все.

Ольга. Поезжай спокойно, не беспокойся. Анку разыщем, возьмем к себе.

Кондрат. По утрам заморозки уже начались...

Ольга. Да. А георгины еще держатся. Смотри, какие они пышные в этом году! (*Срывает несколько георгинов, идет в дом.*)

*Входят Макар Иванович, Хмара,
Орлов и Зинченко.*

Макар (*издали*). Кондрат!

Кондрат не отвечает.

Кондрат!

Кондрат. Что, Макар Иванович?

Макар. Анку разыскал?

Кондрат. Нет.

Макар. И где она бродит?

Кондрат. Не знаю. (*Ушел.*)

Макар. Сядем здесь — в комнате душно. Надо посоветоваться перед отъездом.

Все садятся на ступенях веранды.

Зинченко. Интересно, как вам придется докладывать министру: при людях или одному?

Макар. Раз вызывают меня и Кондрата, то, видно, немало съедется таких, как мы.

Орлов. И трудно вам будет, Макар Иванович. Дадут минут десять, что тогда? Пока прокашляешься, пока разойдешься...

Хара. А ему Кондрат своих десять отдаст, а за двадцать минут можно и накашляться и наговориться.

Макар. И за десять минут можно, коль есть что сказать, а если в голове туман, то и два часа не помогут.

Зинченко. Справедливо. Но столько у нас вопросов! Нужно хорошо использовать этот случай. Если добьетесь половины того, что мы вам подали...

Макар. Много понаписывали. (*Раскрывает папку.*) Меня мучает одно: для чего нас вызывают? В телеграмме — выехать на совещание, и все. А чего от нас ждут?

Зинченко. Послушать хотят, как работала наша «Звезда», как теперь работает и что нам нужно. Вот на последнее вы и налегайте.

Макар. Все это так, но представьте себе: вас всех вызвал наш министр на заседание. В зале полно народу. Съехались шахтеры, инженеры со всех концов Советского Союза. Министр встает. (*Встал.*) Что ж, товарищи, послушаем донбассовцев. Возражений нет? Нет. А ну, товарищ Орлов, вы на какой шахте работаете?

Орлов. На «Звезде», товарищ министр.

Макар. А как работает ваша шахта?

Орлов. План даем...

Макар. Это не доблесть, это наш священный долг.

Зинченко. Мы начали уже понемногу сверх плана добычу давать.

Макар. Понемногу... Чем вы хвалиетесь? У нас сотни шахт дают сверх плана, и не понемногу. Вы слыхали, что Пастухов, ваш донбассовец, выполнил за полтора года пятилетний план? Слыхали?..

Зинченко. Слыхали, товарищ министр.

Макар. А у вас что делается? Садитесь.

Хмара. У нас Кондрат Тополя по примеру Пастухова уже дает добычу за третий год пятилетки.

Макар. А не может ли вся «Звезда» идти так, как Пастухов и Тополя? Почему замолчали? Садитесь.

Зинченко (встал). Нет, товарищ министр, нет...

Макар. Отчего вы улыбаетесь, товарищ Зинченко? Вы толком скажите: почему не может?

Зинченко. Мы еще не подготовлены к такому темпу. Единицы могут, а вся шахта — нет.

Макар. А чем вам помочь, чтобы вы были подготовлены? (*Пауза.*) Не знаете? Садитесь, садитесь. Может, вы скажете, товарищ Хмара?

Хмара. Хотели б вас послушать. На то вы и министром назначены, чтобы не только спрашивать, но и давать дальние указания.

Шахтеры. Правильно, правильно...

Зинченко. Отчего вы улыбаетесь, товарищ министр? Вы толком скажите, что для этого нужно.

Входит Кондрат.

Макар. Попробую. Слышал я, что вы, старики, ездили по шахтам, к молодым шахтерам-передовикам, учиться у них, чтобы перенести их опыт на «Звезду». Было такое?

Хмара. Было.

Макар. Я обращаюсь ко всем и в первую очередь к вам, товарищи донбассовцы. Не пора ли вам создать опытные шахты?

Шахтеры. Как, как?

Макар. А вот так: чтобы не мы ездили учиться, а чтобы к нам ездили со всех сторон учиться самим передовым методам шахтерского труда.

Орлов аплодирует.

Я вижу, вы согласны, товарищи?

Х м а р а. Так нам министр не скажет.

М а к а р. Почему?

Х м а р а. Он будет крыть нас за добычу, и все.

М а к а р. Скажет, непременно скажет.

Входит Оксана, она ведет за руку Анку. За ней — Ольга.

Оксана. Кондрат!

Кондрат. Анка, Анка!..

Анка (бросилась к отцу). Папа, папа!..

Кондрат. Где вы ее нашли?

Оксана. В степи, около старой шахты, лежала без сознания.

Анка. Папа... папа...

Входят Галя, Марфа, Гаврила и Трофим.

Кондрат (обнял Анку). Где ты была, доченька? Кто одел тебя в эти лохмотья? (Снял с Анки рваный пиджак, кинул на траву.)

Ольга. Нужно сейчас же уложить ее в постель, потом все расскажет.

Анка. Нет... я скажу... а то снова засну. Может, не проснусь... Там, в старой шахте, глубоко-глубоко... лежит партизан... только одни кости... Около него лежал пиджак... Я взяла его... Заблудилась... Если бы мой начальник штаба, Володька, не был трусом, если бы он пошел со мной... Снова трещит... ой, как трещит кругом!.. Папа!.. (Обняла Кондрата.) Папа...

Ольга. Кондрат, неси ее к нам. (Пошла в дом.)

Кондрат уносит Анку в дом.

Макар поднял пиджак, осматривает его.

Х м а р а. Поищите, может, что в карманах есть.

Макар. Посмотрим. Здесь под подкладкой что-то есть. (Вытащил бумажку, надел очки, читает.) «Пишу кровью. Нас сегодня повезут на расстрел. На допросе честь Родины, честь партии сберегли. Нас выследил и донес в гестапо Филипп Семененко. Прощайте, товарищи шахтеры. Петр Дубрава». Сын... сын...

Оксана (тихо). Петр, сыночек мой, сын...

Макар (подошел к ней). Не плачь, не плачь... Петр сохранил нашу честь...

Оксана. Сын...

Макар. Не плачь... Хмара, Гаврила, приведите сюда Филиппа Семененко. Не говорите ему ничего... Пусть посмотрит нам в глаза.

Гаврила. Доставим.

Ушли.

Макар. Пойдем, Оксана, домой, пойдем.

Ушли в дом.

Галя. Как же оно так случилось?

Орлов. Гестаповцы расстреляли подпольный комитет, но среди расстрелянных сына Макара Ивановича не было. Видно, когда везли, Петр Макарович спрыгнул с машины и добежал до шахты.

Зинченко (*осматривает пиджак*). Сильно по нему стреляли. Вот одна, две, три пули прошли.

Входит Кондрат.

Что там?

Кондрат. Плачут Оксана, Ольга. Макар Иванович тоже не выдержал.

Орлов. Может, пойти к ним?

Кондрат. Не надо, не надо... Пусть семья... Пойдемте ко мне.

Все идут к Кондрату. Входит Макар, берет пиджак, смотрит на него.

Большая пауза.

Макар (*тихо*). Сын, сынок... (*Закрыл лицо пиджаком.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Декорация та же, что и в предыдущей картине. Оксана сидит на ступенях веранды, около нее лежат арбузы, она их вытирает. Входят Гаврила и Трофим.

Гаврила и Трофим. Здравствуйте, Оксана Андреевна.

Оксана. Здравствуйте, ребята.

Гаврила. Макар Иванович сегодня приезжает?

Оксана. Сегодня.

Трофим. Поездом?

Оксана. Поездом.

Гаврила. Московским, значит?

Оксана. Да. А девушки в саду спят, только с работы пришли.

Гаврила. И мы только вернулись. Переоделись и к вам.

Оксана. И вам спать надо.

Трофим. Не спится, Оксана Андреевна.

Оксана. И чего ж это вам не спится?

Гаврила. Это у нас (*вздохнул*) чисто нервное. Всякие мысли сон гонят.

Оксана. Ага, вижу... Приходите, когда Макар приедет, угощу арбузами.

Гаврила и Трофим. Спасибо.

Оксана ушла в дом.

Трофим. Пойдем, Гаврила. Девушки устали, пусть отдохнут.

Гаврила. Это верно. (*Подходит к саду.*)

Трофим. Куда же ты?

Гаврила. Спят девушки, ну что ж, пусть отдыхают.

Трофим. Давай, Гаврила, тихо споем.

Гаврила. Что ж, споем. Бери баян.

Трофим (*играет, тихо начал петь*).

Спят курганы темные,
Солнцем опаленные...

Гаврила (подтягивает).

Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

Из сада — голоса девушки, они поют:
«Девушки пригожие
Песней парня встретили,
Руку дружбы подали,
Повели с собой».

Гаврила и Трофим уходят в сад. Последний куплет поют вместе. Автомобильный гудок. Входит Павел.

Павел. Оля... Ольга!..

Входит Ольга.

Здравствуй, Ольга. Ко мне пришли два пакета на твоё имя. (*Передает пакеты.*)

Ольга. Спасибо.

Павел. Я еду встречать Макара Ивановича. Может, кто из вас поедет?

Ольга. Нет, спасибо, мы его встретим дома.

Павел. Ольга, у меня осталось немногих твоих книг. Сама зайдешь или их прислать тебе?

Ольга. Пришли, Павел.

Павел. Как ты живешь, Ольга?

Ольга. Работаю, начала писать диссертацию.

Павел. О чём пишешь?

Ольга. Травматизм в горном деле. Тема моего доклада на съезде.

Павел. И снова о «Звезде» вспоминаешь?

Ольга. Обязательно вспоминаю, только теперь в другом плане.

Павел. Это хорошо. Кончай быстрее, тогда, может быть, с меня снимут строгий выговор.

Ольга. И так снимут. Отец рассказывал, что у тебя на шахте хорошо дела пошли.

Павел. Ничего особенного не случилось.

Ольга. Как? У тебя за четыре месяца на шахте произошла целая революция.

Павел. Никакой революции. Сделали то, чего не делали раньше, начали работать как положено.

Ольга. Ты так тогда и не поехал в отпуск?

Павел. Нет, готовился к экзаменам. Хочу закончить хоть теперь горный институт. А то пройдет еще несколько лет, и будет поздно. Как ты на это смотришь?

Ольга. Скажу откровенно: не думала, что ты решишься сесть за парту.

Павел. Почему?

Ольга. Ты всегда считал, что понимаешь больше, нежели кто другой, в горном деле.

Павел. Я и теперь так думаю.

Ольга. Так зачем же ты едешь учиться?

Павел (улыбнулся). Чтоб и Макар Иванович меня признал.

Ольга. Только потому?..

Павел. Есть еще одна причина. Учеба молодость возвращает, не хочу стареть.

Ольга. Тебе еще далеко до старости.

Павел. Ты так думаешь?

Ольга. Уверена в этом. А потом, когда институт кончишь?

Павел. Снова на шахту, другой жизни у меня нет и быть не может. А какие у тебя планы?

Ольга. Диссертация.

Павел. Защишишь, а потом к старому профессору в Киев?

Ольга. У меня план — здесь организовать научно-исследовательский институт по травматизму.

Павел. А разрешат?

Ольга. Если заслужим, разрешат.

Павел. Большой план у тебя.

Ольга. Нелегкий. Много нужно сделать. Ну, прости, я должна идти: спешу в поликлинику, там меня ждут.

Павел. Спеши, если ждут тебя. Так принести тебе книги или зайдешь за ними?

Ольга. Принеси.

Павел. Когда, Оля? Я сегодня уезжаю.

Ольга. Сегодня?.. Ну пришли.

Ольга пошла в дом. Павел ушел. Входит Оксана, берет арбуз. Вбежала Анка. На ней длинный фартук.

Закрыла глаза руками, стонет, кричит: «У, черт!»

Оксана. Что с тобой, Анка?

Анка. У, бандит!

Оксана. Кто?

Анка. Я его терла, а он...

Оксана. Кого терла?

Анка. Храп. Ой, как болит!

Оксана. Открывай смело, открывай глаза. Ну вот так.

Анка. Папка очень хрен любит.

Оксана. Что это так горелым пахнет?

Анка. Ну?.. А, это у меня жаркое пригорело. Но ничего, папка даже любит, чтобы немножко с дымом было.

Оксана. Немножко! На весь двор слышно.

Анка. Ну? (*Нюхает воздух.*) Нет, нет, не очень слышно.

Оксана. Что же ты ему стряпаешь?

Анка. Борщ, потом хрен, потом жаркое, потом вареники. Только вареники у меня расклеились.

Оксана. Расклеились?

Анка. Да. Но ничего, я перемешала творог с тестом, попробовала, вкус тот же.

Оксана. Хотела тебе Оля помочь, — отказалась. Теперь небось жалеешь?

Анка. Нет. Папка должен знать, что у него уже есть хозяйка. Я и компот сварила, и рубашку ему выстирала.

Оксана. Хорошо встречаешь отца. Ты действительно хозяйка.

Анка. Да, я хозяйка теперь настоящая. Что, не верите? Пойдем, я вам покажу, как я убрала квартиру, цветы поставила. Пойдем...

Оксана. Я верю, верю...

Анка. А вы как встречаете Макара Ивановича?

Оксана. На закуску будет селедочка, грибки, винегрет.

Анка. Ого, а потом?

Оксана. Борщ, рыба жареная, котлеты, арбузы.

Анка. А много их у вас?

Оксана. Не так уж и много. Гости будут.

Анка. Я тоже хотела купить арбуз, папка очень любит.

Оксана. Чего ж не купила?

Анка. Поздно в лавку пошла — разобрали.

Оксана. Надо было пораньше встать.

Анка. Одолжите мне один, я вам завтра отдам.

Оксана. Ишь ты, завтра! Не могу, гости у нас.

Анка. А поезд скоро придет?

Оксана. Скоро.

Анка. Хоть бы не опоздал.

Оксана. Не опаздает. Рада, что приезжает отец?

Анка. Очень.

Оксана. Ну, если рада, то бери вон тот.

Анка. Вот этот, маленький?

Оксана. Нет, вон тот, большой.

Анка. Спасибо! (*Схватила арбуз, обнимает и целует Оксану.*)

Оксана. Иди, Анка, у тебя горит что-то...

Анка. Ничего, мы любим с дыром. (*Убежала.*)

Входит Ольга.

Оксана. Куда ты, Оленька?

Ольга. На минутку в поликлинику, а потом к больному на квартиру.

Оксана. Не опоздай, поезд скоро придет.

Ольга. Не опоздаю.

Оксана. Ты что ж на вокзал не захотела поехать?

Отцу приятно было бы... Выходит из вагона, а на перроне — дочь, да еще с цветочками.

Ольга. Я ему здесь цветы поднесу.

Оксана. А может, не поехала потому, что Павел встречает?

Ольга. Не надо, мама, не надо об этом. Я же вас просила.

Оксана (*после паузы*). Не спала ты и эту ночь. Вижу, тяжело тебе, Оленька. Может, ты бы все-таки...

Ольга. Мама, я вас прошу... Ну вот, зачем вы... (*Уходит.*)

Оксана идет в дом. Из сада выходят Гая и Гаврила, стояли под яблоней.

Гаврила. Кажется, никого нет.

Гая. Нет.

Из сада слышен баюн.

Гаврила. Слышишь, как Троша выводит? Только мы отошли, сразу в душу влезит. Ей веселая нужна, а он тоску разводит.

Гая. А ты не смеяся, Гаврила. У Троши такое сердце...

Гаврила. Какое?

Гая. Нежное. Он весь такой ласковый, сердечный... такой...

Гаврила. Ясно.

Галя. Гаврила... Ты сердишься?

Гаврила. Нет.

Галя. Какой ты...

Гаврила. Что?

Галя. Хороший.

Гаврила. Нет. Я не ласковый, не сердечный, не нежный...

Галя. Выходит, я про Трофима и слова хорошего не могу сказать при тебе?

Гаврила. Говори, говори сколько хочешь, но мне ясно...

Галя. Что тебе ясно? Эх ты, богатырь мой!.. Обними меня.

Гаврила. Зачем?

Галя. Поцеловать хочу. Ну...

Гаврила взял на руки Галю.

Ой, ой, задушишь, задушишь!..

Гаврила. Если ты еще раз мне такое о Трофиме будешь говорить, задушу...

Галя. Не буду, не буду, пусти...

Гаврила целует Галю.

Пусти! (*Вырвалась.*) Ну разве так можно? Ой, ребро сломал! Ой!..

Гаврила. А ну, которое? (*Идет к ней.*)

Галя. Нет, нет, целое.

Гаврила. Галя!

Галя. Что?

Гаврила. Когда же мы будем вместе?

Галя. Начал!..

Гаврила. Не могу я.

Галя. Скоро приезжает моя тетка из села — уви-дишь, какая у меня тетка.

Гаврила. А чего ее сюда несет?

Галя. Несет... За мной и за Марфой приезжает.

Гаврила. Как?

Галя. В этом месяце кончается наш договор на шахте.

Гаврила. И ты поедешь в село?

Галя. Посмотрю. Если тетка скажет ехать...

Гаврила. Считай свою тетку мертвой.

Галя. Как?

Гаврила. Я ее сотру в порошок, а тебя — под пиджак и унесу домой.

Галя. Но, но... Ты лучше мою тетку не трогай, она сильнее тебя.

Гаврила. Да я за тебя готов драться не только с твоими чертовыми тетками, но и с кем угодно. Целый полк разбросать могу.

Галя. Ну?

Гаврила. До смерти буду драться.

Галя. Будешь?

Гаврила. Буду. Знай, я не шучу.

Галя (*закрыла глаза, тихо*). Обними меня, обними...

Гаврила (*подходит*). Галя... (*Поднял ее*.)

В эту минуту входят Трофим и Марфа.

Трофим. Гаврила, Галя, пойдемте в кино.

Гаврила. Идите. (*Унес Галю в сад*.)

Марфа (*смотрит вслед*). Вот какой...

Трофим. Может, и мы не пойдем?

Марфа. Не люблю долго сидеть на одном месте.

Трофим. Так пойдем?

Марфа. Нет. Останемся здесь... Видел, как он ее унес в сад?

Трофим. Здоровый Гаврила, потому и носит ее.

Марфа. Эх и парень!.. Сила. А характер какой!..
Тебе бы, Троша, хоть немного его силы, характера...
(*Смотрит в сад, поет*.)

Трофим. Ясно.

Марфа (*повернулась*). Что ты, Троша?

Трофим. Ясно.

Марфа. Ты будто сердишься?

Трофим. Нет.

Марфа. Не смотри так, не смотри...

Трофим. Что ж, у меня нет такой силы, ростом не вышел, нет у меня такого характера, как у Гаврилы, нет у меня...

Марфа. Гаврила — друг твой. Неужели о нем и слова тебе нельзя сказать?

Трофим. Можно. Я разве что?.. Гаврила — мой друг... Говори что хочешь, говори, но мне все ясно...

Марфа. Да не смотри так, синеглазый мой! (*Обняла его*.) Троша...

Трофим. Ой, задушишь, задушишь!

Марфа. Задушу... У кого такие глаза, такое сердце...
Троша мой! (Целует его.) Пойдем в сад.

Взяла его за руку, и пошли в сад.

Слышно — остановилась машина. Голос Павла: «Возвращайтесь на вокзал за стариками, только быстро». Входят с чемоданами Макар, Кондрат, с ними Павел.

Макар. Так что тебе понравилось в моем выступлении?

Павел. Идея очень большая. Я когда прочитал в газете...

Кондрат (*перебивает*). В газетах сократили. Речь Макара Ивановича была на сорок минут.

Павел. В «Труде» широко подано.

Вбегает Анка.

Анка (*издали*). Папка, папка!..

Кондрат. Иду, Анка. (*Идет ей навстречу, целует.*)

Анка (*взяла чемодан*). Как же ты похудел! Но ничего, я такой обед готовила!.. На первое борщ, на второе... (*Уводит отца.*)

Макар. Поверишь, когда дали мне слово...

Входит Оксана.

Оксана. Павел, с кем это ты разговариваешь?

Макар. Ты что же, не узнаешь?

Оксана. Нет.

Павел. Макар Иванович. Не узнаете?

Оксана. Мой Макар, когда приезжает, сразу в дом идет. Знает, что жена его ждет.

Макар. Вот это правильно, признаю критику. (*Открывает чемодан, вынимает красивый большой платок. Подходит к Оксане.*) Как же ты, Оксанушка, без меня тут жила? (Целует ее, набросил платок на плечи.)

Оксана. Спасибо, Макар, спасибо. Но больше я тебя одного не пущу. Такие сны мне снились...

Макар. Ладно, ладно, вместе будем ездить.

Оксана. Павел, прошу отобедать у нас.

Павел. Спасибо.

Оксана ушла.

Макар. Пойдем, Павел.

Павел. Не могу, я еду сегодня. Надо собраться, скоро поезд, в восемь уходит.

Макар. Учиться?

Павел. Да.

Макар. Решил ехать?

Павел. Решил... Не хотел бы я так расставаться с вами, Макар Иванович. Вы понимаете, вспоминать не приятно. Но хочу вам сказать от всей души...

Макар. Не надо, Павел. Раз до сердца дошло, не надо. Одно запомни, простую штуку: жить у нас ото дня ко дню нельзя. Никак не выйдет. Если трудно, посмотри из будущего на сегодняшний день — тогда поймешь, почувствуешь. Тогда трудности — не трудности. Весело человек справляется с ними, потому — видит далеко. Берегись стены перед глазами.

Павел. Спасибо. Ну что ж, пойду. Скажите Ольге, если она сможет, пусть придет на вокзал. Поезд отходит в восемь. Очень хочу ее увидеть перед отъездом. Не забудете?

Макар. Скажу, обязательно скажу.

Павел. Прощайте, Макар Иванович.

Макар. Будь здоров. (*Подал руку.*) Э, братец, да ты, я вижу...

Павел. Ничего, это так. (*Уходит.*)

Макар. Стой. (*Подошел, обнял Павла.*) Теперь иди.

Павел. Спасибо. (*Ушел.*)

Макар смотрит ему вслед. Из сада слышны баян и песни.

Входит Анка в новом платье.

Анка. Дедушка, дедушка...

Макар. Что?

Анка. Идет мне это платье?

Макар. Кто идет?

Анка. Платье.

Макар. А... к лицу тебе, к лицу.

Анка. Это папка мне привез, а еще папа шляпу себе купил.

Макар подает Анке пионерский галстук.

Какой день сегодня хороший! Не было еще такого в моей жизни.

Макар. Ну?

Анка. Дедушка, дедушка...

Макар. Что?

Анка. Какой ты... (*Обняла Макара, поцеловала и убежала в сад.*)

Входят Орлов, Зинченко, Хмара, в руках у них маленькие букетики цветов.

Хмара. Заждались тебя, Макар Иванович.

Зинченко. Заждались.

Орлов. Мы читали в газетах. Здорово вы, Макар Иванович...

Макар. Не так уж здорово.

Орлов. Мы подсчитали: речь министра была всего на тридцать пять строк больше вашей.

Макар. Подсчитали? (*Смеется.*)

Шахтеры. В точности.

Появляется Кондрат.

Макар. Спроси у Кондрата.

Орлов. Кондрат, почему о тебе только упомянули, что выступал, а больше ни слова?

Кондрат. Не получилось у меня. На трибуну вышел, и такое со мной приключилось: рот открыл, языком шевелю, а голоса нет. Как ни нажимаю, ни звука.

Зинченко. Ну?

Макар. Кашлял Кондрат долго, но министр его выручил.

Кондрат. Выручил... лучше не вспоминать.

Зинченко. Нет уж, рассказывай все начистоту.

Кондрат. Кашляю я, а министр спрашивает: «Что, простудились?»

Хмара. А ты думал?.. На таком ответственном собрании и не то может статься.

Кондрат. Тогда он подошел ко мне, положил руку на плечо и говорит: «Расскажите просто о своей работе».

Зинченко. И ты?

Кондрат. Начал рассказывать, вот и все.

Макар раздает всем подарки. Кондрат ушел.

Макар. И будет теперь наша «Звезда» опытной шахтой.

Орлов. Утвердила Москва?

Макар. Да. В этом году начнем строить пятнадцать домов. Скоро приедут инженеры, даже один академик.

Входит Ольга.

Ольга. С приездом... (*Целуется с отцом и здоровается со всеми.*) Как съездилось?

Макар. Хорошо, Оля, очень хорошо. Что ж, пообедаем здесь, под яблоней. Как, Оля?

Ольга. Верно.

Макар. Скажи матери.

Ольга. Сейчас. (*Идет в дом.*)

Макар. Оля! (*Подошел к ней, тихо.*) Павел хотел тебя видеть. Он был здесь, но не застал тебя.

Ольга. Когда едет?

Макар. Сегодня в восемь. Просил тебя на вокзал прийти, если у тебя будет время.

Ольга. Не смогу.

Макар. Не сможешь?..

Ольга. Не то сказала, отец. Я не пойду. Не надо. Нет... нет. (*Ушла.*)

Макар возвращается. Слышен женский голос: «Есть ли кто дома?» Входит тетка Гали и Марфы — Мария Николаевна Смерека. У нее на плечах два больших мешка.

Мария. Добрый день, товарищи шахтеры. Кто из вас будет Макар Иванович Дубрава?

Макар. Я. Здравствуйте.

Мария (*подошла, сбросила мешки.*). Хоть и вспотела изрядно, но добралась. Я тетка Гали и Марфы. (*Подает руку.*) Звеньевая колхоза «Октябрь» Мария Николаевна Смерека.

Макар. Очень приятно нам видеть вас. Познакомьтесь, Мария Николаевна, это мои товарищи, шахтеры.

Все встали.

Мария. Что ж это вы все такие усатые? У нас парни вашего возраста бреются. (*Подает всем руку.*)

Хамара. Вероятно, у вас молодухи лютые.

Мария. Где там! Теперь мы все такие добрые, сладкие, как мед на спаса. А где ж Гая и Марфа? (*Крикнула.*) Гая, Марфа!

Голоса из сада: «Тетка, тетка приехала!..»

Услышали, а? Что значит — родной голос, сразу услышали.

Х м а р а. Да. Голосок у вас раскатистый.

М а р и я. А мы на поле привыкли.

Вбегают Галя, Марфа, за ними — Гаврила и Трофим.

Г а л я. Тетя, это вы?

М а р и я. Я, голубушка.

Целуются.

М а р ф а. Тетя!

М а р и я. Я, голубушка.

Целуются.

А это что за парни?

Г а л я. Это Гаврила. (*Берет его за руку.*) Познакомься.

М а р и я. Здоров, парень. (*Подает руку.*) Что ж это ты мне так руку жмешь, а ну давай... Давай сильнее... А теперь я попробую... Ну хватит. Путный парень!

Г а в р и л а. Хорошая тетка у тебя, Галя.

М а р ф а. А это Трофим. Только, тетя...

М а р и я. Не учи, сама вижу. (*Подала руку.*) А хорошенечкий какой!

М а р ф а. Тетя!..

М а к а р. Просим в комнаты. Устали в дороге?

М а р и я. Где там! В мягком ехала. Так спать было хорошо. (*Огляделась вокруг.*) Несите, Галя, Марфа, под ту яблоню скатерть, тарелки, а я мешки вытрушу. Здесь колбаса, сало, поросенок жареный, паляныци, пирожки — всего понемногу, что у нас произрастает. Прошу всех попробовать колхозной еды, она у нас без этих — как их... витамины, — без витаминов совсем, но мы не обижаемся. Прошу.

Х м а р а. А мы без них жить не можем. Где у вас витамин «пы» — поросенок?..

М а р и я. Здесь. Тащите мешки под яблоню.

Все идут под яблоню. Макар пошел в дом. Остались Гаврила и Трофим.

Т р о ф и м. А что, если эта тетка уговорит девушек вернуться домой?

Гаврила. Не выйдет.

Трофим. А если уговорит?

Гаврила. Пусть попробует. Я Галю под пиджак — и будьте здоровы, тетушка.

Трофим. А как же мне с Марфой быть?

Гаврила. Да, у тебя это не выйдет.

Трофим. А что, если мы при всех заявим, что любим и хотим...

Входят Макар, Оксана и Ольга.

Макар. Жена моя.

Мария. Здравствуйте, Оксана Андреевна. Писали мне девчата о вас, как о матери родной. Спасибо вам.

Оксана. И мы их полюбили, как родных.

Макар. Знакомьтесь — дочь моя.

Ольга. Нам много о вас рассказывали Галя и Марфа.

Мария. Ругали тетку или нет?

Оксана. Нет.

Мария. Пусть только попробуют, я им наведу дисциплину!

Трофим. Слышал? Ясно.

Гаврила. Еще не ясно.

Макар. Как урожай в этом году?

Мария. Хороший. Но не у всех одинаковый. В колхозе, как на шахте: если хорошо работаешь, то и добыча есть. Так, кажись, по-вашему?

Все идут к столу.

Макар. Кондрат, иди к нам. (*Марии.*) Выпьем за ваш приезд. За ваше здоровье, Мария Николаевна.

Мария. Спасибо. За ваше здоровье.

Орлов. Мария Николаевна, просим вас осмотреть нашу шахту.

Мария. Посмотрю, непременно посмотрю. Только сегодня же, а то завтра возвращаемся домой... Как там ждут тебя, Галя, и тебя, Марфа! Встретят всем колхозом.

Трофим. Гаврила!

Гаврила. А зачем им ехать в село?

Мария. Договор закончился, два года проработали. Как их там ждут!

Галя (*встала*). Выпьем за наше родное село.

Мария. Выпьем.

Входит Кондрат.

Г а л я. Какое оно красивое! В садах беленькие хаты, а тополя, куда только глазом ни глянешь, сторожат дороги. Шумят камышами речка... А ночи, ночи... до восхода солнца выгребаешь звезды веслом. Люблю я село. Люблю во всякую пору — даже когда тетка Мария сердито покрикивает: «Вставайте к машине, разоспались!..», а мы всего два часа как глаза закрыли. Нелегко мне было, когда пришла на шахту. Трудно было. В первый день я под землей заплакала. Пролетели два года, теперь я машинист электровоза. Сама не заметила, как полюбила труд шахтера. Скажите всем, тетя Мария: нет в мире такого большого и почетного труда, как наш, шахтерский труд. Поклонитесь от нас, тетя, родному селу, передайте всем, что мы... (*Остановилась от волнения.*)

Г а в р и л а (*растянув баян, начинает песню*).

Стоят терриконы, синеют просторы,
И солнце лучится из девичьих глаз.
В забои идут молодые шахтеры,
Трудом прославляя любимый Донбасс.

Ш а х т е р ы (*подхватывают песню*).

В забои идут молодые шахтеры,
Трудом прославляя любимый Донбасс.

М а р и я (*взволнованно*). И ты, Марфа, так решила?

М а р ф а. И я, тетя Мария. (*Обняла ее.*) Оставайтесь с нами. Не пожалеете. Жизнь шахтерская — что книга самая интересная, а может, и больше. Оставайтесь, мы вас здесь еще замуж выдадим.

Х м а р а. Это верно, кавалеры у нас — орлы.

Ш а х т е р ы. Орлы! (*Покручивают усы.*)

М а р ф а. Оставайтесь!

М а р и я. Что ты!.. Я никогда село не оставлю. Не ждала, не ждала... Построила для вас новый дом, сад посадила, думала — на старости лет детей ваших буду качать на руках.

Г а л я (*взяла Гаврилу за руку*). Тетя, благословите нас, мы любим друг друга.

М а р и я (*подошла*). Если дашь слово, что деток мне привезешь в село...

Г а в р и л а. Это можно.

М а р и я. Только смотри, Гаврила, за Галей: видишь, какая она у нас...

Гаврила. Не беспокойтесь, тетушка, благословляйте.

Мария целует Галю и Гаврилу.

Марфа. Троша, чего ты стоишь? (*Взяла его за руку, ведет к Марии.*) Благословите и нас, тетя.

Мария. А деток привезешь ко мне в село?

Марфа. Всех сдам, благословляйте.

Мария. Только смотри (*пауза*), смотри, Марфа, за ним: видишь, какой он сердечный!

Марфа. Не беспокойтесь.

Мария (*целует Марфу и Трофима*). Наливайте по полной, чтоб наша доля нас не чуралась.

Марфа. Макар Иванович, вы нам как отец родной. Скажите свое слово.

Макар. Скажу вам одно: любите друг друга, помните: семья — это большое счастье и радость. Но чтоб построить хорошую семью, мало одной только любви, нужна еще большая дружба.

Ольга. Если есть настоящая любовь — есть и дружба.

Макар. Нет, Оля. Видел я на своем веку не раз: и любят друг друга, а построить жизнь не могут. За семью бороться надо. Друг друга поддерживать. Если один поскользнется, не дать ему упасть. Лови у самой земли, но не дай упасть. Вот я много лет прожил с Оксаной Андреевной, и в молодости она меня раз выручила. И очень выручила. Был случай...

Оксана. Не раз, а два.

Макар. Правильно, два. Признаю.

Ольга встала, идет.

Все. Куда вы, Ольга Макаровна?

Ольга. Мне надо, я скоро вернусь. (*Уходит.*)

Макар (*посмотрел на часы*). Половина восьмого. На станцию. Успеет. (*Всем.*) Она скоро вернется. Так вот, друзья мои, что мне хочется сказать. Посмотрите кругом — выросли здесь новые шахты, и яблони, и дома. Вам, молодым, предстоит сделать еще больше, чем сделали наши руки. От всей души желаю вам счастья.

Хора разносит бокалы. Все поют «Терриконы».

Занавес

КАЛИНОВАЯ РОША

Комедия в четырех
действиях,
пяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ИВАН ПЕТРОВИЧ РОМАНЮК.
НАДЕЖДА — его дочь.
НАТАЛИЯ НИКИТИЧНА КОВШИК.
ВАСИЛИСА — ее дочь.
КАРЛ КОРНЕЕВИЧ ВЕТРОВОЙ.
СЕРГЕЙ ПАВЛОВИЧ БАТУРА.
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ВЕРБА.
АГА АЛЕКСАНДРОВНА ЩУКА.
АРХИП ГЕРАСИМОВИЧ
ВАКУЛЕНКО.
МАРТЫН ГАВРИЛОВИЧ КАНДЫБА.
МАКСИМ ЗОРЯ.
ПЕТР МОРОЗ.
ВАСИЛИЙ КРЫМ.
ЕКАТЕРИНА КРЫЛАТАЯ.
ОЛЬГА КОСАРЬ.
ОКСАНА ДАВЫДЮК.
ПЕЛАГЕЯ ТРУДЧЕНКО.
ВАРВАРА ПУРХАВКА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Новый, под черепицей, дом председателя колхоза Ивана Петровича Романюка. В саду возле дома сидят за столиком секретарь сельсовета Мартын Кандыба и заместитель председателя колхоза Архип Вакуленко.

Кандыба (*играет на гитаре, тихо поет*).

Гляжу на тебя я, гляжу,
И грусть на душе у меня.
Душа моя хочет...

Подбирает рифму.

Душа моя хочет... кричать.

Нет!

Душа моя хочет... рыдать.

О!

Вакуленко. А куда вы поедете, Мартын Гаврилович?

Кандыба. Поеду в столицу. (*Поет.*)

Гляжу на тебя я, гляжу,
И грусть на душе у меня...

Вакуленко. А откуда вы знаете, что у вас талант?

Кандыба. У меня сто двадцать писем из редакций газет и журналов.

Вакуленко. И что там пишут?

Кандыба. Все пишут, что у меня талант, но не хватает поэтической культуры. А где ее здесь взять, где? Я могу на любое слово стих или песню сложить.

Вакуленко. Неужели на любое слово можете сложить песню?

Кандыба. А вот загадайте слово.

Вакуленко. Ну, скажем, «свинья».

Кандыба. «Свинья»... Для песни это слово тяжеловато, но... (*Берег аккорд.*)

Входит Василиса.

Василиса. Добрый день.

Кандыба и Вакуленко. Добрый день, Василиса.

Василиса. Что это за новые порядки наш председатель заводит?

Вакуленко. Как новые?

Василиса. В воскресенье, да еще в такую рань, вызывает.

Кандыба. Видно, что-то случилось.

Василиса. Да что может случиться?

Кандыба. Директива, может, какая из района или из области.

Василиса. А где же председатель?

Вакуленко. Встает.

Через окно слышно, как стонет Романюк.

Василиса. Уж не заболел ли Иван Петрович?

Кандыба. Похоже на то.

Вакуленко. Как стонет, бедняга!

*Из дома через открытое окно доносится голос Романюка:
«Надя!.. Надежда!..»*

Голос Надежды. Что, отец?

Голос Романюка. Ой, голова разрывается... Дай мне, доченька, пираминду да запить его чем-нибудь...

Василиса. Лекарство просит. Это его что-то крепко взяло... Не воспаление ли легких?

Вакуленко. Тише...

Голос Романюка. Пойди в погреб, принеси жбан квасу побольше.

Вакуленко. Ясно.

Василиса. Что?

Вакуленко. На квас потяпнуло. Будет жить.

Из дома выходит Надежда. В руках у нее жбан.

Надежда. Доброе утро.

Все. Доброе утро.

Надежда. Отец сейчас выйдет.

Василиса. Заболел Иван Петрович?

Надежда. Да.

Василиса. А доктор был?

Кандыба. Какая температура?

Надежда. Ему не доктор нужен. Была бы мать жива, она бы ему сегодня температуру измерила... (*Ушла.*)

Вакуленко. И сердитая дочь у нашего председателя!

Василиса. Хорошая она.

Вакуленко. А что в ней хорошего? Учительница, а на родного отца при людях критику наводит, как малограмотная.

Василиса. Мартын Гаврилович, сложите песню, как один председатель взял себе дьячка в заместители, чтобы тот ему пел «многая лета».

Вакуленко. Я дьячком не был.

Василиса. И чего вы отзываетесь? Я не о вас говорю.

Из дома выходит Иван Петрович Романюк. Он в новом костюме, на пиджаке ордена Отечественной войны, «Знак Почета» и три медали. На голове фетровая шляпа.

Подходит. Все садятся.

Романюк. Не вижу председателя сельсовета.

Кандыба. Я пригласил, как вы велели.

Василиса. Мать скоро будет.

Романюк (*Василисе*). А ты чего без ордена? Непорядок! Правительство дало тебе орден, чтобы он всегда на твоей груди сиял, а не на костюме в шкафу висел. Непорядок!.. Садитесь.

Все сели.

Я вызвал вас, чтобы...

Входит Надежда, ставит перед отцом жбан с квасом и уходит в дом.

Простите, приму пираминдон. Сильно голова трещит. (*Открывает коробочку, берет таблетку.*) Одну принять или, может, сразу две?

Кандыба. Вам и три не повредят.

Вакуленко. Нельзя. Он очень на сердце действует. Одну...

Романюк. Так у меня же не сердце болит, а голова. Приму три. (*Принимает три таблетки и выпивает квас.*) Вчера вечером приехало к нам одно важное лицо, и говорил я с ним часов пять. И на очень высоком уровне. Видно, оттого и голова болит.

Кандыба. Кто же это приехал?

Романюк. А ну угадайте, какая столичная птица к нам залетела?

Вакуленко. Уполномоченный ЦК?

Романюк. Уполномоченные ездят, когда дела плохо идут, а у нас все в порядке. Уже третий год стоим твердо на ногах.

Василиса. Время бы и двинуться.

Романюк. Куда?

Василиса. На первую линию.

Романюк. А разве ты не на первой линии? Твое звено вся область знает.

Василиса. Я не о себе. Всем колхозом нужно выйти на линию передовых.

Вакуленко. Душа всегда хочет в рай, да грехи непускают.

Василиса. Тогда нужно исповедаться.

Вакуленко. А кто же у нас грехи отпустит, когда нет попа?

Василиса. Созывайте собрание колхоза,— мы вас так исповедуем, что лишь бы выдержали.

Вакуленко. Слышали, Иван Петрович?

Романюк. Слышу.

Вакуленко. Так чего же вы молчите?

Романюк. А ты на ус наматывай, когда Василиса говорит, и подтянись.

Вакуленко. Это не она говорит — это работа Карпа Ветрового. Я говорил вам, он на острове сложа руки не сидит, всех настраивает против меня. Снова хочет на мое место, а может, и на место председателя колхоза.

Василиса. И вредный же вы, товарищ Вакуленко!

Вакуленко. Слышали, Иван Петрович, слышали?..

Романюк. Что я тебе, глухой или мне позакладывало? Молчи!..

Вакуленко. Простите, но я требую...

Романюк. Молчи! Я вас вызвал не для дискуссии.

Кандыба. Кто же приехал?

Романюк. Сказал же я — угадайте. Что, у вас хвантазии нет?

Василиса. Из Министерства сельского хозяйства?

Романюк. Бери выше.

Кандыба. Из Совета Министров?

Романюк. Бери ниже.

Василиса. А может, митрополит?

Романюк. А чего ему сюда ехать, когда у нас, слава богу, церкви нет.

Василиса. И клуба нет. Хоть бы построили, а то зима придет...

Кандыба. Подождите, Василиса, кто же приехал?

Романюк. Вижу, нет в ваших головах хвантазии, не угадаете.

Кандыба. У меня-то столько фантазии, что голова пухнет.

Вакуленко. Так кто же?

Романюк. Приехал писатель, лауреат.

Вакуленко. Проездом?

Романюк. Нет. Тут будет жить. На все лето к нам, а может, и на больше. Прямо из Киева.

Василиса. С женой приехал?

Романюк. Не женат.

Василиса. А мне этой ночью снилось... Стою на краю села и вижу — идет человек, подходит ко мне, спрашивает: «Какое это село?», а я ответить не могу, гляжу ему в глаза, а они такие глубокие, такие глубокие, будто озера...

Романюк. В очках?

Василиса. Нет.

Романюк. Так это ж не он.

Кандыба. Как его фамилия?

Романюк. Сергей Павлович Батура.

Кандыба. Знаменитый писатель!

Василиса. Это его книга про матросов под Севастополем?

Кандыба. Его.

Василиса. Хорошая книга! В моем звене все прочитали.

Романюк. Выходит, все прочитали, только я один (*кашлянул*) не дочитал. Никак не соберусь поменять очки,— глаза болят.

Вакуленко. Да, это событие...

Романюк (*Кандыбе*). Мартын, ты, как секретарь сельсовета, после завтрака покажешь ему наше село. Ты, Василиса, тоже пойдешь. Проведите по главной улице, сверните возле Матрены Бабенковой направо...

Кандыба. А зачем сворачивать? Прямо поведу.

Романюк. Не надо прямо, слушай, что тебе говорят. Там же мостик разрушенный перед правлением колхоза. Да и само правление очень облупилось, нужно срочно побелить. Я дал команду — сегодня побелят, а завтра примем его в правлении.

Вакуленко. А мостик?

Романюк. На мостик чуть свет выйдут люди, чтобы видно было, как заботимся о дорогах. (*Кандыбе.*) Ты человек хорошо грамотный, начитанный, сам шкрябаешь песни,— смотри, голубчик, чтобы все было культурно.

Кандыба. Не беспокойтесь. Вот счастье! Наконец-то я прочту свои сочинения настоящему писателю.

Романюк. Я тебя, голубчик, хочу категорическим путем предупредить. Писатель приехал сюда работать, ему тишина нужна, понял? Тишина! А от твоих песен собаки воют.

Кандыба. Иван Петрович, я протестую. У меня есть ответы из редакций...

Романюк. Знаю, не горячись. Может, я и преувеличил, а только ты ко всякому свежему человеку как смола липнешь, а не все могут твой талант выдержать.

Кандыба. Хорошо, я не буду ему читать. Я только передам одну тетрадь, и вы увидите, кто такой Мартын Кандыба. (*Уходит.*)

Романюк. Куда ты?

Кандыба не отвечает.

Обиделся.

Вакуленко. Придет. Это он за своими сочинениями побежал.

Василиса. А где же гость?

Романюк. Пошел купаться. Приехал с другом, художником. Тот, правда, еще не лауреат, но, наверное, скоро будет.

Вакуленко. А про что он будет писать?

Романюк. Про нас, чтобы все знали, какие мы есть. А друг его будет портреты рисовать, чтобы все видели, какие у нас люди.

Вакуленко. Не по душе мне все это. Здесь что-то есть...

Романюк. Что?

Вакуленко. Почему именно про нас? Что мы — передовые?

Романюк. Да ведь и не отсталые. Не все же о Дубковецком, шполянцах да о Макаре Посмитном писать! И так они позанимали все центральные президиумы да все газеты своими портретами. Они, конечно, передовые, но мы, средние колхозы, есть основная сила. Пусть немного подвинутся.

Василиса. Надо и нам подвинуться. У них вон сколько героев, а у нас их нет.

Романюк. Потому они и герои, что мы не герои, а кабы мы стали героями, то тогда это слово не имело бы такого значения.

Василиса. А почему же вы неделю хворали, когда в прошлом году в соседнем колхозе председателю дали орден Ленина, а вам всего «Знак Почета»?

Романюк. Потому, что была проявлена ко мне высшая несправедливость. Все знают, что секретарь райкома нас недолюбливает...

Вакуленко. А ежели секретарь их сюда направил, чтобы лауреат нас описал, да еще в комедии?

Романюк. В комедии?.. (*Встал.*)

Встал и Вакуленко.

Не может этого быть!

Вакуленко. А кто его знает! И как начнут над нами смеяться по всей Украине, а может, и до Москвы докатится, да начнут на наши портреты смотреть и пальцами тыкать: вот он, Иван Петрович Романюк, во всей красе... (*Смотрит на Василису.*) Или вот...

Василиса. Вакуленко, который без рюмки и дня прожить не может.

Романюк. Тише, Василиса. Не может этого быть! Он человек почтенный, сурьезный, а не какой-нибудь сочинитель комедий. Садитесь. Я их вчера долго прощупывал...

Вакуленко. Оно и видно.

Романюк. Лауреат сразу подвыпил и говорит: «Я счастлив, что смогу па весь Союз прославить ваш колхоз». Прославить хочет! А художник, правда, молчал, но пил тоже хорошо. Потом только язык у него развязался. Встал и этак торжественно заявляет: «Прославим, Иван Петрович, чтобы не только теперь, а и потомки знали о вас». А я ему: «Дело не во мне,— прославляйте всех

колхозников...» Надо помочь гостям, чтобы встречались не с какими-нибудь брехунами, а с людьми достойными.

Из сада выходят писатель Сергей Павлович Батура и художник Николай Александрович Верба. Голова у Вербы повязана мокрым полотенцем.

Романюк. Вот они.

Вакуленко. Видно, и им лекарство с квасом принять надо.

Романюк. Тише.

Батура и Верба подошли.

Батура. Доброе утро.

Романюк. Знакомьтесь. Это — мой заместитель Архип Герасимович Вакуленко, а это — Василиса Ковщик, звеньевая, награжденная орденом Ленина.

Батура и Верба. Очень приятно.

Здороваются.

Василиса (*Вербе*). Это вы — писатель?

Верба. Нет. (*Показывает.*) Сергей Павлович Батура.

Батура. А друг мой — художник. Николай Александрович Верба.

Василиса. Садитесь.

Батура. Благодарю.

Все садятся.

Романюк. Я уже рассказывал им о вашем приезде. Для нас большой праздник...

Батура. Что вы, Иван Петрович, это для нас праздник. Здесь такая чудесная природа! Не село, а сплошной сад. А какая речка!.. Боюсь, мой друг останется у вас навсегда.

Вакуленко. Навсегда?!

Верба. Я решил построить в хорошем селе мастерскую и по-настоящему взяться за работу.

Романюк. Простите, какую мастерскую?

Верба. Чтобы писать. Для рисования. Обыкновенный дом, только одна комната должна быть большая и светлая.

Романюк. Если вам наше село по душе, то к осени будет у вас мастерская. В колхозном саду построим.

У нас двадцать гектаров, пойдите посмотрите, как он сейчас цветет. Такая картина, ну просто как на фотографии.

Верба. Спасибо. Посмотрю непременно.

Слышно, поют девушки.

Какие у вас красивые люди. Берегом шли девушки — это, вероятно, они поют.

Все слушают песню.

Одна в одну — стройные, смуглолицые... Таких девушек я еще не видел.

Василиса. Вот услышала бы ваша жена, как вы наших девушек расхваливаете...

Верба. У меня нет жены.

Вакуленко (*Батуре*). Простите, можно вас спросить?

Батура. Пожалуйста.

Вакуленко. Мы очень рады, что вы посетили нас, но скажите, пожалуйста, почему вы именно к нам приехали?

Батура. Я хочу собрать материал для книги.

Вакуленко. А все-таки, простите, почему же именно к нам?

Батура. Не понимаю вашего вопроса.

Вакуленко. Есть же колхозы, где много героев, а у нас их еще нет.

Батура. Так будут.

Романюк. Безусловно, будут!

Вакуленко. Когда еще будут, а им теперь писать нужно... (*Батуре*.) Почему бы вам в самом деле не ехать к Дубковецкому? Такую о нем книгу написали бы!

Батура. Я был у Дубковецкого.

Романюк (*удивленно*). Были?

Батура. Да.

Вакуленко. И неужели вам у него не понравилось?

Батура. Очень понравилось, но я хочу знать, почему вы, простите, не такие...

Вакуленко. Ага...

Батура. Что вам мешает?

Вакуленко. А вы думаете, все такими могут быть?

Батура. Об этом я хочу вас спросить,— как вы думаете?

Романюк. Когда-нибудь и мы будем генералами, а пока что в сержантах пребываем, а без них армии нет... (*Смеется.*)

Из дома выходит Надежда.

Надежда. Понравилась вам наша речка?

Батура. Очень хорошая! Вода теплая, прозрачная.

Верба. А на лугу трава — как шелк.

Батура. Мы видели, дети наливали в бочку воду. Куда они ее возят?

Романюк. Это се команда. (*Показывает на Надежду.*) Пристали ко мне — дай лошадь и бочку на все лето. Пришлось закрепить.

Надежда. Я вам покажу, какие мы клены и дубы посадили. Теперь их поливают школьники. Это мой кружок — «Юные друзья природы».

Верба. «Юные друзья». Какая хорошая и благородная тема. Непременно напишу их.

Батура. Не забудь того паренька, который вел лошадь. Кепка съехала на ухо, идет гордый, в мокрых трусах, кнутом стегает... Его первым планом возьми.

Верба. Обязательно, и среди них Надежду Ивановну.

Василиса. Только Надю нарисуйте в военной форме — уж очень ей идет.

Батура. Вы были в армии?

Надежда. Три года, так что институт пришлось заканчивать после войны.

Батура. На каком фронте?

Надежда. Я на фронте, к сожалению, не была. Работала в тылу — в госпитале, среди тяжелораненых.

Батура. Я думаю, нам на фронте было легче, чем вам.

Надежда. Не знаю...

Пауза.

Батура. Невыразимая тишина у вас... Покой, величественный покой...

Надежда. Разве покой может быть величественным?

Романюк. А почему не может быть? Они лучше тебя понимают, что может быть, а чего не может быть. Приглашай к завтраку дорогих гостей.

Надежда. Отец, писатели и художники так рано не едят. Правда?

Батура. Правда.

Вакуленко. Это почему?

Надежда. Они сначала встречаются с музами, а потом завтракают.

Верба. Я вечером встретился... (*Поправляет полотенце на голове.*)

Василиса. Зачем это вы мокрым полотенцем голову повязали?

Верба. Болит.

Романюк. Может, пирамидону примете?

Верба. Нет, спасибо.

Василиса. А может, квасу холодного?.. (*Взяла жбан.*) Я принесу вам.

Верба. С большим удовольствием.

Василиса уходит.

Батура. А рыбы много в реке. Так и выбрасывается.

Вакулецко. Есть. Сомки попадаются хорошие, так килограммов на пять, восемь... Бывают и больше.

Романюк. Любите на поплавок посмотреть?

Батура. Люблю. Это лучший отдых нервам.

Надежда. Никогда бы не сказала, что вы нервный.

Верба. Ого! Когда Сергей Павлович пишет и что-нибудь не выходит — не подходи: убить может.

Надежда. Неужели?

Батура. Не верьте ему.

Верба. Я немножко преувеличиваю. Может, и не убьет, но контузию от него получить можно. Швыряет что под руку попадет.

Романюк. Все война наделала. У нас вот тоже есть один матрос контуженный. Такой нервный — просто житья от него нет!

Надежда (*резко*). Отец!

Романюк. Да не сердись, дочка. Человек он заслуженный, при орденах, но надо людям правду сказать. С кем ни встретится — сразу спорить, и как что не по нем — выругает. Нужно предупредить, чтобы гости наши знали, а то случайно встретятся на речке, а он такой — не посмотрит, простой ты человек или заслуженный лауреат...

Надежда. Отец, я прошу тебя...

Романюк. Да я против него ничего не имею.

Вакуленко. Он не совсем нормальный.

Надежда. Неправда.

Вакуленко. Тогда скажите, Надежда Ивановна, почему он так против течения идет? Почему?

Надежда. Где течение? У нас вода стоячая. Кому вы очки втираете?

Романюк. Надя, что с тобой? Представляешь интеллигенцию нашего села, а так невежливо разговариваешь с руководством.

Вакуленко. Не обижайтесь, Надежда Ивановна, матрос наш все-таки чудной.

Надежда. Я не обзываюсь. А одно знаю — далеко вам до него, товарищ Вакуленко.

Вакуленко. А мы и не равняемся,— такого чуба, как у него, на весь район не найдешь.

Надежда. А такой лысины, как у вас, во всей области не встретишь.

Романюк. А и верно, ты хотя бы с затылка одолживал и наперед зачесывал. Я видел, в Киеве так делают.

Верба. А что делает матрос в колхозе?

Вакуленко. Был заместителем председателя, но пошел против порядка, который мы устанавливаем. Пришлось ему сдать мне этот пост. Ему все же нравится. И наши нормы выработки, и то, что бригадиры у нас не ту власть имеют. Матрос за постоянную производственную бригаду, а мы уже вперед двигаемся. В центр ставим звено.

Батура. Не понимаю. У нас была и есть основная форма организации труда — постоянная производственная бригада.

Романюк. Я вам расскажу. Я и Вакуленко во время войны были в Курской области. Мы там увидели, что куряне пошли дальше нас. У них производственная бригада только для формы. Все держится на звеньях, которые имеют свой инвентарь, свою рабочую силу...

Вакуленко. И подчиняются председателю или его заместителю.

Батура. И что же, у них большие урожаи?

Романюк. Нет. Урожаи средние, а больше плохонькие, но организация труда очень передовая.

Батура. Как же это — передовая организация, а урожаи плохонькие?

Романюк. Потому что они тогда еще ее не освоили.

Секретарь ихнего райкома мне сказал: как освоим, так всем наложим...

Батура. И что ж теперь?

Романюк. Не слыхал, но, видно, скоро наложат. Секретарь их сказал: как только у нас экс... эксперимент выйдет, тогда во всем Союзе о нас заговорят...

Батура. И вы решили так работать, как они?

Романюк. Не совсем, но понемногу применяем их опыт... Когда же у них тот эксперимент полностью выйдет, тогда и мы двинем за ними.

Батура. А где я могу встретить матроса?

Вакуленко. На берегу. Он теперь командует бригадой рыбаков. Старые моряки у него, разрисованных много встретите.

Верба. Как «разрисованных»?

Романюк. На руках, на груди в молодости понакалывали себе барышень, теперь постарели, а барышень смыть нельзя, так они их и в могилу заберут.

Входит Василиса, ставит на стол жбан с квасом и два стакана.

Василиса. Прошу. (*Наливает и подает Вербе и Батуре.*)

Верба. Благодарю.

Верба и Батура пьют. *Входит Мартын Кандыба, в руках у него большой пакет.*

Кандыба. Позвольте отрекомендоваться — секретарь сельсовета, инвалид Отечественной войны, местный поэт-песенник Мартын Гаврилович Кандыба. Весь к вашим услугам.

Батура. Сердечно благодарим. Батура. (*Подает руку.*)

Верба. Очень рады с вами познакомиться. Верба. (*Подает руку.*)

Кандыба. Я счастлив, что могу передать вам...

Романюк (*перебивает*). Постой, Мартын...

Кандыба. Прошу не перебивать. (*Батуре и Вербе.*) Я счастлив, что могу передать вам...

Романюк. Ну что ты за человек!

Кандыба. Я прошу меня не зажимать... (*Батуре и Вербе.*) Я счастлив передать вам самый искренний привет от председателя нашего сельсовета Наталии Никитичны

Ковшик. Ее задержали дела, и она, к сожалению, не сможет прийти.

Батура. Передайте ей от нас искреннюю благодарность за привет и попросите, чтобы не беспокоилась,— мы сами зайдем к Наталии Никитичне, как только она сможет нас принять.

Романюк. Прости, Мартын, я думал, что ты этот узел виршой хочешь...

Кандыба. Прежде всего, это не узел, а во-вторых, я вас великодушно прощаю. (*Батуре.*) Я счастлив, счастлив, что имею честь так близко стоять возле великого писателя. Перечитал все написанное вами. Я лично не пишу прозой, но очень люблю читать прозаические произведения. Скажу от всего сердца: ваша книга о моряках — испревзойденный шедевр.

Батура. Что вы! Обыкновенная книга, в ней есть и схематические образы, и неглубокие места.

Надежда. Вы шутите?

Батура. Нет.

Надежда. Позвольте читателю сказать вам правду?

Батура. Прошу.

Надежда. В вашей книге командир получился действительно схематичным, даже сухим и нудноватым...

Верба. Держитесь, Сергей Павлович.

Надежда. Но друг командира, матрос Горовой, это такой большой человек, что я в него просто влюбилась.

Верба. Жаль, что не в командира.

Надежда. Почему?

Верба. Командир — это сам автор.

Надежда. Неужели?

Батура. К вашим услугам, сухой и нудный...

Надежда. Простите, я об образе.

Батура. Ничего, ничего.

Надежда. Но вашего героя-матроса я представляю себе внешне таким, как вы.

Батура. Благодарю.

Надежда. И вам спас жизнь матрос Горовой?

Батура. Мне.

Надежда. Расскажите.

Батура. Я написал точно, как было.

Надежда. Да... Ваша книга раскрывает такую красоту души простого человека, что, если бы я встретила его, за него отдала бы все самое дорогое.

Батура. А вы действительно словно в живого влюбились...

Василиса. А разве он погиб?

Батура. Погиб...

Надежда. Как хорошо вы закончили книгу: «Где ты, друг мой?.. Друг верный...»

Пауза.

Василиса. А мне, уж простите меня, не нравится конец. Нужно, чтобы вы встретились с матросом. Допишите немножко — и нам будет легче.

Батура. Нельзя.

Василиса. Почему?

Большая пауза.

Батура. Я никогда не встречу его...

Кандыба (*Батуре*). Позвольте вас на одну минуту.

Батура. Пожалуйста.

Батура и Кандыба уходят в сад.

Романюк. Не выдержал, аспид...

Василиса. Распаковывает... Еще петь начнет.

Верба. Кто?

Василиса. Наш Кандыба.

Надежда (*тихо*). Друг мой... Друг верный...

Романюк. Я вот думаю, где вам лучше будет жить. Может, так: Сергей Павлович у нас?.. Комната есть свободная. Как, Надя?

Надежда. Что ж, если согласится...

Романюк. Согласится. (*Вербе.*) А вас, если разрешите, к товарищу Вакуленко.

Василиса. Выдумали! У него ж дети...

Верба. Прошу вас, если можно, в такой дом, где нет детей. Мне тишина нужна.

Василиса. Тогда ясно. К нам пойдете. Полдома вам, а на другой половине — я и мать. Больше у нас никого нет.

Романюк. Им же тишина нужна, а твоя мать...

Василиса. Что? Моя мать с утра до вечера на работе, характер у нее кроткий, тихий. (*Вербе.*) Согласны?

Верба. С радостью. Но, может быть, ваша мать не согласится...

Василиса. Как? Да вы влюбитесь в нее, когда увидите. Скажите, Иван Петрович, есть еще в нашем селе такой души женщина?

Романюк. Нет. Верно, на всем свете такой нет.

С улицы доносятся голоса, кто-то плачет, а потом на всю улицу женский голос: «Не плачьте. Говорю, не плачьте. Идите в сельсовет и ждите, а я его сейчас за уши притяну. Я ему на нос печать поставлю!»

Верба. Что это?

Василиса. Моя матушка с кем-то разговаривает.

Романюк. Редкой души женщина...

Быстро входит председатель сельсовета Наталья Ковшик. В руках у нее большой презентовый портфель.

Ковшик. Где мой секретарь? Где мой бюрократ? (Увидела в саду Кандыбу.) Иди сюда, чернильная твоя душа... Иди сюда... Быстрее!

Василиса. Мама!

Ковшик. Молчи!

Входит Кандыба, за ним Батура, в руках у него тетради.

(Кандыбе.) Иди быстрее, а то меня на куски разорвет.

Василиса (Романюку). Скажите ей...

Романюк (махнул безнадежно рукой и простонал). О господи!

Ковшик. Отвечай мне, кто такие Евдокия Мироненко и Мария Береза? Отвечай!

Кандыба. Как «кто»?

Ковшик. Где их мужья лежат?.. На поле боя погибли, как герои... А ты где был? В камышах прятался, пока тебя не освободила Красная Армия!

Кандыба. Позвольте, у меня... (Показывает на медаль.)

Ковшик. Что ты мне медаль показываешь? Сколько ты был в армии? Пять месяцев! Даже до Берлина не дотянул, по дороге вывихнул ногу и — в госпиталь. А их мужья четыре года воевали.

Кандыба. Я протестую. Я могу всем показать рану. (Поднимает штанину.)

Ковшик. Опусти штанину! Как же ты смеешь так относиться к заслуженным матерям, заячья твоя душа!

(Подняла портфель.) Куда ты их документы на пенсию заслал?

Кандыба. Я послал на перерегистрацию.

Ковшик. Когда?

Кандыба. Четыре месяца тому назад.

Ковшик. Врешь, вот они! (*Вынула из портфеля бумаги.*) Я их в твоем шкафу среди старых газет и всякого хлама нашла. Смотри, мыши начали грызть! Четыре месяца плачут бабы, пенсии не получают, а ты им брешешь, что ответа нет. Какой же ты есть секретарь Советской власти?

Кандыба. Как же это получилось?

Ковшик. Еще меня же и спрашиваешь! НА портфель, иди сейчас же в сельсовет, я там с тобой поговорю. Иди, бюрократ, писатель, аспид!..

Кандыба. Простите. (*Побежал.*)

Ковшик (*сняла косынку с головы, подошла к столику.*). День добрый!

Верба. Добрый день!

Ковшик (*Романюку*). Что это ты, кум, нахохлился?

Романюк. Нездоровится.

Василиса. Познакомьтесь, мама, это товарищ Верба, художник.

Ковшик. Очень рада. (*Подала руку.*)

Подходит Батура.

Василиса. Знакомьтесь, мама, это писатель...

Ковшик. Как писатель? Кандыба сказал, что лауреат приехал.

Василиса. Писатель-лауреат, товарищ Батура.

Ковшик. Рада и вам. Простите, что я Кандыбу писателем обозвала, он из-за своих виршей все официальные бумаги теряет.

Батура. Ничего. Я просто счастлив, что с вами познакомился. У вас такой темперамент...

Романюк (*тихо, к Вакуленко*). «Счастлив» — ловко высмеял.

Вакуленко. Что-то непохоже.

Батура. Садитесь, пожалуйста.

Ковшик. Спасибо, садитесь вы. Отдыхать приехали к нам?

Батура. Нет. Хочу собрать материал для книги.

Ковшик. Для книги? Это хорошо. Опишите,

пожалуйста, моего кума. Если хотите — я вам о нем такое расскажу...

Романюк. А я о тебе, кума.

Ковшик. Начинай, я не боюсь.

Романюк. И я не боюсь. Проси, Надя, гостей завтракать.

Надежда. И вправду пора. Прошу всех в дом.

Ковшик. Спасибо. Мне надо идти. Будьте здоровы, приходите, если будет время, в сельсовет.

Батура. Непременно зайдем.

Василиса. Мама, товарищ Верба согласился у нас жить. Он картины будет рисовать.

Романюк. Не будет он у вас жить.

Ковшик. Это почему? Что, у меня дом хуже твоего или пироги не румяные?

Романюк. Им нужна тишина, покой, а не ярмарка.

Ковшик. Ярмарка? Приходите, товарищ художник, от души приму. Вы не думайте, это я так с бюрократами да с теми... вот снова забыла. Как оно, то слово, кум?

Романюк. Какое?

Ковшик. Которым тебя обозвал наш матрос на районном активе?

Романюк. Не помню.

Ковшик. О, вспомнила — оппортунист... с оппортунистами.

Романюк. Знаешь, Наталия, я тебя привлеку к партийной ответственности. Это был закрытый актив, и о таких делах не говорят частным лицам.

Надежда. Отец!

Василиса. Мама, прошу вас, идите.

Ковшик. Иду. (*Подходит к Романюку.*) А ты не сердись, я же кума твоя, а куму любить нужно. (*Подмигнула и ушла.*)

Вакуленко (*Василисе*). И когда твоя мать угомонится?

Василиса. Наверное, никогда.

Надежда. Прошу.

Все идут в дом, последними — Василиса и Верба.

Василиса. Переедете к нам или раздумали?

Верба. Перееду, с большой радостью.

Василиса. Мать у меня тихая, кроткая...

Верба. Я напишу ее портрет. (*Посмотрел на Василису.*) И ваш.

Входят в дом.

Из глубины сада выходит матрос Карп Ветровой. Он в бескозырке, на плечи накинут бушлат. В одной руке держит весло, в другой — большой букет водяных лилий. Остановился под деревом, слушает. Из дома слышны веселые голоса, звон тарелок. Выходит Надежда с кружкой и полотенцем, за ней Батура с ведром в руках. Ветровой стал за деревом. Надежда зачерпнула воды, Батура протянул к ней руки.

Надежда. Подождите, я вам часы сниму. (*Снимает часы с его руки, потом сливает ему на руки воду.*) Вы даже представить себе не можете, как я рада, что вижу вас.

Батура. И я счастлив, что приехал к вам. Здесь все ново для меня.

В окне появляется Романюк.

Романюк. Надя, а где же хрен?

Надежда. Сейчас, отец, забыла. (*Подала полотенце Батуре, убежала в дом.*)

Батура вытирает руки. Из-за дерева выходит Ветровой. Батура заметил его. Смотрят друг на друга. Батура сделал несколько шагов вперед, остановился. Пауза.

Ветровой (*тихо*). Сергей Павлович...

Батура. Не может быть... Друг мой... друг... (*Бросился к нему, обнял, целует, припал головой к его груди.*) Карп, друг мой... друг верный...

Ветровой. Серега... Серега... Успокойся, Сергей Павлович, прошу тебя...

Батура (*вытирает слезы*). А я думал... Карп, прости...

Ветровой. Погиб?

Батура. Да. Я искал тебя, ответили — без вести пропал.

Ветровой. Живу. Правда, весь в заплатах, но живу...

Батура. Почему не написал мне?

Ветровой. Думал написать, но ты, Сергей Павлович, стал знаменитым человеком, можно сказать, на весь Советский Союз, решил не отнимать у тебя времени.

Батура. Солдатскую дружбу забыл?

Ветровой. Нет, я не забыл, но напоминать о ней не хотел.

Батура. Эх ты, орел сизокрылый!.. Вот ведь счастье!.. (*Смотрит на него.*)

Ветровой. И я счастлив. Приходи. Дом мой недалеко — над самой рекой. Я теперь живу на острове, в шалаше. А сейчас иди, тебя там ждут.

Батура. Не отпущу. Пойдем со мной.

Ветровой. Нет. С хозяином этого дома у меня свои счеты. Туда я не пойду. Приходи вечером или завтра...

Сышен голос Надежды: «Сергей Павлович!»

Иди, дружище, Надя зовет. Передай ей эти лилии, она просила... (*Показал — на траве лежат лилии. Ушел садом.*)

Батура смотрит ему вслед. Где-то далеко зазвенела песня.

Батура (*тихо*). Карп... Карп...

Упало полотенце на лилии. Батура быстро пошел за Ветровым. Снова долетела песня. Из дома слышен звон рюмок и голос Вербы: «За Калиновую Рощу». Вышла Надежда, увидела лилии, смотрит в сад.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

На острове. На берегу, под столетней вербой, шалаш. Сушатся развешанные сети, вентери... За шалашом высокий камыш. На траве сидят рыбаки: Максим Зоря, Петр Мороз и Василий Крым. Они в белых рубахах, брезентовых штанах, а на ногах высокие резиновые сапоги. На голове у каждого — старая бескозырка. Полуголые руки покрыты татуировкой: якоря, пробитые стрелой сердца, голуби, а у Крыма сквозь расстегнутую рубаху видна вытатуированная девушка.

Зоря (запевает):

Наверх вы, товарищи,
Все по местам.

Последний аврал наступает.

Мороз и Крым (подтягивают):

Врагу не сдается
Наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Зоря. Петька!

Мороз. Что, Максим Порфирьевич?

Зоря. У контрабандиста табак есть?

Крым. Есть, Максим Порфирьевич. (Достает.)

Зоря. Закурим.

Рыбаки вынули трубки, закуривают.

Крым. И что это наш капитан такой мрачный?

Зоря. Мрачный...

Пауза.

Мороз. Мрачный...

Пауза.

Крым. Очень мрачный...

Зоря. Не тарахи.

Крым. Есть.

Пауза.

З о р я. Задумчивый...
М о р о з. Задумчивый...
К ры м. И очень задумчивый...
З о р я. Ты опять?
К ры м. Есть не тарактеть.

Пауза.

З о р я. Жаль...
М о р о з. Жаль...
К ры м (*открыл рот, но не выдержал взгляда Максима Зори, безнадежно махнул рукой и тихо сказал*). Есть.
З о р я. Довольно языки чесать. За работу!

Рыбаки чинят сеть.

(Запевает.)

Задумав дідочок,
Задумав жепиться.
Ой, сів, думав-думав, } 2 раза
Задумав жениться.
Що старої не хочеться,
Молода не піде.
Ой, сів, думав-думав, } 2 раза
Молода не піде.

Входят Карл Ветровой и Сергей Батура. Остановились, слушают песню. Зоря их заметил, тихо: «Встать!» Рыбаки встали. Ветровой и Батура подходят к ним.

Б а т у р а. Добрый день!
Рыбаки. День добрый!
З о р я. Где вы причалили?
В е т р о в о й. На косе.
Б а т у р а. Я хотел обойти остров. Ну и камыш у вас!
Как бамбуковый лес.
З о р я. Высокий.
В е т р о в о й. Заканчиваете?
З о р я. Заканчиваем.

Ветровой начинает осматривать сеть, за ним неотступно следует Зоря.

Б а т у р а (*посмотрел на небо*). А гусей сколько!
М о р о з. С поля на лиман летят.
Б а т у р а. А там что?

Мороз. Где?

Батура (*показывает*). Вон, высоко-высоко.

Мороз (*посмотрел*). Не вижу... Крым, посмотри.

Крым (*поднял голову вверх*). То лебеди.

Зоря. Не бреши. Они в эту пору не идут. То белые цапли.

Батура. А лебеди здесь садятся?

Мороз. Живут осенью долго. Там, за ериками, на озерах собираются гуси — тысячи их! — и лебеди, а уток — как мошки.

Ветровой. А это что?

Зоря. Где?

Ветровой (*поднял сеть*). Вот.

Зоря. Пропустил...

Ветровой. Кто?

Зоря смотрит на Крыма, тот подходит.

Крым. И как это я не заметил?

Зоря. Мелешь языкком... Тарахтишь.

Ветровой. Кто казан чистит сегодня?

Мороз. Я.

Ветровой. Передай ему.

Мороз. С превеликим удовольствием.

Ветровой (*Крыму*). Неделю будешь чистить.

Крым. Есть чистить.

Ветровой. Я пойду лодку перегоню, а Сергей Павлович с вами будет говорить. На все его вопросы дадите ответ.

Зоря. Хорошо.

Ветровой. Только ты, Крым, смотри, не того... Яспо?

Крым. Ясно.

Батура. Что?

Ветровой. У него язык как мельница, никому слова не даст сказать. (*Уходит.*)

Батура сел, сели рыбаки. Батура смотрит на них, рыбаки молчат. Батура кашлянул, кашлянули рыбаки.

Батура. Жарко. Как вы думаете, дождь будет?

Зоря. Будет.

Мороз. Будет.

Крым. Будет под вечер...

Зоря посмотрел на него. Крым махнул рукой.

Б а т у р а. Хорошо припекает. (*Вынимает платок, вытирает со лба пот.*)

Пауза.

З о р я. Если у вас, товарищ писатель, больше нет вопросов, то мы поедем вентери трусить.

Б а т у р а. Я хотел спросить вас, где вы служили, на каких кораблях.

З о р я. Мы служили на миноносце «Звонком», а когда в гражданскую войну, под Новороссийском, по приказу товарища Ленина корабли потопили, тогда мы пошли в пехоту драться за Советскую власть. Мы — это Мороз и я.

Б а т у р а (*Крыму*). А вы?

К рым. Я в торговом флоте пребывал.

М оро з. Он у грека-контрабандиста служил.

Б а т у р а. Где?

К рым. В Одессе. На шхуне «Стрела». Какая была шхуна! Ее все знали. К нам когда-то тоже приходил писатель, его фамилия, кажется, Куприян. Точно, Куприян.

Б а т у р а. Может быть, Куприн?

К рым. Может. Придет, все расспрашивает нас, а потом всю ночь обязательно угощает. А пили мы тогда с ним больше «Бордо» красное и закусывали мидиями...

З о р я. Крым!..

К рым. Есть.

М оро з. Ты лучше скажи, сколько раз в турецкой тюрьме сидел.

К рым. Трижды в турецкой и в одесской дважды, но недолго. Грек сразу выручал. Один только раз, видно, плохо подмазал, и нас канонерка потопила в турецких водах.

М оро з. Сколько лет прошло, а в нем и сейчас просыпается контрабандист.

К рым. Не ожидал такого от вас. За все годы Советской власти я только раз попробовал, и то очень неудачно. Посадили меня в чрезвычайку, там просветили, и с того времени веду честную жизнь... Я теперь ударник.

М оро з. Попробовал бы ты не быть ударником в нашей бригаде... С борта сбросили бы.

З о р я. Работает он хорошо, только сильно часто грецову шхуну вспоминает.

Крым. Вспоминаю... потому что она очень хороший ход имела. В турецких водах один раз за нами гнался...

Зоря (*перебивает*). Подожди. Скажите, товарищ писатель, вы давно с нашим бригадиром познакомились?

Батура. Во время войны.

Мороз. Так это о вас Карп Корнеевич рассказывал?

Батура. А что рассказывал Карп Корнеевич?

Зоря. Что вы были хорошим командиром.

Батура. А... больше ничего не говорил?

Зоря. А что может быть больше, чем когда солдат командира хвалит? Любит он вас, очень любит.

Мороз. Не забывает.

Крым. Разве забудешь боевого друга? Вот когда нашу шхуну потопила турецкая канонерка и очутился я в чужих водах...

Зоря. Крым! Еще слово — и ты сейчас очутишься в наших водах.

Крым. Есть.

Входит Ветровой

Ветровой. Ну как, поговорили?

Батура. Поговорили.

Ветровой. Вынимайте вентери и готовьте наживу, бросим на ночь переметы.

Зоря. Есть. По лодкам!

Рыбаки взяли весла. Зоря запевает, Мороз и Крым подтягивают.

Уходят.

Ветровой. Может быть, отдохнешь в шалаше?

Батура. Нет. Я не устал. Посидим здесь.

Садятся на опрокинутую лодку.

Ветровой (*вынимает папиросы*). Кури.

Батура взял. Закурили.

Батура. Сегодня месяц, как я приехал к вам.

Ветровой. Неужели?

Батура. Месяц, друг мой, а будто один день.

Ветровой. Это хорошо.

Батура. Написал в Киев, чтобы не ждали меня до поздней осени.

Ветровой. А может, и перезимуешь у нас? Вода замерзнет. В камышах такая охота...

Батура. А что ж, может, и так. Писать здесь лучше. Никто не будет мешать. (*Обнял Ветрового.*) Разве думали мы, когда лежали, обливаясь кровью, что будем сидеть вот так и смотреть на солнце в воде...

Ветровой. Я думал...

Батура. А я нет.

Ветровой. Почему?

Батура. Когда ты встал и с гранатами пошел на танк...

Ветровой (*перебиваєт*). Не нужно вспоминать. Серега, ты Наде ничего обо мне не говорил?

Батура. Нет, а что?

Ветровой. Вчера была здесь.

Батура. Она мне говорила.

Ветровой. Говорила?

Батура. Да.

Пауза.

Ветровой. Допытывается, когда я с тобой познакомился.

Батура. Не понимаю, почему ты не хочешь, чтобы она все знала?

Ветровой. Не хочу.

Батура. Карп, скажи.

Ветровой. Ты написал обо мне много такого, чего не было.

Батура. Но главное...

Ветровой (*перебиваєт*). Я еще раз тебя прошу — ни слова Наде и никому. Можешь это сделать для меня?

Батура. Хорошо. (*Пауза.*) Карп, ты любишь ее?

Ветровой молчит. Пауза.

А Надежда?

Ветровой. Не знаю.

Батура. Говорил с ней?

Ветровой. Нет.

Батура. Почему?

Ветровой. Странно...

Батура. Что?

Ветровой. Писатель ты, глубоко видишь, а такой простой вещи не понимаешь. Разве я ей пара?

Батура. Ты думаешь?

Ветровой. Семнадцать лет между нами. Это не шутка. Она красивая, а я на болотного черта стал похож...

Пауза.

Батура. Еще что?

Ветровой. Она сильная, веселая, звонкая, а я...

Батура. Ну?

Ветровой. Весь сшитый... Да и еще есть причина.

(Посмотрел на Батуру.)

Батура. Какая?

Ветровой. Обо всем сразу не переговоришь...

Батура. Что сшитый — это не беда, лишь бы рубцы были хорошие, а они у тебя, видно, крепкие — гнал лодку так, что моторка за тобой не поспела бы... А все остальное никакого значения не имеет, если есть любовь.

Ветровой. Если есть... А если нет?

Батура. Так спроси. Неужели, Карп, ты боишься?

Пауза.

Ветровой. Разве об этом спрашивают, Серега?

Пауза.

Батура. Да... Не спрашивают...

Ветровой. Как тебе живется у Романюка?

Батура. Приняли меня как родные...

Ветровой. Да... Я вчера ждал тебя, как условились, весь вечер... Что-то помешало?

Батура. Прости, Карп, никак не мог. Я учителям доклад о литературе читал, а потом столько мне вопросов задали. До часу ночи беседа затянулась.

Ветровой. Хорошо, что сегодня встретились. Ночевать будешь здесь?

Батура. Здесь, Карп. Здесь, друг мой. Закинем сети...

Ветровой. Закинем и сети и переметы. А сейчас давай уху сварим.

Батура. А рыба где?

Ветровой. Есть линечки, окунь, сомки, караси — со вчерашнего дня ждут тебя. А здесь у меня припасы. (Выносит из шалаша ящик, достает оттуда.) Вот перчик, лук, старое сало...

Батура. А сало зачем?

Ветровой. Без старого сала нет ухи... Два литра.

Батура. Ого!

Ветровой. На свежем воздухе и не заметишь, как пойдет... Да и бригада моя непьющая. (*Смеется.*)

Батура. Не пьют?

Ветровой (*начинает чистить картошку*). Вчера целую ночь терзали меня: «Что же, друг не приехал, а водка стоит, еще градусы поудирают». Насилу от них отбился.

Батура. Я так сидеть не буду, давай и мне работу.

Ветровой. Возьми казан и принеси воды.

Батура. Есть, капитан! (*Побежал за водой.*)

Слышен голос Батуры: «А вода теплая, я буду купаться».

Ветровой. Подожди, Серега. Здесь купаться нельзя.

Входит Батура.

Батура. Почему?

Ветровой. Погибнешь.

Батура. Что?

Ветровой. Быстрина.

Батура. Я плаваю хорошо.

Ветровой. Там водоворот большой, крутит так, что никто не выплынет. Поедем ниже, на спокойные места.

Батура. Жаль.

Ветровой. Садись. Как тебе наш колхоз нравится?

Батура. Все есть для того, чтобы передовым стать.

Ветровой. Все есть, да только председатель наш этого не видит.

Батура. Странно. Романюк — очень интересная, я сказал бы, колоритная фигура. У него большой природный ум.

Ветровой. На одном природном уме теперь далеко не уедешь. Ты был на полях?

Батура. Был.

Ветровой. Ну и что?

Батура. Сорняков много.

Ветровой. Пропалывают?

Батура. Мало.

Ветровой. А вот на усадьбах сорняков нет.

Батура. А почему так?

Ветровой. Знают, что обработка решает урожай.

Батура вынул блокнот, записывает.

(Улыбнулся.) Счетовод мне сказал, что ты ему целую ревизию учинил. Все книги пересмотрел.

Батура. Меня интересовало, как у вас дела с трудоднями.

Ветровой. Ну и что ты увидел?

Батура. Все-таки у вас работают неплохо. У каждого столько трудодней...

Ветровой. Трудодней много, за это нужно прославить Романюка.

Батура. Ты смеешься или вправду?

Ветровой. Вправду. За это его и любят. Только спроси у Романюка, почему трудодней у каждого много, а на полях сорняки, а на фермах свиньи вроде гончих...

Батура. Действительно, что-то ис вяжется.

Ветровой. А знаешь, почему?

Батура. Скажи.

Ветровой. Наш председатель на передовую линию не хочет идти. Ползет, но не встает.

Батура. А почему?

Ветровой. Привык смотреть на тех, кто от нас отстал, а не на тех, кто далеко впереди нас. Гордится тем, что он передовой среди отсталых.

Батура. Интересно! А как же ваш райком партии на это смотрит?

Ветровой. Критикуют Романюка, а он каётся. Проходит время — критикуют его еще больше, он еще пуще каётся... Так оно и идет.

Батура. А почему ваша парторганизация молчит?

Ветровой. Не молчит, но и не взялась как следует. Приходи завтра на партсобрание, увидишь, как мы будем по душам говорить с нашим председателем. (Смеется.)

Батура. Приду. Скажи, Карп, а почему ты командуешь рыбаками, а не настоящим делом занимаешься?

Ветровой. Но-но, ты поосторожней, моя бригада теперь сто тысяч рублей в год дает колхозу.

Батура. Прости, я не знал. И все-таки не здесь твое место.

Ветровой. Промах у меня вышел.

Батура. Какой?

Ветровой. Как вернулся из армии, выбрали меня в правление и заместителем председателя назначили. Я сам разработал план, чтобы резко повернуть колхоз,

поднять трудовую дисциплину, увеличить нормы выработки. Чтобы не отдельные звенья, а все бригады были передовыми, а бригадиры — настоящими командирами, чтоб председатель колхоза был капитаном крейсера, а не флотилии деревянных челнов, потому что веслом к коммунизму не дрогребешь. Начал войну с председателем, но большинство меня не поддержало.

Батура. Почему?

Ветровой. Никого не подготовил, не посоветовался с активом, думал, сам все смогу: прочитаю план на собрании, и все проголосуют «за». А вышла осечка. Это была моя первая ошибка, а за ней вторая — я разгорячился на собрании и сказал: не принимаете мой план, тогда снимите меня с заместителя председателя. Романюк за это ухватился и назначил меня бригадиром рыбаков.

Батура. И ты сдался?

Ветровой. Моряки не сдаются. (*Усмехнулся.*) Там у меня в шалаше целая библиотека — читаю, учусь, провожу беседы в звеньях как агитатор. Ездил к шполянцам, чтобы понять, как там руководители всех людей подняли. Одним словом, подковываюсь на все четыре. Теперь я не один.

Батура записывает.

Ты что записываешь?

Батура. Твои мысли.

Ветровой. Ты лучше мысли Романюка попробуй записать.

Батура. После твоей характеристики Романюк для меня ясен.

Ветровой. Ой, не спеши. Попробуй загляни в его душу. Девятнадцать лет председательствует, люди ему доверяют, воевал хорошо, до Берлина дошел, и, когда нужно будет, уверяю — сапер Романюк паведет мосты через воды. Такие люди нам дороги.

Батура. А все-таки, если он не хочет идти к лучшему, нужно снять.

Ветровой. К хорошему и он и все хотят идти...

Батура. Не понимаю тебя.

Ветровой. Только его хорошее — узкое, маленькое, и пока оно станет широким, большим, нужно много времени. А такие, как шполянцы, — да и не они одни, — поверили в свою силу и взяли быка за рога.

Батура. Прости, я тебя опять не понимаю. То ты говоришь так, словно его сегодня снимать надо, а с другой стороны...

Ветровой (*смеется*). А я нарочно говорю со всех сторон — хочу себя на тебе проверить. Ты человек знаменитый, высокой культуры, все меня спрашиваешь, а я хочу и тебя послушать. Что посоветуешь?

Батура. Политик же ты, Карп, настоящий политик...

Ветровой (*встал*). И почему ты так любишь все преувеличивать? В книге расписал меня так — ну просто в рай! И здесь говоришь...

Батура. Карп, говорят, бывает унижение паче гордости.

Ветровой (*резко*). Какой же я, к бесу, политик, когда мы до сего времени барахтаемся!.. Дубковецкий — это настоящий политик, а нам заработать нужно, чтобы достойными его учениками назвали. Понял?

Батура. Понял...

Ветровой. Запиши в свою книжечку.

Батура (*прячет блокнот*). Я и так не забуду.

Далеко на реке запела девушка.

Кажется, кто-то поет?

Ветровой (*смотрит*). Не видно.

Батура. Хороший голос.

Ветровой. Да, хороший... Это Надя поет. (*Садится*.)

Батура. Надежда? К тебе в гости едет.

Ветровой. Не уславливались.

Батура. Тем лучше, сама едет. Видишь?.. Эх ты, водяной! Мы ее ухой угостим. Беги, встречай.

Ветровой. А может, ты встретишь?

Батура. Я тебя просто бить буду. Вставай. Живо! (*Поднял его*.)

Ветровой. И сила же у тебя.

Батура. А ты думал? Она не знает, что я здесь. Спрячусь в камыш, разыграем ее.

Ветровой. Не надо.

Батура. Давай, давай. (*Схватил пиджак, побежал в камыши*.)

Ветровой вытер руки, поправил бескозырку. Подходит к берегу. Голос Надежды: «Можно причалить?»

Ветровой. Просим. (*Ушел.*)

И сейчас же возвращается с Надеждой. На ней спортивная куртка, на голове соломенная шляпа. Ветровой несет корзинку, поставил ее возле лодки.

Садитесь, Надежда Ивановна. Устали?

Надежда и Ветровой садятся.

Надежда. Нет. Я бы целый день плыла. Люблю грести. Не дышишь, а пьешь воздух... (*Сняла шляпу.*) Что вы готовите?

Ветровой. Уху собираюсь варить.

Надежда. А я знала, что вы меня ухой встретите. Угадайте, что привезла.

Ветровой. Не знаю.

Надежда. Достала вино, которое вы любите. (*Вынимает из корзинки, подает.*)

Ветровой. Спасибо. А я для вас такую уху сделаю, что на всех реках и даже на Черном море ни один рыбак не сварит.

Надежда. Отец просил передать вам привет.

Ветровой. Неужели? Что это с ним случилось?

Надежда. Все меняется, мой хороший Карп Корнеевич.

Ветровой. Как вы сказали?

Надежда. Все меняется, и все идет к лучшему. К лучшему, Карп Корнеевич... Ой, я просто опьянила на воде... А у вас солома в чубе. (*Сняла с него бескозырку, вынула из чуба солому, надела бескозырку себе на голову.*) К лицу мне бескозырка?

Ветровой (*смотрит на Надежду.*) Вам все к лицу.

Надежда. Спасибо. (*Надела на Ветрового бескозырку.*)

Ветровой хочет поправить.

Не поправляйте. (*Долго смотрит на него.*) Карп Корнеевич... да улыбнитесь...

Ветровой (*улыбнулся.*) Раз или два?

Надежда. Сто, тысячу... Я хочу, чтобы сегодня все улыбалось. Посмотрите, как смеется река, небо, солнце, этот остров и даже камыш.

Ветровой. Буду стараться.

Надежда. Дорогой Карп Корнеевич, скажите, почему вы со всеми шутите, веселый, а со мной так сдержанны?

Ветровой. Вам кажется.

Надежда. Нет. Скажите прямо. Иногда я так на вас сержусь...

Ветровой. За что?

Надежда. Я всегда подхожу к вам с открытым сердцем, а вы редко когда только чуть-чуть открываете свою душу. Так нельзя. Неужели вы не чувствуете, что я ваш друг?..

Ветровой. Чувствую, потому и сдерживаю себя...

Надежда. Зачем?

Ветровой. А разве вы не понимаете?

Надежда. Нет...

Ветровой. Жаль!

Надежда. Ну вот, вы снова стали угрюмым... Милый, славный друг мой... (*Встала.*) Что это возле солнца кружит?

Ветровой (*встал*). Где?

Надежда (*положила руку на его плечо*). Вон. (*Показывает.*)

Ветровой. То орел так высоко поднялся.

Надежда и Ветровой смотрят вверх.

Надежда. Орел... (*Перевела взгляд на Ветрового.*) Не сердитесь на меня, я не то ответила вам... Скажите, вы здесь один?

Ветровой. Один.

Надежда. А я думала...

Ветровой. Что?

Надежда. Что ваши рыбаки здесь...

Ветровой. Они скоро будут. Вентери вынимают.

Надежда осматривается. Ветровой следит за ней.

Вы будто кого-то ждете?

Надежда. А кого мне ждать?

Ветровой. Простите, мне показалось... Что это у вас? (*Показал на корзинку.*)

Надежда. Там одеяла, полотенце, мыло... Приехала на всю ночь рыбачить. Свое обещание наконец исполнила.

Ветровой. На всю ночь?

Надежда. Вы вроде недовольны? Так просили меня, обещали показать...

Ветровой. Я очень доволен. Я просто счастлив, Надежда Ивановна. Все вам покажу, как обещал. И сети будете тянуть и вентери ставить... Все, все, что прикажете... (*Крикнул.*) Сергей Павлович, Сергей Павлович!

Надежда. Сергей Павлович здесь?

Ветровой. Он тоже исполнил свое обещание, приехал рыбачить... Все покажу вам...

Входит Батура.

Батура. Ну что ты, Карп, не дал разыграть...

Ветровой. Кого?

Батура. Надежду.

Надежда. Вот какой вы! Не думала...

Батура. Какой?

Надежда. Мальчик. Так только мои ученики делают.

Ветровой. Простите, я пойду рыбу чистить.

Батура. И мы тебе поможем.

Надежда. Нет, Карп Корпееевич никому не разрешает готовить уху. Такой здесь порядок. Садитесь и ждите, пока не сварится.

Ветровой. Верно. Сейчас вернусь. (*Ушел.*)

Надежда. Чудной Карп, по хороший. Я люблю его.

Батура. Любите?

Надежда. Люблю, как хорошего, честного товарища. Жаль, что с отцом на ножах, но я, кажется, все сделала, чтобы их помирить.

Батура. Давно дружите?

Надежда. Два года. А сдружили меня с ним вы.

Батура. Как?

Надежда. Только прочитала вашу книгу, а Карп через месяц вернулся из армии. Я пригласила его в школу, устроила встречу с детьми и учителями. Удивительно, человек он умный, а вашу книгу...

Батура. Что? Говорите прямо.

Надежда. Не любит. Только вы ему...

Батура. Ни слова. Уверяю.

Надежда. Он говорит, что ваш матрос выдуманный, таких не бывает...

Батура. Так говорит?

Надежда. Вы на него не обижайтесь. У вашего матроса широкая душа, отвага, сила, у него светлый ум,

народный юмор... А какая внешность! Вот я вижу его лицо, глаза. Как хорошо вы описали!

Батура. С внешностью я погрешил — не следовало делать его таким красивым.

Надежда. Не согласна. Человек большой душевной красоты должен быть таким же и внешне. Карп хороший, милый, но...

Батура. Что?

Надежда. Странно, моряк он, а романтики в нем нет...

Батура. Вы ошибаетесь.

Надежда. Но я люблю его и таким.

Входит Ветровой с казаном в руках.

Ветровой. Готово. Теперь разложим огонь.

Надежда. И будем его поддерживать до утра.

Батура. Как? Разве вы...

Надежда. На всю ночь приехала рыбачить с вами.

Ветровой. И куда моя команда пропала? (*Отошел, смотрит вдаль.*)

Надежда (*Батуре*). Почему вы умолкли?

Батура. Я... Я думаю, как хорошо вы сделали, что приехали... Как хорошо!

Надежда. Правда?

Батура. Правда.

Подходит Ветровой.

Надежда. Пойдемте собирать хворост. (*Взяла Батуру за руку.*) Да вставайте...

Батура. Идите, я сейчас.

Надежда. Жду. (*Убежала.*)

Батура подходит к Ветровому.

Батура. Карп!

Ветровой. Слушаю.

Батура. Я должен покинуть вас.

Ветровой. Почему?

Батура. Я забыл, что мне сегодня (*посмотрел на часы*) в шесть будут звонить из Киева. Понимаешь, для меня очень важный разговор.

Ветровой. Понимаю.

Батура. Прости, но к сожалению...

Ветровой. Нет, ты не поедешь.

Батура. Карп, поверь...
Ветровой. Я верю, верю в друга, а он... он не подведет... Иди собирай хворост.

Слышно — поют рыбаки.

Вот и моя команда возвращается. Скоро за уху сядем.
Голос Надежды. Сергей Павлович!
Ветровой. Чего же стоишь, Серега? Мне подачек не нужно. Это было бы не по-товарищески и обида на века. Иди, Надя ждет. (*Пошел на берег.*)

*Стоит Батура, смотрит ему вслед. Песня все ближе.
Входит Надежда, в руках у нее хворост.*

Надежда (*бросила хворост*). Какой он колючий!
Кровь выступила. (*Поднесла руку ко рту.*)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

В саду дом. На первом плане цветник. Среди цветов — узенькие дорожки, посыпанные песком. В центре — столик, накрытый вышитой скатертью. Возле столика стоит высокий подрамник с натянутым холстом. Возле деревьев расставлены эскизы. Верба держит в руках краски, кисть, смотрит на холст, кладет мазки, отходит, снова кладет. Он в хорошем настроении. И по тому, как он напевает без слов, мы чувствуем, когда удачный кладет мазок, а когда нет.

Входит Наталия Ковшик. Верба ее не замечает. Ковшик смотрит на эскиз.

Ковшик. Трактор хорошо нарисовали, а тракториста на нем узнать не могу.

Верба. Это незаконченная работа. (*Подошел.*)

Ковшик (*смотрит на другой эскиз*). Как хорошо вы нашего бригадира нарисовали!

Верба. Нравится вам?

Ковшик. Как живой... И хорошо, что среди пшеницы стоит. Только что это?

Верба. Это васильки. Я их специально нарисовал среди золотой пшеницы. Синие васильки, красиво, правда?

Ковшик. Нет, некрасиво.

Верба. Почему? Разве я их плохо нарисовал?

Ковшик. Нарисовали хорошо, но не там, где нужно. Пшеница должна быть чистая, без бурьяна.

Верба. Васильки — не бурьян.

Ковшик. В руках васильки — это цветы, а среди пшеницы они — бурьян. Если можно, лучше выполните их.

Верба. Хорошо, я их выполню.

Ковшик. Вы только усы бригадиру немного пригладьте.

Верба. А у него они такие, как у моржа.

Ковшик. Это верно, но если бы вы знали, как он переживает из-за них! Все время подкручивает. Не виноват человек, что у него такая щетина уродилась под

носом. Приглядьте. Сделайте ему приятное, хороший он человек.

Верба. Хорошо, сделаю. Посмотрите, как я нарисовал звеньевую Анну Корж.

Ковшик. Хорошо.

Верба. И красивая же она! Прекрасный образ колхозницы.

Ковшик. Только подпишите — колхозница, которая больше спит, нежели работает.

Верба. Разве?

Ковшик. Да.

Верба. А я спрашивал Вакуленко, и он ее так хвалил...

Ковшик. А рядом с ней Вакуленко нарисуйте,— один другого стоит.

Верба. Жаль, что так вышло.

Ковшик. Ничего, людей у нас много хороших.

Верба. Я так жду уборку хлебов, хочу большое полотно написать — «Колхозный урожай».

Ковшик. Хорошая мысль, но разве так можно?

Верба. Что, дорогая Наталия Никитична?

Ковшик. Целый день стоите. Уже вечернеет. Бросайте работу.

Верба. Сейчас. Я сегодня в таком творческом настроении, что оторваться не могу.

Ковшик. Это я от вас слышу каждый день.

Верба. А знаете, почему?

Ковшик. Нет.

Верба. Скоро скажу.

Ковшик. А почему не сейчас? (*Подошла, смотрит на портрет.*)

Верба. Просто боюсь...

Ковшик (*улыбнулась, смотрит на Вербу*). Можете не говорить. Кабы она в жизни такой была...

Верба. Василиса лучше... Только никак не могу уловить выражение ее глаз. Она их всегда немножко щурит. Правда?

Ковшик. Когда я ее на руках носила, так она не щурила, а сейчас кому и как щурит — не знаю.

Верба. Не замечали?

Ковшик. Не приглядывалась. Позвольте вас спросить. Почему вы, Николай Александрович, когда Васи-

лиса на работе, рисуете на берегу, в поле, тут, а когда она приходит, то больше в комнате?..

Верба. Василиса приходит усталая, и в комнате ей легче позировать — свободней себя чувствует. А что, Наталия Никитична?

Ковшик. Это я так спросила, для общего образования, потому впервые вижу, как художники творят.

Верба (*смутился*). Творим как можем.

Ковшик. И долго вы еще будете рисовать Василису?

Верба. О, еще долго! Я хочу ее портрет послать на Всесоюзную выставку, а вы понимаете, какое это ответственное дело. Я должен показать прекрасную душу передовой колхозницы, всю ее красоту, ум, веру в свой труд, благородный порыв...

Ковшик (*перебивает*). Понимаю. Вы лучше все это ей скажите, а то она всю ночь не спала и на работу пошла печальная.

Верба. Может быть, заболела?

Ковшик. Нет. Говорила, что вы телеграмму вчера получили. Может, у вас что случилось и она переживает?

Верба. Ничего особенного. Сестра прислала телеграмму, что выезжает ко мне на два-три дня.

Ковшик. А когда приедет?

Верба. Не разберу. Она у меня немного бестолковая. Никогда точно не напишет. Жаль, что я не смог сказать Василисе. От Сергея вернулся поздно, а она ушла на работу, когда я еще спал.

Ковшик. Скоро придет, скажете. У меня к вам есть один серьезный вопрос и, как говорится, по девичьей линии.

Верба (*встревоженно*). Прошу, прошу...

Ковшик. Только вы мне скажите прямо...

Верба. Скажу, все скажу.

Ковшик. Садитесь.

Верба (*встревожен еще больше*). Ничего, я постою.

Ковшик. Садитесь, садитесь.

Верба сел.

Вы что-то побледнели, не солнцем ли напекло?

Верба. Нет, нет... А... а может быть, да, солнце... Солнце, оно влияет.

Ковшик. Берегитесь... Шляпу надевайте. Дело такое... У нас так заведено — весною или летом молодые влюбляются, а осенью...

Верба. Женятся... У нас тоже так. Вы не думайте, Наталия Никитична... И у нас так... а некоторые и не ждут осени...

Ковшик. Так и у нас, а только большинство осенью.

Верба. Что ж, и осенью можно... Чего ж... пора прекрасная...

Ковшик. И я так думаю.

Верба. Наталия Никитична... Я как раз и собирался вам сказать...

Ковшик (*перебивает*). Вы меня простите, я еще не досказала.

Верба. Извините.

Ковшик. Так вот, приходит осень, и молодые люди идут в сельсовет, в загс расписываться...

Верба. Я понимаю вас... Каждый честный человек должен так сделать.

Ковшик. Верно. И вот, когда они приходят, так что же мы им даем в такую торжественную и, можно сказать, незабываемую в жизни минуту? Вы поняли?

Верба. Нет, нет. Теперь я вас что-то не понимаю...

Ковшик. Мы даем свидетельство о браке. Но какое? Маленькую квитанцию, такую же, какую выдаем за поставку свиней, кожи, кур, уток... А это документ, в котором записано про любовь и скреплена государством семья... Вот я и прошу вас — не нарисовали бы нам большие брачные свидетельства, ну, хоть пятьдесят штук? Этого нам на два года хватит. И чтобы на них были цветы и, может, голубки. Как?

Верба. Можно и цветы и голубков... (*Вынула платок, вытирает со лба пот.*)

Ковшик. В середине — место для записи и для небольшой фотографии — невеста, жених и их родители или родственники. А можно и без родственников. Не все родственники бывают приятными. Правда?

Верба. Можно и без родственников.

Ковшик. А над всем союзный государственный герб, чтобы крепче было, и от него — две красные ленточки, а на них золотом написать хотя бы и так: «Крепкая семья — крепкое государство».

Верба. А... а для чего?

Ковшик. Чтобы каждый читал и знал — разрушаешь семью, сучий сын,— подрываешь и государство. Выходит, таких надо бить.

Верба. Нужно бить, обязательно...

Ковшик. Только у меня на это денег по смете нет, но я вам за это...

Верба. Что вы, Наталия Никитична!.. Да я вам не пятьдесят, а пятьсот штук таких свидетельств нарисую.

Ковшик. И цветы будут?

Верба. И голубки, и соколы, и колоски...

Ковшик. Соколов не надо, эта птица сюда не подходит, а вот колоски — это хорошо... Что ж (*встала*), спасибо вам от всех влюбленных. (*Протянула руку.*)

Верба (*взял ее руку*). Наталия Никитична... Позвольте, как матери... (*Целует ей руку.*)

Ковшик (*взволнованно*). Что вы... Что это вы?

Верба. Я скоро, скоро вам все скажу...

Входит Василиса.

Василиса. Мама, к тебе Иван Петрович пришел.

Ковшик. Иду. Когда же начнете?

Верба. Хотя бы и сейчас. Только нужно еще раз обсудить.

Ковшик. А вы с Василисой посоветуйтесь, а то у меня скоро партсобрание. (*Ушла.*)

Василиса. Вы телеграмму вчера получили. Чтонибудь случилось?

Верба. Нет. Сестра приезжает завтра или послезавтра.

Василиса. Сестра... А как ее имя?

Верба. Гафийка.

Василиса. Почему вы мне неправду говорите?

Верба. Как? Что ты, Василиса...

Василиса. Там в телеграмме не так сказано. Я случайно вчера прочла, вы ее забыли здесь на столе.

Верба. Как же там сказано? Погоди (*ищет*), куда я ее девал? Вот несчастье!

Василиса. Не ищите, я помню, там так: «...еду к тебе. Целую. Агá».

Верба. Агá, Агá!.. Ага... (*Начинает громко смеяться.*)

Василиса. Почему вы смеетесь?

Верба. Это она себе выдумала Агу, а ее настоящее имя Агафия, Гафийка.

Василиса. Сколько ей лет?

Верба. Она всем говорит, что тридцать три, а на самом деле добрых сорок.

Василиса. Красивая?

Верба. Да.

Василиса. А зачем она Гафийку на Агу поменяла?

Верба. Сестра вышла замуж за талантливого инженера, он начальник одного комбината, и решила, что Гафийка ей уже не подходит. Теперь она Ага Щука. Это фамилия ее мужа.

Василиса. А я всю ночь не спала из-за этой Аги...

Верба. Я вижу, у тебя глаза красные.

Василиса. Садись возле меня.

Верба. С радостью.

Смотрят друг на друга.

О, опять глаза щурит. (*Обнимает ее, целует.*)

Василиса. Довольно, а то сюда сейчас придут.

Верба. Никак не могу уловить выражения твоих глаз. Только начинаю вглядываться, а ты их сперва щуришь, а потом закрываешь.

Василиса (*строго*). И я не могу разглядеть, какие у тебя глаза, ты то же самое делаешь.

Верба. Василиса, я хочу поговорить с Наталией Никитичной сегодня.

Василиса. Нет, нет... Не нужно... Еще успеешь.

Верба. Зачем откладывать? Я об этом даже мужу сестры написал, просил, чтобы он выслал костюм и кое-какие вещи...

Василиса. Потому сестра и едет сюда?

Верба. Возможно. Правда, я предупредил, чтобы он не говорил ей ничего, но, видно, не удержался. Чудак! Какой чудак!..

Василиса. Боишься ее?

Верба. Нет... Как тебе сказать...

Василиса. А если я ей не понравлюсь?

Верба. Милая моя, славная, да если она хоть слово плохое о тебе скажет, я ее утоплю... Не беспокойся, приедет, а на следующий день я ей куплю билет и — будь здорова, сестричка! Позволь поговорить...

Василиса. Надо подождать. Боюсь я, Николай, люблю тебя и боюсь...

Верба. Ты опять о том же... А может, ты...

Василиса. Верю, верю тебе (*обняла его*), но боюсь, мой голубь ясный...

Слышны голоса.

Верба. Сюда идут. Помоги мне, Василиса.

Василиса и Верба берут портрет, краски, кисти и идут в дом. Входят Наталия Ковшик и Романюк, подходят к столику, садятся.

Романюк. И зачем ты писателя пригласила? У нас же закрытое собрание.

Ковшик. Он член партии. Напросился, отказать не могла.

Романюк. Ты же знаешь, что он книгу о нас составляет.

Ковшик. Знаю. Лучше пусть выведет нас такими, какие мы есть, а то как начнет выдумывать — хуже будет.

Романюк. Я не против, чтобы он здесь был, только не сегодня. Мы же собираемся поговорить по душам...

Ковшик. Писатель и должен о душе писать.

Романюк. Я все-таки категорическим путем против.

Ковшик. Тогда выступи.

Романюк. Ты что, смеешься? Человек у меня живет, о нас пишет, прославлять нас хочет, а я буду выступать против. Нет, нет у вас патриотизма к своему колхозу, к своему селу. Вы как те... как они, к дьяволу, называются, что в городах объявились,— кос... космопалители... Вот...

Ковшик. Какой же ты патриот? Что ты сделал для села?

Романюк. Мало сделал? После войны людей из землянок в новые дома вывел, все хозяйство на ноги поставил и аж до среднего уровня довел. Кто еще столько, как я, положил труда за идею? Да я из-за нее скоро инвалидом стану. У меня печенька... о... колет... Только разболниуюсь — и колет... Ой, вижу я, что недолго мне осталось. Помру скоро... категорическим путем помру...

Ковшик. Подожди, у нас кладбище до сих пор не огорожено, ни одного дерева не посажено. Давай, кум, приведем его в порядок, помоги, год тебя прошу. А то и в самом деле дашь дуба, что я тогда буду делать? Стыдно председателя колхоза на такое запущенное кладбище не-

сти, да еще без музыки. Оркестра нет. Нас не уважаешь, так хоть себя пожалей, кум...

Романюк. Ладно, кума. Куплю оркестр, куплю. И когда ты дуба дашь, прикажу козачка играть. Танцевать буду от твоего дома до самого кладбища...

Ковшик. Вот видишь, как нам оркестр нужен! Так купишь или опять подведешь?

Романюк. Куплю. Даю слово.

Входят Ветровой, Батура, Вакуленко и Крылатая.

Ковшик. Садитесь.

Романюк (*Крылатой*). Товарищ секретарь, когда начнете собрание?

Крылатая. Скоро, подождем секретаря райкома.

Вакуленко. Приедет?

Крылатая. Я звонила ему. Обещал.

Романюк. Что ж, это хорошо. Надо бы ужин подготовить, собрание затянемся.

Вакуленко. Так я сейчас организую. (*Встал.*)

Крылатая. Садись, садись, без тебя обойдется.

Романюк (*Батуре*). Да, Сергей Павлович, вас Надя ждет. Вы обещали поехать с ней за грибами.

Батура. Я предупредил, что не смогу.

Романюк. Ага... А если наскучит слушать наши дела, то лошади готовы, и Надя сказала, что будет ждать вас.

Ветровой. Раз условились, нужно ехать...

Батура. Я хочу здесь побывать.

Романюк. Воля ваша... Эх, дела!..

Крылатая. Чего так тяжело вздыхаешь?

Романюк. Я сегодня объездил все наши поля и окончательно убедился — попали мы в очень неприятную хвату. Дожди прошли большие, и сорняки растут, будто их каждую ночь черти сеют. Разволновался я, что даже печенка заболела. Только на свекле легче стало. Там чисто.

Ветровой. Потому что Василиса со своим звеном каждый день на поле солнце встречает.

Романюк. Подтянем всех, не об этом я хочу сейчас говорить.

Крылатая. А я думаю, с этого надо начинать. Дни идут. Послушайте, Иван Петрович, что на пленуме ЦК

сказал секретарь. (*Раскрыла книжечку, читает.*) «Уход за посевами — важнейшее условие увеличения валового сбора всех сельскохозяйственных культур. Это должно быть теперь нашей основной работой».

Ковшик. Ты читал этот доклад?

Крылатая подает Романюку книжечку.

Романюк (*взял книжечку, смотрит*). Начал, да не дочитал — нет времени читать, с утра до ночи крутишься в колхозе, как муха в кипятке. Да еще и очки у меня довоенные,— верно, уже не подходят. Глаза болят.

Ковшик. Купи новые.

Романюк. Пробовал, да никак не подберу. К старым уши привыкли, а новые очень натирают, вот здесь болит. (*Показывает.*) А вы что-то записываете, Сергей Павлович?

Батура. Так, отдельные слова... У вас очень образные выражения.

Романюк. Образные?.. Может быть. Мы как думаем, так и говорим.

Ветровой. Не всегда.

Романюк. На реплики не отвечаю. Чтобы было ясно товарищу писателю, почему мы попали в такую неприятную хватку, я вспомню прошлый год. Я еще тогда категорическим путем настаивал — не можем мы сеять столько кукурузы, подсолнуха, хлопка, проса... Меня тогда на активе райпаркткома Карп Корнеевич обозвал оппортунистом. А что вышло? Весной нам подбросили еще и чумизу. Вот и попробуй спровоцируй!

Ветровой. Назвал и буду называть, пока вы не научитесь по-большевистски расставлять рабочую силу и требовать от каждого...

Романюк. Призовите его к порядку, а то я в ответ могу такое сказать...

Ковшик. Скажите, обязательно скажите...

Вакуленко. Мы же не для ругани здесь собрались.

Ковшик. А что же, целоваться, когда под угрозой урожай? Не только ругать,— бить нужно.

Романюк. Кого?

Ветровой. Созывайте, Иван Петрович, общее собрание колхоза и начинайте бить лентяев и тех, кто их покрывает. А если не хотите ссориться с ними, то под-

ставляйте свою спину и тогда не обижайтесь — ударим так, что на весь район волна пойдет. Другого выхода нет.

Романюк. Не пугай, я пуганый.

Батура. Разрешите вопрос, Иван Петрович. Я познакомился с колхозной бухгалтерией. Трудодней у каждого колхозника порядочно...

Романюк. У нас лодырей нет, все на работу выходят.

Ветровой. Выходят, но вы спросите: как работают? Там, где один справиться может, крутятся пятеро.

Романюк. Почему пять? Скажите — двадцать пять, будет цифра круглее. Эх, жаль, что не умею я сочинять, я бы вас, Карп Корнеевич, так показал!.. Ух! В самую что ни на есть комедию всунул...

Батура. Простите, так вот почему у вас трудодней много, а колхоз, как вы говорите, попал в неприятную фазу?

Романюк. Вы видели, какое у нас теперь сложное хозяйство? Это вам не пшеничку сеять. Столько культур, и какие! У нас даже кунжут растет.

Батура. Что это — кунжут?

Романюк. О, слышали? Даже товарищ писатель, великой культуры человек, и то не знает, что такое кунжут. А вы требуете, чтобы в моей голове все вмешалось. (*Батуре.*) Кунжут — культура пропашная, около нее хорошо работать нужно, а дает она ценное семя, которое идет в кондитерские изделия, халву из него делают, а в медицине всякие мази для женщин.

Батура. Благодарю вас.

Романюк. Пожалуйста.

Батура. И все-таки мне не ясно, в чем ваши трудности. Село большое, людей много...

Ковшик. Вакуленко, не спи.

Вакуленко. Правильно... А?

Романюк. Об этом долго рассказывать. Я вам дома подробно...

Ветровой. Дело простое. Вы видели, две молодухи везли бочку воды для трактористов?.. Каждая из них может выпить после обеда такую бочку, а за эту работу получают трудодни полностью. В этом корень.

Крылатая. Введите такие нормы, как в нашем звене, тогда не только сорняков не будет на полях, а урожай устроим.

Романюк. У вас же самые высокие нормы. Вы знаете, Сергей Павлович, таких звеньев во всем районе мало. Разве я могу всех равнять по ним? И на заводах есть передовые и есть отсталые. Правда?

Батура. Правда.

Романюк. Вы человек культурный, скажите, могу я в такую хватацию входить?

Батура. А вы среднее возьмите.

Крылатая (*Батуре*). Простите, но в этом вы не понимаете... Нужно всем дать нашу норму, а мы свою завтра удвоим. Такое среднее дайте.

Романюк. Как удвоите?

Крылатая. Василиса нашла способ. Увидите.

Романюк. Не могут все так работать, как вы.

Крылатая. А почему у Дубковецкого, Посмитного все могут? Разве наши люди не такие же, разве наша земля не такая, разве у нашего председателя нет головы?.. Кажется, есть.

Романюк. Что вы мне все Дубковецкого и Посмитного под нос тычете? У меня от них уже насморк хронический. Я девятнадцать лет председательствую. (*Батуре.*) Если уж записываете, то для точности пишите двадцать. В этом году юбилей. Разве я не хочу таким быть, как Дубковецкий, и во всех центральных президиумах сидеть, и с членами правительства па портретах сниматься? Не могу я каждому колхознику вложить в голову свой мозг. Не доросли наши.

Ветровой. Это верно, чтобы вложить, нужно самому много иметь, а что у вас есть? Дальше своего района нос не показываете, а люди ездят учиться, перенимают опыт.

Романюк. У меня нет времени на экскурсии ездить. Вы лучше скажите, почему из нашего села четверо на агрономов выучились, а где они? Двое в области бумаги переписывают, а двое в столице пристроились. Почему нет такого указа — выучился, возвращайся в свое село и отработай хотя бы пять лет за пампушки, какими тебя здесь кормили?

Ветровой. Напишите об этом, Сергей Павлович. Это правда.

Романюк. Не на кого опереться.

Ковшик. А зачем ты Карпа Корнеевича сплавил рыбку ловить, а на его место Вакуленко взял?

Вакуленко (*проснулся*). Верно, справедливо... А? Романюк. Двух председателей в колхозе быть не может. Люди избрали меня.

Ветровой. Давайте ближе к делу. Когда собрание созовете?

Романюк. Собрания не будет.

Ковшик. Как? Весной ты не созывал, потому что сев...

Романюк. После уборки. Теперь не время демократию разводить. Сегодня объявлю — каждого, кто к первому обработает гектар пропашных, премиую поросенком.

Вакуленко. Вот это мысль! Все прополют, и беды знать не будем.

Ковшик. Из своего сарай?

Романюк. С фермы, а из осеннего опороса пополним.

Ковшик. А кто же разрешит?

Романюк. Я хозяин. Я отвечаю за урожай, спрашивать никого не буду.

Ковшик. Не заносись, Иван. Ферму разрушишь, и урожая не будет.

Романюк. Будет, как я говорю.

Крылатая. Нет, не будет!

Романюк. А я говорю — будет!

Крылатая. Сейчас приедет секретарь райкома. Я уверена, он нас поддержит. Нужно людей поднять, а не раздавать поросят, потакать лодырям.

Наталия Ковшик уходит в дом.

Ветровой. Я поеду в обком. (*Встал.*)

Романюк. Чего?

Ветровой. Расскажу, как мы перед вами кланяемся, уговариваем, как нас в районе все милят, и попрошу разрешения устроить вам, Иван Петрович, юбилей, чтобы вас поблагодарили и попрощались с вами.

Романюк (*Багуре*). Видели, Сергей Павлович, какую я помочь имею от бюро нашей партийной организации? Запишите в точности, чтобы все прочитали. Я работаю, день и ночь работаю... Все люди довольны, а им все мало, мало и мало...

Ветровой. Нам всегда будет мало, на то мы коммунисты.

Романюк. А разве я не состою в партии?

Ветровой. Состоите.

Романюк. Так кто же я такой?

Ветровой. Состоящий в партии.

Романюк. Выходит, и я коммунист.

Ветровой. Как раз и не выходит.

Романюк. Как не выходит? Отвечай мне, в какой я партии состою?

Ветровой. Вы состоите в Коммунистической партии, но вы не настоящий коммунист.

Романюк. А какой же, по-твоему, настоящий коммунист?

Ветровой (*спокойно*). Тот, кто навсегда в своей душе рас прощался с мужиком...

Романюк. А чего мне с ним прощаться, что я — из графов?

Ветровой. Кто борется за то, чтобы у нас культура труда и культура жизни не отличалась от промышленных рабочих и от интеллигенции...

Романюк. Ну что ты плетешь? Да в такую хваницию даже писатели не залетают. Правда, Сергей Павлович?

Ветровой (*резко*). Десятки колхозов уже так живут. Раз они могут, выходит — все могут.

Романюк (*Батуре*). Сейчас снова начнет говорить о Дубковецком, Посмитном... Вот увидите...

Ветровой. Буду каждый день, каждую минуту, потому что им и нам государство дает лучшие машины, потому что им и нам служит передовая наука, потому что для них и для нас один ЦК и одни указания партии, одна программа, которую они выполняют, а мы ковыляем, как старые клячи. На крейсере сидим, а веслами гребем. Да разве так можно?

Романюк. Тише едешь, дальше будешь. Пойдемте, Сергей Павлович, пока секретарь райкома приедет, я вам кунжут покажу. Интересное растение.

Крылатая. Подожди, в другой раз покажешь...

Вбегает Пурхавка.

Пурхавка. Секретарь райкома приехал...

Крылатая. Пошли. Начнем собрание...

Все выходят. Входит Крым, в руках у него чемодан и зонтик. За ним идет Ага Щука. Она одета претенциозно. На руках большие браслеты, на пальцах кольца, на

шее несколько ниток бус, в ушах большие серьги, на голове высокая шляпа.

Крым. Сюда, мадам. Это их цветник, а это дом. Художник здесь живет. Позвольте в дом...

Ага. Нет, нет. Я здесь приведу себя в порядок. Поставьте чемодан.

Крым поставил чемодан.

Мерси.

Крым. Пурле франсе, мадам?

Ага. Нет, не говорю, только читаю...

Крым. Шпик энглиш, мадам?

Ага. Откуда вы иностранные языки знаете?

Крым. О мадам! Я моряк, бывший боцман со шхуны «Стрела». Я Черное и Средиземное моря знаю как свои пять пальцев. Во всех больших портах мира бывал.

Ага. Вы были во многих странах?! Какой вы счастливый — много видели.

Крым. Во всех странах, где был подходящий товар.

Ага (*вынула из кармана плаща деньги, подает*). Пожалуйста, за ваш труд.

Крым. Что вы, не нужно!.. (*Протянул руку, берет деньги.*) Не нужно... Я смотрю на вас, мадам, и вспоминаю испанский порт Кадикс. Только там я встречал таких женщин, как вы. Клянусь головой акулы.

Ага. Неужели я похожа на испанку?

Крым. Как шхуна на крейсер, мадам... В вас есть что-то такое... (*Поднял одну руку вверх, а другую протянул вперед, напевает*) Тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля... тру-ля-ля...

Ага. Спасибо за комплимент. Будьте здоровы.

Крым. Адью, мадам. Три румба правый борт. (*Уходит, напевая.*) Тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля...

Ага садится возле столика, снимает туфлю, вытряхивает песок. Из дома выходит Наталья Ковшик.

Ага. У вас такой песок...

Ковшик. Добрый день!

Ага. Добрый день! (*Постукивает туфлей по столику.*) Будьте любезны, подайте мне чемодан.

Наталья Ковшик ставит чемодан на столик.

Благодарю. (*Надевает туфлю.*)

Ковшик. Вы, верно, сестра Николая Александровича?

Ага. Да. Позовите его.

Ковшик. Он пошел на берег, скоро вернется. Позвольте познакомиться.

Ага. Ага Александровна Щука.

Ковшик. А я Наталия Никитична Ковшик.

Ага. Наталия... У меня домашняя работница Наталия и, знаете, на вас похожа. Тоже из села, малограмотная, но симпатичная, очень симпатичная.

Ковшик. И хорошо вам служит?

Ага. Старается.

Ковшик. Старается... Может, в дом зайдете?

Ага. Нет, я здесь подожду Колю. Так душно. Можно у вас воды попросить?

Ковшик. А может, молока холодного?

Ага. Нет, нет. Молоко мне категорически запретил мой врач.

Ковшик. Вам воды принесет моя дочь, а меня прощите — я должна идти.

Ага. Пожалуйста.

Ковшик уходит. Ага достала из чемодана большую сумку, раскрыла, поставила зеркало на чемодан и начала пудриться, красить губы и поправлять прическу. Из дома выходит Василиса, в руке у нее на блюдечке стакан с водой. Она остановилась, удивленно смотрит на Агу, которая, не замечая ее, выкручивается перед зеркалом. Когда Ага закончила туалет, Василиса подходит.

Василиса. Здравствуйте.

Ага кивнула головой, смотрит на нее.

Прошу вас. (*Подает воду.*)

Ага. Спасибо. (*Пьет, рассматривая Василису.*) Садись, милочка...

Василиса. Мое имя не Милочка, а Василиса, а отчество Дмитриевна. (*Садится.*)

Ага. Так это вы Василиса?

Василиса. Я Василиса, а что?

Ага. Ничего...

Василиса. А вы Агá...

Ага. Я не Агá, а Ага... Ага Александровна.

Василиса. Как вам ехалось?

Ага. Очень плохо. Представляешь, моя милочка...

Василиса. Василиса.

Ага. Василиса.

Василиса. Дмитриевна.

Ага. Дмитриевна... Международного вагона на этой линии нет, только мягкий. В купе напротив меня сидел какой-то неприятный тип, все время смотрел на меня и икал. Я так разнервничалась... (*Взяла стакан, сделала глоток и икнула.*)

Василиса улыбнулась.

Простите, это у меня от волнения.

Василиса. Может, и он был взволнован?

Ага. Нет! Просто некультурный хам.

Василиса. Может быть, перекусите, пока придет Николай Александрович?

Ага. В это время я не ем. Мой врач категорически запретил.

Василиса. По вас не видно, что вы больны.

Ага. Ах, моя милочка...

Василиса. Василиса.

Ага. Демьяновна.

Василиса. Дмитриевна.

Ага. Дмитриевна... У меня очень плохое состояние здоровья. Мой муж, Кондрат Варфоломеевич, созвал выдающихся профессоров, но наша медицина еще так бессильна, так бессильна...

Василиса. Разве?

Ага. Факт! Ничего у меня не нашли, а я очень больна. (*Взяла стакан, посмотрела на Василису и поставила стакан на стол.*)

Василиса. У нас отдохнете. Село наше как сад, а речка...

Ага. Я люблю село, очень люблю. Я ведь родилась на селе, но это было так давно, так давно...

Василиса. Неужели вам так много лет?

Ага. Годы здесь ни при чем. Культурный человек, когда что-нибудь приятное вспоминает, всегда говорит: «Это было так давно», чтобы подчеркнуть настроение.

Василиса. Агá...

Ага. Не Агá, а Áга.

Василиса. Простите, я помню... Ага Александровна поживите у нас.

Ага. К сожалению, не могу. Мой врач требует, что-

бы я жила в это время месяц в Сочи, а потом месяц в Кисловодске.

Василиса. Два месяца на курорте?

Ага. Два месяца. Это так утомляет! Кондрат Варфоломеевич просто не узнает меня после курорта. Я возвращаюсь такая изнуренная, такая изнуренная... (*Выпила воды и снова икнула.*) Этот хам в вагоне меня просто заразил каким-то икальным вирусом.

Василиса. А может, вы что-нибудь съели?

Ага. Ничего особенного. Что я съела?.. Котлетку, бутерброд с икрой, два бутерброда с ветчиной и цыпленка... Я на строгой диете.

Василиса. Видно по вас.

Ага. Что видно?

Василиса. Что вы очень утомлены.

Ага. Да, утомлена. В Сочи отдохну. Забираю Колю и прямо в Сочи.

Василиса. И Николай Александрович...

Ага. Да. Коле нечего терять здесь время. Он портретист. Кого он здесь будет рисовать? Ну сами скажите.

Василиса. Разве у нас нет людей? Разве нельзя их хорошо нарисовать?

Ага. Люди везде есть, а в Сочи в это время отдыхают известные генералы, народные артисты. А для художника главное не то, как рисуешь,— это формализм, а то, кого рисуешь,— это реализм. Это вопрос очень серьезный. Он к ответственной выставке готовится. Понимаете?

Василиса. А если Николай Александрович не поедет с вами?

Ага. Поедет. У него есть обязательства интимного порядка. В Сочи его ждет Людмила Аполлоновна, дочь нашего приятеля. Он начал ее портрет, но не закончил. Только между нами — она безумно любит его.

Василиса. А он?

Ага. Ужасно!.. Это будет блестящая пара: талантливый художник и необыкновенная балерина. Свадьбу отложили на осень — теперь в городе никого нет, все на дачах...

Входит Верба.

Верба. Кого я вижу! Моя сестричка дорогая...

Ага. Ну, как ты здесь живешь, мой мальчик? (*Обнимает его, целует.*)

Верба. Хорошо. А как ты, моя щучка?

Ага. Благодарю. Я тебе письмо от Людочки привезла...

Верба. Из Сочи прислала?

Ага. Она там так скучает!..

Верба (*улыбнулся*). Скучает... Бедная, вероятно, еще не успела...

Василиса уходит.

Верба. Василиса... Василиса!..

Василиса не обернулась.

Что случилось?

Ага. Не знаю.

Верба. Василиса! (*Быстро пошел за ней.*)

Ага. Коля, Коля! (*Села, потом встала, осмотрелась, вынула из чемодана огромный бутерброд, ест.*)

Вбегает Верба, стал перед ней.

Хочешь бутербродик, мой мальчик?

Верба. Что ты ей сказала? Прекрати жевать!.. Отвечай!

Входит Наталия Ковшик, стала, смотрит. Ее не замечают.

Ага. Успокойся. Я сказала, что мы едем в Сочи, что тебя ждет Людочка... Она кроме письма четыре телеграммы прислала. Вот они... (*Открывает чемодан.*)

Верба (*взмахнул рукой, полетел чемодан, из него выссыпались вещи, среди которых кольцо колбасы, две жареные курицы*). Вон отсюда, вон сейчас же, не то я тебя утоплю в болоте! Слышишь, утоплю в болоте... (*Ушел.*)

Ага всхлипывает. Подходит Наталия Ковшик.

Ковшик. Не плачьте.

Ага. Утопить хочет...

Ковшик. Не волнуйтесь, не утопит. У пас нет болота, а в реке не позволим,— там вода чистая, скотина пьет... (*Сложила руки на груди.*) Собирайте чемодан и идите за мной.

Ага плача подошла к чемодану, собирает вещи. Наталия Ковшик улыбаясь смотрит на нее.

Занавес

Картина вторая

Декорация та же, что и в предыдущей картине. Утро. Возле столика сидит Верба. Он посмотрел на часы, встал. Входит Батура.

Верба. Прости, Сергей, что я так рано послал за тобой. У меня большие неприятности. Я на краю пропасти...

Батура. Мы, кажется, еще не поздоровались? Доброе утро, Николай Александрович.

Верба. Утро доброе, а дела мои — как темная ночь...

Батура. Нельзя ли без романтических фраз? Они для меня, как муха в кофе, а я еще не завтракал.

Верба. Не шути, Сергей. Здесь дело моей чести.

Батура. Пропал завтрак! Что ж, я к вашим услугам. Готов быть секундантом.

Верба. Сергей!.. (*Пауза.*) Помоги или уходи.

Батура. Прости, друг... Что с тобой? Говори.

Верба. Приплыла!..

Батура. Кто?

Верба. Щука...

Батура. А... Ага Александровна. Вслед за телеграммой появилась. Какая энергия! Милая дама. Ну и послал тебе бог сестричку! Одна или с балериной?

Верба. Одна.

Батура. Тогда полбеды. Поручи мне, старому спиннингисту. Я ее так подсеку, что она сегодня же очутится в вагоне.

Верба. Сегодня она уезжает.

Батура. Так, так... Уже состоялась лирическая беседа между братцем и сестрицей?

Верба. Да.

Батура. Выходит, все в порядке.

Верба. Она такое обо мне наговорила, что Василиса перестала со мной разговаривать и даже...

Батура. Что?

Верба. Попросила оставить их дом. Ну что мне делать? В прошлом году вдову на добрый центнер мне сватала, а весной балерину на меня натравила. И я, дурак, не разобрался, начал ее писать...

Батура. Скромную, тихую, талантливую Людочку. Кажется, так ты говорил?

Верба. Идиот!

Батура. Благодарю.

Верба. Не ты, а я.

Батура. Люблю самокритику. Я тебя предупреждал — смотри, щука тигра привела.

Верба. Топить, топить нужно их...

Батура. Выплывет. Эта порода удивительно живучая. Я не раз думал, как могут умные работяги, достойные уважения мужчины носить на своей шее добровольно такое ярмо и даже гордиться этим...

Верба. Василиса сказала при матери: «Очень прошу вас оставить наш дом».

Батура. Добрая душа у нее. Я бы твои вещи еще вчера выбросил на улицу.

Верба. Что?

Батура. Получил телеграмму? Нужно было поехать на вокзал, нанять двух сильных парней, приветствовать ее, а потом «вместе взяли» и через окно в вагон.

Верба. Дурак!

Батура. Кто?

Верба. Я.

Батура. Трудно возразить.

Верба. Придется вещи перенести к тебе.

Батура. Не спеши. Я верю в Василису. Она умная, любит тебя и поймет. Ну, выше голову... У меня куда хуже дела... (Пауза.) Оставляю Калиновую Рощу.

Верба. Как?

Батура. Так, решил. Нужно.

Верба. У тебя такие широкие планы были. Хотел написать роман...

Батура. Роман я напишу, непременно напишу, но, чтобы не стать героем собственного произведения, да еще в слишком неприглядном свете, я должен как можно скорее отсюда уехать.

Верба. Понимаю. Бежишь от того, что искал годы...

Батура молчит.

А если ты больше не встретишь?..

Батура. И все-таки не могу я вырвать из своей души чувство дружбы, солдатской дружбы, которое согрело мое слово... Я написал о нем книгу, в нее поверили. Сколько писем я получил! Сколько молодых читателей хотят быть такими, как мой моряк!.. Если же я изменю этой дружбе, кто знает, не упадет ли мое слово, как этот

пожелтевший лист... (*Поднял лист.*) Думаю, что так и будет... (*Встал, прошелся, смотрит на лист, выпустил из рук.*)

Верба. А если она его не любит?

Батура. Любит, но еще не осознала до конца свою любовь.

Верба. А разве так бывает?

Батура. Бывает любовь с первого взгляда, она вспыхивает, как искра, и часто скоро гаснет. Но есть более сложный путь, когда человек осознает любовь через мучительные сомнения, идет не прямой дорогой, и так любовь высекает пламя... Я случайно попал на их дорогу... Надо сойти...

Верба (*подходит к нему*). Сергей!.. (*Протянул ему руку.*)

Батура (*крепко пожал его руку*). Пойдем ко мне, Николай.

Верба и Батура идут, навстречу им выходит Кандыба, у него в руках тетрадь.

Кандыба. Какой счастливый случай!

Батура. Необычайный.

Кандыба. Доброе утро.

Батура. Доброе утро.

Кандыба. Никак не думал, что здесь вас встречу, глубокоуважаемый Сергей Павлович. Какой счастливый случай.

Батура. Иди, Николай, я сейчас догоню тебя.

Верба уходит.

Кандыба. Я сегодня солнце встречал над рекой. Представьте — туман, словно гигантские крылья...

Батура (*перебивает*). Давайте. (*Протянул руку.*)

Кандыба. Позвольте прочитать...

Батура. Давайте. Я вам двадцатый раз говорю — на слух не воспринимаю стихи.

Кандыба. Прошу. (*Подает.*) Когда разрешите прийти к вам?

Батура. Когда представится «счастливый случай». А он к вам приходит часто... (*Улыбнулся, молча перелистывает тетрадь.*) Опять то же...

Кандыба. Плохо?..

Б а т у р а. Нет, но приблизительно... Послушайте, Мартын Гаврилович, у вас огромная энергия, а вы ее даром тратите.

К а н ды б а. Позвольте вопрос — почему?

Б а т у р а. Не будете вы поэтом. Стихи пишут все, а настоящих поэтов не так много.

К а н ды б а. Вы советуете мне бросить писать? Ваш холодный приговор осуждает меня на смерть.

Б а т у р а. Наоборот, я хочу, чтобы вы писали, ведь вас все равно ничто не остановит. Даже если бы вам руки и ноги связали, вы будете носом писать. Правда?

К а н ды б а. Святая правда.

Б а т у р а. Дайте мне слово, что выполните мой совет и просьбу.

К а н ды б а. Как перед родным отцом и матерью...

Б а т у р а. Верю, верю. Слушайте внимательно. У вас в селе есть один необычайной красоты человек, душевной красоты. И вы его очень хорошо знаете.

К а н ды б а. Кто?

Б а т у р а. А ну подумайте.

К а н ды б а. Убейте, не вспомню.

Б а т у р а. Живите. Я помогу вам,— Наталия Никитична Ковшик.

К а н ды б а (*отступил*). Что?

Б а т у р а. Не хлопайте глазами и слушайте. Заведите себе дневник и записывайте, как она каждый день принимает людей, с чем к ней приходят и что она им отвечает. Только точно. Ничего не выдумывайте — это самое главное. Точность! Можете это сделать?

Пауза.

К а н ды б а. Так это же ерунда!

Б а т у р а. Ваши стихи, простите, ерунда, а это — чистое золото. Каждый месяц присылайте мне, я отредактирую ваши записи, и, гарантирую, они будут изданы с моим предисловием.

К а н ды б а. Вы напишете предисловие?

Б а т у р а. Напишу, даю слово. Не буду скрывать, и мне вы поможете еще глубже почувствовать душу Наталии Никитичны. За это вам всегда буду благодарен. Итак, издаем дневник Мартына Кандыбы.

К а н ды б а. Позвольте, позвольте вас обнять.

Батура. Что ж, обнимемся, коллега. (*Обнял Кандыбу, смотрит на него.*) В добрый путь, друг мой! (*Потягивал, ушел.*)

Кандыба смотрит ему вслед, потом переводит взгляд на свою тетрадь, перелистывает страницы, что-то тихо шепчет, вздыхает, прячет тетрадь в карман и уходит с гордо поднятой головой.

Входит Василиса. Она в костюме, на груди орден Ленина, с ней ее подруги по звену — Екатерина Крылатая, Ольга Косарь, Оксана Давидюк, Пелагея Грудченко, Варвара Пурхавка. У каждой орден Трудового Красного Знамени. У них в руках книги и тетради.

Василиса. Садитесь, я сейчас приду. (*Ушла в дом.*)
Крылатая. И сердитая сегодня наша звеньевая!
Косарь. Такой Василису я еще не видела. Как огонь.

Пурхавка. Почему она свою злость на мне срывает?
Давидюк. Потому что опять не выучила...

Пурхавка. Я о Мичурине хорошо ответила.

Крылатая. А о севооборотах не сказала.

Пурхавка. Такие вечера теперь, что мне ну никак севообороты товарища Вильямса в голову не идут.

Давидюк. Бедная наша Пурхавка!

Косарь. Может, Варвара Алексеевна заболела?

Крылатая. Разве не видно?

Давидюк. Какой же болезнью?

Крылатая. Той, о которой в песне поется.

Запевает, ей подтягивают Грудченко, Давидюк и Косарь.

Ніхто ж не винен, тільки я,
Тільки я, тільки я,
Що полюбила Мартина,
Мартина, Мартина.
Личко біленьке, хоч малюй,
Хоч малюй, хоч малюй,
Губки рум'яні, хоч цілуй,
Хоч цілуй, хоч цілуй.
Очі чорненькі, хоч дивись,
Хоч дивись, хоч дивись,—

Хлопець до сердя, хоч тулись,
Хоч тулись, хоч тулись.

Из дома выходит Василиса.

Василиса. Звонил агроном из МТС, прочитает нам лекцию в субботу в восемь часов вечера.

Пурхавка. В субботу, да еще так поздно! Раньше десяти и не кончит...

Крылатая. Один вечер Кандыба без тебя на речке посидит.

Василиса. Товарищ Пурхавка, ты почему спала вчера на поле?

Пурхавка. У меня голова болела.

Василиса. Неделю ходишь на работе сонная. В кружке не учишься. Тебе ведь только восемнадцать лет! Может, исключим Пурхавку из звена? С нас пример берут, а какой можно с нее пример взять?

Пурхавка в слезах.

Не плачь, а скажи, почему на работе спишь?

Пурхавка. Это все Мартын Кандыба. Он мне в лодке до утра стихи читает... (*Плачет.*)

Василиса. Какие стихи?

Пурхавка. Про... про любовь...

Все рассмеялись.

Василиса. Стихи-то хоть хорошие?

Пурхавка. Чьи?

Василиса. Кандыбы.

Пурхавка. Плохие.

Василиса. Так зачем же слушаешь?

Пурхавка. Он не только свои читает, а Лермонтова и Леси Украинки...

Василиса. А... Лермонтова, Леси... Это смягчает твою вину, но...

Пурхавка (*перебиваєт*). Даю слово, больше не буду слушать.

Василиса. Слушай, только не до утра, а хотя бы до одиннадцати...

Пурхавка. Хорошо.

Василиса. Вы, Екатерина Ивановна, будете выступать в конце собрания?

Крылатая. Первой возьму слово.

Василиса. А вы, Ольга Анисимовна?

Косарь. И я выступлю.

Василиса. А Оксана Сергеевна?

Давыдюк. Я не умею говорить. Больше двух слов не связжу.

Василиса. А больше и не нужно. Скажите только — этот лентяй, этот пьяница Вакуленко родственникам трудодни приписывает.

Косарь. Так можно.

Василиса. А я навалюсь на председателя. Пока не оборвут ему весь чуб, не сойду с трибуны. (*Смеется.*)

Крылатая. Боюсь, после моего выступления у него и волос на голове не останется. Вот, целую тетрадь исписала. Я на цифрах покажу, как кто работает. Карпа Корнеевича надо поддержать.

Василиса. Вот бы его председателем колхоза поставить!

Грудченко. Так он ведь неженатый.

Крылатая. Ну так что?

Грудченко. Ничего, но я считаю — председатель обязательно должен быть женатый, иначе упадет дисциплина.

Крылатая. Не упадет. У него крепкий характер. А ты, Пелагея Ивановна, выступишь?

Грудченко. Если настроение будет, выступлю.

Крылатая. Какое ж тебе настроение нужно?

Грудченко. Василиса, скажи, художник надолго приехал?

Василиса. Не знаю.

Грудченко. Женат он?

Василиса. Нет, а что?

Грудченко. Сегодня встретил меня, говорит — разрешите портрет с вас нарисовать. Удивительный человек!

Крылатая. Почему? Он затем сюда и приехал, чтобы нас рисовать.

Пурхавка. И ты согласилась?

Грудченко. Нет.

Пурхавка. Почему?

Грудченко. Я ему сказала — приходите вечером, а он говорит — вечером не могу рисовать, только утром. А какое же утром рисование, когда на работу спешишь?..

Из дома выходит Ага Щука с чемоданом и зонтиком в руках.

Крылатая. Кто это?

Василиса. Сестра художника. Вчера приехала, а сегодня уезжает.

Ага подходит.

Ага. Доброе утро.

Все. Доброе утро.

Василиса. Садитесь, Ага Александровна. Сейчас за вами подъедут.

Ага. Мерси. (*Садится, Василисе.*) А я не знала, что у вас орден, да еще и Ленина...

Василиса. Не только у меня орден. Знакомьтесь, это мои подруги по звену.

Ага. Очень приятно. Ага Александровна Щука.

Все знакомятся. Ага смотрит — у всех на груди ордена.

Как легко получать на селе ордена, а в городе теперь очень трудно.

Крылатая. Разве? А вы где работаете?

Ага. Я? Нигде.

Крылатая. А делаете что?

Ага. Я? Ничего. Муж мой работает.

Крылатая. У вас, верно, маленькие дети?

Ага. Нет. У меня нет детей.

Крылатая. Нет? А позвольте спросить, что же вы — лежите целый день или как?

Ага. Наоборот, я очень много хожу.

Крылатая. Не пойму...

Ага. Работает мой муж. Он хорошо зарабатывает. Что здесь непонятного?

Крылатая. А у нас, простите, тех, кто совсем не хочет работать, вызывают на общее собрание и, если они не каются, вон из села выгоняют, чтобы не портили колхозную семью.

Ага. И власти разрешают такое самоуправство?

Василиса. Представьте себе, даже идут нам на встречу.

Ага. У нас такого не может быть. Никто не разрешит.

Василиса. Попросят, так разрешат. Да и время выручать бедных батраков, что работают на таких, как вы.

Ага. Что?

Крылатая. Кто не работает — не должен есть.

Слышно — подъехала подвода.

Василиса. За вами приехали. Может, вам помочь?
Ага. Нет, нет, благодарю.

Слышна песня: «Тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля, тру-ля-ля». Входит Крым.

Крым. Случайно узнал, что вы, мадам, отдаете концы.

Ага. Что такое?

Крым. Отчаливаете на вокзал. Позвольте помочь вам?..

Ага. Возьмите чемодан.

Крым. Как жаль, мадам, что вы так скоро отчаливаете. Я бы вам показал наши воды, посадил бы вас в мою гондолу и в камыши повез... Какая там красота!

Ага. Но-но, меня не интересует ваш камыш... Отнесите вещи.

Крым. Есть. (*Берет чемодан и зонтик.*)

Входит Верба.

Ага. Я так и знала, что ты придешь.

Верба (*подошел к Василисе*). Василиса Дмитриевна, можно вас попросить на несколько минут?

Василиса. Нет. Сейчас не могу.

Верба. А позже?

Василиса. И позже не смогу.

Ага (*улыбнулась*). Николай, может, ты меня хоть до подводы проводишь?

Верба. Только в могилу. (*Ушел в дом.*)

Ага. Что такое?

Крым. Мадам, они высказались, как моряк,— коротко и точно. Советую вам поскорей отчаливать, будет шторм.

Ага. Хам!..

Василиса. Будьте здоровы.

Ага. Прощайте.

Крым. Попутный ветер, мадам!

Ага уходит. За ней Крым, он раскрывает зонтик, несет чемодан и старается зонтик держать над головой Аги.

Из дома выходит Наталия Ковшик.

Ковшик (*издали*). Василиса!

Василиса. Сейчас, мама. (*Подругам.*) До вечера.

Все. До вечера.

Девушки уходят. Василиса подошла к матери.

Ковшик (*обняла ее*). Я хотела тебе сказать...

Василиса. Что, мама?

Ковшик. Он вещи складывает...

Василиса. И хорошо делает.

Ковшик. Просит, чтобы ты разрешила ему дорисовать.

Василиса. Нет, этого не будет. Не будет! Пусть дорисовывает свою артистку, а мы обойдемся...

Ковшик. Не расстраивайся. Я ведь тебя не уговариваю...

Василиса. Я не расстраиваюсь.

Ковшик. Ты вся дрожишь...

Василиса. Это от злости, а не от волнения. И как я могла поверить?.. Дура, убила бы себя!

Ковшик. А может, его сестрица и лишнее наговорила?

Василиса. Она мне целую ночь рассказывала. Даже фотографию показала.

Ковшик. Какую?

Василиса. Говорить стыдно...

Ковшик. Скажи.

Василиса. Стоит он, а возле него голая артистка.

Ковшик. Голая?

Василиса. Вот такая только (*показывает*) юбочка на ней — и все. Артистка ему руку на плечо положила, улыбаются оба и смотрят на ее большой портрет, а на портрете она еще и ногу подняла.

Ковшик. А может, она кого-нибудь изображает?

Василиса. Голая? Изображает, только не кого-нибудь, а просто...

Ковшик. И все-таки попрощаться нужно.

Василиса. Мама, я не могу с ним говорить... Не могу...

Ковшик. Не говори, так хотя бы руку подай, а то выйдет, что ты...

Василиса. Неужели вы не понимаете?

Ковшик. Понимаю, дочка, и хорошо понимаю, а ты держись. Вон он идет...

Из дома выходит Верба, в руках у него чемодан, кисти, ящик с красками, на спине подрамники, холсты. Он подошел ближе, выпрямился, и все полетело с его спины.

Подождите, я вам помогу.

Верба. Ничего, не беспокойтесь, я сам... (*Собирает вещи.*) Я хочу несколько слов вам, Василиса Дмитриевна, и вам, Наталия Никитична, сказать... если разрешите...

Ковшик. А чего ж, говорите, только лучше сядем. Садитесь.

Ковшик села, напротив сел Верба.

Садись, Василиса.

Василиса. Я отсюда услышу. (*Села на пенек.*)

Верба. Я хочу сказать вам... дело в том...

Пауза.

Ковшик. В чем?

Верба. Дело в том, что я от вас никуда не поеду. Я остаюсь здесь навсегда.

Василиса. Как?

Верба. Простите, я не так выразился. Я остаюсь в вашем селе.

Ковшик. А что вы думаете делать у нас?

Верба. Писать портреты.

Ковшик. Чьи?

Верба. Звеньевых и бригадиров, трактористов и комбайнеров, агрономов и учителей. Покажу новые обычай и новый быт колхозного села. Буду не только портреты писать...

Ковшик. И всю жизнь хотите рисовать колхозников? Не надоест вам?

Верба. Вы удивлены? Позвольте объяснить. Художники мира создали тысячи портретов — и знаете, кого они рисовали, кому отдавали свой талант?

Ковшик. Нет. Скажите.

Верба. Не тем, кто кормил и кормит всех, не тем, кто строил и строит города и все памятники культуры, а тем, кто угнетал крестьян и рабочих. Только великие художники России первые пришли к народу — Суриков, Репин, Крамской, украинцы — Шевченко, потом Пимоненко...

Ковшик. Я видела картину, называется «Бурлаки». Чья это картина?

Верба. Репина.

Ковшик. Хорошая. Видно, хорошо знал их. Как живые на картине.

Верба. Мне стыдно признаться, но наши классики глубже и больше знали то, о чем они писали, нежели мы. Глубже знали жизнь.

Ковшик. А разве вам кто мешает так знать жизнь, как они?

Пауза.

Верба. Мешаем сами себе. Тратим время на всякие мелочи. Поэтому я решил глубоко изучить тех, кто при помощи труда собирает солнечную энергию,— колхозному крестьянству хочу отдать свои способности.

Ковшик. Это потому у вас моя Василиса такой солнечной вышла на портрете...

Верба. Вы заметили?

Ковшик. А как же!

Верба. Вы даже не представляете себе, Наталия Никитична, какую радость вы мне...

Ковшик. Э, да вы совсем разволнивались!

Верба. Нет, нет... Я сейчас пойду... Единственная просьба у меня... (*Василисе.*) Разрешите, Василиса Дмитриевна, закончить ваш портрет.

Василиса молчит.

Ковшик. Я думаю, Василиса не откажет. Сейчас, дочка, дело не в тебе. Широкое и доброе намерение у Николая Александровича... Как, Василиса?

Верба. Ну хотя бы два дня — и я закончу.

Василиса. Приходите завтра.

Верба. Спасибо. (*Начинает собирать вещи.*)

Ковшик. А чего им носиться с холстами, красками?.. Пусть уж доживут у нас, а как закончат рисовать, тогда выедут. Как, Василиса?

Василиса встала, посмотрела на мать, на Вербу и быстро ушла в дом. Верба растерянно смотрит ей вслед, потом на Наталию Ковшик.

И чего вы смотрите на меня? (*Встала.*) Вот уж эта мне интеллигенция!.. (*Схватила чемодан, подрамник.*) Идите к ней...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая

Декорация та же, что и в первом действии, только весну сменило лето. Под калиной стоит кровать, на ней лежит Романюк. Возле кровати столик, на котором бутылочка с лекарством и стакан. На траве сидит Надежда. Она вышивает. Входит с удочками и ведерком в руках Батура. Надежда свернула полотно и отложила в сторону.

Надежда. Клевало?

Батура. Здороно!

Надежда. Тише. (*Показывает на отца.*) Только что заснул...

Батура. Простите... (*Поставил удочки и ведерко возле дома, подходит к Надежде.*) Врач был?

Надежда. Был.

Батура. Что сказал?

Надежда. Легче, но несколько дней нужно полежать. Мне приказал никого не пускать к отцу, чтобы не волновался.

Батура. На всю жизнь запомнит собрание...

Надежда. Жаль мне отца, но сам виноват.

Батура. Я впервые был на колхозном собрании.

Надежда. И как вам?

Батура. Если бы писатели хоть наполовину так говорили правду друг другу, как бы выиграли от этого читатели!..

Надежда. А разве у вас не любят критику?

Батура. Больше клянутся, что любят.

Надежда. И вы тоже?

Батура (*кашиянул*). К сожалению, в меру сил не отстаю от коллег... Что это? (*Показывает на полотно.*)

Надежда. Посмотрите.

Батура (*развернул*). О, какая будет сорочка! Красиво. Не знал, что вы такая художница.

Надежда. Нравится вам?

Батура. Очень. Тонкая работа. Кому это вы?

Надежда. Скажу через два дня; только закончу, и узнаете.

Батура. Через два дня...

Пауза.

Надежда. Что вы так грустно смотрите?

Батура. Вам показалось.

Надежда. Ну хорошо, скажу сейчас, хотя знаю — вы назовете меня провинциалкой. Сорочку я вам вышиваю.

Батура. Спасибо... от всего сердца. (*Взял ее руку.*) Милая, славная Надя...

Надежда (*тихо*). Сергей...

Смотрят друг другу в глаза.

Батура (*взволнованно*). Надежда, кажется, отец проснулся. (*Встал.*) Надежда Ивановна...

Пауза.

Надежда. Что?

Батура. Поверьте, мне нелегко, но я должен сказать вам правду...

Надежда. Правду... Не надо... Я поняла... Ничего не говорите.

Батура. Выслушайте. Вас увлек образ моей книги. Для вас я — это моряк Горовой, мое сердце — это его большое сердце, моя душа — это его большой внутренний свет, который зажег вас тогда, когда вы меня еще не знали. А настоящей любви вы не видите. Она около вас, ждет вас, и этот человек больше, чем я, и больше, чем образ моей книги.

Надежда. Вы снова о Карпе?

Батура. Да... О моем друге.

Надежда. Чем же он заслужил такую дружбу?

Батура. Я об этом написал.

Надежда. Где?

Батура. В книге.

Надежда. Карп... это правда?

Батура. Правда, Надежда... Матрос Горовой — это Карп.

Надежда уходит в сад.

(Тихо.) Друг мой... друг... (*Сел, закрыл лицо рукой.*)

Пауза. Входит Ветровой.

Ветровой (*издали*). Сергей Павлович!

Батура не отвечает.

Ветровой подошел, поднял сорочку, смотрит на нее.

Батура. Что, Карп?

Ветровой. Задремал?

Батура. Да.

Ветровой. Как красиво вышила! Серега... Серега, что с тобой, дружище?

Батура. Ничего. Плохо себя чувствую.

Ветровой. Вот беда! Может, врача вызвать?

Батура. Мне нужно ехать в Киев.

Ветровой. Неужели так плохо?

Батура. Я должен немедленно лечь в больницу. У меня открылась рана. Я поеду сегодня же.

Ветровой. Что ты говоришь? Открылась...

Батура. Ничего, друг мой. Вылечусь. Только нужно как можно скорее ехать.

Ветровой. А успеешь ли на поезд? (*Смотрит на часы.*) Успеешь, если за час соберешься.

Батура. Вызови мне подводу. Только о ране не говори никому. Заболел — и все.

Ветровой. Понимаю. Пойдем в дом, я позвоню в контору... Эх, Серега, Серега.

Обнимает Батуру за плечи и уходит с ним в дом.

Входит Вакуленко, подошел к кровати, на которой спит Романюк, смотрит, потом, выломав ветку, машет ею над лицом Романюка. Романюк проснулся, смотрит на Вакуленко, тот машет веткой.

Романюк. Кто это?

Вакуленко. Ваш бывший заместитель.

Романюк. Ты что, взбесился? Что ты меня по носу хлещешь?

Вакуленко. Очень мухи вас обсели — сгоняю.

Романюк. Иди ты ко всем чертям! Что я тебе, мертвец? (*Спрятался с кровати, схватил Вакуленко за грудь.*)

Вакуленко. Не волнуйтесь. Ой, пустите...
Романюк. Я из тебя мертвеца сделаю. Вон с моих
глаз!

Толкнул, Вакуленко побежал.

Подхалим проклятущий! (*Крикнул.*) Надя!

Из сада выходит Надежда.

Надежда. Отец, зачем ты встал? Врач же запретил.

Романюк. Да разве здесь уложишь? Только что Вакуленко принимал.

Надежда. Зачем он тебе? Мало тебя из-за него на собрании люди ругали?

Романюк. Хотел было отблагодарить его, да он удрал, вот только две пуговицы остались. На, пригодятся.

Надежда (*резко*). Ложись! Слышишь?..

Романюк. Доченька, не кричи на меня. Я и так закричанный... Весь закричанный... Правду говорю, очень твоего отца...

Обнял ее, сели на кровать.

Надежда. Ничего, отец, это пройдет... Пройдет...

Романюк. Так думаешь? Нет, дочка, если глубоко до сердца дошло, не пройдет никогда... Не пройдет... Э, да ты плачешь? Не нужно. Не бойся, твой отец не из тех, кто голову теряет... Я еще покажу, кто такой Иван Романюк! Увидишь! За эти дни, что лежал, я многое передумал...

Из дома выходит Ветровой, подошел.

Ветровой. Добрый день!

Романюк. Здоров!

Ветровой. Добрый день, Надежда Ивановна.

Надежда (*долго смотрит на него*). Добрый день.
Карп...

Большая пауза.

Ветровой (*Романюку*). Как себя чувствуете?

Романюк. Как жених.

Ветровой. Шутите?

Романюк. Какие шутки!.. Свадьба-то была? Ты был главным шафером, а я женихом, погуляли добре...

Ветровой. А как похмелье?

Романюк. Похмелье... Эх, Карп, Карп... Если бы ты знал,— это уже третья подушка. Веришь, ночью встану, схвачу подушку в руки (*взял подушку*) — думаю, думаю, думаю и не замечаю, как подушка в руках разлазится, разлазится... Только перья по саду, как снег, летят...

Ветровой. Подождите, уж и эта разлазится. (*Взял подушку, положил.*) Сергей Павлович сейчас выезжает на вокзал и в Киев. Я позвонил, чтобы лошадей подали.

Надежда. Едет...

Романюк. Почему так внезапно?

Ветровой. Заболел. Нужно немедленно к врачам обратиться.

Романюк. Вот оно что! И когда же это случилось?

Ветровой. Говорит — сегодня.

Романюк (*Надежде*). Почему ты мне не сказала?

Надежда молчит.

Слышишь, Надя?

Надежда молчит.

Ветровой. Жаль, очень жаль! Думал, хоть до осени поживет у нас.

Надежда уходит в сад.

Романюк (*смотрит ей вслед*) Плохо дело... Карп, пойди, голубчик, посмотри, куда пошла Надя. Между нами, я замечаю, она вроде в Сергея Павловича... Понимаешь?..

Ветровой молчит.

Пойди, голубчик, поговори с ней... Успокой.

Ветровой. Может, ей лучше побыть...

Романюк. Нет, нет... Когда у человека горе, одному тяжело. Пойди, голубчик...

Ветровой. Хорошо. (*Идет в сад.*)

Из дома выходит Батура, выносит чемодан, плащ, ставит чемодан возле крыльца, подходит к Романюку.

Батура. Дорогой Иван Петрович, очень мне неприятно, но я должен попрощаться с вами.

Романюк. Карп говорил мне. Жалко.

Батура. И очень.

Романюк. Лечиться нужно. Здоровье — это большое дело... Как вылечитесь, приезжайте...

Батура. Спасибо. Спасибо за вашу ласку, за все...

Романюк. Ну что вы... Жаль, очень жаль... А книгу будете писать? Верно, нет... Здоровье не позволит...

Батура. Когда вылечусь, непременно напишу. У меня столько теперь материала... Много мне дала эта поездка. Я увидел то, чего нигде не вычитаешь. Ведь люди у вас очень интересные... сложные...

Романюк. Да, хитрые, очень хитрые. Это вы правильно подметили. Лечитесь, главное, лечитесь, а писать еще будет время.

Батура. Вероятно, только зимой начну.

Романюк. А как назовете вашу книгу?

Батура (*улыбнулся*). «В Калиновой Роще».

Романюк. Так... Тогда я очень вас прошу — не заканчивайте вашу книгу до будущей осени.

Батура. Почему?

Романюк. Приезжайте еще к нам. Очень вас прошу, — такой конец напишете...

Батура. Вы думаете, будут какие-нибудь изменения?

Романюк. Будут. Категорическим путем, будут!

Батура. Постараюсь приехать. А как ваше здоровье?

(Поднял бутылочку.) Лекарство помогает?

Романюк (*взял бутылочку*). А ну его! (*Швырнул в сад*.) Сейчас оденусь и с вами на вокзал... А в воскресенье и я поеду. Сдам дела Ветровому...

Батура. Так... А куда?

Романюк. Культуры набираются. Звонил секретарю вчера в райком, просился, а он говорит: «Давно пора, жаль, что раньше отказывались». А я ему: «За это меня и били, что не хотел учиться».

Батура. А он что?

Романюк. Ответил холоднокровно, я бы сказал — очень холоднокровно: «Отсталых всегда бьют».

Батура. А вы?

Романюк. А что я ему скажу? Помычал, помычал в телефон, как бык, с позволения сказать, вот и все.

Батура. На курсы едете?

Романюк. Берите выше. Попросился, чтобы в академию на несколько месяцев послали учиться.

Батура. В какую академию?

Романюк. К тому (*кашлянул*), к Дубковецкому в колхоз, поступаю в рядовые. В рядовые, даже не в сержанты. Вот в какую я хвату попал!

Батура. Желаю вам успеха.

Романюк. Спасибо.

Батура. А потом что думаете делать?

Романюк. Помогать Карпу там, где он меня поставит.

Батура. А может, вас снова изберут председателем?

Романюк. Нет, сейчас не изберут.

Батура. Почему?

Романюк. Моя хваза кончилась, новая началась. Есть такой закон, читали нам в политкружке, так я тогда никак не мог понять, а теперь хотя и вспомнить не могу, как он называется, а доброе его чувствую на себе. Слово такое, когда все изменяется...

Батура. Эволюция?

Романюк. Нет, нет. Вот, например, у нас в колхозе большинству казалось, что все идет хорошо, все были очень довольны. Только передовики говорили — нет. А потом никто не заметил, как большинство перешло на сторону передовиков, и на собрании получился взрыв.

Батура. Закон диалектики?

Романюк. Он!.. Такая диалектика у нас вышла, что все мое правление полетело вверх тормашками ко всем чертям. Ух и сильный же этот закон!.. Что вы записываете?

Батура. Записываю, как Иван Петрович Романюк с диалектикой встретился.

Романюк. Лучше бы с ней так никто не встречался. Пойдемте, я вам кое-что на дорогу хочу дать.

Романюк и Батура идут в дом. Из сада выходят Ветровой и Надежда.

Надежда. Спасибо, Карп... Спасибо за теплое слово... Садитесь...

Ветровой сел.

Ветровой. Что вы так смотрите на меня? Что с вами?

Надежда. Ничего...

Ветровой. Я понимаю, вам тяжело... Я лучше уйду...

Надежда. Нет, нет... было... Карп... у вас опять солома в чубе. (*Вынимает.*) А знаете, Карп Корнеевич, я очень ошиблась...

Ветровой. В чем?

Надежда. Вы больше, вы сильнее, чем образ моряка, который создал Батура в своей книге.

Ветровой. Что вы, Надежда...

Надежда. Да, это правда, Карп Корнеевич, прости меня... Я...

Ветровой. Надежда... Нельзя так.

С улицы слышен голос.

Сюда идут... Вытрите глаза... Слышите, идут... Увидят...

Надежда. Ничего. Пусть смотрят. Я никого не боюсь... Мне так хорошо... Так светло на душе... Скажи, Карп... Что-нибудь скажи...

Ветровой. Я скажу, Надя, все скажу, но не сейчас...

Входят Верба, Наталия Ковшик, Василиса.

Ковшик. Надя, что это с Сергеем Павловичем? Позвонил, говорит — едет. Это правда?

Надежда. Да...

Ветровой. Он заболел, лечиться едет.

Ковшик. Это ты, Надя, виновата, недосмотрела...

Василиса. Мама! (*Схватила ее за руку. Подошла к Надежде, обняла ее.*) Надя, Николай Александрович хочет тебя с детьми нарисовать.

Верба. Не отстану от вас, соглашайтесь.

Из дома выходит Романюк. Он в шляпе, в руках у него пакет.

Ковшик. Здоров, кум!

Романюк. Здорова, кума!

Ковшик. Как твое здоровье?

Романюк. Твоими молитвами живу.

Ковшик. Оно и видно.

Романюк. Что видно?

Ковшик. За эти дни ты похудел и, я бы сказала, помолодел.

Романюк. Правда?

Ковшик. Правда.

Романюк. И ты изменилась, кума. (*Взял ее под руку, отводит в сторону.*)

Ковшик. Изменилась?

Романюк. Да... Постарела, даже удивительно, как постарела...

Ковшик. Что же делать... Жаль... А я думала тебя, кум, сегодня вечером в гости позвать. Целый день стряпала, так старалась.

Романюк. Спасибо, приду обязательно.

Ковшик. Нет, не стоит. Скучно тебе будет у старой бабы. (*Поправляет платок, улыбается.*) Поищем кого-нибудь постарше...

Романюк. Жаль, что молодежь здесь, а то я тебе сказал бы такое...

Ковшик. А ты тихо скажи... ну?.. (*Снимает платок.*)

Романюк. Не могу же я тебя при всех назвать киевской ведьмой с Лысой горы, чертом в юбке, дочкой дьявола, свахой самого Люцифера...

Ковшик (*перебивает*). Ой, как хорошо ты говоришь, кум...

Романюк. Не перебивай, я не кончил.

Ковшик. Приходи в гости, закончишь... Придешь?

Романюк. Приду. Категорическим путем, приду.

Входит Батура.

Ковшик. Так едете, Сергей Павлович?

Батура. Да, Наталия Никитична. Нужно...

Ковшик. Как жалы!

Батура. Лечиться надо...

Ковшик. Мой Кандыба тоже заболел. Свихнулся, бедняга. Как только я с кем-нибудь начну говорить, он все записывает. Думаю я его в Киев на исследование послать.

Батура. Не беспокойтесь, он здоров.

Сышино — подъехала подвода.

Романюк. Подвода пришла. (*Посмотрел на часы.*) Надо спешить.

Батура. Будьте здоровы, Наталия Никитична, и вы, Василиса Дмитриевна. (*Подает руку.*)

Ковшик и Василиса. Счастливой дороги... Презжайте еще к нам.

Верба обнял Батуру.

Верба (*тихо*). Приедешь на мою свадьбу?

Батура. На свадьбу? Постараюсь... (*Подошел к Надежде.*) Прощайте, Надежда Ивановна.

Надежда (подала руку). Прощайте, Сергей Павлович...

Батура. Желаю вам счастья...

Надежда. И вам желаю... от всей души...

Батура. Спасибо... (*Ветровому.*) Будь здоров, друг мой... не думал, что встречу тебя живым. Это для меня большое счастье...

Ветровой. Серега, не надо...

Батура. Не буду. (*Обнялись, целуются.*)

Романюк. Так книгу не будете кончать?

Батура. Нет.

Романюк. Слово?

Батура. Слово.

Романюк обнял Батуру, целует. Батура ушел, за ним идут Романюк, Ковшик, Василиса, Верба, последним — Ветровой.

Надежда (тихо). Карп!..

Ветровой обернулся. К нему идет Надежда. С улицы слышны голоса: «Будьте здоровы!», «Приезжайте еще к нам!», «Желаем вам счастья!..»

Почему, почему не сказал мне, что ты...

Ветровой. Хотел, не раз хотел, только боялся, чтобы не подумали вы, будто хочу выставиться таким, каким меня Сергей Павлович расписал. (*Опустил голову.*) Я человек простой и делал только то, что нужно было...

Надежда. Друг мой... друг...

Ветровой поднял голову. Они смотрят друг другу в глаза. Слышно — отъехала подвода.

Занавес

КРЫЛЬЯ

Пьеса в четырех
действиях,
пяти картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМОДАН.
ГОРДЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ
ДРЕМЛЮГА.
НАДЕЖДА СТЕПАНОВНА — его
жена.
ФЕДОР ГАВРИЛОВИЧ
ТЕРЕЩЕНКО.
ТАТЬЯНА СВИРИДОВНА — его
жена.
РОЕВОЙ.
МАРИЯ НИКОЛАЕВНА — его жена.
ГАВРИИЛ ОНУФРИЕВИЧ
ОВЧАРЕНКО.
АННА АНДРЕЕВНА ПАДОЛИСТ.
ЛИДА — ее дочь.
КАТЕРИНА СТЕПАНОВНА
РЕМЕЗ.
ЕФРЕМ ЕФРЕМОВИЧ САМОСАД.
ИВАНЕНКО.
ФИЛИПП.
ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА
ДОЛИНА.
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА
ГОРИЦВЕТ.
ЕВГЕНИЙ МАКСИМОВИЧ
КАЛИНА.
КИРИЛЛ ЗАХАРОВИЧ
ВЕРНИГОРА.
ИВАН ИВАНОВИЧ СОХА.
ГАЛЯ.
МАРЧЕНКО.
МЕФОДИЙ КОРОВАЙ.
ДУДАРИК.
ВИШНЕВОЙ.
СКИБА.
КАЧАН.
СКРИПКА.
ОЛЬГА.
ТРАКТОРИСТКА.
СТАРАЯ ЖЕНЩИНА.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Большой парк. Щедрое июльское солнце льется ручейками сквозь могучие кроны, ткет причудливые узоры меж деревьев липовой аллеи. В конце аллеи высокие кусты укрыли дом, и только видна черепичная крыша одноэтажной дачи. На переднем плане, слева, выступает терраса другой дачи. У террасы — клумбы. На одной пышно расцвели красные канны, на другой — голубые дельфиниумы. А чуть дальше, под могучей липой, стоит столик, возле него несколько плетеных стульев.

Из глубины парка слышна песня:

*«Ой, піду я лугом,
Лугом-долиною...»*

Входят Ромодан и Иваненко.

Ромодан. Верно, грибы девчата собирают.

Иваненко. Нет. Это поют на стройке.

Ромодан. А что строят?

Иваненко. Гараж для вашей машины.

Ромодан. Хорошая песня. Моя сестра ее очень любила и хорошо пела...

Песня оборвалась.

Иваненко. Вот ваша дача, Петр Александрович. (*Показывает на террасу.*) Маленькая она, всего три комнатки...

Ромодан. Мне и одной достаточно. Я ведь один.

Иваненко. А когда ваша семья приедет...

Ромодан. Семья... Какой красивый парк!

Иваненко. Старый. А вон в конце аллеи — дача товарища Дремлюги, а там — река.

Ромодан. Могучие липы!.. Им, вероятно, лет по сто?..

Иваненко. Может, и больше.

Ромодан подошел к старой липе, положил на столик папку и шляпу. Любуется парком. Иваненко относит чемодан в дом, возвращается.

Пожалуйста, ключ от дачи. Там все в порядке. Я утром проверял.

Ромодан (*взял ключ*). Спасибо.

Иваненко. Какие будут распоряжения?

Ромодан (*достает деньги*). Купите мне, пожалуйста, бутылку боржома и что-нибудь перекусить...

Иваненко. Там все есть — и боржом, и вино, и холодные закуски.

Ромодан. А откуда оно взялось?

Иваненко. Гордей Афанасьевич и их супруга Надежда Степановна с утра для вас все организовали... Простили меня не говорить вам, но (*усмехнулся*) что бы я за помощник был, если б не доложил вам?..

Ромодан. А вы давно в обкоме работаете?

Иваненко. Пятый год. С тремя секретарями работал, вы — четвертый...

Ромодан. Троих пережили...

Иваненко. Так точно!

Ромодан. И всех, как меня, сюда на дачу привозили?

Иваненко. А как же!..

Ромодан. И для них было «все организовано»?..

Иваненко. Как для вас, так и для них... Товарищ Дремлюга очень гостеприимно встречает...

Ромодан. А потом вы их вывозили?

Иваненко. А как же!..

Ромодан. Много хлопот было у вас...

Иваненко. Я привык...

Ромодан. Привыкли?

Иваненко. Так точно! Сегодня Гордей Афанасьевич так хорошо о вас говорил...

Ромодан. Кому?

Иваненко. Своей супруге. Наконец, говорит, мы дождались настоящего руководителя. Это для нас такая радость...

Ромодан. А не предупреждал он, чтобы вы мне об этом не докладывали?

Иваненко. Предупреждал, но я...

Ромодан (*перебивает*). А что будет, если узнает Гордей Афанасьевич, что вы не сдержали слова?.. Обзовет вас сплетником и болтуном.

Иваненко. Никогда!

Ромодан. Вы уверены?

Иваненко. Я знаю.

Ромодан. Тогда я вас обзову, если вы будете мне такое докладывать.

Иваненко. Виноват, Петр Александрович. Я понимаю... Я буду стараться, и если что не так, критикуйте меня... Я критику люблю.

Ромодан. Любите?

Иваненко. Так точно! Мы здесь к ней привыкли. Еще будут какие распоряжения?

Ромодан (*достал блокнот, пишет, потом подает*). Вот вам фамилия одной женщины. Варвара Александровна Долина. Это моя родственница. Она из села приехала сюда. Разыщите ее: где она живет, работает; привезите ко мне. Я буду вам очень признателен.

Иваненко (*взял бумажку*). Так это же простое дело! В адресном столе сразу скажут.

Ромодан. Ни черта не скажут! Я туда звонил.

Иваненко. Найду. Только, к сожалению, сегодня уже конец дня, а завтра воскресенье...

Ромодан. Ищите в понедельник... Ищите...

Иваненко. Хорошо. Переверну весь город, но найду. Разрешите идти?

Ромодан. Будьте здоровы!..

Иваненко уходит. Ромодан садится за столик, раскрывает папку. Из глубины парка снова тихо льется песня. Ромодан слушает, легкая улыбка появилась на его лице.

Он начинает тихо напевать ту же песню:

«Ой, чого ти, сестро,
Така горда стала:
Сказав тобі «здрастуй»,
«Здоров» не сказала?..»

Песня обрывается, Ромодан продолжает один:

«Тим я тобі, брате,
«Здоров» не сказала —
За дрібними слізьми
Тебе не впізнала...»

И когда Ромодан повторяет: «За дрібними слізьми тебе не впізнала...», входит Самосад. Он в старой гимнастерке, на груди три медали. В руках лопата и ведро. Ромодан не замечает его. Самосад долго смотрит на него,

потом подходит к столику, садится. Вытаскивает из кармана окарину, наигрывает ту же песню... Ромодан смотрит на него.

Самосад. Ждете?

Ромодан. Жду.

Самосад. Это хорошо. (*Снова проигрывает куплет песни.*) Кто не ждет, тот не живет... Но сегодня не повезет вам.

Ромодан. Почему?

Самосад. В субботу мы не припимаем. В субботу каждый порядочный человек принимает только у себя. Заявляю авторитетно!

Ромодан. Я вижу.

Самосад. На мою дудку смотрите?..

Ромодан. Да, впервые вижу такой инструмент.

Самосад. Под Кенигсбергом, когда мы взяли охотничий дворец Геринга, мне эту немецкую дудку подарил гар... гар... гармидинер.

Ромодан. С боем дворец брали?

Самосад. Нет! Немцы драпанули, остался во дворце только один старый гармидинер...

Ромодан. Верно!

Самосад. А вы тоже там были?

Ромодан. Был. И камердинера видел, только он лежал в дым пьяный.

Самосад. Так это же мы его напоили! Хороший дед, добре пил горилку и все кричал: «Гитлер капут!» Одной боевой дорогой мы шли, выходит — мы боевые друзья.

Ромодан. Выходит.

Самосад (*встал*). Руку, товарищ боевой!..

Ромодан (*встал, подал руку*). А вот слезы — это уж не по-боевому.

Самосад. Где вы увидали слезы?

Ромодан. У боевого друга. (*Улыбнулся*).

Самосад. Виноват. Вспомнил нашу солдатскую жизнь. Врач говорит, что мои первы не совсем в порядке. А я думаю, что это у меня от шести ранений... Правда, все они удачные, так что живу и даже инвалидом себя не считаю.

Ромодан. Вот это хорошо!

Самосад. А у вас были ранения?

Ромодан. Четыре.

Самосад. Удачные?

Ромодан. Не очень, еще два осколка сидят.

Самосад. И вы хлебнули...

Ромодан. Как и все... Сколько вам лет?

Самосад. Сорок пять, а по субботам — тридцать пять.

Ромодан. Почему?

Самосад. В субботу я бреюсь и усы ставлю на «смирно». (*Показывает.*) Э, что было, то было! Давай, друг, пивка выпьем. Угощаю.

Ромодан. Спасибо, но я жду...

Самосад (*перебивает*). Ходить никуда не надо. Вот здесь, я сейчас... (*Подошел к липе, засовывает руку в дупло, достает бутылку пива, потом кружку, ставит на стол.*) Только никому о моем магазине!..

Ромодан. Никому!

Самосад (*открывает бутылку*). В каких чинах служили?

Ромодан. Полковником.

Самосад. Не дослужились до генерала?..

Ромодан. Нет.

Самосад. Так и я. Рядовым пошел, рядовым и вернулся. (*Наливает.*) Пейте.

Ромодан. Ваше здоровье!

Самосад. Тяните на здоровье.

Ромодан (*пьет*). Хорошее пиво, холодное...

Самосад. В дупле оно большое охлаждение имеет. (*Налил себе.*) От жинки прячу. Клятая баба!.. Ух!. (*Пьет.*) Вы главного хозяина дожидаетесь или временного?

Ромодан. А кто тут главный?

Самосад. Главный — это товарищ Дремлюга Гордей Афанасьевич, председатель облисполкома. Вон их дача... Моя жинка у них куховаркой служит.

Ромодан. А кто временный?

Самосад. Секретарь обкома. Это его дача. Сегодня приезжает. (*Показывает на террасу.*)

Ромодан. А почему он временный?

Самосад. Отчего-то они у нас долго не держатся. Утром мы тут порядок наводили, так Гордей Афанасьевич говорят своей супруге: «Опять секретаря нового принимаем». А она «И этот, наверное, временный. Скоро от

нас уедет...» Я человек беспартийный, но, думаю, это не-порядок.

Ромодан. Что именно?

Самосад. Нельзя их так часто менять.

Ромодан. А если дело не идет?

Самосад. Так не надо таких выбирать. А раз выбрали, смотрите за ним гуртом, помогайте, чтоб борозду не портил. Тогда и Дремлюга — только между нами! — не будет так авторитетно носом в небе дырки пробивать.

Ромодан. А вы что здесь делаете?

Самосад. На мне все здесь держится! И охрана дач, и цветы эти выращиваю, и мотористом на лодке... А сколько всяких авторитетных заданий от самого товарища Дремлюги и от ихней жены!.. Вот сегодня суббота. Скоро все начальство сюда съедется — так у нас заведено. Умри, Самосад (это я — Ефрем Ефремович Самосад), а ведро червяков пред очи Гордея Афанасьевича поставь! А где их, у черта взять, если они от такой жары на пять метров в землю позалазили?! Пойду еще копать, не то разнесет меня товарищ Дремлюга... Ух, и разнесет!.. (*Взял лопату и ведро.*)

Ромодан. Спасибо за пиво, Ефрем Ефремович.

Самосад. На здоровье! Смотрите. (*Показывает.*) Вон с купанья хозяйка идут, а справа — их сестра, Катерина. Остановились. Еще кто-то с ними. Красивая женщина Катерина, но будьте с нею осторожны.

Ромодан. Почему?

Самосад. В прошлую субботу, когда начальство тут гуляло, видно, областной плодовоощ, товарищ Терещенко, то ли ей не то сказал, то ли не там ушипнул,— так она его по физиономии так отхлестала, что на весь парк звон пошел. Хорошо, что, кроме меня, никто не видел, как она весь авторитет сбила областному плодовоощу. Сюда сворачивают. Осторожно с нею!.. Будьте здоровы!..

Ромодан. Всего хорошего!

Самосад идет, весело говорит: «Весь авторитет дочиста сбила... Золотые руки...» Уходит. Ромодан берет папку, шляпу, хочет идти, но повернул голову и, пораженный, застыл. Машинально кладет на столик шляпу и папку. Входят Надежда Степановна, Катерина и Анна. Надежда и Катерина в купальных халатах.

Надежда. Добрый день, Петр Александрович! Простите, что мы в халатах, купались...

Ромодан. Добрый день.

Надежда. А мой Гордей тоже приехал?

Ромодан. Нет, у Гордя Афанасьевича заседание. Но скоро будет, звонил мне...

Надежда. Позвольте вас познакомить. Это моя сестра, Катя, а это...

Ромодан. Я...

Анна (*сухо*). Анна Андреевна Падолист. (*Подает руку*.) А ваша фамилия?

Ромодан. Ромодан, Петр Александрович. (*Смотрит на Анну*.)

Пауза.

Катерина. Хоть вы и не спрашиваете меня,— Катерина Степановна Ремез.

Ромодан. Простите, Катерина Степановна. (*Подает руку*.)

Катерина. Пожалуйста. Если забудете, как мое отчество, называйте просто Катерина, а если и имя забудете, то любым, какое первое на ум придет, таким и называйте.

Ромодан. Я не забуду, у меня хорошая память...

Катерина. Но у вас столько ответственных дел. Начальство всегда путает имена знакомых... Это вещь обычна. Простите, мы сходим переоденемся, а пока Анна Андреевна расскажет вам, как я сестру тащила из воды...

Надежда. Я чуть не утонула! Заплыла далеко и никак до берега не могла добраться. Течение так несет... Если б не Катя...

Катерина. Полюбуйтесь, как сестричка меня разукрасила. (*Немного отвернула халат*.) Чуть родную сестру не задушила, лишь бы спасти свою жизнь. Да разве есть правда на свете?!

Надежда. Ну что ты!.. Я ведь легонько. Это у тебя кожа такая, очень нежная.

Катерина. Пойдем, пойдем, дорогая сестричка. Мы сейчас вернемся. У меня к вам дело есть.

Ромодан. Пожалуйста.

Катерина и Надежда идут по аллее к своей даче.

Ромодан смотрит на Анну. Большая пауза.

Анна. Давно приехал?

Ромодан. Три дня назад.

Анна. Я позавчера прочитала в газете, что тебя избрали... А ты не постарел... Сколько лет прошло...

Ромодан. Как Лида?

Анна. Здорова. В этом году закончила школу на «отлично».

Ромодан. Как ты живешь, Анна?

Анна. Работаю вместе с Катериной. Она — главный хирург, а я — ординатор. Как твое здоровье?

Ромодан. Хорошо. Когда переехала сюда?

Анна. Как только меня освободили. Ты же знал, что я здесь.

Ромодан. Знал. Я ведь писал тебе. Но когда ты переехала...

Анна. Как душно сегодня! Видно, гроза будет...

Ромодан. Мне трудно говорить... Как я рад, что вижу тебя!.. Анна, я больше не могу без тебя, без дочери...

Анна. У тебя нет дочери. Лида давно носит мою фамилию. Не стоит нам встречаться. Ни к чему. И нам и тебе лучше будет.

Ромодан. Не хочешь?

Анна. Нет!

Ромодан. А Лида?

Анна. Она забыла тебя.

Ромодан. Не верю! Это неправда!

Анна. Правды хочешь?.. Попробуй поговори с Лидой. Она уже взрослая, своим умом живет...

Ромодан (*тихо*). Неужели забыла?..

Анна. Здесь никто не знает о нашем прошлом... Советую тебе молчать. Ты — секретарь обкома. Твой авторитет не тебе одному принадлежит... А люди у нас, особенно... (*Посмотрела в сторону аллеи.*)

Появляется Надежда Степановна.

Надежда (*издали*). Что же вы не предложите Анне Андреевне сесть? Она только сегодня с постели. Позавчера ей так плохо стало, что из больницы домой отвезли...

Ромодан (*тихо*). Позавчера...

Надежда. Да. Лечиться надо, сердечко сдает.

Анна. И к чему вы все это рассказываете, Надежда Степановна?..

Надежда. А у меня, голубка, характер такой. Я не скрываю: люблю все знать, а еще больше — рассказывать. Грешна, грешна...

Ромодан. Садитесь, пожалуйста.

Все садятся. Входит Катерина. Подошла, села возле них.

Надежда. Нравится вам этот парк?

Ромодан. Очень! Какие здесь чудесные липы!.. Аллея, как у Левитана.

Надежда. Это где? В какой области?

Катерина. Надя! Это на картине... Левитан — художник.

Надежда. А-а... На картине может быть и красивее...

Анна. Позвольте мне с вами попрощаться.

Надежда. А обед?

Анна. К сожалению, не могу. Я еще плохо чувствую себя.

Катерина. Жаль. Я к тебе завтра заеду. Поцелуй Лиду.

Анна. Приезжай, Катя. Тебе мы всегда рады. Всего хорошего...

Ромодан. Будьте здоровы...

Анна уходит.

Надежда. А вы как будто загрустили?

Ромодан. Вам показалось.

Катерина. Такая красивая женщина оставила — разве не загрустишь? Не так ли, Петр Александрович?..
(Смеется.)

Ромодан. Так. Вы угадали.

Катерина. А вы искренний человек. Это хорошо. Надя, ты говорила мне, что Петр Александрович молодой и очень красивый...

Надежда. Катерина! Извините, она у нас...

Ромодан. Ничего, ничего. Я люблю, когда мне правду в глаза говорят.

Катерина. В таком случае трудно вам будет здесь работать...

Ромодан. Отчего?

Катерина. У нас начальству в глаза только...

Ромодан. Что?

Катерина. Святую неправду говорят.

Надежда. Катя, что ты плетешь!..

Ромодан. От этого легко отучить.

Катерина. Легко?.. Я не встречала таких, которые не любили бы, когда им кадят.

Ромодан. Неужели?

Катерина. Правду говорю. И это не только наблюдения. Когда мне кто-нибудь в глаза лжет, я не посмотрю, кто он — никогда не смолчу. Но когда мне лицемерно кадят, всем своим существом испытываю презрение к тому, кто это делает, а остановить не могу. С вами не было такого?

Ромодан. Когда-то было, теперь — нет. Жизнь излечила меня от этой болезни.

Надежда. А я люблю, когда все хорошо, когда люди друг другу в глаза говорят только хорошие слова. В жизни и так столько всяких неприятностей! Зачем о них вспоминать? Это очень вредит здоровью и приводит к гипертонии...

Ромодан. Разве?..

Надежда. А почему у нас теперь так много гипертоников?

Катерина. Чаще всего — от неумеренного аппетита.

Надежда. В чей это ты огород камешки кидаешь?

Катерина. Ты знаешь, не стоит уточнять.

Надежда. У Горделя давление от хлопот. На его плечах вся область.

Ромодан. Катерина Степановна, вы говорили, у вас есть дело ко мне?..

Катерина. Извините, что в первый день знакомства я обращаюсь к вам с просьбой.

Надежда. Неужели о больнице начнешь?..

Катерина. Да.

Надежда. Предупреждаю: она обоим вашим предшественникам жизни не давала, а Горделя замучила...

Ромодан. Благодарю за предупреждение. Я слушаю вас, Катерина Степановна.

Катерина. Надя, сходи перекуси, пока я буду рассказывать. Тебе это так надоело, боюсь, еще похудеешь...

Надежда. Не бойся, рассказывай.

Катерина. Четвертый год бьюсь, чтобы выстроить в нашей больнице новый корпус. У нас только вывеска «Областная больница»! Сколько у меня писем от колхозников!.. Каждое слово слезами омыто. Не всегда в районе можно сделать сложную операцию...

Ромодан. Вам не запланировали строительство?

Катерина. Наоборот! Все есть: и средства, и проект давно утвержден, и стены возведены.

Ромодан. А чего не хватает?

Катерина. Железа на крышу, парового отопления, окон, дверей... паркета... Многое нужно...

Ромодан. Приходите в понедельник в девять часов в обком, я вызову строителей, и поедем настройку. Сможете?

Катерина. Спасибо, буду. (*Улыбнулась.*)

Ромодан. Почему вы улыбаетесь?

Катерина. Двенадцатый раз поеду с начальством настройку.

Надежда. Она думает, что все руководство против нее.

Ромодан. Верно думает, если не помогают...

Надежда. Как не помогают? Гордей Афанасьевич столько раз слушал на заседании, разносил строителей, но, если из центра не дают материалов, что можно сделать?!

Ромодан. Посмотрим.

Надежда. Гости идут... (*Встала, пошла навстречу.*)

Катерина. Это председатель горсовета Роевой и его жена. И товарищ Терещенко тоже с супругой.

Входят Роевы, Терещенко, Татьяна и Мария.

Роевой. Добрый день, Петр Александрович!

Ромодан. Добрый день! (*Здоровается.*)

Роевой. Моя жена, Мария Николаевна.

Надежда. А это наш плодовоощ, Федор Гаврилович Терещенко, и его супруга, Татьяна Свиридовна.

Ромодан. Очень приятно. (*Здоровается.*)

Роевой. Я звонил вам утром, хотел пригласить на выставку.

Ромодан. Какую?

Роевой. Товаров ширпотреба.

Мария. Там такие чудесные вещи!

Терещенко. Изумительные!

Мария. Обязательно побывайте.

Ромодан. Непременно побываю. Я сегодня утром ходил по городу. Много красивых домов построили...

Роевой. А кто вам показывал город?

Ромодан. Один ходил. Я город хорошо знаю.

Катерина. Вы здесь бывали?

Ромодан. До войны. Я родом из этой области.

Роевой. Неужели?

Ромодан. Родился в селе Вишенки, Очеретянского района.

Надежда. Это далеко от города?

Терещенко. Сто пятьдесят километров. Мы там огурцы и раннюю капусту заготовляем. Очеретянский район больше всех поставляет нам. Они хорошо пойму реки освоили...

Ромодан. А куда эти овощи деваете?

Терещенко. Продаем.

Ромодан. Где? В ларьках я не заметил...

Терещенко. Мало заготовляем, это верно.

Ромодан. А почему?

Терещенко. Не от нас зависит. Не хотят колхозники выращивать овощи. Просто беда с ними!

Татьяна. Надо их заставить, а то с Феди все требуют, критикуют, а разве у него на голове капуста растет?.. Федя день и ночь работает...

Терещенко. Татьяна!

Татьяна. Я правду говорю. У Феди эти дни так болят зубы, а у него нет времени даже к врачу сходить. А почему?

Терещенко. Татьяна, прекрати!.. (*Дернул ее за руку.*)

Ромодан посмотрел на Катерину.

Надежда. Видно, простудили. Не флюс ли у вас? Будто правая щека подпухла?..

Татьяна. И какой флюс был!.. В прошлую субботу, когда вернулся от вас, у Феди обе щеки так вспухли...

Терещенко. Да замолчи! Кому это интересно?.. (*Отошел, отирает платком пот.*)

Ромодан (*тихо, Катерине*). Что вы улыбаетесь? У человека такое несчастье...

Катерина. Я... я... (*Едва сдерживает смех.*) Вам показалось... (*Пошла в парк.*)

Ромодан. Катерина Степановна!

Катерина уходит не оборачиваясь.

Татьяна (*Ромодану*). Вот так всегда с ней.

Мария. Она очень нервная.

Ромодан. Разве? Я что-то не заметил.

Мария. Очень! В прошлом году похоронила мужа. Хороший врач был... Возвращался ночью из села от больного, и на их машину налетела грузовая.

Ромодан. Какое несчастье! А дети есть у нее?

Мария. Нет. Жаль ее!.. Катерина — очень способный хирург. Ее все так любят!

Татьяна. Надо ей замуж выходить. Еще молодая, красивая...

Надежда. И слышать не хочет...

Татьяна. Вы были у нас в парке культуры?

Ромодан. Был. Хороший парк. Видно, с любовью строили.

Мария. Слышишь, Роевой?

Роевой. Что?

Мария. Тебя хвалят за парк культуры. Это его труды. Три года строил...

Надежда. Что?.. А товарищ Дремлюга где был? Может, в командировке?..

Роевой (*улыбнувшись*). Верно, Надежда Степановна! Нельзя забывать, Мария, что парк мы строили под личным руководством Гордя Афанасьевича.

Терещенко. Да разве только парк?.. Все, что вы видели, Петр Александрович, в нашем городе нового и что увидите в области,— все это сделано по инициативе и заботами товарища Дремлюги. Разве таким город был, когда мы приехали сюда?..

Надежда. Об этом все знают, Мария Николаевна...

Мария. Простите, Надежда Степановна, может, я не так выразилась, но я...

Надежда (*перебивает*). Может... может... Это у вас не впервые.

Терещенко. У Гордя Афанасьевича столько инициативы, что ему здесь тесно.

Ромодан. Не понимаю. Почему тесно?

Терещенко. Масштаб у него не областной. Республиканский, а может, и всесоюзный... Его хватит!..

Надежда. Что вы, Федор Гаврилович! Мы люди скромные. Гордей Афанасьевич никуда из области не поедет. Ему же предлагали пост министра заготовок. Другой бы вприпрыжку побежал в Киев. А что Дремлюга ответил? Вы же слышали?!

Роевой. Категорически отказался. Ка-те-го-рически!

Мария. Это правда. И сказал, что на таком посту легко шею можно свернуть...

Надежда. Не он, а я говорила.

Мария. Возможно, и вы. Помню только, что был такой разговор... Простите...

Надежда. Пожалуйста. Татьяна Свиридовна, у вас есть тройчатка?

Татьяна. К сожалению, нет.

Надежда. У меня что-то так голова разболелась...

Татьяна (*тихо*). Не диво. (*Смотрит на Марию.*)

Мария. У меня есть, Надежда Степановна.

Ромодан (*Роевому*). Где ваша жена работает?

Роевой. Учительствует.

Ромодан (*к Терещенко*). А ваша?

Терещенко. В универмаге. Заведует парфюмерным отделом.

Ромодан. Химик?

Терещенко. Нет, практик. У нее исключительно тонкое обоняние.

Ромодан. О, это большой талант!

Входит Катерина.

Катерина. Гордей Афанасьевич полчаса как выехал. Звонили из приемной.

Надежда. Прошу всех к нам!.. Прошу.

Все идут.

Ромодан. Простите, Надежда Степановна, я через несколько минут буду.

Надежда. Пожалуйста.

Ромодан взял папку, шляпу, идет в дом. Входит Дремлюга, а за ним — Филипп с большим портфелем в руках.

Дремлюга. Филипп!

Филипп. Слушаю, Гордей Афанасьевич!

Дремлюга. Я тут с Петром Александровичем поговорю, а ты побудь недалеко. Может, какая цифра или справка понадобится.

Филипп. Слушаю.

Дремлюга. Только не лезь на глаза. Сядь под тем кустом. Да не засни...

Филипп. Слушаю. Верно, гости уж собрались, вас дожидаются...

Дремлюга. А ну их ко всем чертям! Не до них мне сегодня.

Филипп. Я понимаю... все понимаю...

Дремлюга. Что?

Филипп. Когда перед заседанием вы говорили по телефону с секретарем горкома товарищем Калиной, я попросил всех из приемной выйти — так громко вы ему отвечали.

Дремлюга. Кричал?..

Филипп. Ох как!..

Дремлюга. А я и не заметил. А что случилось после заседания с Вернигорой? Почему он вышел из кабинета словно пьяный?

Филипп. Сердечный припадок, сознание потерял в приемной...

Дремлюга. Неужели?.. Вот еще красная девица нашлась.

Филипп. Как вас все боятся, Гордей Афанасьевич!..

Дремлюга (*усмехнулся*). Ну?..

Филипп. Сегодня вы говорили так, что даже у меня в душе похолодело. А я к вам привык... У всех подбородки тряслись...

Дремлюга. А у меня, думаешь, сердце не болит?.. У меня из-за них инфаркт скоро будет.

Филипп. Что вы, Гордей Афанасьевич! Вы бы себя сдерживали немного, нервы берегли...

Дремлюга. Эх, Филипп, Филипп... Иногда и мне кажется, не лучше ли жить, как другие: перекладывай на чужие плечи работу и живи в свое удовольствие, мирно, ласково со всеми... Не такой я закалки! Мы на своих плечах все вытянули и дальше будем тянуть за всех до самой могилы. Но руку нашу (*потряс кулаком*) запомнят!..

Филипп. Еще и как запомнят!

Входят Варвара и Гая. Они несут кирпичи на носилках.

Дремлюга. И до каких пор вы будете тут шататься?
Варвара. Может, вы и штаетесь, а мы работаем.

Филипп. Что?!

Варвара. То, что слышали.

Гая. Вы лучше нам машину дайте, а то мы кирпичи с баржи носим. Так далеко ходить...

Дремлюга. Если за два дня не закончите гараж, я вас разгоню. Слышите?..

Варвара. Чего ты, старый, кипятишься?..

Филипп. Да ты знаешь, с кем разговариваешь?..
Это товарищ Дремлюга, председатель облисполкома!

Варвара. Ну и что из того?

Дремлюга. Откуда ты тут взялась? Кто ты такая?

Варвара. Я здесь не без вашей милости. А кто я такая, спроси у секретаря ЦК — он когда-то к нам в колхоз приезжал и даже у меня в хате был. Пойдем, Гая...

Уходят.

На террасу выходит Ромодан.

Филипп (тихо). Вышли...

Дремлюга повернулся, идет навстречу Ромодану. Филипп уходит в парк.

Дремлюга. Как устроились, Петр Александрович?

Ромодан. Спасибо, хорошо. Долго заседали?..

Дремлюга. Тридцать пять вопросов рассмотрели. Я сегодня такой разнос учинил — до смерти не забудут!
Ромодан. Кому?

Дремлюга. Всем попало. Беда, Петр Александрович, стал я сдавать. Еле себя сдерживаю, так нервы расшатались... И давление увеличилось.

Ромодан. А вы были в отпуске?

Дремлюга. Нет, я даже не помню, когда был.

Ромодан. Почему?

Дремлюга. Да на кого же я область оставлю?

Ромодан. А разве ее украдут, когда вы поедете в отпуск?..

Дремлюга. Не шутите. Познакомитесь с нашими кадрами, так и сами про отпуск забудете...

Ромодан. Неужели у вас нет заместителя?..

Дремлюга. Есть, ответственных лодырей у меня целая куча. Они такого натворят, что и за несколько лет не расхлебаешь!.. Мы каждый день получаем из Киева и Москвы до пятидесяти важнейших директив и распоряжений, а в районы спускаем намного больше. Работа каторжная!..

Ромодан. Работать без отдыха нельзя, Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. А я вот еще немного потяну, а там... Годы уже дают себя знать. Очень плохо, что человек не знает, когда ему надо с телеги слезать... (*Смотрит на Ромодана.*)

Ромодан (*незаметно улыбнулся*). А может, это и лучше?.. Человек должен всегда верить в свои силы. Это — главное.

Дремлюга. Нет. Главное — чтобы в тебя верили. А если не чувствуешь плеча, то и небо тебе не раз с овчинку покажется...

Ромодан (*внимательно смотрит на Дремлюгу*). Разные плечи бывают. Одни груз носят, а иные — только штаны на подтяжках.

Дремлюга. Согласен. За примерами ходить недалеко. Я всю область тяну на своих плечах, а ваш предшественник, Иван Иванович, все речи провозглашал. А что получилось? Меня побили, а он в Москве на курсах. Наверное, каждый вечер по театрам ходит и надо мной посмеивается...

Ромодан. А почему вы молчали? Почему не выступили здесь или в Киеве?

Дремлюга. Легко сказать! А потом что? Он такую атмосферу создал, всех в кулак зажал...

Ромодан. Иван Иванович — человек недалекий. Увидел, что шеи гнут добровольно, с радостью, и решил кучером стать. Запряг вас...

Дремлюга. А я у него в упряжке не ходил.

Ромодан. Как? Вы же коренным были. Говорят, здорово ходили... Только тронет вас Иван Иванович, а вы сразу же в галоп да во весь голос: «Под руководством нашего дорогого, нашего талантливого... мы готовы куда угодно скакать...» Было это?

Дремлюга молчит.

Не вы один. Я тоже своего Ивана Ивановича восхвалял. Вот и допрыгались мы с вами. Животноводство в колхозах пошло вниз. Коровы по удую начали догонять коз. Солома, что когда-то только на подстилку шла, стала у нас основным кормом. Колхозники своих коров распределяют...

Дремлюга. Дело не в этом.

Ромодан. А в чем?

Дремлюга. Если бы война...

Ромодан (*перебивает*). Война много горя принесла и городу и селу, сильно подорвала сельское хозяйство. Это верно. Но не к лицу нам сегодня все трудности объяснять только войной. Почему у наших соседей не было падежа коров?.. А в нашей области сколько коров за минувший год пало с голоду?..

Дремлюга. Приблизительно тысячи три с половиной...

Ромодан. Не приблизительно, а точно — сколько?

Дремлюга (*крикнул*). Филипп!

Из-за кустов выскоцил Филипп.

Ромодан. Кто это?

Дремлюга. Мой помощник. Очень способный, исключительной памятью обладает.

Филипп (*подошел*). Слушаю вас, Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. Сколько у нас пало коров за прошлую зиму? Только точно. Ну?

Филипп. Четыре тысячи триста десять. Свиней — шесть тысяч пятьсот двадцать, овец...

Дремлюга. Иди, иди... Тебя про коров спрашивают.

Филипп. Слушаю. (*Ушел за куст.*)

Ромодан. Хорошо помнит Филипп...

Дремлюга. С молоком у нас всегда плохо будет. Коровы у нас непородистые. Почему бы нам не закупить где-нибудь за границей породистых коров? Говорят, в Дании, в Голландии...

Ромодан. Может, лучше покупать у них масло, мясо, сало?.. И будем на чужих харчах идти в коммунизм. Поэтому что породистые еще скорее ноги протянут на одной соломе. Сколько гектаров у вас было в прошлом году под кукурузой?

Дремлюга. Под кукурузой совсем мало. Она у нас плохо родит. А вообще...

Ромодан. Сколько же под кукурузой?
Дремлюга. Филипп!..

Филипп не отзыается.

Филипп! Куда он исчез?.. Филипп!
Ромодан. А что, если Филипп умрет?
Дремлюга. Как?

Входит Филипп, на ходу что-то дожевывает.

Где ты бродишь?!

Филипп. Я... я... (*Быстро дожевывает, поперхнулся.*)

Ромодан. Не торопитесь, проглотите. А то случится с вами несчастье, кто же нам тогда о делах в области расскажет?..

Филипп. Слушаю вас.

Дремлюга. Иди, иди... дожевывай... (*Тихо.*) Чтоб тебе!..

Филипп. Виноват. Я уже проглотил. Слушаю вас.
Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. Иди ты к чертовой матери!

Филипп. Слушаю. (*Уходит за куст.*)

Ромодан. Так что, Гордей Афанасьевич, будем и дальше так жить?..

Дремлюга. Как?

Ромодан. Занимать память у Филиппа, колхознику на трудодень — пятак в кулак, а масло закупать за границей. Или, может, сами закатаем рукава и как следует возьмемся за дело?..

Дремлюга. Простите, Петр Александрович. У нас есть колхозы, которые выдают на трудодень по двадцать рублей и по пять кило...

Ромодан. Знаю, знаю... Вы о них хорошо в своем докладе говорите.

Дремлюга. Прочитали доклад?

Ромодан. Прочитал. А вот о тех, кто годами из граммов не вылезает, вы и словом не обмолвились.

Дремлюга. Я вас не понимаю. Наша область никогда не была в числе последних. Мы ежегодно рапортовали и в Киев и в Москву одними из первых. Недостатки есть, признаю. Но по совести скажу вам: если бы мне кто-нибудь другой говорил, как вы, я бы очень резко реагировал...

Ромодан. Так почему же вы со мною так мягко говорите?

Дремлюга. Потому что я понимаю ваше волнение. Вы впервые избраны секретарем обкома, вам хочется все трудности сразу преодолеть. Но в жизни так не бывает. Руководитель должен прежде всего видеть общую картину. А она у нас неплохая, я бы сказал — даже хорошая. В этом не только я, все глубоко убеждены.

Ромодан. По-вашему выходит, что и впредь будем так работать?

Дремлюга. Иначе быть не может! Это наша линия.

Ромодан. И дальше будем писать трескучие рапорты об общей картине, а картофель продавать дороже, чем бананы, которые везем из-за океана. Провозглашать речи о светлом будущем и не обращать внимания на нужды людей сегодня. Любоваться общей картиной и за такими же общими цифрами не замечать живой жизни... Да понимаете ли вы, товарищ Дремлюга, что все это значит?!

Входят с носилками Варвара и Гая. Их не замечают.

Дремлюга. Товарищ Ромодан, наше дело — планы выполнять. Это — главное! И вы тоже скоро будете думать так же, как и я. Иначе, простите, вас скоро снимут. Пойдемте-ка лучше обедать! Моя Надежда таких карпов нажарила.. На полметра от сковороды прыгали. Пойдемте...

Ромодан. Ошибаетесь, Гордей Афанасьевич!

Дремлюга. Поживем — увидим, Петр Александрович!

Идут в парк. Проходят недалеко от Варвары. Варвара и Гая подходят к столику. Варвара поставила носилки, смотрит в ту сторону, куда пошли Ромодан и Дремлюга.

Гая (тихо). Тетка Варвара...

Варвара обернулась.

Что с вами? У вас слезы на глазах...

Варвара. Родной брат не узнал...

Гая. Где он?

Варвара. Вот пошел с тем — в белом костюме.

Из парка слышен голос Дремлюги: «За дорогоого нашего руководителя, товарища Ромодана!..» Слышны аплодисменты.

Галия. Брат... Я пойду скажу ему...

Варвара. Не надо. Пойдем кирпич носить.

Уходят.

Из глубины парка слышно, как Самосад играет на окарине песню «Ой, піду я лугом, лугом-долиною...»

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Кабинет секретаря обкома. За столом Ромодан. Перед ним сидит Терещенко. В руках у него бумаги.

Ромодан. Мне все ясно, все ясно... (*Отдает Терещенко папки.*)

Терещенко (*собирает бумаги*). Признаю... признаю и уверяю вас — приложу все усилия...

Ромодан (*перебивает*). Разве можно терпеть, чтобы на Украине летом не было в городе овощей?.. Это же позор!

Терещенко. Позор...

Ромодан. Такая область, как наша, может не только себя обеспечить, но и эшелонами отправлять в Москву, Ленинград...

Терещенко. Мы понемногу отправляем в Москву.

Ромодан. Того, что вы отправили за месяц, не хватит на один завтрак студентам Московского университета. Там, кажется, ваш сын учится?..

Терещенко. Дочь. Пишет, какие там лаборатории — чудо! У каждого студента отдельная комната. Исключительные условия! (*Встает.*) Простите, что столько времени у вас отнял. Я вам так благодарен за помощь, советы... Поверите, за последние годы меня никто в обком не вызывал.

Ромодан. Неужели?

Терещенко. Бьешься как рыба об лед. Хоть бы кто-нибудь покритиковал, помог... Каждый думает только о себе. Я должен сказать вам, считаю своим партийным долгом... Вы только приехали к нам... Внимательно присматривайтесь. Внимательно!.. Я здесь всех знаю, кто чем дышит...

Ромодан. Ну?

Терещенко. Кроме Гордея Афанасьевича — человека большой души, глубоко между нами...

Ромодан. Что?

Терещенко. Нет, не буду говорить. Вы меня мало

знаете, еще подумаете... Нет! Вы скоро сами убедитесь, сколько тут лодырей, картежников!..

Ромодан (*улыбнулся*). Играют?..

Терещенко. До рассвета режутся в преферанс. Просто эпидемия!

Ромодан. А вы тоже, кажется, в воскресенье на даче у Гордя Афанасьевича до утра резались?..

Терещенко (*перебивает*). Я резался?! Боже упаси!.. Все время пасовал. Мне неудобно было отказаться... Я карты ненавижу!

Ромодан. Скажите, Федор Гаврилович, а за что вам вынесли строгий выговор в сорок втором году?

Терещенко. Какие у нас люди!.. Уже успели...

Ромодан. Нет, нет... Я знакомился с личными делами ответственных работников. У нас в аппарате обкома много незамещенных должностей. Даже второго секретаря нет... (*Подходит к Терещенко.*)

Терещенко. Я был на партийной работе!..

Ромодан. Расскажите...

Терещенко. Правда, был недолго. Но я бы с большой охотой... Партийную работу люблю и приложу все усилия, чтобы оправдать ваше доверие. У вас ниточка белая (*снимает с пиджака нитку, улыбается*) — где-то блондинка тоскует...

Ромодан. Простите, я о выговоре спрашиваю.

Терещенко. А... Выговор я получил несправедливо. Спросите у Гордя Афанасьевича. Он был моим начальником в армии. Я — жертва клеветы. А тогда, во время отступления, все были в таком нервном состоянии, что за одно неудачное слово могли не только выговор влепить, а и в штрафной батальон закатать. Извините, что так задержал вас...

Ромодан. Пожалуйста. А все-таки — за что?

Терещенко. Один командир дивизии... Его впоследствии сняли за то, что растерял дивизию во время отступления. Представляете себе, что за тип?.. Написал, будто я вел паникерские разговоры. Наглая ложь! У меня боевые ордена...

Ромодан. Какие?

Терещенко. Две медали. Все знают, что Терещенко всегда был пламенным патриотом.

Входит Иваненко.

Иваненко. Нашел.

Ромодан (*к Терещенко*). Будьте здоровы, Федор Гаврилович.

Терещенко. Будьте здоровы, Петр Александрович. Я очень прошу вас, спросите у Гордея Афанасьевича. Мне неудобно о себе говорить... Мои боевые заслуги он хорошо знает.

Ромодан. Не беспокойтесь... Я вижу, вы человек скромный... Мне и так все ясно.

Терещенко. Благодарю. (*Уходит*.)

Ромодан. Где она?

Иваненко. В приемной. Еле разыскал. Работает каменщиком в первой строительной конторе. Не хотела ехать, едва уговорил...

Ромодан. Спасибо. Просите.

Иваненко *выходит. Входит Варвара.* Сделала несколько шагов, остановилась. Она в темно-синем костюме, на груди — ордена Ленина и Трудового Красного Знамени. *Ромодан* идет ей навстречу.

Варвара... Сестра!..

Варвара. Я, Петро.

Ромодан (*обнял ее, поцеловал, ведет к столу*). Садись.

Варвара садится. Большая пауза.

Варвара. Что ж умолк?

Ромодан. Дай посмотреть на тебя. Не изменилась... Немного поседела — и только.

Варвара. А что мне меняться?.. Я ведь не старуха. А седина — это не годы, а мысли...

Ромодан. Только приехал — позвонил в район. А там ответили, что ты оставила село и решила жить в городе.

Варвара. Кто сказал?

Ромодан. Председатель райисполкома.

Варвара. Брешет! Выжили. Жить им от меня не было. Еще и хвастались... Дураки!.. Варвару можно выжить, и то, считаю, временно. Но правду — никогда.

Ромодан. А почему так получилось?

Варвара. Много говорить, да мало слушать... Первым тебя назначили?

Ромодан. Избрали...

Варвара осматривает кабинет.

Варвара. Пусто в твоем кабинете... Голо.

Ромодан. Почему? На стенах — портреты, на столе — телефоны... Стол для заседаний, шкаф с книгами... Больше секретарю ничего и не нужно. Это ведь место работы.

Варвара. Когда-то мы были в Киеве у секретаря ЦК. У него в кабинете под всеми стенами — снопики пшеницы от Посмитного, Дубковецкого, на столиках — свекла от Ганны Кошевой, от Бессмертной... Кукуруза под самый потолок от Озерного... и моя там стояла... (*Пауза.*) Скажи, Петро, неужели навсегда это минуло? (*Большая пауза.*) Второй год уже кладу кирпич, дома строю, а привыкнуть не могу. Ночью проснусь и думаю... думаю... В нашем селе сады рубят...

Ромодан. В Москве теперь разрабатывают новый закон: налог будут начислять с количества соток приусадебной земли, независимо от того, что на ней растет и какое хозяйство. И вообще налог снижают.

Варвара. Такой закон будет?

Ромодан. Да — и скоро.

Варвара. А с колхозами как будет?

Ромодан. Что именно?

Варвара. Разве ты не видишь? Стоит только колхозу на ноги стать, ему сразу на шею такие гири вешают, что он снова к земле клонится. Выполняй план за пьяниц и лежебок, что во главе колхозов стоят, за плохую работу МТС, за всех тех чернильных агрономов, которые в районе и в области помогают нашим руководителям пахать и сеять на бумаге... Думают ли об этом в Москве?..

Ромодан. Не только думают. Я знаю — скоро будут большие перемены в колхозной жизни. Ведь эти вопросы ставит народ, и партия, правительство готовят новые законы. Их скоро примут.

Варвара. Скорее бы!.. (*Пауза.*) Хорошие вести ты рассказал. Хорошие! Нужно всей партией, всем народом о государстве думать, не ждать сложа руки только команды сверху, когда под самым носом на нашей плодородной земле не один сорняк вырос. Так продолжаться не может. Всем миром полоть их, потому что государство — это мы все... (*Пауза.*) Прости, за столько лет встретились, а я даже про твое здоровье не спросила... (*И первая теплая улыбка осветила ее лицо.*) Как же?

Ромодан. Пока хорошо.

Варвара. Раны не болят?

Ромодан. Когда погода меняется, немножко чувствую. Но я привык.

Варвара. Не женился?

Ромодан. Нет.

Варвара. Что, бурлачишь?

Ромодан. Времени нет...

Варвара. Времени?.. А может, девчата начали уже обходить тебя? Внешне как будто еще орел...

Ромодан. Не обходят, но и не смотрят.

Варвара. А ты держись! Купи себе гитару... Ты же когда-то так играл, что все девчата млели...

Ромодан. Что было в молодости, то уж уплыло...

Варвара. Да... Годы бегут... Анну видел? Она здесь.

Ромодан. Знаю.

Варвара. Был у нее?

Ромодан. Еще нет.

Варвара. А я была. Дочь твоя такой красивой стала...

Ромодан. Вспоминала меня?

Варвара. Нет. Я наводила разговор, а она — молчит. Так и Анна. Обидел ты Анну, а дочь за мать держится...

Ромодан. Не хотел я ее обидеть. Неужели ты мне не веришь?

Варвара. Верю, Петро. Но так получилось...

Ромодан. Почему ты оставила село?

Варвара. А разве я тебе не рассказала?.. Добавлю еще: вот эти ордена дали мне за урожай кукурузы. А теперь по всей области ее нет в плане уже третий год. А каких кабанов мы откармливали и сколько!.. Разве коммунизм может быть без сала и колбасы?.. Что мы — турки?.. (*Смеется*.) И они ели б, да нет у них...

Ромодан. Им запрещено. Религия такая...

Варвара. Религия?.. А разве мы когда-то не постились? А теперь даже попы в пост колбасу молотят да еще и горилкой запивают...

Ромодан. Где ты будешь в шесть часов?

Варвара. У себя в общежитии.

Ромодан. Я пришлю машину, пообедаем у меня, поговорим обо всем поподробнее...

Варвара. Ладно. Я сегодня выходная, работала в воскресенье.

Ромодан. А чего в воскресенье?

Варвара. Очень спешное дело. Заставили в воскресенье работать — одному начальнику гараж заканчивали.

Ромодан. Гараж? Что это за вельможа такой тут объявился?...

Варвара. Не помню фамилии.

Ромодан. А ты узнай. Я ему покажу! Гараж боком вылезет...

Варвара. Не приведи господь! Что ты!.. (*Встала, идет к двери.*)

Ромодан. Нет, нет. Таких вельмож бить надо.

Варвара. Может, он и не знал, а помощники так постарались?..

Ромодан. Тогда он шляпа, если не видит, что под носом творится! Постой, а не в парке ли вы строили гараж?..

Варвара. Какие-то деревья там росли, росли... Я не прощаюсь, Петро. (*Уходит.*)

Входит Роевой.

Роевой. Здравствуйте, Петр Александрович.

Ромодан. Здравствуйте. Садитесь. Прочел вашу записку...

Роевой. И как?

Ромодан. Очень хорошая. Я написал письмо и вместе с вашей запиской послал в ЦК.

Роевой. Уже послали?..

Ромодан. Да. Вопросы строительства, которые вы ставите, важны не только для нашей области, но и для других городов. Очень убедительно, со знанием дела вы написали. Уверен, будет решение ЦК.

Роевой. Большое спасибо.

Ромодан. За что? Вам спасибо. И мы на бюро примем решение.

Роевой. Простите, я только... Как вам сказать... беспокоен.

Ромодан. Чем?

Роевой. Гордею Афанасьевичу я не успел передать копию записки...

Ромодан. Передайте...

Роевой. Но вы уже послали в ЦК. Он может обидеться... Пожалуйста, вы как-нибудь... Вы понимаете... У него характер...

Ромодан. Поговорю.

Роевой. До свидания.

Ромодан. До свидания. Один вопрос к вам.

Роевой. Пожалуйста.

Ромодан. Не кажется ли вам, что, если человек чрезмерно преклоняется перед авторитетами, это связывает его волю, даже порождает трусость и отвратительное чинопочитание. А коммунист должен быть всегда впереди, смелым, инициативным и никогда не забывать, что в партии все равны.

Роевой. Это верно. Я понимаю вас... Понимаю всем сердцем...

Ромодан (*улыбнулся*). Очень хорошо. Привет вашей супруге.

Роевой. Спасибо.

Звонит телефон.

Ромодан (*взял трубку*) Да... Пожалуйста... У меня, сейчас передам... (*Роевому*) Вас просит Гордей Афанасьевич.

Роевой (*взял трубку*) Да. Слушаю... Еще вчера все сделано... Почему не доложил?.. Я не мог вас найти, звонил, звонил. Что?.. Вы, Гордей Афанасьевич, на меня не кричите. Я не чинуша, а председатель городского Совета депутатов трудящихся... Поняли?.. (*Положил трубку. Ромодану*.) Извините...

Ромодан. Пожалуйста.

Роевой выходит.

В дверях появляется Александра Алексеевна Горицвет, за ней Иваненко.

Горицвет. Петя, меня не пускают к тебе!..

Ромодан. Это вы, Александра Алексеевна?..

Горицвет. Я... Я, Петя! (*К Иваненко*.) А вы не верили!..

Ромодан. Прошу, заходите.

Горицвет входит в кабинет. Иваненко уходит.

Горицвет. Узнал! Я так и знала, что ты не забудешь свою старую учительницу. Дай же я тебя поцелую. (*Целует его в лоб*.)

Ромодан. Садитесь, Александра Алексеевна. Как ваше здоровье?

Горицвет (садится). Хорошо. (Снимает шаль, на груди у нее ордена Ленина, Трудового Красного Знамени и медаль.) Вечером только после работы немножко поясница болит.

Ромодан. Неужели вы еще в школе работаете?

Горицвет. Нет, я на пенсии. Но дома у меня очень много работы.

Ромодан. Простите, сколько вам лет?

Горицвет. Хоть женщин об этом и не спрашивают, но я никогда не скрывала свои годы. Мне, Петя, неполных восемьдесят пять. Только через два месяца будет.

Ромодан. Никогда не дал бы вам и семидесяти... Вы очень хорошо выглядите...

Горицвет. Спасибо, Петя. Я бы лучше выглядела, если б не такие хлопоты свалились на меня.

Ромодан. А что такое у вас?

Горицвет. Шестьдесят лет проучительствовала и никогда не имела таких хлопот, как сейчас. Ты не забыл моих младших сестер, Евгению и Ольгу?

Ромодан. Как же, помню! Евгения Алексеевна преподавала географию, а Ольга Алексеевна — математику. Как они живут?

Горицвет. Живут у меня, тоже на пенсии. Ольге теперь шестьдесят пять, Евгении — шестьдесят семь лет. Очень они как-то постарели. Я за ними, как за детьми, хожу. Поверишь, нет ничего хуже, как иметь дело со старухами. Такие они привередливые и завистливые... Беда мне с ними. Как я рада, Петя, что ты стал у нас теперь партийным руководителем. Поздравляю тебя, желаю успеха. В нашем доме все рады. Я пришла сказать тебе это.

Ромодан. Спасибо. Постараюсь оправдать ваше доверие.

Горицвет. Скажи, Петя, а как ты живешь? Как здоровье? У тебя часто голова болела, как теперь?

Ромода п. Не болит. Все в порядке.

Горицвет. Я всем рассказывала, как ты учился, какая у тебя была исключительная память... Не позабыл историю?..

Ромодан. Думаю, что нет.

Горицвет. Я рассказывала соседям, как ты любил историю. А разве можно не любить ее?.. Каждая наука имеет свою душу, а история — это душа народа, и ее

нужно любить, как мать родную. А в нашем городе исторический музей в очень плохом состоянии: три комнаты, потолок протекает... На стенах плохонькие фотографии да надписи — и даже с ошибками. Нет портретов Суворова, Хмельницкого. А на главной улице — большая вывеска ателье дамских мод имени Суворова...

Ромодан. Есть такая вывеска?

Горицвет. Есть. Я туда заходила, два часа толковала директорше, что Суворов никогда не увлекался дамскими модами. А она меня выслушала и говорит: «Я сама жена генерала и лучше вас знаю, что любят военные»... На такой аргумент я не нашлась что ответить!..

Ромодан. Трудно... трудно... (*Смеется.*)

Горицвет. Попроси горсовет, чтобы дал новое помещение для музея. Я туда пять лет хожу, прошу, но все только обещают...

Ромодан. Хорошо, попрошу.

Горицвет. И еще у меня есть просьба к тебе. У нас в доме каждое утро бывают небольшие конференции...

Ромодан. Какие?..

Горицвет. На кухне. Дом старый, одна кухня на всех жильцов целого этажа. Узнали хозяйки, что я собираюсь к тебе... И вот просили передать тебе привет и списочек. (*Достает из сумки бумагу, надевает очки.*) Просят... обрати внимание: в городе негде купить. (*Читает.*) Первое — лопат, второе — сапок, третье — грабель. У каждого есть огород за городом... Четвертое — мешков нет. Ты прости, Петя, что я с беспартийными делами...

Ромодан. Прошу, прошу.

Горицвет. И еще.. Во дворе у нас хороший сад, мы все ухаживаем за ним. А садовых ножниц тоже нет.

Ромодан. Дайте мне этот списочек...

Горицвет. Возьми, Петя. (*Подает.*) Прости, что я по старому знакомству...

Ромодан. Что вы, Александра Алексеевна! Я очень рад, что вижу вас.

Горицвет (*встает*). Будь здоров.

Ромодан. Будьте здоровы.

Горицвет. А когда в музей поедешь?

Ромодан. Завтра.

Горицвет. Поезжай сегодня, не откладывай. Ты же знаешь, Петя, как трудно бывает, когда уроки откладывают на завтра...

Ромодан. Сегодня поеду.

Входит Иваненко.

Горицвет. Вот и хорошо. Ты всегда был таким.

Ромодан (*Иваненко*). Отправьте Александру Алексеевну на моей машине.

Горицвет. Спасибо, Петя. Я к тебе буду заходить, только скажи помощнику, чтоб докладывал. Который это час?

Иваненко. Два.

Горицвет. Бегу к своим старушечкам! Наверное, уже пересорились. Они без меня так безобразничивают... Просто беда с ними.

Горицвет и Иваненко уходят.

Ромодан садится за стол, берет список Горицвет, молча читает, улыбается, пишет в блокноте. Входит Овчаренко. В руках у него папка с бумагами.

Овчаренко. День добрый!

Ромодан. Добрый день, товарищ Овчаренко! (*Продолжает писать.*)

Овчаренко. Прошу прощения, я немного опоздал. У меня затянулось заседание. Наша интеллигенция любит так много говорить...

Ромодан. Простите... (*Взял телефонную трубку, набирает номер.*) Товарищ Черепок? Ромодан говорит, добрый день. Я вам сейчас пришлю записку и с нею один списочек... Завтра в десять утра прошу доложить мне по этому поводу. (*Положил трубку.*) Кто много говорит?..

Овчаренко. Наша интеллигенция. А кому-кому как не ей следовало бы научиться излагать свои мысли точно, сжато, без лишних слов! А все это потому...

Ромодан (*нажал кнопку*). А какое заседание у вас было?

Входит Иваненко.

Овчаренко. Простите, Петр Александрович. А все это потому...

Ромодан передал Иваненко записку и список. Тихо: «Сейчас же отошлите!»

Ромодан (*к Овчаренко*). Слушаю!

Иваненко уходит.

Овчаренко. Потому, что не умеют логично мыслить. К сожалению, в наших школах логику преподают плохо... А как известно, все великие философы любили логику и говорили об ее исключительном значении... философы понимали...

Ромодан. Простите, Гавриил Онуфриевич, по какому вопросу было у вас заседание?

Овчаренко. У нас вскоре должно состояться широкое совещание ветеринаров и зоотехников. Созывает облисполком...

Ромодан. Хорошее дело.

Овчаренко. А кто говорит, что плохое?! Чрезвычайно важное совещание. Но как его готовят? Комиссия, в состав которой вошли лучшие специалисты нашей области, работала месяц и вот что сегодня представила в обком. (*Достал бумажку.*) Вы только послушайте, какую повестку дня они предлагают. Один вопрос! (*Читает.*) «Борьба с яловостью коров». И принесли тезисы доклада. Я прочитал и спрашиваю их: а Павлов где?

Ромодан. Кто?

Овчаренко. Гордость и слава нашей отечественной науки, великий физиолог Павлов — где он? — спрашиваю я членов комиссии. Разве можно так формулировать доклад?! Разве можно в тезисах только один раз упомянуть (и то лишь в конце!) великое имя Павлова!..

Ромодан. А вы что им предложили?

Овчаренко. Тезисы переделать, а доклад назвать «Яловость коров в свете учения великого Павлова»!..

Ромодан. Вы полагаете, так будет лучше?

Овчаренко. Иначе быть не может! Разве яловость коров — это не проблема соответствующих рефлексов?.. А у них? Вот почитайте тезисы — ползучий эмпиризм! Все сводят только к кормам.

Ромодан. Простите, Гавриил Онуфриевич, а если б вас, несмотря на вашу комплекцию, кормить месяцев пять одним черствым хлебом и холодной водой — у вас были бы соответствующие рефлексы?

Овчаренко. Я не понимаю вас. Мы говорим о яловости коров...

Ромодан. Если корова всю зиму жует одну солому, а у нас это часто случается, то разве будут у нее соответствующие рефлексы?

Овчаренко. Не согласен! Все-таки нервная система, как учит Павлов...

Ромодан. Павлов — великий ученый, и учит он правильно. Но нельзя, товарищ Овчаренко, по поводу каждой проблемы быть поклоны великому Павлову, не то можно лоб расшибить. А в черепе, как вам известно, центральная нервная система, которой Павлов придавал огромное значение... (*Пауза.*) Вы не обижайтесь, пожалуйста...

Овчаренко. А все-таки я, как философ, считаю...

Ромодан. Вы, Гавриил Онуфриевич, какую ученую степень имеете?

Овчаренко. Кандидат философских наук. Сейчас работаю над докторской диссертацией.

Ромодан. От всего сердца желаю вам успеха. Но на этот раз пусть ветеринары и зоотехники проводят совещание так, как они его наметили.

Овчаренко. Что ж, если вы так считаете... Чтоб совещание проходило без нашего руководства...

Ромодан. Я так не считаю. Мы пригласим на это совещание председателей колхозов, доярок — тогда и пойдет настоящий научный разговор.

Входят Дремлюга и Калина.

(*Дремлюге.*) Что произошло у вас вчера на партийном собрании?

Дремлюга. Спросите товарища Калину, он там был...

Калина. Собрание прошло хорошо.

Дремлюга. Хорошо?

Калина. Резко критиковали работу партийного бюро, отдельных ответственных работников облисполкома. Приняли хорошую резолюцию, а потом тайным голосованием избрали новый состав партийного бюро. Голосовали дружно.

Ромодан. Дружно?.. А Гордея Афанасьевича не избрали...

Калина. Не избрали. Провалили.

Ромодан (*Дремлюге.*) Критиковали вас?

Дремлюга. Против меня никто и слова не сказал.

Калина. Это верно. Даже аплодировали, когда выдвинули его кандидатуру.

Ромодан. Аплодировали?..

Калина. Дружно.

Ромодан. И провалили?..

Калина. Так же дружно.

Ромодан (*Дремлюге*). А вы выступали?

Дремлюга. Выступал.

Калина. Не выступал, а целый час кричал на тех, кто искренне, по-партийному говорил о негодном стиле работы облисполкома.

Дремлюга. А я склочников не боюсь, кто б они ни были,— даю отпор. А что меня не избрали — я как-нибудь переживу. Но на городской партийной конференции расскажу, как ты, Евгений, поддерживаешь и направляешь против меня демагогов и горлопанов...

Калина. Если так выступишь, то и там тебя, Гордей, провалят дружно. А я этого не хочу. Поэтому советую тебе...

Дремлюга (*перебивает*). А я у тебя совета не прошу. Два года ты все делаешь для того, чтобы подорвать мой авторитет. Но я тебе говорил и сейчас скажу: руки коротки. Не выйдет!..

Ромодан (*Калине*). Пришлите мне сегодня протокол партийного собрания. Это дело очень серьезное, Гордей Афанасьевич. Вас провалила своя партийная организация, а вы говорите «как-нибудь переживу»... А вот я и Калина этого пережить «как-нибудь» не можем...

Очаренко. Верно! Мы вас все очень уважаем, Гордей Афанасьевич, но вам нужно этот печальный факт глубоко проанализировать, найти в нем рациональное зерно...

Дремлюга. Какое зерно?..

Ромодан. Надо, чтобы все ознакомились с протоколом собрания. Пригласим партийное бюро в обком и серьезно поговорим по этому поводу. Как вы считаете?

Дремлюга. Я согласен.

Калина. Верно.

Очаренко. Поддерживаю.

Ромодан. Ночью я вернулся из Краснопольского района. Какие там хорошие руководители! Умные, дело знают... Но мало мы им помогаем, Гордей Афанасьевич.

Дремлюга. А что просят?..

Ромодан. Очень мало у них специалистов. Такая же картина и по всей области. Не могли бы мы, товарищ Калина, отобрать хороших инженеров, агрономов — хотя

бы человек пятьдесят — и послать из города на постоянную работу в МТС, колхозы?..

Дремлюга. Это утопия. Никто не поедет.

Калина. Почему?.. Найдем таких, что поедут.

Дремлюга. Да что вы говорите! У нас половина агрономов сбежала из села в город...

Калина. А почему бегут?

Дремлюга. Их спросите!.. Напротив вашего дома в ларьке торгует агроном — пиво продает...

Калина. Спрошу. На бюро его вызову.

Дремлюга. И, думаете, поможет?..

Ромодан. Выходит, мы с вами бессильны?..

Дремлюга. Сила есть, да прав нет...

Ромодан. Не понимаю.

Дремлюга. Бросил село — под суд, в тюрьму. Тогда поймут.

Калина. Какую чепуху вы городите! Стыдно слушать.

Дремлюга. Не слушайте. А вот когда хлеба не будет в городе, другую песню запоете...

Ромодан. Интересно... Агрономов — судить... А что делать с теми, кто отвечает за плохую работу агрономов?

Дремлюга. Тоже судить!

Ромодан. Может, с них и начнем?

Дремлюга. Можно. Взять для примера несколько районных начальников...

Ромодан (*перебивает*). Почему районных? Может, лучше с области начнем?.. Пример более яркий.

Дремлюга. Вы шутите, а я серьезно говорю.

Ромодан. Хотел бы пошутить, да разговор у нас не тот... Видно, мало верите вы, Гордей Афанасьевич, в нашу идейную силу, а больше в силу приказа, судов, милиции...

Калина (*Ромодану*). Как в воду глядели...

Дремлюга. Идеи — это дело товарища Овчаренко. А я и вы головой отвечаем перед государством за урожай.

Калина. Не согласен!

Дремлюга. А вы всегда не согласны. Что бы я ни сказал — вы либо против, либо поправляете. Слишком уж у вас характер высокопринципиальный... Но, прости, мы к этому привыкли...

Овчаренко. Простите, Гордей Афанасьевич, но и я с вами не согласен.

Дремлюга. И вы?..

Овчаренко. Я никогда не думал, что вы так эмпирически рассматриваете явления нашей жизни. Если говорить философским языком...

Дремлюга (*перебивает*). Да что вы знаете! Вы лучше подумайте о пшеничных зернах, а не о тех... как вы их, у черт, называете! — рациональных!.. Из них пирога не испечешь!..

Калина. Здраво, Гордей! Правду сказал.

Дремлюга. Видно, земля опрокинется: за два года впервые согласился со мной...

Калина. Не преувеличивай.

Ромодан. Слыхали, товарищ Овчаренко? Придется вам поехать почитать лекцию на селе, присмотреться, как народ живет...

Овчаренко. Охотно. Но все-таки я считаю...

Входит Вернигора.

Ромодан (*здравствует с Вернигорой*). Что это вы, Кирилл Захарович, решили бороду отрастить?..

Вернигора. Виноват, Петр Александрович. Я за последние дни так закрутился с подготовкой к совещанию, что и побриться не было времени.

Ромодан. Никогда не думал, что вы променяете опытную станцию на канцелярию...

Вернигора. И я не думал. Но Гордей Афанасьевич забрал меня, и вот уж семь лет под его руководством бумаги переписываю.

Дремлюга. Именно переписываешь... Какую директиву ни составит, приходится мне переделывать, да еще как!

Вернигора. У вас характер такой, что никто угодить не может.

Дремлюга. А характер у меня простой: не люблю болтунов — вот и все! (*Смеется.*)

Ромодан. Я знал Кирилла Захаровича до войны и такого за ним не замечал. Он был хорошим агрономом...

Дремлюга. А мне не агрономы нужны, а хорошие, толковые директивы! В сельском хозяйстве я и сам разберусь.

Ромодан. Прошу садиться.

Все садятся за стол для заседаний.

Кто будет докладывать?

Дремлюга. Товарищ Вернигора.

Ромодан. Прошу, Кирилл Захарович.

Вернигора (*встает, раскрывает папку*). Подготовка к областному совещанию передовиков сельского хозяйства проходит неплохо. Проект решения и речи подготовлены. Гордей Афанасьевич все просматривал, сделал нам много замечаний. Мы все выправили. Вот проект решения. (*Раздает всем.*)

Ромодан. Не понимаю, о каких речах вы говорите?

Вернигора. Звеньевых, бригадиров, председателей колхозов — всех, кто будет выступать на совещании.

Дремлюга. Речи будут хорошие. Мы долго над ними работали.

Вернигора. Рассчитываем на тридцать пять выступлений. (*Ромодану.*) Ваше будет тридцать шестым.

Дремлюга. Я звонил в Киев, там тоже выступило тридцать пять. В Одессе тоже было тридцать пять. Это, так сказать, норма...

Ромодан. Покажите мне несколько выступлений.

Вернигора (*подает*). Прошу.

Ромодан просматривает.

Калина. На сколько дней рассчитываете?

Дремлюга. За два дня управимся.

Вернигора. Вряд ли. Ваш доклад — три часа с половиной. Да Петр Александрович, вероятно, выступит часа на два.

Дремлюга. Нужно еще речи сократить...

Вернигора. Мы их и так порезали...

Дремлюга. Делайте, что я говорю. Нам не болтовня нужна, а обязательства. Для этого много времени не нужно.

Калина. Это верно.

Ромодан. Кирилл Захарович, неужели все ораторы так одинаково думают?.. Вот послушайте, товарищи. Выступление доярки Христины Селезене. (*Читает.*) «Товарищи! Глубокий и содержательный доклад председателя облисполкома товарища Дремлюги совершенно верно раскрывает все недостатки нашей работы...» Другое выступление. Бригадир колхоза имени Первого мая товарищ Крига. (*Читает.*) «В содержательном и глубоком докладе председателя облисполкома нас критикуют остро, по

справедливо!» А вот тракторист Омельченко. (*Читает.*) «С большой силой и глубиной в докладе председателя облисполкома товарища Дремлюги раскрыты все недостатки работы нашей МТС...» (*Перелистывает выступления.*) А вот, кажется, несколько иначе. Председатель колхоза Дударик. (*Читает.*) «Товарищи! Я счастлив, что здесь, на этом совещании, смог услышать такой глубокий и такой большой доклад председателя облисполкома товарища Дремлюги...» Дайте-ка мне оригинал выступления товарища Дударика.

Вернигора. Сейчас. (*Разыскивает, подает.*)

Ромодан молча читает.

Дремлюга. Вот эти предисловия следовало бы выбросить...

Вернигора. Вы же их читали, Гордей Афанасьевич, и ничего мне не сказали...

Овчаренко. Это легко сделать.

Ромодан. А ну-ка, товарищ Вернигора, читайте по абзацамправленное вами выступление, а я буду читать оригинал. (*Подает.*) Читайте сначала.

Вернигора. «Товарищи! Я счастлив, что здесь, на этом совещании, смог услышать такой глубокий и такой большой доклад председателя облисполкома товарища Дремлюги...»

Ромодан. Читаю оригинал. «Товарищи! Я хочу сказать на этом совещании о своей беде. Два года прошу районные организации и уже десять писем написал самому товарищу Дремлюге, чтобы нам прислали агронома, потому что наш колхоз после укрупнения имеет четыре с половиной тысячи гектаров. Хозяйство большое, а образование у меня — незаконченная церковноприходская школа. Районные начальники отказали, а товарищ Дремлюга даже не ответил». (*Вернигоре.*) Читайте вы.

Вернигора. «Очень справедливо говорил докладчик, что мы не выполняем правил агротехники, потому у нас еще низкие урожаи. Наш колхоз берет на себя обязательство...»

Ромодан (*перебивает*). Мипутку. (*Читает.*) «В нашем колхозе низкие урожаи, потому что мы не выполняем правил агротехники. Но как можно выполнять их, если наша МТС каждый год пашет мелко, а сеет поздно?..» (*Вернигоре.*) Это есть у вас?

Вернигора. Было, но... (*Смотрит на Дремлюгу.*)

Дремлюга. Дударик врет. Их МТС лучшая в области, все время премии получает...

Ромодан. Дударик врет... (*Вернигоре.*) Дайте мне оригинал речи Оксаны Коломиец.

Вернигора. Сейчас. (*Подает.*)

Дремлюга. Председатели колхозов привыкли все валить на МТС.

Ромодан (*молча читает*). А вы, товарищ Овчаренко, читали эти выступления?

Овчаренко. Просматривал те, что выправлены. (*Вернигоре.*) Почему же вы мне не показали оригиналы?

Вернигора. Я вам показывал, но вы сказали, что у вас нет времени читать...

Овчаренко. Я такого не помню...

Ромодан (*возвращает Вернигоре выправленное выступление Коломиец*). Читайте с этого места.

Вернигора смотрит, молчит, достает платок, вытирает пот с лица.

Читайте. Может, вам воды дать?..

Вернигора. Нет, нет! (*Тяжело вздохнул, читает.*) «Критику мы признаем. Наша свиноферма славилась на всю область, а последний год мы сильно сдали. Беру на себя обязательство...»

Ромодан. Позвольте! (*Читает.*) «А почему мы сдали? Умер наш председатель колхоза. Мы хотели выбрать его брата, такого же честного и порядочного человека, хорошего хозяина. Да не тут-то было! Прислали нам из района пьяничку Гарбуза, который уже три колхоза завалил. Мы его не выбрали. Тогда приехал секретарь райкома партии, созвал собрание, восемь раз выступал — и добился своего. Как сел Гарбуз на нашу шею, все пошло прахом. Просим Гарбуза с нашей шеи снять и поставить нам председателя, а иначе все люди разбегутся...» (*Дремлюге.*) И это вранье?

Дремлюга. Я звонил секретарю райкома, но он категорически возражает, что Гарбуз пьянствует. У него есть ошибки, но Гарбуз — человек заслуженный, много лет председательствует, а та, что пишет, Коломиец, была в Германии.

Ромодан. Ее что, Гитлер приглашал?

Дремлюга. Нет, ее вывезли на работу. Но должен вам сказать, что среди них есть весьма ненадежный элемент. Я ей не верю. И секретарь райкома тоже такого же мнения. Я вообще считаю, что ей не нужно давать слова. Я вам говорил, товарищ Вернигора?..

Вернигора. Да, но мне хотелось...

Дремлюга. Снять — и все!

Ромодан. А я за то, чтобы дать ей слово. Пусть скажет, что думает.

Дремлюга. А как же будет с авторитетом секретаря? Она же подкапывается под партийное руководство. Почему вы ей верите?..

Ромодан. А мы и секретарю дадим слово и Гарбуза вытащим на трибуну... (*Вернигоре.*) И вас попросим выступить по этому поводу.

Вернигора. Я охотно.

Ромодан. Можем ли мы открывать совещание с такой подготовкой?.. Прошу высказаться.

Калина. Разрешите. Как-то один редактор шутя спросил меня: что такое телеграфный столб? Я в ответ: столб есть столб!.. А он и говорит: нет! Телеграфный столб — это отредактированная сосна. Так и с этими выступлениями получилось. Все живые ветви, всю правду вырезали и оставили одну столпонаду в честь председателя облисполкома. Такой метод подготовки надо осудить.

Ромодан. Кто еще хочет высказаться?

Овчаренко. Разрешите мне. Вся ошибка действительно кроется в методе... Я не стану говорить сейчас о том, что метод — это решающий фактор и в науке и в практике. Не стану говорить и о том...

Калина (*перебивает*). Очень хорошо. Вы за такое совещание?..

Овчаренко. Нет! Я согласен с вами. Все.

Ромодан. Кто еще? (*Пауза.*) Тогда разрешите мне. Я тоже считаю, что совещание надо отложить.

Дремлюга. На какой срок?

Ромодан. Пока не подготовим честно, без обмана. Ваш доклад я прочитал. Он такой же, как и вот эти исправленные выступления. Кого вы обманываете? Себя! (*Пауза.*) Я поеду к Дударику, в МТС и к Гарбузу. Вам советую тоже поехать хоть на месяц, посмотреть партийными глазами, что делается в колхозах, МТС, а тогда писать доклад. Всем надо поехать.

Дремлюга. На месяц?!. А на кого я облисполком оставлю?..

Ромодан. На Филиппа. У него исключительная память. Лучше вас будет передавать сводки в столицу.

Дремлюга. Если вы считаете, что меня может заменить Филипп, а доклад мой лживый, то я поеду. Только не в колхозы, а в Киев. На старости лет в брехунах ходить не желаю и никому не позволю издеваться над собой. (*Встал, отошел к стене.*)

Зазвонил телефон.

Ромодан (*взял трубку*). Слушаю... Киев? Кто?.. ЦК?.. Соедините. Слушаю... Здравствуйте... Хорошо, записываю... Так... Понимаю... Будет пленум в Москве?.. Так это же будет настоящий переворот в сельском хозяйстве... Напишу подробно... Что?.. Спасибо, чувствую себя хорошо... Как тут встретили меня?.. Нормально... Да... И товарищ Дремлюга, и товарищ Калина... Все хорошо встретили... Будьте здоровы! (*Положил трубку.*) Выходит, большинство за то, чтобы отложить совещание. Кроме товарища Дремлюги и товарища...

Вернигора. Я согласен с вами.

Дремлюга. Я тоже не против, если все так считают...

Ромодан. Очень хорошо. Тогда все. До свидания. А вы, товарищ Вернигора, останьтесь, пожалуйста.

Все выходят, кроме Вернигоры. Ромодан подходит к Вернигоре, долго смотрит на него.

Вернигора (*тихо.*) Я слушаю вас, Петр Александрович.

Ромодан. Кириуша... что все это значит...

Вернигора молчит.

Если бы я не знал, какая светлая голова у тебя... Что с тобой случилось? Тебя же вся Украина знала!.. Тебя печатали в «Правде», с тебя пример брали агрономы... Кириуша, друг мой, кто тебя так искалечил?! (*Увидел слезы на глазах Вернигоры.*) Да-а... Не ждал такой встречи. Я не забыл, как мы вместе мечтали, как горячо ты доказывал, что плодородию земли нет пределов. Ты же меня, молодого секретаря райкома, заставил изучать Тимирязева,

Вильямса, Мичурина! Ты же вложил мне в душу любовь к сельскому хозяйству!

Вернигора вытирает слезы, сел, опустил голову на руки.

А помнишь, как ты читал мне произведения римского ученого Колумеллы?

Вернигора. Не забыл...

Ромодан. Нет.

Вернигора. А я ничего вспомнить не могу. Нет уже Кирилла Вернигоры, нет... Жить не хочется. Бумажная душа перед тобой. Чинуша проклятый!.. Я понимаю, я виноват... променял за чин, за поломанный грош такую жизнью!.. Был когда-то у тебя товарищ Кирюша... был... Прощайте, Петр Александрович. (*Направляется к двери.*)

Ромодан. А как Марина живет? Здорова?

Вернигора. Спасибо, здорова.

Ромодан. Бери жену и сейчас приезжай ко мне. Сестра моя Варвара будет. Пообедаем вместе. (*Подходит к нему.*)

Вернигора (*едва сдерживая волнение*). Петр...

Ромодан. Друга в беде я никогда не оставлю. Приедешь?

Вернигора. Я же... (*Склонил голову на его плечо.*)

Появилась теплая улыбка на лице Ромодана.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Двор МТС. Вдали видны корпуса под черепицей, за ними машины, тракторы, комбайны... А дальше бегут провода над буйно-зеленой плантацией сахарной свеклы. Слева, в садах, дома. На переднем плане, под старым дубом, на траве и на низеньких скамьях сидят трактористы, комбайнёры, председатели колхозов, служащие МТС. За столом — комбайнёр МТС Марченко. Рядом, за другим столиком, стоит Овчаренко. Он держит в руках странички с лекцией. Заканчивая читать страничку, кладет ее на столик и, чтобы не сдул ветер, ставит на нее большой графин с водой. Видно, читает давно, потому что под графином много страничек, а воды в нем мало.

Овчаренко (*ни на кого не смотрит, читает*). «Однако всесторонние индивиды в коммунистическом обществе не будут владеть всеми специальностями. И при коммунизме будет разделение труда. Разрешите мне снова процитировать, что говорит по этому вопросу наш известный ученый, доктор философских наук товарищ Нудник. Цитирую из капитального труда товарища Нудника: «Основные черты коммунизма глубоко раскрыты с гениальной прозорливостью великим основоположником марксизма Карлом Марксом. Карл Маркс, как известно, учит...» Цитирую Карла Маркса из капитальной книги товарища Нудника...»

Марченко. Простите, товарищ Овчаренко. (*Встал, обращается ко всем*.) Товарищи! К нам в МТС приехал сам товарищ Овчаренко, чтобы прочитать лекцию. Мы пригласили на эту лекцию и председателей колхозов. А что же у нас получилось на сегодняшний момент? Товарищ Овчаренко (*смотрит на него, Овчаренко пьет воду*) неожалели для нас воскресенья, очень внимательно читают нам уже два часа, в то время как, может, и их в воскресенье ожидают дома жена и детки, а отдельные товарищи

в этот момент систематически спят, а Коровай Мефодий даже храпит...

Слышно, как храпит толстый Коровай.

Толкните его!

Голос с места. Толкали, не помогает!..

Марченко (*рассердился*). Так дерните его за усы, да так, чтоб в носу закрутило!..

Голос. Сейчас дернем.

Все смотрят на Коровая. Молодой тракторист дернул за усы. Коровай вскрикнул «га» и чихнул, потом протирает глаза и спрашивает громко: «Кончил?»

Марченко. Прошу слушать внимательно! (*Кладет звонок на стол, подходит к Овчаренко, подняв графин, наливает.*)

Подул ветер, и две странички доклада полетели.

Коровай (*крикнул*). Держи! Лови!

Марченко. Призываю к порядку. Продолжайте, товарищ Овчаренко.

Овчаренко. Простите, я немного затянул лекцию. Я пропускаю несколько страничек...

Голоса с мест: «Ничего, ничего!..», «Катай, катай все...», «Наш директор до третьих петухов говорит...», «Мы привыкли...»

Марченко. Тише! Молодежь, прекратите движение... Качан, ты куда?

Качан. Я сейчас...

Марченко. Успеешь, скоро перерыв. Садись! (*К Овчаренко.*) Прошу, товарищ Овчаренко!

Овчаренко. Итак, товарищи... (*Читает*). «При коммунизме человек не будет иметь на себе родимых пятен капитализма, так калечивших индивид...»

Старая женщина. А от какой болезни те пятна?

Марченко. Вопросы потом.

Вошли Ромодан и Дударик. Они сели в стороне на колоде.

Овчаренко. «Не будет таких уродливых черт прошлого, как ревность, зависть, скупость, прибыль... При коммунизме не будет денежного обмена. Не будет рынков

с присущими им законами рыночной цены... Не будет государства... Не будет армии... Не будет...»

Коровай. Простите, товарищ лектор, а что будет?

Овчаренко. Я вас не понимаю. Что вы хотите сказать?

Качап. Не перебивайте, и без того затянули.

Коровай. Ну, к примеру, как будет при коммунизме с трудоднями?

Старая женщина. Ага, сколько будут давать?

Овчаренко. Трудодней при коммунизме не будет!..

Старая женщина (*удивленно*). Не будет?

Коровай. А что же будет?

Овчаренко. Будет особая форма удовлетворения потребностей населения.

Коровай. А что ее, ту форму, на килы будут выдавать или деньгами?

Смех.

Молодой тракторист. Будет так... от каждого по способности и каждому по потребности. Ясно?

Коровай. Ясно. Все будут получать одинаково.

Вишневой. Ну нет. При полном коммунизме уравниловки не будет.

Коровай. А ты откуда знаешь?

Вишневой. Прочитал у товарища Ленина.

Коровай (*к Овчаренко*). Это верно?..

Овчаренко. Верно.

Трактористка. А когда у нас ясли будут? Наш директор третий год обещает... Малышей не на кого оставить!

Голос. У тебя свекровь есть, пусть смотрит!..

Трактористка. Твое какое дело! Свекровь не хочет, она в драмкружке играет.

Ольга. А что будут с пьяницами делать?

Голос. По потребностям водку им давать.

Ольга. А чтоб они не дождались!..

Смех. Шум.

Чтоб их теперь черти взяли!

Марченко. Ольга, прекрати конкретные выражения, когда говорят о будущем.

Коровай. А МТС будет за урожай отвечать?

Марченко. Когда?

Коровай. Теперь.

Марченко. Товарищ Коровай, во время лекции вы храпели, а теперь своими вопросами в неловкое положение лектора ставите. Товарищ про полный коммунизм говорит, а мы с вами еще на его пороге сидим.

Коровай (*рассердился*). А мне надоело сидеть на пороге! Я хочу в полный перелезть, потому и спрашиваю...

Голоса. Правильно! Правильно!

Дударик. Коровай правду говорит. Я тоже хочу спросить, будут ли при коммунизме такие директора МТС, как наш Иван Иванович Соха?

Марченко. Товарищ Дударик, ваш вопрос тоже не ко времени... Товарищ Соха премии получает, и снять его никто не может...

Голос. А где товарищ Соха?

Марченко. По делам МТС...

Голос. На уток поехал?

Марченко (*звонит*). Призываю к порядку! Товарищ Овчаренко, сразу будете отвечать или позже, когда лекцию закончите? Товарищи, прекратите движение. Качан, садись!

Овчаренко. Товарищи ставят вопросы интересные, но они не имеют прямого отношения к моей лекции. Я заканчиваю. (*Начинает читать.*) «В своем капитальном труде товарищ Нудник блестяще доказывает, что когда человечество...»

Марченко. Качан, садись!

Качан. А перерыв будет сегодня?

Марченко. Потерпи еще немного. (*К Овчаренко.*) Прошу.

Ромодан (*подходит к Овчаренко*). Простите, Гавриил Онуфриевич. Как раз вопросы товарищей имеют непосредственное отношение к вашей лекции. Ведь будущее рождается в сегодняшней жизни.

Марченко. А вы кто будете?

Дударик (*с подъемом*). Это новый секретарь обкома партии Петр Александрович Ромодан.

Все встают и горячо аплодируют.

Ромодан. Очень вас прошу: не вставайте и не аплодируйте. Я тут еще ничего путного не сделал.

Все засмеялись, а Коровай стал аплодировать. Ромодан смотрит на него.

Коровай. Простите, это я авансом, уж очень желаю вам успеха.

Ромодан. Спасибо.

Марченко. Просим вас сюда, садитесь, пожалуйста, в президиум.

Слышно — подъехала машина. Все смотрят в ту сторону.

Ромодан. Нет, нет, я здесь... (*Садится среди трактористов.*)

Марченко. Наш директор товарищ Соха приехали.

Слышен собачий лай, а потом немного хрюплый, но могучий бас директора: «Тарзан, Тарзан, назад! Назад, Тарзан!.. Вот дьявол!.. Я тебе дам! Чтоб ты сдох, проклятый!» Входит Соха. В руках — ружье, сумка и два кулика.

Соха (*издали*). А что это тут происходит?

Марченко. Лекцию слушаем. Просим.

Соха. А как же это вы, товарищ Марченко, без меня лекцию начали?..

Марченко. Вы же на уток поехали...

Соха. А-а... (*Смотрит на Ромодана.*) А вы из министерства?

Марченко. Товарищ Ромодан, секретарь...

Соха. Не может быть! Простите, я даже представить себе не мог, что вы к нам приедете. (*Здоровается.*) Мы очень рады... очень! Что ж вы не позвонили, не предупредили?..

Ромодан. Не хотел вам охоту перебивать...

Соха. Да какая здесь охота! Не было лёта совсем. (*К Марченко.*) Давно начали?

Марченко. Часа три тому...

Соха. Так что ж, товарищ Ромодан, пойдем ко мне, поговорим... А вы продолжайте.

Ромодан. Тут к вам вопросы есть.

Соха. У кого?

Ромодан. У товарищей.

Соха (*ледяным тоном*). Ну, ну, давайте. Кто мне вопросы задает?..

Тишина, никто не отвечает.

Нет вопросов? Нет!

Ромодан. Тогда у меня есть. Скажите, товарищ Соха, ваша МТС за урожай отвечает?

Соха. Целиком и полностью.

Ромодан. Товарищ Дударик, какой у вас был урожай озимой пшеницы?

Дударик. Десять центнеров с гектара. А в этом году — девять.

Ромодан (*Короваю*). А у вас?

Коровай. Одиннадцать, а нынешний год — двенадцать.

Соха. А, так это вы, голубчики, жалуетесь?!. Тогда мне ясно... Товарищ Вишневой, какая у вас пшеничка?

Вишневой. Двадцать три центнера.

Соха. А у вас, товарищ Скиба?

Скиба. Двадцать пять.

Соха. Слыхали, товарищ Дударик?..

Дударик. Спрашивайте дальше. Вот сидят председатели колхозов, спрашивайте их.

Ромодан (*Coxe*). Какое у вас образование?

Соха. Незаконченное среднее.

Ромодан. А кто вы по профессии?

Соха. Кто? (*Пауза.*) Я... директор, много лет...

Ромодан. А где главный агроном?

Соха. Отдыхает дома, он в райцентре живет...

Ромодан. Сколько у вас агрономов с высшим образованием?

Соха. Один и два практика.

Ромодан. На одиннадцать колхозов!.. Трудно вам работать...

Соха. Трудно. Но мы из года в год все планы работ выполняем.

Дударик. А что толку! Вы скажите, кто виноват, что у нас пять колхозов на ноги не могут встать?..

Соха (*обращается к Ромодану*). Как же оно получается? За Дударика отвечает Соха, за Коровая — тоже Соха, за все директивы — Соха...

Ромодан. Какие директивы?

Соха. Ежедневно я получаю вот таких (*показывает*) сорок, пятьдесят распоряжений, директив, а сколько телефонограмм и телеграмм из района, области, министерства... Пишут такое, что и разобрать невозможно. И на все я должен немедленно ответ дать. Да разве есть хоть один министр, у которого была бы такая нагрузка, как у меня?.. Все отвечать должны: и снизу, а еще больше — сверху.

Ромодан. Это правильно. Отвечать должны все...

Дударик. Товарищ Соха любит только всех поучать, да такими словами, что из нашего района даже все грачи поулетали — не выдержали его голоса. Разрешите и мне процитировать — не из книги, а по памяти: «Кадры решают все». И от себя добавить: какая руководящая кадра — такие и дела.

Ромодан. А сколько у вас коммунистов?

Марченко. Тут почти все коммунисты и комсомольцы.

Ромодан. Соха Сохой, а как же вы работаете, товарищи члены партии — честь, слава и гордость народа, как называл коммунистов великий Ленин? Неужели и дальше так жить будем?.. (*Пауза.*) Как вы считаете, товарищ Соха?

Соха. Я два раза просил, чтоб меня освободили с поста директора. Говорят — кричу на людей. А почему кричу? Потому что трудно мне. А дайте мне тракторную бригаду — и я лучшему трактористу на пятки наступлю!

Ромодан. Поможем вам, товарищ Соха. А что вы скажете, Гавриил Онуфриевич?

Овчаренко молчит. Ромодан улыбнулся.

Что говорит по этому поводу философ Нудник?..

Овчаренко. Он такие вопросы не рассматривает.

Ромодан. Не рассматривает... Ну а вы что скажете?..

Овчаренко. Я готовился к лекции о полном коммунизме, все это для меня так неожиданно...

Ромодан. Коммунизм — это не цитаты, а живое, бессмертное сердце народа, наша замечательная жизнь, наша страстная борьба! Вы же знаете, как Владимир Ильич ненавидел начетчиков!..

Овчаренко (*растерянно*). Да, да... знаю... Наизусть знаю. У меня есть даже цитата в лекции...

Ромодан. Боюсь, что легче нам будет во все МТС дать хороших директоров, инженеров, агрономов, чем одолеть в душе некоторых наших пропагандистов товарища Нудника...

Соха. Пойдемте, товарищ Ромодан, я покажу вам наше хозяйство.

Ромодан. С радостью.

Идут.

Овчаренко. И я с вами.

Качан. Закончили?..

Овчаренко. Закончил!

Качан аплодирует. Ромодан вместе с народом уходит. Овчаренко собирает странички. К нему подходит Коровай, взял графин, смотрит. Овчаренко уходит. Коровай хочет налить в стакан воды, но графин пустой. Издалека слышна гармонь, веселая песня.

Коровай. Такой графин воды выпил! И три часа подряд без перерыва про ученого Нудника рассказывал... А сколько же сам Нудник пьет и говорит?! (Покачал головой.)

Песня нарастает.

Занавес

Картина вторая

Небольшая комната. У одной стены диван. Над ним полтавский ковер. Возле дивана круглый столик. На нем бутылка вина, бокалы, фрукты. У другой стены два кресла, между ними большая стоячая лампа под зеленым абажуром. Справа и слева двери. У стены, что перед нами, стоит пианино. Большое окно открыто в сад. На стенах маленькие пейзажи и несколько фотографий Анны с Лидой. Вечер. Горит стоячая лампа. У пианино Лида. Она только что начала играть «Лунную сонату» Бетховена. Входит Катерина. Лида ее не замечает. Катерина сняла плащ, села на диван. Слушает сонату. Лида перестает играть. Она склонилась на пианино, закрыла лицо руками.

Катерина (*встала, тихо*). Лида...

Лида (*покраснела*). Катерина Степановна... (*Украдкой вытирает глаза*.) А я и не слышала, как вы зашли...

Катерина (*подходит к ней*). Что с тобой, Лида?

Лида. Ничего, это я так... (*Улыбнулась*.) Меня всегда волнует эта соната Бетховена. В ней целое море человеческих чувств. И нет им ни дна, ни берегов... Особенно это место... (*Берет аккорды*.)

Катерина (*встала возле пианино, смотрит на Лиду*).
Рано... рано, Лида. «Лунная соната» больше волнует людей, которые хотят догнать молодые годы, а караван уходит все дальше от них... Когда в сердце...

Лида. Что?

Катерина. Была не одна рана. А тебе ведь всего восемнадцать лет...

Лида. А если ребенка ударят в самое сердце...

Катерина. Ребенка можно только обидеть, но за конфету он все забудет.

Лида. Вы так думаете?

Катерина. У тебя сегодня как-то странно глаза блестят. Ты не больна?

Лида. Нет, нет!

Катерина. А может, ты... (*Улыбнулась*.)

Лида. Нет! Этого не будет никогда. Я буду любить только музыку!..

Катерина. Не зарекайся. Я тоже когда-то так говорила и не заметила...

Лида. У каждого своя судьба. Я буду с мамой всю жизнь...

Катерина. И маме твоей надо выйти замуж. Она еще молодая, красивая...

Лида. А почему вы не выходите?

Катерина. Почему?

Пауза.

Лида. Вы моложе мамы... Почему?..

Катерина. Не смотри так... Скажу правду... Когда встречу такого... (*Улыбнулась*.)

Лида. Орла?..

Катерина. Нет.

Лида. Сокола?..

Катерина. Пернатыми я увлекалась в твои годы. Когда встречу человека, который знает, что такое горе... Где мама?

Лида. Пошла к парикмахеру.

Катерина. Я вижу, вы кого-то ожидаете? Не к тебе ли сокол летит?..

Лида. Нет. К маме должен прийти ее старый знакомый...

Катерина. Тогда я пойду.

Лида. Он пе скоро придет. Садитесь. Мама просила, чтобы вы подождали.

Катерина. В какую консерваторию думаешь поступить?

Лида. В Одесскую.

Катерина. А почему не в Киевскую?

Лида. В Одессе море. А если не примут, поступлю к рыбакам в артель.

Катерина. Что?!

Лида. Не верите? Я могу еще не такое выкинуть. Махну па Курильские острова либо на Камчатку — и все...

Катерина. Эх, ты! (*Обняла ее.*) А говорила, что всю жизнь... (*Удивленно.*) Лида!..

Лида. Что?!

Катерина. У тебя слезы на глазах... Что с тобой?..

Лида села на диван, закрыла лицо руками. К ней подошла Катерина.

Успокойся, Лида... Что случилось?..

Лида. Сегодня у меня такой день... Маме не скажете, что я плакала? Слово?..

Катерина. Слово.

Из другой комнаты голос Анны: «Лида!»

Лида. Я, мама. (*Тихо.*) Идите к ней.

Катерина уходит к Анне. Лида встала, вытирает глаза. Подошла к пианино, играет. Входят Анна и Катерина.

Анна. Извини, что опоздала. Садись...

Лида идет в другую комнату.

А ты куда?

Лида. Лягу, у меня что-то голова немного болит. (*Выходит.*)

Анна. Извини, Катя, я не смогу пойти в парк. Жаль, так хотелось послушать Пятую симфонию, но не смогу. Приехал один мой старый знакомый, позвонил, что придет... Отказать не могла...

Катерина. Ну что ж, пойду одна. А ты тут послушаешь. От вас все слышно, что в парке делается...

Анна. Слышишь, а когда ветер в нашу сторону, то кажется, что в парке сидишь...

«МАКАР ДУБРАВА»

Макар Дубрава — А. Бучма. Театр им. И. Франко. Киев. 1948

«МАКАР ДУБРАВА»

Макар Дубрава — А. Бучма, Анка — М. Корнейчук.
Театр им. И. Франко. Киев. 1948

Оксана Андреевна — Нейманова, Макар Дубрава — К. Май.
Реалистический театр. Прага. 1949

Сцена из спектакля. Рабочий театр. Бухарест. 1953

«КАЛИНОВАЯ РОЩА»

Романюк — Ю. Шумский, Наталия Ковшик — Н. Ужкий.
Театр им. И. Франко. Киев. 1950

Наталия Ковшик — В. Пашенная. Малый театр. 1950

«КАЛИНОВАЯ РОЩА»

Наталия Ковшик — Э. Храска, Романюк — Б. Прокож.
Народный театр. Братислава. 1955

Сцена из спектакля. Театр Армии. Бухарест. 1955

«КРЫЛЬЯ»

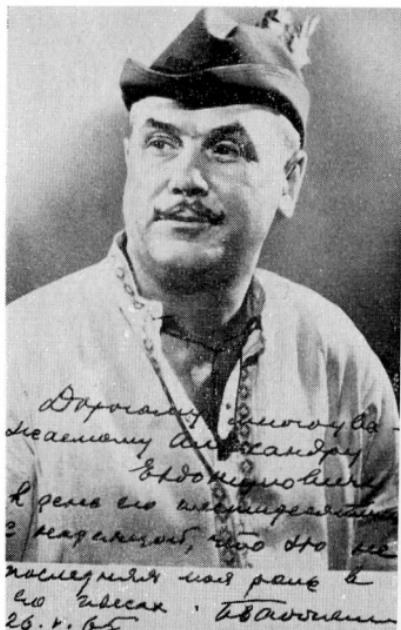
Ромодан — М. Царев. Малый театр. 1955

«КРЫЛЬЯ»

Горицвет — А. Яблочкина. Малый театр. 1955

«КРЫЛЬЯ»

Самосад — Б. Бабочкин. Малый театр. 1955

Сцена из спектакля. Варвара — А. Козлова, Филипп — В. Клейнер,
Дремлюга — Ю. Толубеев. Театр драмы им. А. С. Пушкина,
Ленинград. 1955

«КРЫЛЬЯ»

Филипп — И. Маркевич. Театр им. И. Франко. Киев. 1954

Ромодан — А. Геттерле, Варвара — Л. Лосбингер.
Театр им. М. Горького. Берлин

Сцена из спектакля. Театр им. М. Горького. Берлин

«ПОЧЕМУ УЛЫБАЛИСЬ ЗВЕЗДЫ»

Барабаш — Д. Милютенко, Катерина Бессмертная — Н. Ужвий.
Театр им. И. Франко. Киев, 1957

Сцена из спектакля. Малый театр. 1958

«ПОЧЕМУ УЛЫБАЛИСЬ ЗВЕЗДЫ»

Сцена из спектакля. Театр драмы им. А. С. Пушкина. Ленинград.
1958

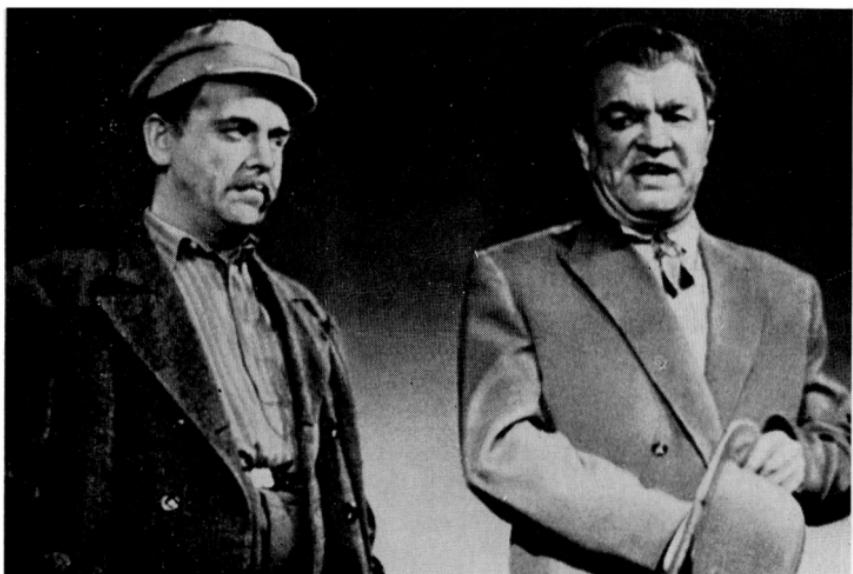

Морж — К. Адашевский, Оксана — А. Лисянская.
Театр драмы им. А. С. Пушкина. Ленинград. 1958

«НАД ДНЕПРОМ»

Мак — В. Топорков, Наталья Голубь — О. Андровская. МХАТ. 1961

Струна — И. Терещин, Нечай — В. Белокуров. МХАТ. 1961

«НАД ДНЕПРОМ»

Сцена из спектакля. Запорожский театр им. Н. Щорса
Сом — В. Нельский, Квак — П. Поляков. Ярославский
драматический театр им. Ф. Волкова. 1961

Сцена из спектакля. Квак — Н. Новаков, Сом — К. Георгиев,
Чапля — Г. Енакиев. Драматический театр Толбухин (Болгария)

А. Е. Корнейчук среди участников спектакля «Макар Дубрава» в Театре им. И. Франко. 1948

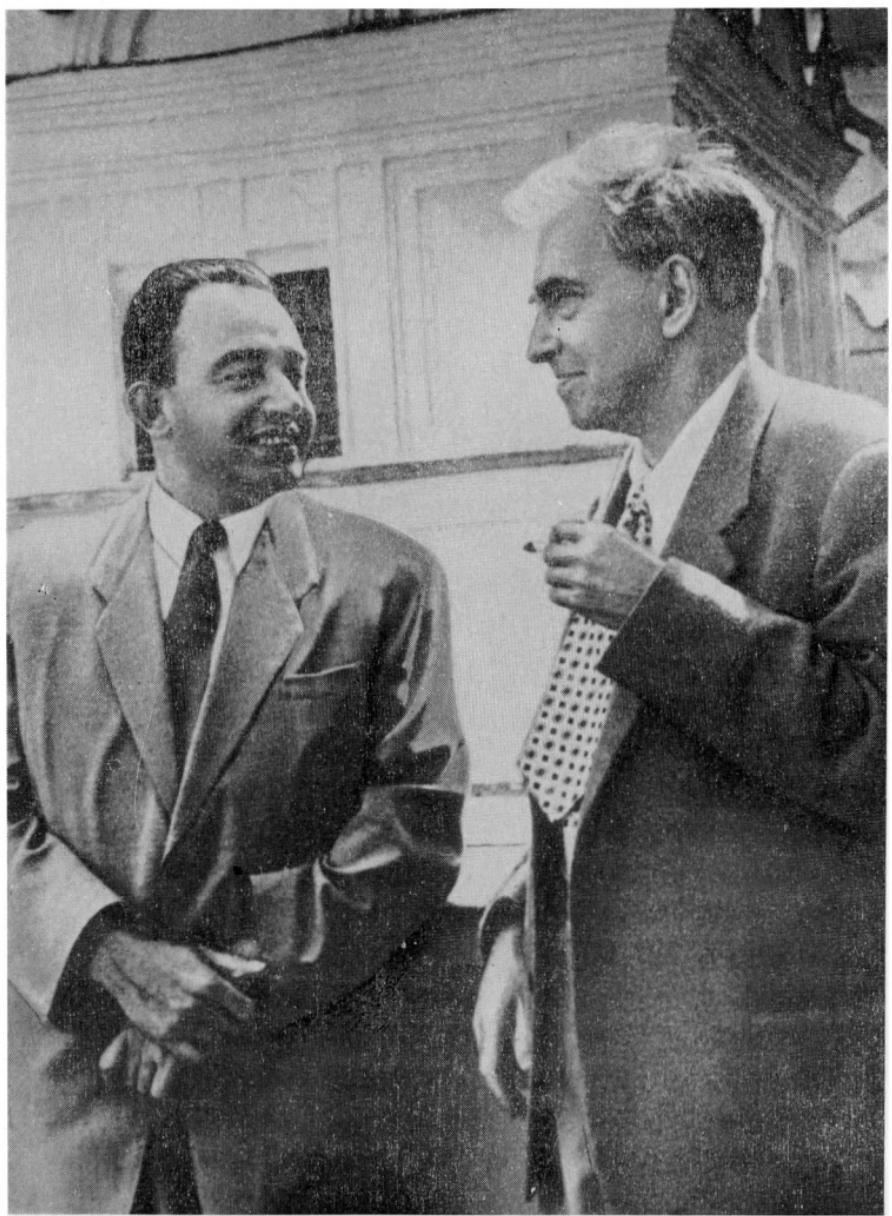
И. М. Раевский, А. Е. Корнейчук, В. В. Белокуров на репетиции спектакля «Над Днепром» в МХАТе. 1960

А. Е. Корнейчук с актерами Малого театра

А. Е. Корнейчук и М. А. Шолохов

А. Е. Корнейчук и И. Г. Эренбург. 1955

А. Е. Корнейчук на сессии Верховного Совета СССР. 1959

Катерина. А может, Лида пойдет?

Анна. Нет, Лида должна быть дома... Как с нашим строительством? Есть ответ?

Катерина. Есть, и какой! Вчера я была у своих на даче и случайно встретилась с Ромоданом. Сказал, что говорил с министром, все получим и к декабрю закончим.

Анна. Это хорошо.

Катерина. Годами обивала я пороги начальства и тут и в Киеве, а он за две недели все сделал. Человек слова. Повезло нам...

Анна. Повезло...

Катерина. Как хорошо, что его сюда прислали! Вчера мы говорили несколько часов...

Анна. С ним?

Катерина. Да. Сидели под липой возле того столика, помнишь, где познакомились?..

Анна. Помню... И какое он произвел впечатление на тебя?

Катерина. Глубокий, интересный человек. Говорили на различные темы... Но я почувствовала в нем какое-то беспокойство. Трудно сказать, что именно, но думаю, какое-то большое горе он пережил...

Анна. Горе...

Катерина. Да. У него такие удивительные глаза... Уже седина пробивается, а глаза — как у ребенка: открытые, чистые, будто сразу весь мир хотят увидеть... Мне кажется, что я его давно-давно знаю... Словно простились много лет назад, и вот он снова возвратился из какой-то далекой страны...

Анна. Катерина, я не узнаю тебя... Катя... (*Смотрит на нее.*)

Пауза.

Катерина. И я не узнаю себя, Анна. (*Встала, подошла к стене, сняла гитару; садится на диван, перебирает струны, напевает без слов.*)

Анна. Ты откуда знаешь эту песню?

Катерина. Его любимая песня... Какие хорошие слова! Послушай!..

Ой, піду я лугом,
Лугом-долиною,
Я чи не зустрінусь
З родом — родиною.

Ой, там моя сестра
Пшениченку жала,
Сказав я ёй «здрастуй»,
Вона промовчала...

Анна (*тихо*). Не надо... Я не люблю эту песню.
Прости, Катя...

Катерина. Не любишь?

Входит Ромодан. Катерина встала.

Вы?!

Ромодан. Я. А почему вы так удивились? Добрый вечер!

Анна. Добрый вечер, Петр Александрович. Прошу, садитесь.

Из другой комнаты выбежала Лида. Остановилась в дверях. Она чрезвычайно возбуждена.

Ромодан. Лида.. (*Идет к Лиде.*)

Лида. Не подходите! Я вас не знаю. Слышите? Не знаю! (*Подходит к Анне.*) Мама, держись... держись... (*Катерине.*) Вы сказали, что только взрослых ранят, а детей — нет. Спросите у него, спросите!..

Анна. Лида!

Лида. Это мой отец! Бывший...

Катерина. Что?!

Лида. Отец... Какое святое слово — «отец»! Все спрашивают: где, где твой отец?!.. А сказать не можешь, стыдно... (*Выбежала из комнаты.*)

Анна пошла за ней в другую комнату. Ромодан подошел к креслу, сел. Катерина смотрит на него. Большая пауза. Выпала гитара из рук Катерины. Входит Анна. Подошла к Катерине, подняла гитару.

Анна. Катя, возьми Лиду к себе... Катя...

Катерина. Хорошо. (*Вышла.*)

Из парка доносятся звуки Пятой симфонии Чайковского. Анна закрыла окно, подходит к Ромодану.

Анна. Узнаешь? (*Показывает гитару.*)

Ромодан не отвечает. Анна положила гитару на диван. Села.

Прости, я не думала, что Лида так тебя встретит...

Ромодан. Она знала, что я приду?..

Анна. Да. У тебя усталый вид.

Ромодан. Много ходил по полям...

Анна. В районе был?

Ромодан. Вчера вернулся.

Анна. Как теперь на селе живут?

Ромодан. По-всякому. Есть — живут хорошо, а есть — и плохо. Завтра вылетаю в Москву.

Анна. Зачем?

Ромодан. На Пленум ЦК вызывают.

Анна. Разве ты член ЦК?

Ромодан. Нет. Всех секретарей обкомов вызывают.

Анна. Может, рюмку вина выпьешь?..

Ромодан. Налей.

Анна наливает, у нее дрожит рука.

Анна. Пролила... Прошу... (*Подает.*)

Ромодан (*взял*). А тебе я налью... (*Встал, налил, подает бокал с вином.*) Твое здоровье, Анна, и здоровье Лиды.

Чокаются.

Анна. Твое здоровье, Петр... (*Пьет.*)

Ромодан. А красивой стала Лида.

Анна. Так плохо все получилось...

Ромодан. Зато честно и искренне. Я этого ждал. Как ты живешь?

Анна. Теперь хорошо. Работаю в больнице. Меня уважают. Лида отлично закончила музыкальную школу, осенью поедет в Одессу. Думаю, что примут в консерваторию. Так и живем.

Ромодан. Почему ты не ответила мне ни на одно письмо? Почему отказалась от денег? Я же отец Лиды.

Анна. Сперва о письмах. Я не хотела тебе отвечать. А деньги... Когда я вышла из тюрьмы, люди помогли мне устроиться на работу. Моих заработков нам хватало. Как видишь, выросла неплохая девочка. Умница, способная. Это она сегодня так. Но поверь...

Ромодан. Я понимаю...

Анна. Не стоит вспоминать, что было. Себя волновать и тебя. Все прошло. Правда победила.

Ромодан. Я понимаю: трудно тебе говорить, и мне нелегко слушать. И все-таки молчать труднее. Говори, Анна.

Анна. Что же говорить? Когда ты вернулся с фронта и тебе начальник МГБ показал сфабрикованные на меня документы, будто я во время оккупации была связана с немцами, ты не заступился за меня, а сказал, чтобы проверили, и сразу поехал в Киев...

Ромодан. Меня вызвали в ЦК. Я должен был поехать.

Анна. Знаю. Ну, а как меня проверяли... (*Пауза.*) Хорошо, что люди не побоялись, заступились за меня. Разыскали тех, кого я спасла от фашистской неволи. Ты же знал меня с детства, вместе росли, потом поженились... все знал... а усомнился... а может, и не поверил...

Ромодан. Когда я узнал, что тебя арестовали, я просил за тебя, делал все, что мог. Когда я понял, что у тех, кто состряпал дело о тебе, правды не найду, пошел к секретарю ЦК. Рассказал ему все, и, если бы он не вмешался, еще неизвестно, что тогда было бы с тобой и со мной...

Анна. Петр! Ты просил, боролся за меня?!. Я не знала... (*Пауза.*) Спасибо. И все-таки, Петр, ты должен понять, что было в моей душе. Ведь ты не поверил... не поверил!.. В моем сердце уже нет обиды. Оно окаменело тогда.

Ромодан. Ты говоришь правду. Тогда моя вера в тебя пошатнулась. Время было такое. Я знаю, это не оправдание... За эти годы я столько перепес, до смерти не утихнет боль... И сейчас такие ночи бывают...

Анна. Не надо, Петр...

Ромодан. Прости, что вырвалось... Не об этом я хотел тебе сказать. Анна, я понял, скоро понял, что тот, кто не верит самому близкому другу, что бы о нем ни говорили, тот не может верить никому. Я это понял, но было уж поздно. Ты возвращала мне нераспечатанные письма... (*Пауза.*) Сколько зла, боли, слез принесло людям недоверие!

Анна (*тихо*). Израили, израили и малых и больших людей.

Ромодан. Анна...

Анна. Никогда больше не вернется этот страшный сон.

Ромодан. Никогда... Анна... (*Подходит к ней.*)
Анна...

Анна (*встала*). Иди, Петр, скоро Лида вернется. Мне бы не хотелось...

Ромодан. Хорошо.

Анна. Петр, я простила тебя, это правда. Но... иди. У меня такое сердце теперь, что... Иди.

Ромодан. Будь здорова, Анна. Поцелуй Лиду.

Анна. Хорошо. Будь здоров, Петр.

Ромодан уходит. Анна подошла к окну, отворила, и в комнату полились звуки оркестра, конец Пятой симфонии. Анна стоит минуту у окна, повернулась, медленно подходит к дивану, упала на него и тихо зарыдала.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина первая

Парк. Терраса дачи Ромодана. На террасе стол, плетеные стулья. Недалеко от террасы, за столиком под старой липой, сидят Ромодан, Вернигора, Калина, Роевой и Овчаренко.

Ромодан. Говорил я вам, что будет постановление ЦК и Совета Министров Украины... Поддержали ваши предложения...

Роевой. Не ждал... Так скоро...

Ромодан. Не затягивайте с документацией, чтобы до зимы начать строительство завода.

Роевой. Не затянем.

Ромодан. Все у вас?

Роевой. Все. Когда вам врачи разрешают приступать к работе?

Ромодан. Обещают через неделю. Но я завтра буду в обкоме.

Калина. Нельзя.

Ромодан. Я уже вчера доклад делал.

Калина. Ну вот и хуже стало.

Роевой. Что вы! После такой операции не слушать врачей...

Калина. Ох и вредный же ты, Роевой!.. Советуешь слушаться врачей, а сам ежедневно полпортфеля тащишь сюда: и теплицы, и водопровод, и рамы для парников, и школы...

Роевой. Так мы же вместе...

Ромодан (*Вернигоре*). А ты, Кирилл, помолодел... и загорел — на цыгана стал похож.

Вернигора. За это короткое время я объездил больше колхозов, чем за прошедших три года...

Ромодан. Молодец! Да, вы знаете, Кирилл просится директором МТС. А я протестую. Пусть сначала поедут агрономы, которые сидят в аппарате Дремлюги.

Вернигора. Ты же сам говорил мне...

Ромодан (*перебивает*). Говорил, когда ты утопал в чернилах и бумагах. А теперь, когда душа твоя снова молодой стала, тебе из облисполкома нельзя уходить. Не так ли, Евгений Максимович?..

Калина. Согласен.

Вернигора. Надоело мне в чиновниках ходить!..

Калина. А ты не ходи. Не государственный аппарат превратил вас в чиновников и бюрократов. Сами насорили — сами и выметайте. Да поскорее, пока вам по-хорошему советуют.

Ромодан. Слышишь?

Вернигора. Слышу...

Ромодан. А что скажет Гавриил Онуфриевич?

Овчаренко. Я согласен. Советский аппарат, как говорил...

Ромодан. ...в своем капитальном труде товарищ...

Овчаренко. Как раз ошиблись. Я его уже не цитирую. Я согласен, товарищи, что в советском аппарате должны работать такие опытные люди, как Вернигора.

Вернигора. А сам уезжаешь...

Овчаренко. Уезжаю. Еду работать над диссертацией.

Роевой. Счастливой дороги и попутный ветер.

Овчаренко. Спасибо.

Ромодан. От работников МТС и от меня передайте товарищу Нуднику привет и наше пожелание, чтобы он перестал стричь цитаты. Больше бы работал головой, а не ножницами..

Роевой. Разрешите вас завтра проведать?..

Ромодан (*улыбнулся*). По вопросу электростанции?..

Роевой. Да...

Вернигора. Есть у меня мысли...

Овчаренко. У меня есть один методический вопрос.

Калина. Это на бюро.

Ромодан. Приходите в обком во второй половине дня, потому что с утра я буду с Евгением Максимовичем дела делить.

Вернигора. Как?

Ромодан. Товарища Калину утвердили вторым секретарем обкома. Прошу любить и жаловать...

Вернигора. Поздравляю вас! (*Жмет руку Калине.*)

Калина. Доктор идет!

Ромодан (*весело*). Прячь бумаги и портфели!.. Вон туда... Начали песню.

Все поют «Стоить гора высокая...»

Входит Катерина. Смотрит на всех, появилась улыбка на ее лице.

Катерина. Снова заседали?..

Из дачи выходит Варвара.

Калина. Что вы! Мы пришли проводать больного. Видите, сидим, песни поем...

Катерина (*строго*). И давно поете?..

Варвара. Давно, давно...

Овчаренко. Не так, чтобы очень давно...

Катерина. Я вижу. Вид у вас усталый. Категорически запрещаю вам петь в этом хоре!

Ромодан. Вот так она разговаривала со мною, когда я лежал на операционном столе. Не сердце у вас, а камень...

Варвара. Петро, ты бы лучше поблагодарил Катерину Степановну за то, что операция прошла хорошо.

Ромодан (*взял ее за руку*). Катерина Степановна, большая и красивая сила в вашей душе... И золотые руки. От всего сердца спасибо вам.

Калина. А ну, капелла, поднимайся. Нас тут не признают...

Ромодан. Посидите.

Катерина. Принесла вам ваши осколки...

Подает, все смотрят.

Калина. Неужели вы их не ощущали?

Ромодан. Я во время Пленума ничего не ощущал. Да меня там каждую минуту и в жар и в холод бросало... Да разве меня одного! Такую правду жизни, такую силу нашу раскрыл Пленум... Мне там не раз казалось, что я лечу над всем миром... Боль я почувствовал, только не в легких, а в сердце...

Катерина. Петр Александрович, вам вредно волноваться... Вижу я, много вы тут песен пропели...

Калина, Роевой, Вернигора и Овчаренко идут к кусту, берут портфели.

Будьте здоровы.

Ромодан. Я провожу вас.

Катерина. Простите, я на минутку задержу Петра Александровича. Мы догоним...

Калина. Пожалуйста.

Все уходят.

Катерина. Простите, Петр Александрович, это дело ваше... семейное. После операции, когда вы еще не пришли в себя от наркоза, к вам подошла Анна. Она стояла около вас несколько минут. Я никогда в жизни не видела в таком состоянии человека... Я сама не так давно пережила большое горе... И как хирург тоже видела немало человеческих страданий. Но такой скорби, такой печали в глазах я никогда... (*Пауза.*) Это все, что я хотела вам сказать.

Ромодан. Спасибо. (*Пауза.*) Что с вами, Катерина Степановна?!

Катерина. Простите... и я разволновалась... А мне не положено. Моя профессия не позволяет... А это потому, что я люблю... люблю и Лиду и Анну... А где была Лида, когда арестовали Анну?..

Ромодан. У меня. Но когда Анну выпустили, она забрала Лиду и даже не пожелала встретиться со мною. Оставила записку... три слова... И все...

Катерина. Я так понимаю вас! Я верю, она будет с вами...

Ромодан. Верите, Катя?.. (*Взял ее за руку, смотрит в глаза.*)

Катерина. Иначе быть не может. Вы...

Пауза... Слышен голос Калины: «Петр Александрович!»

Пойдемте, вас зовут...

Катерина и Ромодан уходят.

Из глубины парка появляется Самосад. В руках у него книжечка. Он читает, подчеркивает карандашом.

Самосад. Ага. (*Читает.*) «К числу таких причин относится прежде всего нарушение в сельском хозяйстве принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства, в увеличении его доходности — одного из коренных принципов социалистического хозяйствования». Принцип тут, и тут принцип... Тоже правильно. (*Перелистывает страничку, читает.*) «Завышенные

нормы поставок продуктов с приусадебного хозяйства, имевшиеся у нас недостатки в налоговой политике в отношении личного хозяйства колхозников привели к сокращению поголовья коров, свиней и овец в личной собственности колхозников. Такое положение не только ущемляет интересы колхозников, но и ведет к извращению природы артельной формы колхозов...» И это весьма авторитетно сказано!.. (*Подчеркивает. Молча читает дальше.*)

На аллее появляются Дремлюга с удочками и Терещенко с корзиной в руках.

Дремлюга (издали). Самосад!

Самосад не отвечает.

Терещенко. Самосад!

Самосад спрятал книжечку, опустил голову на руки, мечтательно смотрит вдаль. Дремлюга и Терещенко подходят ближе к столику, смотрят на Самосада, который не обращает на них внимания.

Дремлюга. Оглох?

Самосад молчит.

Оглох, спрашиваю?

Самосад. Кого?

Дремлюга. Тебя.

Самосад. Нет.

Дремлюга. А чего ты молчишь?

Самосад. Задумался...

Терещенко. Задумался? (*Смеется.*) А о чем же ты думаешь?

Самосад. Думаю, по какому принципу мне дальше жить.

Дремлюга. Что такое?

Самосад (*вынул книжечку*). Прочитал я эту книжечку, и душа моя улетела в родные степи черноморские.

Терещенко. А ну покажи, что это за книжечка...

Самосад (*прячет*). Не поймете.

Дремлюга. Ого! Неужели ты думаешь, что Федор Гаврилович глупее тебя?

Самосад. Это не главная причина.

Дремлюга. Что?!

Терещенко. Да у него опять в голове что-то перевернулось...

Самосад. А у вас опять флюс... О, да еще какой! И где это вас снова так продуло?

Терещенко взялся рукой за щеку.

Терещенко. В командировке простудился.

Самосад. И как бывает природа несправедлива... Бьет человека в одно и то же место, куда бы он ни поехал. Наотмашь бьет... Разукрасит так, что смотреть противно... А за что? Авторитетный вопрос.

Терещенко. Очень уж ты философствовать стал.

Дремлюга. А может, ты выпил?..

Самосад. Нет, сухой, как это удилище...

Дремлюга. А ну, философ, давай червяков!

Самосад. Нету.

Дремлюга. Как — нету?..

Самосад. Не нашел. Копал, копал — только два осколка от снаряда выкопал да кость человеческую. Чья она?

Терещенко. Здесь их много, линия фронта проходила... Жаль, что не накопал червяков...

Самосад. Закопал я ее поглубже и посадил цветы на том месте... Чья она?

Дремлюга. Что ж, Федя, будем на хлеб ловить. Вечером на хлеб еще лучше берет.

Терещенко. Мелкая очень склевывает хлеб. Это муки, а не ловля.

Самосад. Да разве вы будете ловить, когда у вас из корзины белая головка выглядывает?..

Дремлюга. Увидел! (*Смеется.*) Приходи на берег, угостим.

Самосад. Спасибо, не приду. (*Берет ведро, лопату и уходит в парк.*)

Дремлюга и Терещенко идут к реке. Возвращаются Ромодан и Варвара.

Варвара. Ты так побледнел, Петро. Может, приляжешь?..

Ромодан. Это тебе показалось. Я хорошо себя чувствую. Завтра на работу. Может, ты отдохнешь?

Варвара. Нет, мне пора, Петро, домой. Завтра рано вставать.

Ромодан. На работу?..

Варвара. На поезд. Завтра уезжаю отсюда.

Ромодан (*радостно*). На село, домой?..

Варвара. Да, Петро. Сбылось то, о чем я по ночам думала. Теперь мое место на поле, там я больше сделаю. Но науку в городе не забуду. Спасибо рабочим: они научили меня не только строить, но и шире на жизнь смотреть.

Ромодан. Вот за это я тебя расцелую, сестра...
(Обнял, поцеловал.)

Варвара. Скоро ты услышишь обо мне. В будущем году снова будет стоять моя кукуруза и у тебя, и в Киеве...

Ромодан. Верю.

Варвара. Одно тебе скажу на прощанье.

Ромодан. Что, Варвара?

Варвара. Решения большие, солнечные... Но и солнце могут закрыть тучи, если про людей забудешь. Ты приголубь человека, приголубь — и он горы перевернет!.. Заменяй негодных и смело поднимай еще слабых, но способных — и будешь ты тысячуеруким в каждом селе... Будь здоров, брат... Приезжай в родное село.

Ромодан (*тихо*). Спасибо за доброе слово. Приеду.

Варвара (*провела ладонью по его голове*). Как бы я хотела, чтоб ты не один был...

Ромодан. Я уже привык...

Варвара. Не говори так. К этому человек привыкнуть не может. Не обкрадывай свою душу... Ищи дорогу — и найдешь... Прощай, брат.

Ромодан. Прощай, сестра. Я провожу тебя к машине.

Сходят с террасы. Ромодан взял Варвару под руку, идут в парк. С другой стороны парка появляются Дремлюга и Терещенко.

Терещенко. Не повезло нам сегодня. Удочки порвали...

Дремлюга. Да! А... А дома ли Петр Александрович?..

Терещенко. Я слышал, со здоровьем у него уже все в порядке...

Дремлюга. Да. (*Поднялся на террасу, крикнул в*

открытую дверь.) Петр Александрович!.. (*Зашел в дом, вернулся, идет к столику.*)

Терещенко сидит под липой, напевает. Он навеселе.

Нет... Видно, где-то в парке гуляет... (*Сел рядом с Терещенко.*)

Терещенко. Одна щука на живца — разве это ловля?.. (*Вытащил из корзины щуку, положил на стол.*)

Дремлюга. А щука хорошая!..

Терещенко. Что с тобой, Гордей? Не пьешь, а настроение, словно друга похоронил...

Дремлюга. Не друга, себя хороню. Кажется, мое время прошло.

Терещенко. Что ты, Гордей! Ты — орел, а орлы никогда не стареют.

Дремлюга. Не кричи, Федя.

Терещенко. Извини. Эх, скажу я тебе одно, Гордей... У меня тоже на душе черт знает что творится. Не понимаю я, не понимаю, что вокруг нас происходит...

Дремлюга. Может, спать пойдешь? Ты много «столичной» дернул...

Терещенко. Водка теперь не берет меня. Душа болит... Скучно жить стало. Скучно!

Дремлюга. Почему?

Терещенко. Мы с тобой не первый год и в партии и на руководящей работе. Я знал одно: держу линию на тебя — и все в порядке. А теперь что?

Дремлюга. А что?

Терещенко. Вот приехал Ромодан с Пленума. О чем он на активе говорил?.. Кукуруза, квадраты, гнезда... Все для человека, все для человека... А для коммунизма что? — я спрашиваю! Какой скучой веяло от каждого слова его доклада!..

Дремлюга. А актив aplodировал ему, да еще как!..

Терещенко. А почему? Поплыл по течению, в хвосте актива. Разве это линия?.. Ты знаешь, Гордей, я никогда не был подхалимом, мы старые друзья, не один пуд соли съели... Но когда ты прежде выходил на трибуну, то как все волновались! Головы в плечи втягивали... так чувствовали твой авторитет. А теперь каждый сидит как хочет и мелет что хочет... Никто никого не боится... Я спрашиваю: где же тут партийная дисциплина?..

Дремлюга. Ничего... Пошумят, пошумят, а потом все станет на свое место.

Терещенко. Где видано, чтобы секретарь обкома так недопустимо резко говорил о председателе облисполкома?.. Да если па самом верху такое началось, какую же мне тогда линию держать?.. На кого?..

Дремлюга. Вон Ромодан... Федя, возьми удочки и иди, а я поговорю с ним.

Терещенко. Обидел он тебя... Сильно.

Дремлюга. Ступай, ступай.

Терещенко берет удочки, щуку, идет в парк. Ему на встречу выходит Ромодан.

Терещенко. Здравствуйте, Петр Александрович! Как ваше здоровье?

Ромодан. Благодарю, хорошо. А ваше как?

Терещенко. Я — как старый дуб: никакие ветры меня не берут.

Ромодан. Не зарекайтесь. Бывают такие бури, что и старые дубы с корнями вылетают. (*Поворачивается к Дремлюге.*) Как улов сегодня?

Терещенко уходит.

Дремлюга. Не было клева.

Ромодан сел возле Дремлюги. Пауза.

Душно сегодня...

Ромодан. Душно...

Дремлюга. Кругом сверкает,— видно, гроза будет...

Ромодан. Видно, будет...

Дремлюга. Я послал вам днем сводки. Получили?

Ромодан. Получил.

Дремлюга. Читали?

Ромодан. Читал. Зачем вы трудитесь над этими общими цифрами?.. Нам нужно знать действительное положение дела. К этому призывал нас Пленум ЦК.

Дремлюга. Значит, сводки больше не нужны?..

Ромодан. Нужны, но не такие.

Дремлюга. Ясно... Да... Все это очень интересно получается.

Пауза.

Ромодан. Гордей Афанасьевич, почему вы не выступили на активе по моему докладу?

Дремлюга. Я же говорил вам, плохо себя чувствовал...

Ромодан. Только поэтому?

Дремлюга. Только.

Ромодан. Хотел я с вами сегодня по душам поговорить, да вижу — не выйдет... Отложим на завтра, а жаль... Очень жаль...

Дремлюга. Почему ж, поговорить всегда успеем...

Ромодан. Ждать нельзя, иначе решения Пленума провалим.

Дремлюга. Не понимаю вас.

Ромодан. А я вас не понимаю: почему агрономы сидят в вашем аппарате? Почему вы их держите?

Дремлюга. Позвольте, Петр Александрович, позвольте!.. Это неверно. Не могу же я разогнать весь аппарат. С кем же тогда работать? Часть уже выехала...

Ромодан. Какая? Вы послали по принципу — на тебе, боже, что мне не гоже... Почему вы с утра до ночи заседаете? Почему так верите в силу бумаги?.. Почему вы по-прежнему не хотите знать, что делается в районах, колхозах, МТС?.. Какой же вы руководитель?

Дремлюга. Не вам судить... Я двадцать лет на ответственной работе. Кто дал вам право так говорить со мной? Я — старый кадр, я — линия!.. Вы обязаны, черт побери, уважать меня, работать со мной. А вы на активе хотели меня на колени поставить. Вы думали, что я выступлю и упаду перед вами... Не выйдет! Придет время — и я скажу свое слово вам и таким, как вы...

Ромодан. Все?

Дремлюга. Хотели откровенно, по душам поговорить,— так слушайте.

Ромодан. А что слушать? Вас теперь только одни годы украшают, а не мудрость. Зазнайство, а не скромность. Бездушность, а не человечность. Грубость, окрик, а не доброе слово. Вождизм разъел вашу душу... Для вас партия — это только ваше «я», а не совесть и честь народа.

Дремлюга. Товарищ Ромодан! Я не потерплю...

Ромодан. Молчите! Вы угрожаете мне, что придет время, и вы снова закроете всем рты. Лжете! Не будет этого. Пойдем сейчас, встанем перед народом и спросим всех честно и открыто: за кого вы? За заслуженных пустозвонов или за тех, кто видит нужды государства,

нужды людей и без трескучих фраз, всем сердцем, горячим делом хочет помочь, чтобы не когда-то, а сегодня наши люди полностью ощутили плоды социализма. И мой совет вам — не дожидайтесь, пока вас прогонят с трибуны, беритесь за ум, потому что никакие прошлые заслуги вас не спасут.

Дремлюга (*встал*). Не торопитесь. Не такое я еще видел.

Уходит. Навстречу ему выходит Самосад.

Самосад. Клевало?

Дремлюга молча идет к своей даче.

(Вслед.) Не клюнуло... Перед грозой не клюет, только старые сомы наверх вылезают... Здравствуйте, Петр Александрович.

Ромодан. Здравствуйте, Ефрем Ефремович.

Самосад. Выздоравливаете?

Ромодан. Выздоровел.

Самосад. Э, вижу, не совсем... У меня есть такое авторитетное лекарство, специально для вас приготовил... Любую болезнь сразу снимает. Только нужно принимать его точно по моему рецепту.

Ромодан. Что за лекарство?

Самосад. Народное.

Подошел к лице, засунул руку в дупло, достает бутылку и две кружки.

Ромодан. Горилка?

Самосад. Боже упаси! Настойка, одни лесные цветы... Понюхайте.

Ромодан (*нюхает*). Какой чудесный аромат! А кроме цветов что здесь?

Самосад. Выпейте, тогда поймете. (*Наливает Ромодану и себе*.) Лекарство это нужно принимать так: выпили и пустой чаркой потрите больное место. И когда раз восемь так проделаете, сразу все боли проходят. Начинайте.

Ромодан. Мне неловко — вы меня уже второй раз угощаете...

Самосад. Какие могут быть счеты между нами!.. Вы — секретарь, а я — тракторист. Но принцип у нас один: повышай урожай, поднимай животноводство... Разве не так?

Ромодан. Так. Но ведь вы здесь работаете...

Самосад. Работал. А завтра утром еду в родное село, на старое место — в МТС трактористом. Я жинке сказал вчера: собирай вещи, раз партия зовет — Самосад должен быть в строю. Жинка отказалась, говорит: ты же беспартийный, нам тут хорошо живется... Тогда я ей такой авторитетный ответ дал, что она не только вещи собрала, а еще и всю ночь прощения у меня просила...

Ромодан. Согласилась ехать с вами?

Самосад. А какой же я был бы равноправный муж, если б меня жинка не слушалась?! Пешком пойдет... Из села мне написали, что там делается...

Ромодан. Что?..

Самосад. А вы разве не читали решения Пленума? (*Достал из кармана книжечку.*) Вы знаете, какая в них сила?! Это почти что Сталинград. Заявляю авторитетно! Урожай не на глазок теперь будут оценивать. И вообще там так все подведено, что теперь дело только за нами... Ваше здоровье!

Чокаются.

Ромодан. Будьте здоровы! (*Выпил.*) Ого! Фу! Дух захватило...

Самосад. Трите, скорее грудь трите! Пройдет...

Ромодан (*трет грудь*). Нет, больше я пить не буду.

Самосад. А может?..

Ромодан. Нет. А здорово вы решения Пленума прочитали.

Самосад. А мы всегда читаем не только то, что написано, а больше ищем, что там за словами стоит, какая жизнь. (*Встал.*) Разрешите с вами попрощаться.

Ромодан тоже встал.

Желаю вам здоровья, сил и авторитетно заверяю вас, как знакомого, друга, секретаря, что тракторист Самосад не подвел в войну, не подведет и теперь.

Самосад подал руку. Ромодан крепко пожимает ее. Смотрят друг другу в глаза. Ромодан обнял Самосада, поцеловал.

Спасибо. (*Поднял голову, прислушивается.*) Слышите? Дикие гуси летят...

Ромодан. Осень... Видно, осядут возле нас на речке...

Самосад. Может, но вряд ли... (*Прячет бутылку и кружки в дупло.*) Завтра примете. Только не забудьте потереть...

Ромодан. Спасибо.

Самосад. А гуси приближаются. Слышите?.. (*Пауза.*) Будьте здоровы!

Ромодан. Счастливого пути!

Самосад идет, тихо затягивает песню. Достает из кармана окарину, и вскоре из глубины парка понеслись звуки окаринны. Подул легкий ветерок, и меж лип на аллее закружились желтые листья. Ромодан сел, смотрит вверх. Все ближе слышен крик диких гусей... Из глубины парка появляются Катерина и Лида. Катерина показала рукою на дачу Ромодана и повернула обратно. Лида медленно приближается к даче. Остановилась. Повернув голову, увидала за столиком отца и отступила назад... Ромодан не замечает ее... Лида сделала несколько шагов вперед, смотрит на отца... Ромодан словно почувствовал ее взгляд, встал, обернулся и увидел Лиду... Потрясенный, смотрит на нее. Большая пауза.

Лида (*тихо*). Это я, отец...

Ромодан молчит.

(*Еще тише.*) Дочь твоя...

Ромодан протянул к ней руки. Лида бросилась к отцу и упала ему на грудь. Ромодан крепко обнял ее, гладит рукой волосы и от волнения не может вымолвить ни слова.

Прости меня, отец... Я не виновата... и мама... и ты... Я не знаю, почему так случилось... Мы были так счастливы, когда ты вернулся с фронта. А потом столько горя, столько... (*Подняла голову, смотрит на отца.*)

Ромодан. Когда большая беда приходит, дочка, она сразу раскрывает все двери и окна... Так случилось с нами... Пришла война, а после нее сколько и радости и горя довелось пережить нам всем... Так бывает в жизни... Ничто не дается легко и не проходит даром. И, может, потому нет большего горя, чем то, когда ты теряешь и близких и друзей... И нет большего счастья, как встреча после

страданий и борьбы... Спасибо, что пришла в трудную для меня минуту...

На аллее появляется Катерина. Она идет по направлению к даче, остановилась. Смотрит на Ромодана и Лиду.

Они не замечают ее.

Лида. Я пришла к тебе навсегда...

Ромодан (*смотрит на Лиду*). А?..

Лида. Не знаю.

Снова слышен крик диких гусей. Ромодан смотрит вверх.

Пойдем, я буду говорить с нею... Пойдем... (*Взяла его под руку.*)

Ромодан и Лида уходят. Они так и не заметили Катерину.

Стоит на аллее Катерина, смотрит им вслед.

Падают осенние листья... И уже еле слышен крик диких гусей.

Занавес

**ПОЧЕМУ
УЛЫБАЛИСЬ
ЗВЕЗДЫ**

**Комедия в трех
действиях**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЯКОВ ПЕТРОВИЧ БАРАБАШ —
архитектор.

КЛЕОПАТРА ГАВРИЛОВНА —
его жена.

ОЛЬГА — их дочь, студентка.
ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПОГОДА — профессор университета.
ЗИНАИДА НИКОЛАЕВНА —
его жена.

ПЕТР — их сын,
студент университета.

МАРК НИКОЛАЕВИЧ ШПАК —
директор музея.

ТИМОФЕЙ ГАВРИЛОВИЧ ШПАК —
его племянник,
студент университета.

ОКСАНА ДМИТРИЕВНА
КОЛОСОК — домашняя работница.

КАРП КАРПОВИЧ МОРЖ —
краснодеревщик, пенсионер.

ЖАННА СТЕПАНОВНА БАКУН —
стенографистка.

МАТИЛЬДА АНДРЕЕВНА КРАЙ —
сотрудник музея.

ЛЕОНИД ТАРАСОВИЧ ОДНОЛЮБ —
врач-терапевт.

ЛИЛЯ ТРОФИМОВНА ХОМУТОК —
его жена.

КАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА
БЕССМЕРТНАЯ —
работница шелкового комбината.

ЮРИЙ — ее сын, студент.

МАКАР АЛЕКСЕЕВИЧ ХМАРА —
профессор консерватории.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Живописное предместье большого города. На склоне горы в зелени садов утопают небольшие одноэтажные домики. Всю гору пересекают ажурные металлические опоры, по которым бегут провода высокого напряжения.

В саду под горой стоит одноэтажный дом Барабаша. Справа низенький заборчик отделяет усадьбу Барабаша от усадьбы Катерины Бессмертной. А в глубине тоже заборчик — там усадьба профессора Погоды. Соседи про-делали друг к другу калитки — протоптаные тропинки говорят о том, что соседи часто встречаются и живут в мире и дружбе.

Дом Барабаша покрыт зеленой черепицей, а стены обложены керамическими плитками с веселыми украинскими народными мотивами.

На террасе накрытый вышитой скатертью столик. Около него несколько стульев. В большие открытые окна видны картины на стенах.

Возле террасы под цветущим каштаном краснодеревщик Карп Карпович Морж полирует стол. Он работает в ритм песни, которую выводит в зависимости от настроения. Все время поет один и тот же куплет.

Морж (*поет*).

Соловей, соловей, пташечка,
Канареюшка жалобно поёт...
Раз, два, горе не беда,
Канареюшка жалобно поёт...

В окне появляется Клеопатра Гаврилова.

Клеопатра. Товарищ Морж!

Морж как раз выводит свою «Канареюшку» и ничего не слышит.

(Резко.) Товарищ Морж! Мои нервы не выдерживают больше вашу «Канареюшку». Пели бы уж что-нибудь другое, а то с утра до вечера одно и то же...

Морж. Можно и другое, только как раз эта песня для полировки подходит. А может, ваши нервы выдержат эту?.. (*Затянулся.*) «Жура, жура, журавель, журавушка молодой...» (*Свистнул, как в молодости, на весь сад.*) «Э-эх, и жура, жура, журавель...» (*Увидел, что Клеопатра взялась руками за голову.*) Что?

Клеопатра. Да вы смеетесь надо мной!..

Морж. И эта не подходит?.. Извиняюсь, больше петь не буду. Я хочу вам сказать, что за стервант, который...

Клеопатра. Сервант!

Морж. ...который стоит в вашей комнате, Клео... Клеопатра Гавриловна, я возьмусь завтра, только дайте денег, потому как шпирт уже весь вышел.

Клеопатра. Вы же вчера брали деньги на спирт.

Морж. Брал, брал, не отказываюсь. Но учтите, уважаемая Клео... Клео... И что это такое: когда вас не вижу, я ваше имя легко выговариваю, а как смотрю на вас, то всегда, извиняюсь, начинаю заикаться...

Клеопатра. Неужели я такая страшная?..

Морж. Совсем наоборот. Удивительно благородное волнение вы во мне вызываете... Да!

Клеопатра. Что?! Сколько вам лет?

Морж. Что годы! Когда в сердце итака поет, оно никогда не состарится.

Клеопатра. А вы философ...

Морж (*обиженно*). Я никогда, извиняюсь, не брешу.

Клеопатра (*улыбнулась*). Вы обиделись?

Морж. На шпирт деньги дадите?

Клеопатра. Дам. Но вы бы хоть немного разводили спиртом шерлак, а то рядом с вами, бывает, стоять трудно.

По радио слышна симфония Чайковского.

Морж. Да я его и в рот не беру! За свои сорок пять лет работы по мебельному делу я насквозь пропитался спиртом, потому как спирт, когда в нем шерлак разводишь, большое испарение имеет. Я вот никогда не болел. А почему?.. Пропитанный! В воздухе летает микробы. Так вот эта микробы может вам, извиняюсь, в какое угодно место залезть, и вы даже не почувствуете, как она там начнет...

Клеопатра. Простите, мне некогда. (*Отошла от окна.*)

Морж. Зато на меня не сядет. А почему?.. Пропитанный! (Начинает полировать. Остановился, вынул самодельную трубку, кисет, набивает трубку табаком.)

Все сильнее звучит музыка, и когда она достигает своей вершины, на склоне горы появляется Ольга. Она в белом платье, на голове соломенная шляпа, в руках книга. Ольга сорвала шляпу, остановилась на мгновение, и порыв ветра разбросал ее волосы. Морж смотрит на нее. Ольга стремительно бежит вниз, чуть не налетела на Моржа, закружилась вокруг него.

Осторожно, упадете!..

Ольга. Нет! Я сейчас летать могу... Не верите? Смотрите... (Напевает мелодию Чайковского и в такт музыке кружится.) Поздравьте меня, дядя Карп: последний экзамен сдан. Теперь я на третьем курсе!..

Морж (сорвал цветок, протянул Ольге). Поздравляю... .

Ольга. Спасибо. (Взяла цветок.) Здравствуй, каштан! Здравствуйте, мои зеленые друзья! Простите, что не видела вас, не замечала всю весну... Дядя Карп, можно мне вас поцеловать?..

Морж. Что вы! У меня усы, как проволока, колющие...

Ольга. Как я счастлива!.. Целый час меня профессор допрашивал, словно прокурор...

Морж. И оправдал?..

Ольга. Встал, сказал «спасибо» и пожал мне руку. Этого он никому не делал. Если бы вы его видели!.. Ужас какой строгий старик!..

Морж. Ну?..

Ольга. Да. И знаете, крепко пожал. Я эту руку теперь три дня мыть не буду.

Морж. Правильно! Мне в гражданскую войну после боя пожал руку перед кавэскадроном сам товарищ Голопупенко. Так я месяц руку не мыл — до того приятно было...

Ольга. А кто это?

Морж. Кто?.. Этого нельзя словами выразить. Думаю, что только товарищ Гоголь мог бы рассказать про моего друга, командира полка. Перед боем он всю ночь над картой, а я в уголке, с гармошкой, до утра песни ему пою... (Тихо поет.) «Засвистали козаченьки в поход

з полуночі...» Завсегда вместе решали стратегию. Любил он мой голос...

Ольга. А вы и теперь хорошо поете. Жаль, что не учились смолоду. Возможно, были бы знаменитым певцом.

Морж. Может быть. Мальчиком я работал у одного графа... Он тоже собирал картины, как ваш отец... Хотел послать меня к великому артисту в Киев, чтобы тот послушал мой голос. Но не вышло...

Ольга. Почему?

Морж. Граф трагически застрелился из нагана. В газетах долго об этом писали...

Ольга (*отошла, тихо*).

Стояла я и слушала весну.
О, как она мне много говорила;
То пела песню звонкую одну,
То мне тихонько-тихо ворожила.

(*Уходит в дом.*)

Входит Катерина.

Катерина. Здоров, кум!

Морж. Здорова, кума! Иди, споем.

Катерина. И когда ты, Карп, угомонишься?

Морж. Когда ты постареешь... (*Подходит к заборчику, протягивает руку Катерине.*)

Катерина. А ты, я вижу, уже дернул...

Морж. Принял точно, как по рецепту, сто пятьдесят каплевограмм.

Катерина. Нехорошо. Работал на фабрике — не пил, а на пенсию перешел... Нехорошо!

Пауза.

Морж. Обидели меня... потому... Сильно обидели...

Катерина. Кто?.. Когда?..

Морж. Как-нибудь расскажу...

Из дома слышны звуки рояля.

Катерина. Оля играет...

Слушают музыку.

Морж. Шопен!.. Хорошая девушка... А Юра твой сильно переживает?..

Катерина. Совсем голову потерял. Просто беда...

Морж. И чем ее взял племянник Шпака?..

Катерина. Что ж, Тимофей — парень с виду интересный, представительный...

Морж. Сучковатый, строгать много нужно...

Катерина. А может, скажешь, кто тебя обидел?

Морж. Хорошо играет, душевно...

Катерина. Мы же старые друзья...

Морж. Ты знаешь, как я любил свою дочку. Одна она у меня... Выучил, инженером стала, замуж вышла за большого человека. Квартира — пять комнат, детей нет. Мебель — птичий глаз, красное дерево... Встретили меня хорошо, а на второй день дочка говорит: «Знаешь, отец, у нас часто гости бывают, люди такие, что тебе с ними будет неинтересно. Потому мы решили тебя в гостинице устроить. Сейчас и перевезем... Я буду навещать...» — «Спасибо, дочка,— говорю ей.— Хорошо, что твоя мать не услышит такого, а то б...»

Большая пауза.

Катерина. Держись, Карп...

Морж. Взял я свой сундучок на плечи — и на вокзал...

Катерина. Пойдем ко мне, я такой квас сделала! Пойдем. (*Открыла калитку.*)

Во двор входит Яков Петрович Бараш. Он весь в глине, извести, даже шляпа в белых и желтых пятнах. В руках несколько рулонов и папка.

Бараш. Катерина Сергеевна...

Катерина. Добрый день, Яков Петрович. Ого, где это вы так?..

Бараш. На стройке был... Катерина Сергеевна, можно вас на минутку?

Катерина (*Моржу*). Иди, Карп...

Морж уходит.

Бараш. Хорошие дни стоят... Присядем...

Садятся на скамью.

Жарко, дождик нужен... Правда?..

Катерина молчит.

Целыми днями воюю с прорабами за свою честь, за честь своей профессии... Сколько сил, бессонных ночей отдаешь

проекту, а строят плохо... Плохо!.. Был бы я помоложе, послал бы все к черту и поменял профессию.

Катерина молчит.

Жарко... Почему вы в последнее время как будто избегаете меня?

Катерина молчит.

Я много думал... а понять не могу. Кажется, между нами ничего такого не произошло. Не понимаю, за что вы на меня обиделись... Может, жена моя вам что-нибудь сказала?..

Катерина. Не туда смотрите.

Барабаш. Скажите откровенно. Вы для меня очень близкий человек. Вы меня в партию рекомендовали... Много помогли своими советами... Я никогда в жизни вам этого не забуду...

Катерина молчит.

Катерина Сергеевна...

Катерина. А дождь нужен. Очень жарко...

Барабаш вытирает платком лоб.

Трудно за станком стоять. В цеху душно, и вентиляция не помогает.

Пауза.

Барабаш. Сколько лет вы стоите за станком? Вашим шелком, наверное, уже можно было бы опоясать всю нашу страну...

Катерина. Может, и на бант хватило бы. (*Встала.*) Вот вы и подсчитайте... Карп меня ждет...

Барабаш. Так ничего и не скажете?..

Катерина. Вы волнуетесь, вижу. Но я еще больше волнуюсь... Мы дружим не первый год, а потому...

Пауза.

Барабаш. Говорите.

Катерина. Оглянитесь вокруг, хорошо, внимательно посмотрите, а тогда я скажу вам, что у меня на душе. Даже если вы меня не попросите, обязательно скажу. (*Идет к своему дому.*)

Барабаш долго смотрит ей вслед. Выходит Ольга.

Ольга. Отец, уже давно лежит от бабушки письмо, а ты так и не прочитал... (*Достала из конверта письмо.*)

Барабаш. Прочитай, я забыл очки.

Ольга (*читает*). «Дорогой сынок, письмо это пишет тебе наша учительница, а я наговариваю. Так слушай, Яков. Хата наша, где ты родился, стала дюже ветхая, солома на крыше давно прогнила. Как дождь сильный, ведрами воду выношу. Сурьезный ремонт требуется. Я тебе уже одно письмо посыпала, а ты не ответил. Если денег у тебя нет, то напиши, чтобы соседей унять, а то сильно тебя поносят. Я уже со всеми разругалась, твое имя берегу, но бабы у нас такие злые, брешут на тебя, как псы лютые... Напиши, сынок: так, мол, и так... Не обижусь. Смотри, не простуживайся. Кланяюсь вам всем. Поцелуй мою внучку Олю. Твоя мать Марфа». Все село о тебе говорит...

Барабаш. Оленька, у меня не было денег. А сегодня я получил пять тысяч за проекты дач и сегодня же ей пошлю...

Ольга. Сколько лет она просит, чтобы ты приехал...

Барабаш. Когда я могу поехать?.. Ты же знаешь, сколько у меня работы...

Ольга. А за картинами находишь время ездить...

Барабаш. И я и твоя мать любим искусство, а ты считаешь, что это...

Ольга (*перебивает*). Я считаю, что так жить, как мы живем, нельзя.

Барабаш. Скажи, как нужно...

Ольга молчит.

Не знаешь, так не учи родителей. Рано, слишком рано!..
Экзамены сдала?

Ольга. Да.

Барабаш. Отдыхай и не злись... Ну... (*Хочет ее обнять.*)

Ольга отвернулась. Выходит Клеопатра.

Клеопатра. Яков Петрович, у меня для вас сюрприз.

Барабаш. Какой, Клюша?

Клеопатра. И когда ты отвыкнешь от этого мещанского слова... «Клюша»...

Барабаш. Какой сюрприз, Клеопатра Гавrilovna?

Клеопатра. Сейчас к нам придет Марк Николаевич Шпак и знаешь что принесет?..

Барабаш. Что?

Клеопатра. Настоящего голландца.

Барабаш. Голландца?! Не может быть, моя адмиральша! Какая радость!.. (*Положил письмо матери на скамейку, пошел к Клеопатре на террасу.*)

Клеопатра. Деньги получил?

Барабаш. Да, пять тысяч.

Клеопатра. Не хватит.

Барабаш. Остальное подождет.

Клеопатра. Вряд ли, мы и так ему должны. Иди переоденься...

Ольга взяла со скамейки письмо, посмотрела на отца и пошла в сад.

Барабаш. Сколько же потянет голландец?

Клеопатра. Скоро узнаем.

Из сада выходит Жанна. В руках у нее большой букет сирени.

Какая сирень!.. Кому это ты?..

Жанна. Вам, тетя. Ведь завтра день смерти вашего деда, адмирала. Придут люди...

Клеопатра. Спасибо, Жанна! Белая сирень — это хорошо. (*Смотрит на Жанну.*) Ходишь, как монашка, всегда в черном, прическа старой девы...

Жанна. У меня траур, вы же знаете...

Клеопатра. Сколько можно! Моя мать была великой актрисой, но, когда умер мой отец, она носила траур всего один месяц... Ты не имеешь права так жить! Я тоже когда-то любила, как любила!.. Отчаянный характер у меня был...

Жанна. А кого вы любили? Если это не секрет...

Клеопатра. Всех не упомнишь, моя милая, но одного до смерти не забуду. Он играл Ромео, и когда приходил ко мне после спектакля, я лежала на тахте, словно в склепе, абсолютно мертвая. Но когда он склонялся надо мной, тихо шептал свою роль, я оживала. И как оживала!.. Куда актрисе!

Жанна. А вы, тетя, романтик...

Клеопатра. Женщин без романтики, моя милая, уважают, даже в председатели выбирают. Но не любят! Запомни это. Как твоя работа?

Жанна. Все хорошо, но устаю.

Клеопатра. Пора тебе серьезно подумать о своей судьбе. Ты умная, красивая, молодая... Ты это понимаешь? Почему молчишь?

Жанна. Я слушаю вас, тетя.

Клеопатра. Нужно действовать. В нашем городе столько героев в отставке...

Жанна. Тетя...

Клеопатра. Не перебивай! Среди них есть такие орлы... Неужели ты думаешь всю жизнь стенографировать всякую чепуху?.. У нас так много болтают... И в Одессе ты тоже так жила?

Жанна. В Одессе я была управляющим делами одного треста. Через меня все шло. Эх, и работалось!.. Как я люблю этот сказочный город! (*Тихо напевает.*) «Шаланды, полные кефали...»

Клеопатра. И я страстно люблю приморские города. В них никогда не знаешь, что с тобой может случиться... (*Тоже напевает.*)

Барабаш выглянулся в окно, слушает песню, потом аплодирует.

Глупо! Такое настроение испортил... Уйди!..

Барабаш. Простите... Не видно Шпака?

Клеопатра (*сматривает на часы*). Уже на час опаздывает. (*Жанне.*) Замечательную картину принесет.

Жанна. У вас же и так настоящая картинная галерея, зачем вы еще покупаете?..

Барабаш. Дорогая Жанна! У каждого человека есть своя страсть. Кто играет в преферанс, кто пьет водку, кто меняет жен или автомашины... Наш сосед каждое воскресенье сидит как дурак на речке и смотрит на поплавок... А мы любим подлинных мастеров живописи. Наш Бруберль... Зайдите посмотрите, сейчас такое хорошее освещение...

Клеопатра (*встала*). Необычайной силы талант! Пять лет назад я заплатила за него восемь тысяч, а теперь нам дают двенадцать. Мы все отдаем искусству...

Все идут в дом.

В саду Погоды появляются Петр, Зинаида Николаевна и Дмитрий Александрович с лопатой и граблями в руках.

Зинаида. Будет тебе ругать его. Смотри, Петенька даже побледнел...

Погода. Шляется каждую ночь по ресторанам, оттого и побледнел.

Зинаида. Тише, соседи услышат...

Погода. А то они не знают... (*Петру.*) Перестань зевать!

Петр. Ты ведь хорошо понимаешь, отец, что это от меня не зависит. (*Опять зевает.*)

Погода. Кто тебе вчера дал деньги на ресторан?

Петр. Тимофей пригласил...

Погода. А позавчера?

Петр. Не помню.

Погода. Врешь! (*Зинаиде.*) Ты дала ему деньги?..

Зинаида молчит.

(*Петру.*) Перестань зевать!

Петр.

Слыши я в сердечном гуле
Тот последний блюз.
Я не знаю, полюблю ли,
Знаю, что влюблюсь.
Эти маленькие руки
Снятся наяву...
Буги-вуги, буги-вуги,
Буги-вуги, ву!

Погода. Эти маленькие руки снятся наяву...

Зинаида. Буги-вуги...

Петр. Буги-вуги...

Погода. Буги-вуги, ву!.. Бери лопату и копай землю. Будешь каждый день по несколько часов копать. Узнаешь, что такое труд, и хоть раз мозоли на руках увидишь.

Петр берет лопату, копает и все время зевает.

Зинаида (*тихо*). Какой ты бессердечный! Мальчик не выспался...

Погода (*громко*). Какой мальчик?.. Балбесу двадцать один год!

Зинаида. Ты хочешь лишить нашего сына счастливого детства...

Погода. Да я в студенческие годы не только на себя зарабатывал, а еще сестре помогал. И летом не по курор-

там с маменькой ездил, а нас комсомол на село посыпал, на культработу. А он даже из комсомола сбежал...

Петр. Уважаемый папаша, не могу я ежедневно выслушивать ваши воспоминания. Вы живете прошедшим, а я будущим. Возможно, когда-то комсомол был веселой, интересной организацией, но сейчас это такая... (*Зеваёт.*) Нам, поэтам, она только мешает своими прописными истинами...

Зинаида. Это верно. Даже дочь Марии Ивановны тоже оставила комсомол, а ведь ее отец в обкоме партии служит. Мария Ивановна мне прямо сказала: «Комсомол теперь не на высоте. Нет!»

Погода. И что вы, мадам, вместе с вашей Марией Ивановной понимаете! «Не на высоте...» А вы где находитесь, позвольте вас спросить? На какую высоту вы взлетели? Сидите на гнилом плетне и кудахчете, а думаете, что поднялись в небо...

Зинаида. Ты неисправимый грубиян!

Петр. Мама, ты несправедлива. Наш отец...

Погода. Копай, не то я тебя так стукну граблями...

Петр. Такой метод дискуссии осужден. (*Копает.*) Наш отец твердо верит, что молодежь ничего не понимает, ни на что не способна... А вот мы-де и когда-то были соколами и теперь орлы. И, к сожалению, мама, не он один так думает.

Погода. И это ты говоришь мне... мне... (*Идет к нему, подняв грабли.*)

Зинаида. Ты ошибаешься, Петр. Отец воспитал сотни физиков, и молодежь всегда любила его...

Погода. Оставь, Зина!

Зинаида. Проси прощения, Петр! (*Мужу.*) Но и ты должен иначе разговаривать с сыном. Он ведь у нас не просто студент, а поэт. Его начали печатать. У него душа лирика...

Погода. Ладно! С завтрашнего дня я вас обоих посажу на картофель, а если ваши лирические души захотят деволяй или бифштекс — заработайте! (*Бросил грабли и пошел.*)

Зинаида. Митя!.. Митя!.. (*Идет за ним.*)

Петр. Не волнуйся, мама, будем ходить в гости.

Возращается Ольга, направляется в дом. Петр открыл калитку, идет к Ольге.

Оленька, как жаль, что ты не была вчера с нами! Какая была ночь! Мы разошлись в шесть утра. Тимофей так хорошо говорил о тебе...

Ольга (*улыбается*). А кто еще был с вами?

Петр. Наш великий поэт Кисляк. Тимофей читал нам свою новую новеллу.

Ольга. Хорошо?

Петр. Гениально!

Ольга. А Кисляк что сказал?

Петр. Ему чрезвычайно понравилось. Мы были в ресторане, а затем пошли к Тимофею. Сидели на ковре, горели свечи, камин...

Ольга. В такую духоту вы зажгли камин?!

Петр. Для настроения... Да, с нами была еще исключительно милая женщина, новая сотрудница музея. Она работает заместителем у Шпака, дяди Тимофея. Из Киева прислали. Гениально поет романсы, с таким темпераментом... (*Напевает романсы*.)

Ольга. Уж не влюбился ли ты в нее? Как ее зовут?

Петр. Матильда. Чудесное имя — Матильда! Я напишу о ней стихи.

Ольга. Большая новелла?

Петр. Три странички. Но как написана! Кисляк утверждает, что у Тимофея не только настоящая европейская манера, но и настоящий экзен... экзен... Замечательное слово, но трудно выговорить. Экзенстанционализм.

Ольга. Что это значит?

Петр. Сартр, понимаешь? Тимофей — наш Сартр. А это новейшая форма искусства. Это реактивный самолет, а наш реализм — древняя колымага, которую тащат серые волны, наши выдающиеся писатели. Так говорит Кисляк. И я с ним согласен.

Ольга. Я видела пьесу Сартра «Лиззи Мак-Кэй» и не заметила в ней никакой новой формы...

Петр. Так это не тот Сартр. Это левый Сартр, а тот совсем другой, тот экзен... экзенстанционист.

В саду Погоды появляется Тимофей.

Ольга. Тимоша!

Тимофей. Я, Оленька. (*Подходит, протягивает руку Ольге. Петру.*) Тебя отец ждет.

Петр. Понимаю. (*Поклонился, уходит.*)

Тимофе́й. Оле́нька, ты сего́дня какая-то необыкно-
венная!

Ольга. Отлично сдала последний экзамен.

Тимофе́й. Поздравляю. (*Целует ее.*)

Ольга. Тимоша... увидят...

Тимофе́й. Пусть смотрят, пусть все знают, как я
люблю тебя... Почему ты не хочешь прийти ко мне?..
Оле́нька... (*Снова целует ее.*)

Ольга (*закрыла его рот рукой*). Не надо, Тимоша...
У меня такой праздник сегодня... А ты все сдал?

Тимофе́й. Еще один — и я свободен.

Ольга. Наш факультет собирается ехать на целину.

Тимофе́й. И наш.

Ольга. Вот хорошо! Ты записался?

Тимофе́й. Записался. Вчера. Поеду из Одессы в
Грецию, Италию, Францию, потом — Стокгольм и Ленин-
град...

Ольга. Никуда ты не поедешь. На нашу область дали
всего четыре места.

Тимофе́й. Мой дядюшка обеспечит место и для меня
и для тебя. Его пробойная сила достигает не только
Киева, но и Москвы. Поедем, Оле́нька! Сколько мы уви-
дим! Одна Франция, Париж — всемирный центр искусст-
ва, литературы... Какие страсти там бурлят! Еще Генрих
Четвертый сказал: «Париж стоит мессы». Как тонко!
Только французы так умеют. (*Напевает.*)

C'est si bon
De pouvoir l'embrasser
Et puis r'commencer
A la moindre occasion.
C'est si bon
De jouer du piano
Tout le long de son dos
Tandis que nous dansons.

• • • • •
C'est si bon
Et si nous nous aimons
Cherchez par la raison
C'est parc'que c'est si bon,
C'est parc'que c'est si bon,
C'est parc'que c'est... trop...

Ольга. Какая хорошая песня и как душевно ты спел ее!..

Тимофей. Поедешь?..

Ольга. Я бы с радостью, но не в этом году. Мы же едем в Казахстан...

Тимофей. Понимаю, тебя заставили.

Ольга. Сама решила.

Тимофей. Не верю. Знаю я, как это делается. Меня тоже уговаривали, агитировали, пропагандировали, а потом обругали...

Ольга. Ты ошибаешься.

Пауза.

Издали слышен баян — это играет Юрий. Ольга прислушалась.

Тимофей. Оля... Почему ты молчишь? (*Обнял Ольгу.*) Поедешь? Олењка...

Ольга. Я очень хочу увидеть другие страны. Очень!.. Но скажи, что мы ответим, если нас спросят: «Почему вы нарушили слово, которое дали народу?.. Почему вы, молодые, здоровые, сильные, не там, где горят костры, где забыли о сне, где покрыты соленым потом, пылью, в жару, дождь, грозу ваши друзья?»

Тимофей. Не все думают так, как ты. Каждый год у нас очередная битва. Надоело! Пусть урожай снимают те, кому положено, а я художник. У меня другой посев. Хлеб снимут и без меня, но мой урожай только я могу вырастить и снять. Неужели ты хочешь, чтобы я разменял свои мечты, талант на требования каждого дня и стал бездарным очеркистом, каких у нас хвалят и называют писателями?..

Ольга. Может, ты и прав... Но мое место там, моя совесть мне говорит об этом. Изменить ей я не могу.

Тимофей. А что такое совесть?

Ольга. Не понимаю твоего вопроса.

Тимофей. Прошу тебя, скажи...

Ольга. Это — чувство моральной ответственности за свои поступки перед людьми, перед народом... Это путеводная звезда моего сердца... моей души...

Тимофей улыбается.

Почему ты улыбаешься?

Тимофе́й. Как ты вспыхнула! Глаза блестят... Так мне хочется поцеловать мою красивую, славную, милую и очень наивную девочку, которая не может понять, что свободный человек никогда не согласится, чтобы выдуманное пугало — совесть — было судьей его поступков. Почему я должен быть ее рабом? Прости за резкость... Только примитивные люди цепляются за этого старого бога, чтобы оправдать свою трусость. Я против всех богов, против всех религий, как бы они ни назывались!..

Ольга. Так за кого же ты?

Тимофе́й. За гражданина мира, свободного от всех национальных и других предрассудков. За свободный индивид, за его расцвет, за безграничную силу чувств, за страсть губительную, испепеляющую сердца, за такой силы крик души, какой вырывался из груди прпрадедов наших, когда они ломали бивни мамонту...

Ольга. Назад к пещерному человеку. Так я тебя поняла?

Тимофе́й. Не назад, а вперед к пещерному человеку. Так назову я свою новую новеллу, чтобы наш обыватель взвыл... Я не боюсь никого...

Ольга. Что ты говоришь! Ты сошел с ума...

Тимофе́й. Может быть, но так думают великие художники в цивилизованных странах. Ты не можешь понять, что делается в моей душе. Я очень устал... Я действительно болен. Мой мозг пылает. Как я страдаю, Оля...

Ольга. Так это не твои слова, мысли?..

Тимофе́й. К сожалению, нет. Как смело, сильно, красиво они говорят... Какая романтика... А у меня еще нет сил подняться на такую высоту. Душа моя растерзана... Правду тебе говорю.

Ольга. Тимоша, не слушай их, не слушай!.. Пропадешь, погибнешь...

Тимофе́й. А кого же слушать?.. Тоска, скука, кругом одно и то же. Не могу я так жить... не могу...

Ольга. Нельзя тебе ехать за границу... Ты должен поехать со мной, и ты поедешь. Если действительно любишь меня...

Тимофе́й. А ты меня любишь?

Ольга. Мне казалось, что я тебя знаю, как самое себя. Я ночами разговариваю с тобой, слышу твой голос... О какой светлой, красивой, разумной жизни ты мне говоришь!.. То мы за Полярным кругом предупреждаем о

бурях и штормах караваны кораблей... То летим в бескрайнюю Сибирь, чтобы повернуть могучие реки... Нежели все это выдумало мое сердце, моя душа?.. Нет, ты не такой... Если бы я поверила, что ты так думаешь...

Тимофей. Что бы ты сделала? (*Улыбается.*)

Ольга. Не шути. Я бы возненавидела себя и прокляла ту минуту, когда впервые в жизни...

Тимофей. Не понимаю тебя. С точки зрения старой морали, первый поцелуй — это событие. А в наше время это просто красивый бокал без вина. Так сказать, форма без содержания...

Ольга. Замолчи, иначе я тебя... (*Подняла руку.*)

Тимофей. Умоляю, ударь, покажи характер, но не разводи истерию. Я не люблю...

Ольга ударила Тимофея.

(*Схватил ее руку, упал на колени.*) Мерси! (*Поцеловал руку.*) Не думал, что эта нежная ручка может такую пощечину залепить... (*Опять целует Ольге руку.*)

Входит Клеопатра, увидела Тимофея на коленях.

Клеопатра. Ax!.. (*Быстро подходит к Тимофею.*) Как вы посмели... Без моего разрешения...

Тимофей. Не волнуйтесь, ваша дочь дала мне хорошую пощечину. Каюсь — заслужил. Это я просил у нее прощения.

Клеопатра. Ты ударила Тимофея?

Ольга кивнула головой.

У вас щека покраснела...

Тимофей. Горит...

Клеопатра. Это ужас! Как ты могла?..

Ольга. Он попросил.

Тимофей. Это правда.

Клеопатра. Как ты невоспитанна, груба... В наше время мы позволяли себе такое только после свадьбы. Какая теперь молодежь, ужас!..

Тимофей (*подошел к Клеопатре*). Добрый день, Клеопатра Гавриловна! (*Целует ей руку.*) Вам так идет это платье. Чудесный цвет...

Клеопатра. Остановитесь! Моя дочь ревнива...

Ольга. Мама! (*Идет в сад.*)

Клеопатра. Не сердись... А у нас приятная новость! Ваш дядя...

Тимофей. Знаю, он скоро будет.

Клеопатра. Вы видели картину?

Тимофей. Не сподобился...

Клеопатра (*взяла его под руку*). Прошу...

Идут в дом.

Слышина песня:

Чорній брови, карій очі,
Темні, як нічка, ясні, як день!
Ой, очі, очі, очі дівочі.
Де ж ви навчились зводити людей?

Выходит Макар Алексеевич Хмара. Это он поет. Хмара в белом костюме, без шляпы. На голове буйная седая шевелюра. В руках палка с набалдашником слоновой кости. Он высокий, стройный, и никто не даст ему больше шестидесяти, хотя в действительности ему уже семьдесят лет. Когда-то это был знаменитый баритон, да еще и сейчас он может спеть для друзей неполным голосом с большим чувством.

Хмара (*подошел к окну*). Дома уважаемые хозяева?..

Выходит Клеопатра.

Клеопатра. Макар Алексеевич, дорогой! Как я рада, что вы пришли! Два месяца вас не видела... Вы очень жестокий человек.

Хмара (*целует ее руку*). Виноват, Клеопатра Гавриловна, я днем и вечером в консерватории... Своих птенцов выпускаю в этом году и волнуюсь больше, нежели они.

Клеопатра. А выглядите вы очень хорошо. Сколько я вас помню, вы не меняетесь. Глаза, как у юноши... Каким секретом вы обладаете?

Хмара. Я жизнь люблю, горячо, страстно, и за это природа не обижает меня...

Клеопатра. Жизнь все любят.

Хмара. Нет, не все. Многие любят только себя, а требуют, чтобы природа их щадила... Я нашел фотографию вашего деда, и, так как завтра день его памяти, я вам ее подарю.

Клеопатра. Спасибо. Он в адмиральской форме?
Хмара. Нет.

Клеопатра. Это интересно. В штатском я его не представляю себе. А нет ли у вас фотографии моей матери? Что-нибудь из гастрольных поездок, когда вы вместе с ней выступали в Париже и Риме...

Хмара. Эти фотографии я не могу отдать.

Клеопатра. Нет, нет, я могу переснять.

Хмара. А-а... Я сам это сделаю.

Пауза.

Ваша мать была талантливой певицей и обаятельной женщиной...

Клеопатра. Жаль, что я на нее не похожа.

Хмара. Характер у вас — точная копия. Штурмовой...

Клеопатра. Это все от моего деда, адмирала...

Хмара. Настоящий орел был... Очень жаль, что вы не знали его...

Клеопатра. А мне кажется, что я знаю о нем все. Мама так много рассказывала мне...

Хмара и Клеопатра уходят в дом. К заборчику подошел Юрий. Выходит Оксана.

Оксана. Морж!.. (*Подходит к Юрию.*) Моржа не видели?

Юрий. Он отдыхает в нашем саду.

Оксана. Где?

Юрий. Вон там, под деревом.

Оксана. Не человек, а наваждение! Всегда его искать нужно. В печенке он у меня сидит.

Юрий. А может, в сердце, Оксана Дмитриевна?

Оксана. Такое скажете, Юра! А еще студент... Кто теперь на меня посмотрит...

Юрий. Что вы на себя клевещете? Такая красивая молодичка...

Оксана. Правду говорите?..

Юрий. Правду. Честное слово!

Оксана (*вытащила из-под полы руку.*). Берите пирожок, горячий еще. А эти два...

Юрий. Моржу?..

Оксана. Ему, черту усатому. Пробуйте...

Юрий (*взял пирожок, ест.*). Спасибо, очень вкусно.

Оксана. На здоровье. Если бы вы не были такой учёный, я бы вас обняла и поцеловала... (*Убежала в сад.*)
Юрий смотрит ей вслед. Выходит Ольга. В руках у нее скатерть. Накрывает в саду стол.

Юрий. Оля, здравствуй...

Ольга. Здравствуй, Юра. Это ты играл?

Юрий. Да, мама купила мне новый баян...

Ольга. Ты рад?

Юрий. Очень! Хорошо звучит?..

Ольга. Хорошо. (*Направляется к дому.*)

Юрий. Оля!

Ольга. Что?

Юрий. Я столько дней не видел тебя, а ты...

Ольга (*возвращается*). У нас гости...

Из дома слышны звуки рояля.

Макар Алексеевич приехал... Это он играет.

Юрий. А может, Тимофей?

Ольга. Нет, так играть Тимоша не может...

Юрий. Я хочу сказать тебе...

Пауза.

Ольга. Что снова я тебе снилась? (*Смеется.*) Так?

Юрий кивает головой.

Это было на берегу реки... Мы стояли на лугу среди цветов. Потом сели в лодку, подняли парус — и река и ветер понесли нас далеко-далеко...

Юрий кивает головой.

...туда, где всходит солнце... А над нами клинья журавлей. И еле слышно: кру... кру... кру...

Юрий кивает головой.

Такой был сон?

Юрий кивает головой.

Сколько раз ты мне рассказывал его... Юра, почему ты всегда так смотришь на меня и всегда молчишь?..

Сильнее зазвучал рояль. Юрий взял Ольгу за руку.

Пусти, Юра!.. Пусти... (*Смотрит на Юрия. Тихо.*) Что с тобой?

Юрий. Разве ты не видишь, не знаешь, не чувствуешь? Почему ты не хочешь посмотреть в мое сердце?..

Ольга. Юрий, тише... Пусти...

Юрий. Я не пущу, пока не скажу, что думаю, пока ты не почувствуешь хотя бы на минуту, как больно, как тяжело мне смотреть, когда приходит этот...

Ольга. Юрий!

Юрий. Прости, я не буду о нем говорить, понимаю... Но пойми и ты меня. На какую бы девушку я ни посмотрел, вижу тебя. Я смотрю на небо, на звезды, а вижу твои глаза... Я смотрю на цветы, и они улыбаются мне твоей улыбкой... Я писал на экзамене о родине, и там, где я говорил о самых высоких чувствах человека — о любви к родине,— я не заметил, как трижды написал вместо слово «родина» твое имя, Оля...

Ольга. Что же тебе сказали?.. Что поставили?

Юрий. Сказали... Эх, они не поняли меня, как и ты не понимаешь. Предупреждаю: если ты узнаешь, что со мной произошло что-то страшное, прости меня и знай: я не смог совладать со своими чувствами... Не смог...

Ольга. Юрий, милый, что ты задумал?.. Разве так можно?.. Жизнь дана человеку...

Юрий. Я не убью его, но так дам, что он больше сюда ходить не будет.

Ольга. А-а... Так ты не о себе?.. А я думала...

Юрий. Знай: я никогда не отступлюсь от тебя

Ольга. Может, ты и меня побьешь?..

Юрий. Может... То есть нет. Конечно, нет...

Ольга. Не отпираяся, вырвалась правда из твоего сердца. Никогда не думала, что ты такой...

Юрий. Я не отдам тебя: или ты будешь моей, или...

Ольга. Или ты убьешь меня?..

Юрий. Да! (*Порывисто обнял ее, поцеловал и пошел.*)

Ольга. Ой!.. (*Пауза. Тихо.*) Бешеный!.. (*Глубоко вздохнула, ушла в дом.*)

Выходят Оксана и Морж.

Оксана. Хозяйка звала.

Морж. А чего ей?

Оксана. Почем я знаю! Вы бы хоть усы подстригли...

Морж. Не могу, характер пропадет. А это во мне самое главное. За эту вывеску меня и полюбить можно.

Оксана. Вас?!

Морж. А отчего же...

Оксана. Сколько вам лет?

Морж. Прицениваетесь?..

Оксана. Нужны вы мне! (*Толкнула Моржа, засмеялась и пошла в дом.*)

Морж (*смотрит ей вслед, подкручивает усы*). Все бабы одним миром... Эх!.. (*Пауза.*) Да и мы хороши! (*Весело запел.*)

Ой кум до куми залиявся,
Посіяти конопельки обіцявся.
Він сіяв, присідав,
Присіваючи, казав:
«Ти, кума, ти, душа,
Ти кругом, кума, ох, і хороша!»

(*Приговаривает.*)

Выходит Клеопатра, смотрит на Моржа. Тот не замечает ее, поет и приговаривает.

Клеопатра. Боже мой! (*Всплеснула руками.*) Он сошел с ума... (*Подходит ближе.*)

Морж увидел ее, остановился.

(*Мягко.*) Уважаемый Карп Карпович, как вы себя чувствуете? Скажите, пожалуйста, вы помните свой год рождения?..

Морж. И вы прицениваетесь, Клео... Клео...

Клеопатра. Не помните?

Морж. А вам сколько лет, мадам Клео?.. (*Подходит к ней.*)

Клеопатра (*отступает*). Милый Карп Карпович, успокойтесь.

Морж. А вы думали, только в вас бес сидит?.. На меня тоже находит иногда...

Клеопатра. Не подходите ко мне!

Морж. Не бойтесь, я без шприца не опасный, а он из меня уже весь испарился... (*Принимается за работу.*)

Клеопатра. Возьмите деньги.

М о р ж. Спасибо.

Слышен мужской голос, а потом звонкий женский смех.
Клеопатра и Морж прислушались.

Шпак летит к вам.

Входят Марк Николаевич Шпак и Матильда
Андреевна Край. Матильда в ярком платье, черные
 волосы зачесаны высоко наверх, в ушах большие серьги,
 на руке широкий браслет. Она похожа на испанку или
 скорее на красивую цыганку. Шпак несет завернутую в
 серое полотно картину. Клеопатра идет им навстречу.

Шпак. Дорогой Клеопатре Гавриловне сердечный
 привет! Знакомьтесь: Матильда Андреевна Край, мой новы-
 й сотрудник, киевлянка...

Матильда. Очень рада познакомиться с вами. Мне
 Марк Николаевич так много рассказывал о вашей любви
 к живописи, о вашем исключительно тонком вкусе на-
 стоящего коллекционера.

Клеопатра. Марк Николаевич всегда преувеличи-
 вает...

Матильда. Но он не сказал самого главного — какая
 вы очаровательная женщина.

Шпак. Клеопатру Гавриловну в прошлом году пи-
 сал заслуженный деятель искусств Герасименко. Чудес-
 ный портрет! Вы сейчас увидите.

Выходят Барабаш, Ольга, Жанна, Тимофей,
 Хмара.

(Барабашу.) Приветствую, дорогой друг, и вручаю сей
 шедевр. (Передает картину.)

Барабаш. Кто?

Шпак. Только вам скажу, чтобы имя художника, до-
 рогие друзья, не повлияло на вашу оценку...

Барабаш. Говори, друг.

Шпак говорит ему на ухо.

Да ну?!

Шпак. Тсс!

Барабаш. У меня даже руки трясутся. (Идет со
 Шпаком к столу, который полирует Морж. Ставит кар-
 тину на стол.)

Клеопатра (*Матильде*). Знакомьтесь: моя племянница, Жанна Степановна Бакун.

Матильда улыбнулась, кивнула головой.

(Посмотрела на Хмара.) Макар Алексеевич Хмара...

Хмара поклонился.

Барабаш. Ольга, Клеопатра, просите наших соседей. Карп Карпович, несите стулья...

Ольга уходит к Катерине, Клеопатра — к Погоде.

(Обнял Шпака и Хмара.) Какая радость, друзья!.. Петь хочется...

Хмара. Можно... (*Тихо запел.*)

Барабаш и Шпак подпевают. Тимофей отошел, достал платок и отряхивает им пыль с брюк и туфель. Матильда и Жанна отошли к цветам.

Матильда. В Одессе вы были брюнеткой... Как ваш возлюбленный поживает?

Жанна. Я навсегда порвала с ним.

Матильда. Сколько ему тогда дали?

Жанна. Пятнадцать. У вас тоже будто были неприятности?..

Матильда. Если б не ваш возлюбленный... то и мой друг...

Жанна. Кажется, десять получил?..

Матильда. Да. Они долго дружили, и у них были одинаковые характеры... (*Смеется.*)

Жанна. Я надеюсь, мы никогда не будем возвращаться к этой печальной теме... Я решила совершенно изменить свою жизнь.

Матильда. Я тоже.

Жанна. Я говорю серьезно.

Матильда. Верю. Надеюсь, мы не станем друг другу поперек дороги. Не так ли?..

Жанна. Разумеется!

Матильда. Вы здесь работаете или отдохаете?

Жанна. Тружусь. Стенографирую великие слова местного начальства.

Матильда. Это интересно?

Жанна. Пока нет. (*Улыбнулась.*)

Матильда. Желаю успеха.

Жанна. Спасибо...

Выходят Погода, Зинаида, Петр, Клеопатра.

Погода (издали). Чья работа?

Барабаш. Не скажу.

Погода. Показывайте!

Клеопатра. Подождем Леонида Тарасовича. Я ему звонила, он сейчас придет со своей новой женой.

Зинаида. Неужели снова женился?!

Клеопатра. Как ему не везет: третья жена оставила! И всегда это такая трагедия...

Хмара. Третья... Везет человеку!

Погода. Очень...

Зинаида. Что ты сказал?

Погода. Я говорю, очень плохо...

Зинаида. Ага... А вы видели его новую жену?

Клеопатра. Нет, но Леонид Тарасович от нее без памяти. Сказал мне: «Наконец-то я нашел...»

Зинаида. А кто она?

Клеопатра. Киноактриса. Ее фамилия — Хомуток.

Зинаида (Тимофею). Вы знаете такую актрису? Видели?..

Тимофей. Может быть, и видел, но наши кинозвезды так скучно играют, что их не запомнишь.

Хмара. Хомуток?!

Зинаида. Вы знаете ее?

Хмара. Нет, но эта фамилия почему-то теперь часто встречается, и в разных вариантах: Хомуток, Хомутовская, Хомутик, Хомутенко, Хомут... А у моего ректора жена утверждает все его приказы по консерватории на дому. Исключительной воли женщина! Ее фамилия — Хомутищева...

Выходят Катерина, Ольга и Юрий.

Катерина. Макар Алексеевич!..

Хмара (подходит к Катерине). Здравствуйте, дорогая Катерина Сергеевна!

Катерина. Что же это такое?... В любви мне объяснились, обнадежили вдову и пропали...

Хмара. Я готов стать перед вами на колени и просить прощения...

Катерина. Не надо... Не верю вам.

Зинаида. Макар Алексеевич, вы объяснились?!

Х м а р а. Да. Разве есть такой человек, который бы не любил нашу тетю Катю?..

П о г о д а. Это верно. Если бы моя Зина сбежала от меня, как жена Однолюба, я бы и не задумался...

З и на и да. Не мечтай, не мечтай, мой милый... Не дождешься.

П о г о д а. Знаю...

Входят Леонид Тарасович Однолюб и Лия Трофимовна Хомуток. Однолюб очень полный. Лия — блондинка, пышные локоны падают на плечи. На ней короткое, необычайно яркое шелковое платье, в руках зонтик. Все время держит себя, как знатная дама, говорит, будто поет. Однолюб снял шляпу, издали приветствует ее всех.

Л и л я (*забрала из его рук шляпу, надела ему на голову, строго*). Тут солнце, Люсик...

О д н о л ю б (*радостно, всем*). День добрый, мои друзья! Познакомьтесь, моя жена, Лия Трофимовна Хомуток.

В с е. Поздравляем вас! Желаем счастья!..

Здороваются.

Жанна посмотрела на Матильду, улыбнулась.

О д н о л ю б. Спасибо.

Л и л я. Спасибо.

Б а рабаш. Прошу всех, садитесь.

Все садятся.

П е т р (*Лиле*). Простите, в каких фильмах вы снимались?

Все умолкли, смотрят на Лию.

Л и л я. Я играла главную роль в картине «Случай на пляже». Тема фильма очень актуальная: кто не умеет плавать, тот не может быть передовым человеком нашей Родины. Вы видели этот фильм?

П е т р. Да...

Ольга. Там ведь главную роль исполняет заслуженная артистка Морозова?..

Л и л я. Мы пополам играли эту роль.

П е т р. Как это?

Л и л я. Татьяна Морозова — заслуженная, но у нее толстые, кривые ноги... На крупных планах ее спимали до пояса, а ниже я играла. (*Положила ногу на ногу.*)

Все смотрят на ее ноги: кто удивленно, а кто едва сдерживая смех. Матильда не выдержала и громко рассмеялась.

(Обиженно.) Не смейтесь. Вы думаете, это так просто?.. Режиссер репетировал со мной в три раза больше, чем со своей заслуженной женой. И кто бы ни смотрел картину, всем я нравлюсь больше, чем она.

Х м а р а. Я не видел эту картину, но уверен, вы имели большой успех.

Петр. Как жаль, что у нас теперь не идет этот фильм! Вы так хорошо играли.

Зинаида. Петя... Не перебивай, когда говорят старшие. Садись около меня.

Петр. Простите... (*Идет, смотрит на Лилю.*)

Зинаида. Ай!.. Ты мне наступил... (*Тихо застонала.*) Садись!

Погода. А еще в каких фильмах вы снимались?

Однолюб. Я запретил Лиле и думать о работе в кино.

Зинаида. Митя, иди сюда!

Погода (идет). Что тебе?

Зинаида. Садись!..

Морж. Развязывать?..

Барабаш. Нет-нет, я сам! (*Развязывает.*)

Однолюб. Кто автор?

Барабаш. Увидите — сами скажете.

Однолюб (Шпаку). А вы обещали мне Левитана...

Шпак. Потерпите, скоро пришлют. У меня есть замечательный современный художник — Лапшин. Настоящий Шишкин...

Однолюб. Э-э, все вокзалы в его картинах. Надоел!

Барабаш. Внимание!

Шпак. Прошу всех откровенно высказать свое мнение.

Барабаш распаковывает картину, отходит, садится. Воцарилось молчание. Большая пауза. Поднялся Барабаш, подошел ближе, нагнулся, затем отошел. Поднимается Однолюб, но Лия удерживает его.

Однолюб. Да-а!..
Бараш. Да-а!..
Клеопатра. Да-а...
Жанна. Да-а...
Зинаида. Да-а...
Морж. Да-да...
Бараш. Чья рука?

Однолюб. Не знаю, но ясно одно: картина кисти большого мастера. Какой воздух!.. Он играет, дрожит... А ручей?.. Смотришь и слышишь, как он журчит... Правда, Лиля?..

Лиля. Ты ведь знаешь, я не понимаю живописи.
Я люблю старинные ювелирные вещи...

Однолюб. Это голландец, но кто?..
Бараш (*Xмаре*). А вы что скажете?
Х мара. Голландец?
Бараш. Да.
Х мара. Не понимаю.
Бараш. Чего?..

Х мара. На фоне пейзажа нарисована корова, бык...
Раз голландец — сыр должен быть...

Бараш. Как вы можете, Макар Алексеевич, так говорить!.. При чем здесь сыр?..

Х мара. Виноват, по я очень люблю голландский сыр с красным вином. А вы не любите?..

Бараш. Оставьте!
Х мара. Не сердитесь, у каждого свой вкус.

Бараш. Да ведь это Потер! Настоящий Потер...
(*Шпаку.*) Спасибо, друг! (*Целует его.*)

Шпак. Да, дорогие друзья. Великий голландец Потер. Паул Потер, восемнадцатый век. Его живописные творения и офорты знает весь цивилизованный мир. Такие полотна, как «Бык», «Корова у воды», «Цепная собака» и другие, по праву считаются шедеврами живописи анималистов восемнадцатого века. В свое время за эту картину дали бы целое состояние...

Однолюб. О-о-о!

Почти у всех вырвалось: «О-о-о!»

Морж. Ого-го!
Шпак. Эта картина принадлежала одному старому коллекционеру, моему другу, ленинградцу. Он умер, и жена продает... Прошу высказаться.

Погода. Трудно так сразу...

Однолюб. Шедевр... Сказка... Мечта...

Зинаида. Какой могучий бык!..

Клеопатра. Как смело написан! Я просто взволнована...

Зинаида. А корова?.. Головка — как у зебу. Какие у нее печальные глаза...

Барабаш. Обратите внимание на эти могучие сказочные деревья, на эти блики... Какая гамма красок! Что вы скажете, Катерина Сергеевна?

Катерина. Сколько опа стоит?

Шпак. Просят всего пятнадцать тысяч.

Катерина. Ого! Мне бы пришлось очень крепко целый год работать на нее.

Барабаш. Высокая цена...

Однолюб. Если вы не возьмете, я ее куплю.

Лиля. Ты не купишь: у нас нет денег.

Барабаш (*Тимофею*). А вы что скажете?

Тимофей. Буду искренен, как просили. В те времена не было цветной фотографии, и ее заменяли работы таких художников...

Шпак. Ты говоришь так о голландцах?!

Тимофей. Не только. Это не живопись. Посмотрите, что делают в Париже. Там давно смеются над тем, что у нас прославляют...

Погода. И зря!..

Тимофей. Вы так думаете?

Погода. Вы, молодой человек, когда были в Париже в последний раз?

Тимофей. Я, к сожалению, в Париже не был. Но знаю...

Погода. Ни черта вы не знаете! Я в молодости работал в лаборатории Ланжевена, а в последний раз был в Париже в прошлом году, на конгрессе, и видел несколько выставок...

Тимофей. И что? Все там одна гниль, как пишут у нас и как это повторяют уважаемые профессора?..

Шпак. Тимофей!

Погода. Нет, не все. Но я согласен с Роменом Ролланом, Ланжевеном, Жолио-Кюри, со всеми великими французами, с их точкой зрения. А с кем вы, уважаемый зеленый пиджак?

Петр. Отец, я протестую! У моего друга есть имя...

Погода. Молчи! У тебя тоже теперь нет имени — оба вы зеленые пиджаки.

Барабаш (*Погоде*). Ты несправедлив, мой друг. Наша молодежь часто не понимает нас, старииков, и это — ее право. У молодежи всегда были и будут свои вкусы, свои идеалы...

Погода. Ни вкусов, ни идеалов нет у моего сына и его друзей! Горько, обидно, тяжело, но это так.

Юрий. Я не согласен с вами!

Катерина. Что?!

Юрий. Не согласен. У него (*показал на Тимофея*) есть и вкусы и идеалы, только нашел он их не в Лувре, а на парижской помойке.

Тимофей. Ты мне ответишь за эти слова!

Ольга. Тимофей!..

Юрий. Согласен, хоть сейчас.

Барабаш. Да прекратите вы этот ненужный спор!..
Морж!..

Лиля. Да, да, да, молодежь сейчас очень легкомысленна...

Тимофей (*Лиле*). Вот вы меня окончательно убедили. Благодарю.

Лиля. Пожалуйста.

Барабаш. Да что это за день сегодня! Все спорят...
Морж!

Морж. Шкипидаром их полировать каждый день, тогда научатся уважать старших!

Барабаш. Отнесите картину в дом!

Морж (*подходит к картине, провел ладонью по раме*). Полировка старая, хорошая, но ремонтник нужен... (*Берет картину.*) Граф когда-то тоже картины покупал, а потом застрелился...

Погода. Кто застрелился?

Морж. Один граф... Трагически... Из нагана... (*Идет в дом.*)

Барабаш. Прошу всех на бокал вина. Нужно вспрыснуть этот шедевр. Прошу!

Все, кроме Ольги и Барабаша, идут в дом.

Ольга. Отец...

Барабаш. Что, доченька?

Ольга (*взяла его под руку, идут*). Ты пошлешь деньги...

Барабаш. Да ты понимаешь, что нам принесли!..
Ведь это давняя мечта твоей матери...

Ольга. Ты пошлешь, или я...

Барабаш. Что?

Ольга (*вынула письмо*). Я... я... уйду от тебя. Ты не понимаешь, не видишь, кем ты стал...

Барабаш. Ольга!

Ольга. Бабушка ждет. И я хочу тебе сказать...

Голос Клеопатры: «Яков!..»

Барабаш. Меня гости ждут. (*Уходит.*)

Издали слышны песни и баян. Ольга замерла. Звенят в доме бокалы, звучат веселые голоса. Заблестели глаза у Ольги, скатилась слеза. Темнеет. Зажглись первые звезды. Опустилась Ольга на траву, легла ничком. Все громче звучит песня. Все ярче разгораются звезды.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Ясная голубая ночь. Вдалеке, по всему склону горы, среди буйной зелени, зажглись огоньки в домах. Мелькают огоньки и фонарей, что укрылись в кронах деревьев, а на опорах — красные гирлянды — знак для самолетов. И кажется, что в эту ночь Большая Медведица сошла со своего извечного небесного пути, приблизилась к земле и остановилась, зачарованная дивной красотой бескрайних голубых садов. В открытые окна из дома Барабаша льется яркий свет, и цветы и зелень сада стали сказочными.

На переднем плане на скамейке сидит Однолюб. Возле него стоит бокал с шампанским. На лысине салфетка. Галстук съехал далеко в сторону, рубаха расстегнута. Он спит. В комнате у окна стоит с гитарой в руках Матильда. Она перебирает струны, и звуки гитары льются в сад.

Матильда (улыбнулась и запела мягким, грудным голосом).

Забыты нежные лобзанья,
Уснула страсть, прошла любовь,
И радость нового свиданья
Уж не волнует больше кровь...

Однолюб (открыл глаза, громко). Где моя жена?.. Я вас всех спрашиваю, где?.. (И снова сон закрыл его глаза.)

Матильда продолжает петь, и когда она закончила романсы, ей аплодируют. Матильда отошла от окна, и, видимо, все перешли в другую комнату, так как из глубины дома полились звуки рояля.

(Открыл глаза.) Где моя жена?.. Я же вас спрашиваю... (И снова уснул.)

Из сада Погоды выходят Лилия и Петр. Остановились. Петр обнял ее, целует долго, горячо.

Лиля. Я безумно полюбила тебя, мой славный поэт...
(Обнимает, целует его.) Я всей душой почувствовала, какой у тебя большой талант...

Петр. Когда я смотрел фильм, я еще тогда почувствовал, а теперь всем сердцем ощутил, какая ты изумительная актриса...

Идут обнявшись. Не замечая Однолюба, остановились недалеко от него.

Лиля. Пойдем, а то мой Люсик очень ревнив.

Петр. Скажи еще раз, что любишь, что скоро мы всегда будем вместе...

Лиля. Тише... Завтра я все скажу тебе, мой дорогой. Не забудь — в пять утра.

Петр. Я не сомкну глаз всю ночь.

Лиля. Нет, нет, обязательно поспи. Как я люблю тебя...
(Обнимает, целует его.)

Однолюб *(открыл глаза)*. Где моя жена, я вас спрашиваю?..

Лиля отпрянула от Петра, махнула ему рукой. Петр быстро пошел в дом. Лиля поправляет прическу.

Молчите?.. Где она?.. *(Грозит пальцем.)* Смеетесь надо мной... А почему?.. В душе вы завидуете мне, все...
(Закрывает глаза и снова спит.)

Лиля *(подходит к Однолюбу)*. Люсик... Мой бедный Люсик...

Однолюб *(открыл глаза, жалобно)*. Где моя жена?.. Где?..

Лиля. Я здесь, дорогой, здесь. *(Снимает с его головы салфетку, целует в лысину, затем быстро вытирает губы.)* Зачем пил так много?

Однолюб. А ты где была? Говори, только правду...

Лиля. Я возле тебя была. *(Вытирает салфеткой его щеку, а затем целует.)* Ты дремал, и я не хотела тебя будить. Пойдем домой. *(Подняла его шляпу, надела ему на голову.)*

Однолюб. А мне приснилось, что я искал тебя... Никогда не заставляй меня столько пить, мне это очень вредно. *(Встает.)* Пойдем потанцуем, моя дорогая... *(Икнул.)*

Лиля. Идем домой. Я очень устала и хочу спать. Идем, Люсик.

Однолюб. А мне спилось... Все мне завидуют, все...
(Сделал широкий жест рукой.)

Лиля. Какой хороший сон!.. *(Ведет его под руку.)*
Уходят. Из дома выходят Тимофей и Матильда.

Тимофей. Да что вы мне все о дяде! Не влюбились ли в него?..

Матильда. Пока нет, но все может статься... И вдруг я стану вашей тетей... Вы не будете возражать?

В окне появляется Ольга.

Тимофей. Милая тетушка, я буду очень рад! Мои самые горячие чувства... *(Хочет обнять ее.)*

Матильда. Спокойно, мой мальчик! *(Легко оттолкнула его и сбежала с террасы.)*

Тимофей идет вслед за ней.

Предупреждаю: у меня характер буйный...

Тимофей *(подошел к ней).* Вижу, вы настоящая Кармен. Но и я не Хозе, а Тореадор. *(Обнял ее, хочет поцеловать.)*

Ольга отошла от окна.

Матильда *(тихо).* Пустите! *(Сделала резкий жест, и Тимофей застонал. Скрутила Тимофею руку.)*

Тимофей. Что вы делаете?!. Ай!..

Матильда. На колени! *(Еще одно движение, и Тимофей упал на колени. Отпустила его руку.)*

Тимофей *(поднимается, сердито).* Вы с ума сошли! Вы могли так сломать мне руку!..

Матильда *(смеется).* Я ведь предупреждала... Не плачь, Тореадор, и запомни: я не люблю пьяных. Мне не с такими, как ты, случалось иметь дело, и все они стояли передо мной на коленях, а кое-кто и лежал... Ну, не смотри на меня так сердито... *(Положила руку на его плечо.)* Я пошутила... *(Смеется.)*

Выходит Жанна. Тимофей увидел ее, идет в сад.

Жанна улыбнулась, подходит к Матильде.

Матильда. Вы хотите мне что-то сказать?

Жанна. А племянник горяч...

Матильда. Вам это известно?

Жанна. Сегодня заметила, когда он танцевал с вами.
(Смеется.) Вам нравится Тимофей?

Матильда. Что вас еще интересует?

Выходит Шпак с гитарой в руках.

Шпак. А где Тимофей?

Матильда. Он в саду.

Шпак идет в сад, перебирает струны гитары, напевает.

Жанна. Я не собираюсь становиться вам поперек дороги, просто хочу по-дружески предостеречь: когда вы танцевали, дядя очень нервничал. Видно, не в меру ревнив...

Матильда. Как вы наблюдательны...

Жанна. Мы дали друг другу слово...

Матильда. Понимаю. Кем вы увлеклись: дядей или племянником?..

Жанна. Ни тем, ни другим. Я пока выясняю, чего стоит дядя.

Матильда. Ага... Желаю удачи. Он, конечно, не орел, но полет у него хороший. Высоко летает...

Жанна. Это как раз меня и беспокоит.

Матильда. Почему?

Жанна. Я устала от птиц перелетных. Как я хочу, как я мечтаю найти талантливого, доброго, старенького, жирного индюка и зажить спокойной жизнью...

Матильда. А разве здесь нет таких?

Жанна. Есть, но все тощие...

Матильда (*улыбнулась*). Как вы изменились...

Жанна. Что поделаешь, милая... Еще Пушкин сказал: «Бытие определяет сознание». А вы все такая же... Сразу всех покорили. Хорошо поете... Вам не скучно здесь?

Матильда. Нет.

Жанна. Я вспоминаю, каким успехом вы пользовались в Одессе. Вы тогда работали, кажется, в облснабе?.. А теперь занимаетесь искусством? Вероятно, вам очень трудно...

Матильда (*перебивает*). Вы мне надоели! Не люблю вопросов, я люблю сама спрашивать. Хорошенько запомните это, дорогая, иначе вы, надеюсь, понимаете, что с вами может произойти, если Матильда рассердится... (*Щелкает пальцами.*)

Жанна (*испуганно*). Простите... Я не хотела...

Матильда (ласково). Вот и хорошо. Пойдемте лучше в дом. (*Берег Жанну под руку. Идут в дом.*)

Из сада выходят Шпак и Тимофей.

Тимофей. Мой добрый дядюшка, я никогда не забываю и всегда думаю, как отблагодарить вас за то, что вы заменили мне родного отца... (*Обнял его.*) Ну, смените гнев на милость и дайте бедному сироте немного денег, чтобы он тихо закончил эту ночь молитвой за вас в «Старом якоре»...

Шпак (*достает деньги, дает*). Почему ты так плохо говоришь о ней?

Тимофей. Матильда сделала один такой жест, что я подумал...

Шпак. Жест!.. Мало ли жестов делают ежеминутно женщины, когда перед ними молодые люди... Таков уж их нрав...

Тимофей. Как знаете, но я бы все-таки ее выгнал.

Шпак (*улыбнулся*). Не говори глупостей.

Выходит Ольга.

Удивительная ночь сегодня — светло, как днем... (*Уходит в дом.*)

Ольга (*Тимофею*). У меня руки устали играть. Я видела, ты танцевал с Матильдой. Какая у нее гибкая фигура, какие красивые руки... С ней, верно, легко танцевать.

Тимофей. Красивые руки?! Она неуклюжа, а руки, как у грузчика...

Ольга. Что ты!..

Тимофей. И вообще она неприятная особа.

Ольга. Почему ты так плохо говоришь о ней?

Тимофей. Потому что я люблю только тебя, тебя одну. А все остальные женщины меня не интересуют.

Ольга. Правда?..

Выходит веселый Юрий. Увидев Ольгу и Тимофея, поворачивается и уходит в дом.

Тимофей. Пойдем пройдемся...

Ольга. Меня могут позвать. (*Садится на скамью.*)

Тимофей. Подумаешь, позовут!.. Разве ты нанялась играть весь вечер?..

Сышен рояль.

Актер играет... Пойдем!

Ольга. Как хорошо он играет эту вещь...

Тимофей. Еще петь станет...

Ольга. Ему уже под семьдесят, а какой у него мягкий, душевный голос...

Слышно, Хмара поет: «*Ой чого ти, дубе, на яр похилився...*»

Тимофей. А мне он... (Зевает.)

Ольга встала, Тимофей хочет обнять ее.

Я хочу сказать тебе...

Ольга. А может, ты подождешь, пока Макар Алексеевич закончит песню?

Тимофей. Прости.

Большая пауза. Песня кончилась, слышны аплодисменты.

Неужели тебя и вправду взволновала эта наивная, скучная песня?.. На глазах слезы...

Ольга. Меня всегда волнует песня, когда ее поет красивое, чистое сердце... Ты уже начал писать новеллу «Вперед к пещерному человеку»?

Тимофей. Да. Если бы удалось напечатать ее!.. Какой бы шум, рев подняло наше стадо мещан и обывателей... Кисляк обещал устроить. У него есть друг в столице, редактор одного журнала. Очень смелый индивид, прогрессивная личность, настоящий европеец... (*Обнял Ольгу.*) Ты будешь рада?.. Что с тобой?..

Ольга. Что со мной? Скажу... Скажу, Тимофей Шпак. Я все видела. Но не об этом я хочу говорить...

Тимофей. А-а, вы ревнуете, моя синьорита... К кому?.. Как тебе не стыдно! Ведь это была шутка...

Ольга. Неправда!

Тимофей. Ты не веришь мне?.. Значит, ты никогда не любила меня так, как я тебя люблю. Неужели ты могла подумать, Оленька...

Ольга (*перебивает*). Как ты врешь! Какой ты трус, жалкий, ничтожный...

Тимофей. Что?! Ольга, только мои чувства к тебе удерживают меня... Не оскорбляй. Прошу, умоляю тебя, замолчи...

Ольга. Нет!

Тимофей. Ты не знаешь... ты забыла, кто я... Ольга, ты понимаешь, что ты делаешь?.. Ты убьешь меня, Ольга... (*Упал перед ней на колени.*)

Ольга. Не кричите, встаньте. Вы уже это делали... Я думала, верила, что вы юноша с взволнованной душой, неудовлетворенный жизнью, потому что видите дальше, стремитесь к добру, красоте... А вы любите только себя. У вас нет ни чести, ни совести — ничего святого. Вы называете всех мещанами, обывателями, вы презираете всех... А что вы сделали в своей жизни?.. Заработали вы хотя бы пятак своим трудом?.. Почему вы живете среди нас?.. Уходите в свою пещеру, к паукам и крысам, и живите с ними, пещерный гражданин!.. (*Повернулась, хочет уйти, но Тимофей схватил ее за руку.*)

Выходят Петр и Юрий.

Тимофей. Нет, я не пущу тебя! Кто виноват в том, что я ничего не сделал?! Кто молодость мою связал?!

Ольга. Связал тот, кто научил тебя так подло говорить о людях. С него и спрашивай. Пусти, руке больно...

Тимофей. Иди, черт с тобой! (*Оттолкнул ее.*)

Ольга упала на одно колено, поднялась, побежала в дом. К Тимофею подходят Петр и Юрий.

Петр. Тимофей, что произошло?

Тимофей. Ничего, поговорили начистоту... Пошли в ресторан.

Юрий. Ты оскорбил девушку, за это ты ответишь мне.

Тимофей. Ты знаешь, что делают с теми, кто суёт свой нос в чужие дела?..

Юрий. Это дело чести!

Тимофей. О, и математики читают старых романтиков... Где ваша шпага, шевалье?..

Юрий (*сбрасывает пиджак*). За Олю я проучу тебя и без шпаги.

Петр. Что ты делаешь, Юра? Ведь он убьет тебя...

Юрий. Идем к нам в сад, тут неудобно.

Тимофей. Молодчага! Тебя, видно, еще никто не бил...

Юрий. Ошибаешься. Когда-то мама била, и не раз...

Тимофей. Мама!.. Бедное дитя...

Юрий. Снимай пиджак, а то нечаянно зацеплю.

Тимофей. Не беспокойся, ты к нему не прикоснешься.

Юрий. Постараюсь.

Тимофе́й. Я сначала рассчитаюсь с тобой за парижскую помойку, а потом, если выдержишь... Но не думаю, отложим на следующий раз. (*Берет Юрия под руку.*) Ты даже не представляешь себе, как мне сейчас нужна разрядка... Спасибо, друг. Пойдем!

Петр. Я не позволю! (*Хотел задержать Тимофея, но тот одной рукой толкнул его так, что Петр кубарем полетел на траву.*)

Тимофе́й и Юрий уходят в сад.

(*Поднимается.*) Боже мой, что делать?.. (*Побежал к дому, останавливается, возвращается назад.*)

Где-то далеко слышно, как поют девушки. Из-за дома выходят Оксана и Морж.

Морж. Спасибо, Оксана Дмитриевна. Отполировали вы меня на все сто пятьдесят процентов. Спасибо за угощие...

Оксана. А я сегодня вами недовольна.

Морж. Почему?

Оксана. Какой-то вы сегодня...

Морж. Какой?

Оксана. Вот со мной говорите, а мысли ваши где-то далеко-далеко.

Морж. Ну?..

Оксана. И в сердце вашем печаль большая...

Морж. Чертова бабы!.. И как это вы нашего брата насекроль, через одежду, видите... Рентгональный аппарат у вас...

Оксана. И как вам не стыдно такое говорить...

Морж. Я про глаза ваши говорю. Лучи идут от них такие...

Оксана. Ну?!

Морж. Да... (*Смотрит на Оксану. Пауза.*) У моей тоже такие глаза были... Все видела. Ничего от нее не мог я скрыть.

Оксана. Когда она умерла?

Морж. Во время войны. Из-за меня расстреляли ее... Я в партизанах был — на ней отыгрались... Какой друг был...

Оксана. Вы сильно любили ее?..

Морж. Любил и до самой смерти буду любить... А дочь не уважаю.

Оксана. А мой Вася погиб под Варшавой. И я его уже... (*Появились слезы на глазах.*)

Морж. Забыла?..

Оксана. Почти. (*Плачет.*)

Морж. Вам можно забыть, вы молоды... Жизнь всегда свое берет, и ничто ее не остановит. Ни слезы, ни клятвы — никакая сила... Она всех полирует... А хорошо девчата поют! Вот только парня им не хватает. Сейчас подмогнем... (*Начинает петь.*) «Ой ти, дівчино зарученная...» Плачь, птаха, плачь... Женщинам это помогает. (*Снова поет.*) А в моей душе, как в пустыне, и росинки нет... Прощайте... (*Уходит.*)

Оксана смотрит ему вслед, вытирает глаза. Долго еще слышна песня девушек.

Оксана (*тихо поет.*)

Ой, знаю, знаю, кого кохаю,
Тільки не знаю, с ким жити маю...

(*Встает, уходит к себе.*)

Входит Юрий, берет пиджак, надевает. Из сада выбежал Петр.

Петр (*удивленно оглядывает Юрия.*) А где Тимофей?

Юрий. Под яблоней лежит. Я не хотел сразу нокаутировать его, спачала бил морду за честь Ольги, а затем положил. Он скоро очухается...

Петр. Ты учился боксу?..

Юрий. Да, только никому не говори, а то если мать узнает, что я учусь боксу, прибьет.

Петр. Ох, какой ты! Пойду помогу Тимоше. (*Убежал.*)

Юрий уходит к себе домой. Поют соловьи. Из сада Петр почти что на плечах тащит Тимофея. Остановились.

Петр. Ну и разукрасил он тебя... Ой-ой!..

Тимофей. Пойдем отсюда скорее. Не говори никому ни слова...

Петр. Что ты! А знаешь, Юрий учился боксу...

Тимофей. Чувствую... Пойдем.

Петр. Прости, что не могу проводить тебя. Прощай, мой друг! Через несколько часов я... Нет, не могу сказать.

Это тайна. Я напишу тебе... Прощай! (*Порывисто обнял его.*)

Тимофей (*застонал*). Уйди, дурак! (*Оттолкнул Петра и быстро ушел.*)

Петр (*вслед*). Прости... прощай... (*Уходит в свой дом.*)

Выходят Хмара и Погода.

Погода. Куда я ни ездил, в каких только краях ни довелось побывать, но такого неба, как у нас, на Украине, нигде не видел... А воздух какой!..

Хмара (*поет*).

Гей, мене чарують
Зорі серед ночі,
Не дають заснути
Серцю карі очі...

Выходит Зинаида, ее не замечают.

Погода. С сыном у меня беда. Просто не знаю, что делать... Сколько я юношей на дорогу вывел, а вот родного сына прозевал.

Зинаида. Что ты сказал?!

Хмара (*встал*). Садитесь.

Зинаида. Нет-нет, спасибо. Как это — прозевал?.. И почему ты прозевал?..

Погода. А ты почему?

Зинаида. Я?! Я воспитала сына. (*Хмаре.*) Петенька в детстве его отцом не признавал...

Хмара. Ну?..

Зинаида. Да! Он уходил всегда чуть свет на лекции, возвращался ночью, усталый после бесконечных заседаний... Годами мы его почти не видели, не ощущали... У Петеньки не было отца, у меня не было (*вытирает слезу*)... не было жизни...

Погода. Он и теперь не признает ни меня, ни тебя — никого... И в этом виновата прежде всего ты.

Зинаида. Я?! Как ты смеешь говорить такое матери, отдавшей сыну все свои лучшие годы, воспитавшей поэта, о котором, быть может, завтра заговорят все!..

Погода. Верю: заговорят... И так, что заплачешь...

Зинаида. Что ж, нормальные люди от счастья плачут... А сухари всегда одинаковы...

Погода. Спасибо.

Зинаида. Пожалуйста. (*Идет в сад, зовет.*) Петя!..
Петенька!..

Погода. Напрасно зовешь: он уже в каком-нибудь ресторане сидит.

Зинаида (*поворнулась*). Сухарь! (*Быстро пошла к себе.*)

Погода. Видали?..

Хмара. Не с вами одним такое произошло... (*Пауза.*) Мой отец был котельщиком, и старший брат тоже. Котлы клепали. Глухари!.. Трудились они каторжно и платили за меня немалые по тому времени деньги, чтобы я высшее образование получил... А теперь молодым людям платят деньги только за то, что они учатся, и им кажется, что это с неба падает, как роса... А платит кто?.. А не пора бы хоть раз в год поставить наших студентов перед рабочими, чтоб отчитались они и чтоб спросили с них со всей строгостью, как Тарас Бульба сынов своих?.. Чтоб Остапам еще шире всюду дорогу открыть, а Андреев за чубы взять, чтоб потом не хлебнуть горя...

Погода. Это очень хорошая мысль...

В саду Барабаша появилась *Зинаида*. *В руках у нее бутылки и стаканы.*

Зинаида. Митенька, проси Макара Алексеевича в наш садик. Я холодный нарзан принесла.

Погода (*Хмаре*). Нарзанчику выпьете?..

Хмара. С удовольствием.

Встали, идут.

Зинаида. А Петенька не в ресторане, а закрылся в своей комнате и пишет стихи...

Погода. Удивительно!

Все скрываются в саду. Слышен смех *Катерины* и *Барабаша*, через минуту они выходят.

Катерина. Кажется, я... Ох, сосед дорогой, давайте лучше присядем. Что-то земля качается... Вы не чувствуете?.. (*Смеется.*)

Барабаш. Чувствую. Это все от луны... Сияние... Притяжение... (*Берет Катерину под руку.*)

Катерина. Нет-нет, лучше я вас возьму под руку...

Идут.

Барабаш. Как хорошо!

Катерина. Лунное сияние...

Барабаш. Притяжение... У вас такой магнетизм...

Катерина. Но-но... Я сейчас адмиральшу позову, она вам такое сияние учинит...

Барабаш. А я сегодня ее не боюсь... Зовите...

Катерина. Садитесь.

Барабаш сел возле Катерины.

Барабаш. Сияние... (*Начал петь.*) «Ніч яка місячна, зоряна, ясная...»

Катерина тоже поет.

Может, сейчас скажете, почему в последнее время вы ко мне так...

Катерина. Скажу.

Слышны звуки гитары. В окне на минутку появляется Шпак, он залихватски играет, напевает. В окно видна Жанна, она танцует. Слышен смех.

А этот друг ваш музейный здорово шпарит на гитаре!

Барабаш. Великолепно! Он очень веселый, душа-человек!

Катерина. Душа?..

Барабаш. Я был бы очень рад, если б вы подружились с ним.

Катерина. Я — со Шпаком?! (*Рассмеялась.*)

Барабаш. Почему вы смеетесь?

Катерина. А и вправду, почему я смеюсь?.. Плакать нужно от того, что вы сказали. Но я не заплачу. Нет!

Барабаш. Не понимаю вас... Не понимаю...

Катерина. Сияние... Какое вы еще слово сказали?

Барабаш. Не помню.

Пауза.

Катерина. Притяжение... Не обижайтесь, ведь я люблю вас, как брата родного, и очень дорожу нашей дружбой.

Барабаш. Любите?..

Катерина. Да.

Барабаш (*взволнованно*). Спасибо. А я думал, теперь...

Катерина. Что?

Барабаш. Почему на партконференции, когда меня громили, так... вы и слова не сказали о друге?..

Катерина. А что я могла сказать, если правду говорили?..

Барабаш. Правду?!. А кто утверждал мои проекты?.. Кто требовал: «Барабаш, голубчик, колонн побольше, чтобы у нас было, как в Москве...»? Сколько домов я построил!.. Меня хвалили, в кинохронику снимали... Я был заслуженным деятелем искусства, лауреатом... А теперь кто я?..

Катерина. И теперь вы заслуженный и лауреат.

Барабаш. Нет! Я — украшатель... Слово-то какое! А потом так оскорбили... «Архитектура Барабаша — это столбонада»... Ведь мы творим, у нас все на нервах... Разве так можно поступать с художником?..

Катерина. С этим я согласна. Просчет был — не учли ваши художественные нервы. Это нашего брата можно долбать и за план, и за качество, и за рационализацию, и за себестоимость... Мы не творим, а работаем... И нервы у нас грубые, все выдерживают...

Барабаш. Не понимаю я, что теперь происходит. Честно говорю...

Катерина. Не понимаете или не принимаете?..

Барабаш. Не понимаю. (*Оглядывается.*) И я не боюсь и могу об этом сказать даже (*опять оглядывается, тихо*)... там, на самом верху, в Москве...

Катерина. Это уже очень хорошо, что вы не боитесь говорить. Правда, еще оглядываетесь, но это у вас скоро пройдет, и тогда вы все поймете...

Барабаш. Почему же я раньше все понимал?.. Меня воспитывали: что ни делается, это нужно, целесообразно, и я на любой вопрос мог легко ответить. А теперь оказывается, и то было неправильным, и то, и то... Я открывал каждое утро газету, и мне все было ясно. А сейчас каждый день такие новости...

Катерина. Трудно, трудно стало жить. Теперь нам всем каждый день думать нужно, соображать... А это нелегко, особенно для вашего брата, художника... Я понимаю вас...

Барабаш. Нет, не понимаете вы меня.

Катерина. Нет, я понимаю, о чем тоскует душа ваша... Как было бы хорошо, если бы все шло по-старому!.. Наверное, скоро все люди разучились бы думать,

и только один человек за нас всех бы думал, давал команду, а мы только жужжали б, как шмели,— ни думать, ни говорить. Красота! Какая была бы легкая, интересная жизнь! Особенно для творцов-художников, правда?.. Почему вы молчите?

Большая пауза.

Что с вами?.. Хоть прожужжите что-нибудь, если говорить не хотите.

Барабаш (*шепотом*). Я кричать хочу... кричать... кричать...

Катерина. Так за чем же остановка?.. Не шепчите, а крикните, да так, чтобы звезды засмеялись...

Барабаш (*еще тише*). Не могу... не могу...

Катерина. Не можете... А знаете, почему?.. Долго вы не замечали и мало думали о нуждах народа. А партия поставила вас носом перед недостатками, честно, смело раскрыла все, как учил Владимир Ильич, и вы испугались. Потому и крикнуть не можете, а только шепчете, простите, как...

Барабаш. Скажите откровенно, вы решили порвать нашу дружбу?

Катерина. И не собиралась.

Барабаш. Правда?

Катерина. Да. Но я вам еще такое скажу, что у вас в носу закрутит и долго чихать будете. Держитесь и не обижайтесь.

Барабаш. И я вам скажу... Скажу такое... (*Оглядывается*.)

Катерина. Да не оглядывайтесь!.. Хоть эту старую привычку бросьте. Говорите смело, сейчас...

Барабаш. Потом. (*Крикнул.*) Оксана! Сейчас, минутку... (*Идет в дом.*)

Выходит Шпак.

Шпак. Катерина Сергеевна, дорогая, если бы вы знали, как я вас уважаю, как я вас полюбил...

Катерина. Что?!

Шпак. Простите, я обращаюсь к вам, как к нашему партийному руководителю, как к члену горкома партии... Если бы там были все такие, как вы, жизнь наша пошла бы по-другому...

Катерина. Вы так думаете?...

Шпак. Уверен! Ведь у нас не прислушиваются к голосу простых людей. А какие силы мы теряем!.. Я человек скромный, о себе говорить не люблю, но все-таки скажите: почему я, умный, полный энергии, сил, сижу в музее¹.. Почему?!.. Дайте мне возможность, большое дело — и я все переверну...

Катерина. Это неправильно. Я бы вас посадила в другое место...

Шпак. Спасибо! Вы — чуткий, живой человек. Вы меня попяли, и я уверен, поможете мне... (*Садится около Катерины.*)

Катерина. Помогу...

Шпак. Очень тронут... Простите, я о себе никогда не говорю... Я очень много думаю: когда мы наконец изменим нашу жизнь? Вот я вчера вечером слушал последние известия по радио и случайно так повернул рукой (*показывает*), слышу, нас ругают. Так обидно было слушать!.. А ругают правильно...

Катерина. Правильно?..

Шпак. Да. И откуда они знают о всех наших недостатках?.. Очень много говорят теперь, что у нас нет настоящей демократии, личность, индивид скованы. Так тяжело слушать... Повернешь случайно рукой, особенно на коротких волнах, со всех сторон летит в эфире...

Катерина (*перебивает*). Отодвигайтесь, а то я случайно поверну рукой на длинной волне... А рука у меня рабочая, тяжелая... Посмотрите...

Шпак быстро отодвинулся, чуть не упал.

(*Улыбнулась, встала.*) Гитару не разбили?..

Шпак молчит.

Еще гулять будем — пригодится.

Входят Клеопатра, Погода, Зинаида, Жанна, Магильда. Из дома выходит Барабаш, за ним Оксана несет на подносе бокалы с вином.

Барабаш. Дорогие гости, посошок на дорогу... Прощу...

Оксана подает бокалы.

Выпьем, дорогие посошки, еще по одной... Сейчас я произнесу тост...

Клеопатра. Да что это ты, Яков Петрович, гостей посошками называешь! Совсем уж лыка не вяжешь...

Катерина. Пустое! Говорите, сосед, говорите...

Барабаш. Еще по одной, Катерина Сергеевна!

Клеопатра. Что ты пристал! Катерина Сергеевна не может.

Катерина. Почему? Наливай, сосед. За Клеопатру Гавриловну, за ее сильный характер!..

Клеопатра. Спасибо.

Все. За Клеопатру Гавриловну!..

Чокаются, пьют.

Барабаш. Твое здоровье, Клюша... (*Вытил.*)

Клеопатра (*тихо*). Прекрати!.. Что ты пьешь?

Барабаш. Мы с соседкой водку пьем.

Клеопатра. И вы?..

Катерина. У меня от этой шипучки голова болит. Видно, серость моя... А от водки ничего...

Барабаш. А где это Леонид Тарасович и его талантливая артистка? Подождите, чем она играет?.. Я забыл...

Клеопатра. Да уймешься ты!..

Барабаш. Есть, моя адмиральша!.. Друг Шпак, послушай, кто тебя выдумал?.. Отвечай! Только правду.

Шпак. Вы, вы меня выдумали...

Барабаш (*обнимает его*). Правильно!

У себя в саду появляется Юрий, смотрит издали. Его не замечают.

Катерина. Эх, гулять так гулять!.. (*Погоде.*) Да-вой, сосед, станцуем! (*Шпаку.*) А ну, Грач, веселую!

Шпак. Есть! (*Играет польку.*)

Катерина (*сначала танцует одна, потом подхватила Погоду, и они, как молодые, пустились в пляс. Крикнула*). Быстрей играй!

Барабаш танцует с Матильдой. Остановились танцующие. Все, кроме Клеопатры, аплодируют.

Погода (*Катерине*). Спасибо.

Катерина. Наливай еще, сосед, всем, я говорить хочу! Не бренчи, Грач, когда рабочий человек говорит!..

Шпак перестает играть. Барабаш наливает Катерине и себе.

Клеопатра. Не Грач, а Шпак¹...

Катерина. Все равно не Соловей... (*Выпила.*) Так вот. Что же я сказать-то хотела?.. Ох, простите, соседи, угощали, спасибо вам, так, что у меня перед глазами смехота какая-то... (*Поворачивается к Барабашу.*) Вот смотрю я на вас, соседушка, и хорошо знаю, что вы заслуженный архитектор, высокая особа... А сейчас кто передо мной?.. Кого я вижу?.. Вы не поверите...

Барабаш. Ну-ну, кого вы видите?

Все улыбаются.

Катерина. До шеи вы важная особа, Барабаш, мой сосед дорогой. А на шее у вас вместо головы тыква.... Да, тыква!.. А у Шпака... Нет, пе скажу...

Барабаш. Скажите.

Катерина (*смотрит на Шпака.*). Господи! Она еще и улыбается.

Барабаш. Кто?..

Катерина. Щука! (*Показала рукой на голову Шпака.*)

Шпак. Вы забываете, кто я такой. Я — знаток искусства. Я — кандидат искусствоведческих наук. Я — директор! Я — номенклатура! Я — Шпак!..

Клеопатра. Успокойтесь, Марк Николаевич. У нее белая горячка!

Катерина. Что ты сказала, соседка? (*Приближается к ней.*) А у тебя вместо головы — боже мой, что я вижу?.. — щербатый чайник!

Клеопатра. Это невозможно!

Катерина. Я сама удивляюсь, соседка. Невозможно, но вижу. Чайник, и без уха...

Погода. А у меня что?..

Катерина. У вас?.. (*Подходит к нему.*) Странно! Все на своем месте. Ваша голова, ваша, соседушка. Красивая, умная... И у артиста своя...

Юрий (*подбежал, схватил Катерину за руку.*). Мама, пойдемте домой!

Катерина. Не пойду. Не перебивай! (*Оттолкнула Юрия.*) Я еще скажу... Гулять, так гулять! Эх!.. Кто играть будет?.. Э-эх!.. (*Подпевает и пританцовывает.*)

¹ Шпак (*укр.*) — скворец.

Х м а р а (*подходит к Катерине, берет ее под руку*).
Сколько в вас чудесной молодости...

К а т е р и н а. Еще не занимаю...

Ш п а к. До свидания.

М а т и льда. До свидания.

К л е о п ат р а. Мы проводим вас. Пойдемте, она успокоится...

Х м а р а (*Катерине*). Спасибо вам... (*Пожимает ей руку*.)

К а т е р и н а. За что?

Х м а р а (*тихо*). За правду. (*Уходит*.)

К а т е р и н а. Куда же вы?.. Я еще не все сказала, подождите..!

Все расходятся.

О к с а н а (*остановила Катерину*). Тетка Катерина, успокойтесь! (*Взяла ее под руку, ведет назад*.)

Ю р и й. Боже, какой позор! Что вы наделали, зачем вы столько пили!

К а т е р и н а. Молчи! Я пьяной никогда не была и не буду.

Ю р и й. Зачем же вы такого наговорили?!

К а т е р и н а. Чтоб лучше дошло, что я о них думаю. (*Улыбнулась*.) Чтоб не забывали, кто им пеленки менял, кто их на дорогу вывел и что сделали для них народ и партия... А теперь можно и домой. (*Гордо, с высокой поднятой головой уходит в дом*.)

За ней пошел Юрий. Оксана вернулась к себе. Выходит Ольга. Она медленно идет к кашитану. Из сада Катерины полились звуки баяна. Это играет Юрий. Ольга повернулась, слушает. Вошел Юрий, увидел Ольгу, перестал играть.

О л ъ г а. Почему ты перестал играть?..

Ю р и й. Не знаю...

О л ъ г а. А я знаю. (*Пауза*.) Ты все видел...

Юрий молчит.

Юра, скажи, что в жизни человека самое главное?

Юрий молча перебирает клавиши баяна, тихо льются звуки.

Ты думал когда-нибудь над этим?..

Юрий (*перестал играть*). Я думаю, самое главное — сохранить честь отцов и учителей наших и пойти дальше...
(*Взял аккорд.*)

Вдалеке слышен оркестр и песня — «Гимн демократической молодежи».

Ольга. А если отец не достоин того?

Юрий. Тогда сама ищи дорогу.

Ольга (*тихо*). Сама ищи дорогу... Сама ищи дорогу...

Песня нарастает. Юрий встал, идет в сторону, откуда доносится песня.

Ольга. Юра, Юра!..

Юрий не обернулся.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Место действия то же. Слышны звуки рояля. Это Ольга играет вальс Чайковского. На террасе стоит Клеопатра. Она в черном платье. Перед ней на столе чайник старинного фарфора и две чашки. У чайника отбита ручка. Возле стола — Оксана. Клеопатра взяла в руки чайник, рассматривает.

Оксана. И зачем вы эти черепки покупаете?.. Такие красивые чайники продают... И дешево...

Клеопатра. Много ты понимаешь! Этому чайнику, этим чашкам по двести лет...

Оксана. Неужели?.. Двести лет!..

Клеопатра. Да. Отнеси их в столовую, только осторожно...

Оксана (*взяла чайник и чашки*). Гости у нас сегодня будут?

Клеопатра. Нет, сегодня день героической гибели моего деда, адмирала. К нам придет только Макар Алексеевич. Он был большим другом моего деда и моей матери...

Все сильнее слышен рояль.

Это просто невыносимо! В такой день... Позови Олю.

Оксана уходит. Входит Ольга.

Ольга. Что, мама?

Клеопатра. Ольга, ты знаешь, какой у нас сегодня день?..

Ольга. Воскресенье.

Клеопатра. Но какое! День смерти моего деда. А ты играешь вальс. Он погиб в бою. И как погиб!.. (*Говорит, чеканя слова.*) Несмотря на превосходящие силы противника, адмирал вел бой до последнего патрона, а потом взорвал свой корабль и на глазах удивленного врага один стоял на палубе, скрестив руки на груди. Так героически ушел он на дно, но не сдался врагу. Вечная слава героя!.. (*Вытерла слезу.*) Если не уважаешь великого родственника, то уважай хоть великого патриота нашей отчизны, орденоносца...

Ольга. Он ведь был царским адмиралом и погиб до революции. Я читала, что он был реакционером и моряки не любили его...

Клеопатра. Что?!. Мой дед — реакционер?.. Да ты понимаешь, что говоришь?..

Ольга. Я читала книгу одного историка...

Клеопатра. Вранье! Это писал какой-то невежда. Ты должна знать, что все наши историки были под влиянием культуры личности и теперь их работы гроша ломаного не стоят.

Ольга. Мама, не культура личности, а культ личности. И не все историки ошибались.

Клеопатра. Все, все! И не спорь со мной! Я точно знаю, что они нашу историю писали по талмуду, и поэтому их теперь называют талмудистами. Я тоже читаю политические статьи и прекрасно во всем разбираюсь.

Ольга. Прости, мама, я не думала, что ты так глубоко разбираешься в том, что читаешь...

Клеопатра. Я всегда во всем глубоко разбираюсь. Вот увидишь, скоро нашему деду поставят памятник... Вспомнят героя и пригласят меня в Москву (*встает*), в Кремль, в Георгиевский зал, и подойдет ко мне сам начальник протокольного отдела, подаст руку и скажет: «Клеопатра Гавриловна, разрешите проводить вас к Председателю Верховного Совета, который желает познакомиться с внучкой великого патриота, знаменитого героя-адмирала». И он спросит меня: «Как вы живете, Клеопатра Гавриловна?» И я скажу ему всю правду... «А не переедете ли вы в Москву?!» И мы переедем в Москву, в высотное здание, на самый верхний этаж, и перед нами ежедневно будет вся столица...

Ольга. Мама, не волнуйся так, нас ведь еще не пригласили...

Клеопатра. Пригласят, непременно пригласят! Ольга, надень темный костюм. Сейчас придет Макар Алексеевич, он будет в черном, а ты...

Ольга. Я не выдержу, такая жара!

Клеопатра (*резко*). Ольга!

Входит Хмара. Он в легком светлом костюме с бамбуковой тросточкой в руках. Остановился возле клумбы, сорвал красный цветок, заложил в петличку пиджака.

Х мара (напевает).

Чорнії брови, карії очі,
Темні, як нічка, ясні, як день!
Ой, очі, очі, очі дівочі,
Де ж ви навчились зводить людей?..

Ольга. И вовсе не в черном...

Клеопатра. Странно... Что он поет?

Ольга (в ответ поет). Ой, очі очі, очі дівочі... (*Напевая, подходит к Хмаре.*)

Хмаре здоровается с Ольгой, берет ее под руку, и они с песней подходят к террасе. Клеопатра сурово смотрит на Хмару.

Х мара. Приветствую вас, мой нежный, сердечный друг... Вы такая торжественная сегодня, Клеопатра Гавриловна, будто к самому президенту собрались...

Клеопатра. Вы угадали, я там скоро буду. А вот вы, я вижу, к сожалению, забыли, какой сегодня день.

Х мара. Нет, не забыл... Я сегодня принял важное решение в связи с этой торжественной для вас и для меня датой...

Клеопатра. Какое?..

Х мара. Позвольте мне сказать позже...

Клеопатра. Пожалуйста... Хотите бокал холодного вина?.. Ольга, принеси.

Х мара. С наслаждением...

Ольга уходит.

Клеопатра. Очень прошу вас, расскажите Ольге о моем деде. У нынешней молодежи нет святого чувства к своим предкам. И моя Ольга такая же, как и все...

Ольга выносит вино и два бокала.

Х мара. А третий?..

Ольга. Я не пью.

Клеопатра наливает полные бокалы Хмаре и себе.

Х мара (Клеопатре). В память вашего деда... (*Ольге.*) И вашего прадеда. Замечательный человек был! (*Чокнулся и выпил.*)

Ольга. Вы хорошо его знали?

Х мара. Очень хорошо.

Клеопатра. Расскажите ей о своих встречах с ним...

Ольга. Расскажите...

Хмара долго смотрит на Клеопатру, потом на Ольгу. Наливает себе еще вина.

Я читала, что он был реакционным человеком. Это правда?

Хмара. Нет, вашего прадеда моряки любили, гордились им...

Клеопатра. Слышишь?.. Какую клевету написали историки-талмудисты!..

Хмара. Я не читал того, что написали историки... Но я расскажу. Я давно хотел это сделать...

Клеопатра. Только, Ольга, я твой характер знаю, слушай и не перебивай.

Ольга. Хорошо, мама.

Клеопатра. Прошу, милый Макар Алексеевич. Мы слушаем вас.

Хмара. На торговой шхуне плавал один знаменитый боцман. Он обладал феноменальной физической силой, могучим голосом и необычайно буйным характером. Его знали почти во всех портах мира, так как не одну таверну он разгромил... Когда он возвращался в свой порт, его всегда встречала одна рыбачка, неописуемой красоты женщина... Все в порту любили ее за голос: она замечательно пела... Перед нею боцман становился тихим, как ягненок. Она жила за городом, на горе. И когда они подходили к горе, он брал ее на руки и нес к самому дому...

Ольга. На руках носил...

Клеопатра. Ольга!..

Ольга. Простите...

Хмара. У них росла дочка. Не пожалел боцман денег, и дочку приняли в частную гимназию...

Клеопатра. Не понимаю, к чему вся эта история...

Ольга. Тихо, мама, не перебивай.

Хмара. В гимназии учитель пения был одаренным человеком. Он заметил у девочки выдающиеся голосовые данные и стал заниматься с ней. После окончания гимназии, через два года, молодая певица стала знаменитостью... Ты, Оленька, не знаешь, каково было в те времена положение актера, а особенно актрисы, если она была

дочерью не дворянина, а боцмана... И когда в богатых аристократических домах ее спрашивали: «Вы, случайно, не дочь адмирала Горского?.. — она, не моргнув глазом, отвечала: «Я его племянница». А адмирал умер, кстати, не в бою, а от чрезмерного аппетита... Своего же родного отца, боцмана, когда он к ней приезжал, принимала с черного хода...

Клеопатра. Как же она могла присвоить известную фамилию адмирала Горского?

Хмарा. А случилось так, что на Черном море был еще один человек по фамилии Горский. Это был человек большого сердца и большой души, мой верный друг боцман Максим Горский... (*Клеопатре.*) А ваша мать так поверила в свою легенду, что уже не могла отказаться от нее. Я не осуждаю ее: тогдашняя жизнь искалечила не одну талантливую душу... Она была высокоодаренной певицей... моя настоящая, первая и последняя любовь...

Большая пауза.

Ольга (*обняла, поцеловала Хмару. Тихо.*). Спасибо за правду... Теперь, мама, я всегда буду гордиться своим предком...

Хмары (*встал, вытирает платком лицо.*). Простите, что я так... Вот и его фотография... (*Подает Клеопатре.*) *Клеопатра* даже не шелохнулась. *Ольга* взяла фотографию, смотрит на нее.

Будьте здоровы, друзья мои... (*Поклонился.*)

Клеопатра не отвечает. *Ольга* взяла *Хмару* под руку, они уходят.

Клеопатра (*тихо*). Боцман... боцман... Рыбачка... Какой удар! А я думала... верила: поставят памятник... в Москву переедем... Нет! Этого нельзя пережить. И дочь, и соседи — все, весь город будет смеяться. Нет, я... я... Боже мой! (*Пауза. Тихо.*) А черт его знает... Позвольте, позвольте... Почему вы смеетесь?.. Над кем?.. (*Встала.*) Над внучкой знаменитого боцмана?.. Революционного моряка?.. А кто брал Зимний дворец?! Я вас спрашиваю, кто?! Может, вы?.. Или вы?.. А ну, попробуйте хоть улыбнуться! (*Встала руки в боки, покачивается, как на палубе во время шторма.*) Да я за честь наших матросов учиню вам такой аврал, что вас родная мама не узнает!..

Возвращается Ольга, подходит к матери.

Ольга. Мама, я знаю, тебе тяжело...

Клеопатра. Кому тяжело?.. Что ты знаешь! Ничегошеньки ты не знаешь. Моя мать была продукт эпохи, и потому она все это выдумала. К дьяволу адмиралов! Я всегда была против культуры личности...

Ольга. Мама...

Клеопатра. Дай фотографию!

Ольга подает. С улицы входит Барабаш.

Барабаш. Извини, Клеопатра Гавриловна, что я в светлом костюме. Сейчас переоденусь. (*Направляется в дом.*)

Клеопатра. Иди сюда!

Барабаш. Что, моя адмиральша? (*Подходит.*)

Клеопатра. Как ты назвал меня?

Барабаш. Как всегда: моя адмиральша...

Клеопатра. Какая я тебе адмиральша, черт подери! (*Резко рванула застежку платья и снова встала руки в боки.*) Ты зачем всем врешь, что твоя жена — внучка адмирала, когда я есть настоящего боцманского рода?.. Я всегда чувствовала, что в моих жилах течет горячая кровь революционных матросов...

Барабаш. Клюша, ты захворала...

Клеопатра. Молчи, не то я сейчас разгромлю здесь все и выброшу тебя за борт! (*Быстро идет на террасу, берет со стола бутылку с вином, опрокидывает и выпивает из горлышка все вино, затем выбрасывает бутылку в сад и уходит в дом.*)

Большая пауза.

Барабаш (*протирает глаза*). Ольга, доченька, я не сплю?..

Ольга качает головой, идет в сад. Барабаш садится на скамью, снимает галстук, расстегивает ворот рубахи — ему стало душно. В окне появляется полураздетая Клеопатра. Волосы ее расстрапались, упали на плечи.

Клеопатра (*кричит, как бывалый боцман*). Эй, там!.. Барабаш, топай сюда!

Барабаш. Клюша,тише, ради бога...

Клеопатра. Топай, старая баржа, рваный парус!..

Б а р а б а ш . Иду, иду...

К л е о п а т р а отошла от окна. Б а р а б а ш уходит в дом.
Входит Ю р и й.

Ю р и й . Оля!

Из сада возвращается Ольга.

Ольга. Что, Юра? (*Подходит к заборчику.*)

Юрий. Наш курс завтра едет. А ты?

Ольга. Не знаю, как быть: мои родители заболели...

Юрий. Что с ними?

Из дома слышен бой посуды и голос Клеопатры: «Молчи, медуза, ржавый якорь, сломанная мачта!..» Снова гремят тарелки, в окно летят черепки, старинный чайник...

Ольга. Слыхал?..

Юрий. Нервы...

Ольга. Нервы. А ты очень хочешь, чтоб я поехала?

Юрий. Олењка...

Ольга. Не называй меня «Олењка». В моих жилах течет кровь отважного моряка и рыбачки... (*Встала руки в боки.*)

Юрий. Что?..

Ольга. Да! Я всегда это чувствовала. Сегодня же сделаю себе татуировку: здесь будет якорь (*показывает на руку*), а здесь (*показывает на грудь*) — портрет того, кого я люблю...

Юрий. Олењка, родная!..

Ольга. Молчи! Я не терплю нежных слов. Мою прабабушку всегда на руках носил отважный моряк, мой прадед. Как страстно он ее любил!.. Это была буря, штурм, ураган чувств... Как жаль, что теперь нет таких...

Юрий. Нет?.. (*Перепрыгнул через заборчик, схватил Ольгу.*)

Ольга. Пусти!

Юрий. Молчи! (*Поднял ее на руки, несет.*)

Ольга. Куда ты несешь меня?..

Юрий. Молчи, я сам не знаю... (*Целует ее, ставит на землю.*)

Ольга отошла.

Ты еще не знаешь, что я могу сделать для тебя. Жизнь свою за тебя отдам... Если хочешь, сейчас отдаш! (*Реве-*

нул двумя руками рубаху, и полетели пуговицы. Открылась загорелая грудь Юрия.) Одно только слово скажи...

Ольга (долго смотрит на него). Скажу... Пойдем, я пришлю тебе пуговицы. (Целует Юрия.)

Выходит Катерина, смотрит на Ольгу и Юрия. Ольга первая заметила Катерину, отпрянула от Юрия.

Ольга. Здравствуйте, тетя Катя!..

Катерина (улыбается). Здравствуй, Олеся, но мы уже виделись сегодня... (Подошла к ним.)

Юрий. Мама, я люблю Ольгу, и она...

Катерина смотрит на Ольгу. Большая пауза. Ольга бросилась к Катерине, обняла ее и прижалась к ней, как ребенок к матери. Катерина нежно гладит ее волосы.

Катерина (Юрию). Сын мой, что бы ни случилось в жизни твоей, ты обязан ее любить и беречь.

Юрий. Клянусь тебе, мама, именем отца, твоим именем, своей жизнью — так будет...

Катерина протянула к нему руку. Юрий подошел, она обняла его, прижала к себе. С трудом сдерживает волнение.

Катерина (тихо). Никогда не забывай, Юра, гнездо свое, откуда вылетел. И когда будут бури, грозы на твоем пути,— а они будут, и кто знает, какие еще могут быть,— вспомни отца, Ивана Бессмертного, за ваше счастье на Малаховом кургане лежит... Вспомни — и никакая сила не собьет тебя с пути. Идите...

Ольга и Юрий уходят.

(Тихо, вслед.) И еще желаю, чтоб никогда война не упала на землю нашу... Этого я желаю вам, родные мои... (Уходит.)

Вбегает Барабаш, вытирает вышитым полотенцем лицо, потом прячет в карман. За ним — Оксана.

Оксана. Постойте, Яков Петрович! Возьмите платок, отдайте полотенце.

Барабаш (швырнул полотенце). Тыфу!.. Кажется, я схожу с ума... А тут еще в милицию вызывают, только что звонили.

Оксана. Что случилось?

Барабаш. Не пойму. Все мои дома вроде стоят, ни один не рухнул... Пойду узнаю. У меня такой плохой день сегодня! Недаром этой ночью снилось, что на моей шее и вправду выросла огромная тыква, а потом с картины сошел бык и стал грызть эту тыкву... Куда ни побегу, он за мной... И приснится же такой кошмар!

Оксана. И все слопал?!

Барабаш. Нет...

Оксана. Исполнение желаний, большая новость.

Барабаш. Да?.. Тьфу!.. Оксана, беги в аптеку, купи капли... Как их?..

Оксана. Желудочные?..

Барабаш. Сердечные! И отнесешь этому черту в юбке... (*Уходит.*)

Оксана. Вот жизнь пошла — настоящее тебе кино!.. (*Побежала.*)

Во дворе Погоды появляются Дмитрий Александрович и Зинаида Николаевна.

Погода. Не реви!..

Зинаида. Ты должен пойти, заявить...

Погода. Куда?.. Чтоб над нами весь город смеялся...

Зинаида. Ты же отец! Неужели у тебя нет сердца?.. Единственный сын... Укради его у нас...

Погода. Кто украл?.. Он украл у нас тысячу и сбежал с этой... Попадись мне сейчас Однолюб... У-ух!

Зинаида. Эта авантюристка нашего бедного мальчика...

Погода. Брось ерунду городить! Какой он мальчик?!. Дармоеда, паразита — вот кого ты воспитала.

Зинаида. Я?!

Погода. А кто же? Ты оставила работу: «Я не могу работать... Я должна сына воспитывать... Это мой священный материнский долг...» И я, дурак, согласился. А что получилось?.. Сбежал, как ворюга. А письмо какое оставил тебе! Хоть бы написал, как мужчина... Слизняка сентиментального воспитала! Стихами оправдывается: «Неземные чувства мною овладели...» (*Швырнул письмо, наступил ногой.*)

Зинаида толкает его.

Чего тебе?..

Зинаида. Ногу! Ногу подними!.. Рукопись!.. (*Подняла письмо.*)

Погода. Не реви... (*Целует ее в голову.*)

Зинаида. Это ты, ты во всем виноват! Зачем ты согласился, чтобы я оставила работу?.. Зачем звавали на меня одну воспитание сына?.. Разве может слабая женщина воспитать парня, у которого твой характер?

Погода. Мой характер?!

Зинаида. Твой!.. Твой!.. Разве ты не бежишь от меня каждую субботу на реку?.. Откуда я знаю, с какой щукой ты в камышах сидишь?.. Я не могу больше так жить. Не могу! Сын сбежал, и — вот увидишь! — я тоже сбегу от тебя...

Погода. Скажи только, голубушка, куда бежать собираешься, и я сегодня же закажу тебе билет и денег дам.

Выходит Жанна. Она в таком же платье, в каком была Лиля, тоже с зонтиком.

Жанна. Здравствуйте, Зинаида Николаевна! Приветствую вас, Дмитрий Александрович!

Погода. Не с чем приветствовать. Слыхали?..

Жанна. Знаю, все знаю... Не волнуйтесь...

Зинаида. Такое горе у нас...

Жанна. Успокойтесь... Сколько ваш сын занял у вас денег?

Погода. Тысячу...

Жанна. Всего?.. Ну, ваш дорогой Петенька очень скоро вернется к вам, как блудный сын, без копейки и, может, без пиджака.

Погода. Я тоже так думаю. (*Открывает калитку, подходит к Жанне, подает ей руку.*)

К ним подходит Зинаида.

Жанна. Ах, какая она бесчестная! Оставить такого благородного, доброго человека, с такой душой!..

Погода. И вы сочувствуете Леониду Тарасовичу?..

Жанна. А вы нет?..

Погода. Да попадись он мне сейчас в руки, я бы с него за полчаса двадцать килограммов спустил!

Быстро входит Однолюб, на ходу вытирая лысину вышитым полотенцем.

Однолюб (*издали*). Где... где моя жена, я вас спрашиваю?.. Кто ее похитил?.. Кто?.. (*Потрясает полотенцем.*)

Зинаида. А где мой сын?.. Где, я вас спрашиваю?.. Кто его похитил?..

Однолюб. Да вы знаете, кто такой ваш сын?.. Знаете?..

Жанна (*быстро подошла к Однолюбу*). Бедный Леонид Тарасович, успокойтесь...

Однолюб. Нет, я не успокоюсь! Я требую ответа. Я требую сатисфакции. Ваш сын — змея! Донжуан! Он соблазнил чистую, невинную девушку, мою жену...

Погода. Что вы сказали?..

Однолюб. Да-да! Я его в тюрьму упеку за насилие! Да!

Погода. Собирался я, Леонид Тарасович, с вами круто поговорить, но вы меня обезоружили... Вам можно только сочувствовать. Пойдем, Зинаида! Не плачь, не надо... Успокойся... (*Взял ее под руку.*)

Зинаида и Погода идут к дому.

Однолюб. Вы мне глаза не замыливайте! Я не отступлюсь, я найду управу... Я... я...

Жанна (*берет его под руку*). Дорогой Леонид Тарасович, пойдемте сядем там на скамейке. Здесь так печет солнце... (*Берет из его рук шляпу, надевает ей на голову.*)

Идут на передний план, садятся на ту же скамейку, где спал Однолюб.

Однолюб. Где моя жена?.. Это разбой... разбой...

Жанна. Как мне вас жаль... Вы такой хороший, чуткий, добрый человек. Когда я узнала, поверите, я заплакала.

Однолюб. Я вам очень признателен, Жанна.

Жанна. Нет, она не достойна вас. Сбежать с мальчишкой...

Однолюб. Это он ее...

Жанна. Нет, не он. Я видела, как она вчера с ним танцевала, как увела его в сад, когда вы отдыхали на этой скамейке.

Однолюб. А-а... Так, так... Я здесь заснул...

Жанна. Забудьте ее. Вам нужна жена, которая бы вас горячо любила, уважала ваш большой ум, заботилась о вас, следила за вашим здоровьем. Вы ведь столько работаете...

Онолюб. Это верно. Вы не представляете себе, сколько я работаю. Со всей области едут ко мне. А я не могу, чтоб больные ждали... Я всегда говорю студентам: «Кто не чуток к людям, к их горю, тот не может быть врачом...»

Жанна. Вам нужен верный друг, который всегда был бы рядом с вами...

Онолюб. Как это мне нужно... Жанна... (*Смотрит на нее.*) Я не могу быть одиноким... Вы не представляете себе, как это трудно...

Жанна. Еще Пушкин сказал: «Бытие определяет сознание...»

Онолюб. Пушкин?.. Это сказал Фейербах, Жаночка.

Жанна. Тем более!

Онолюб. Скажите, почему женщины всегда так жестоко обманывают добрых мужчин?.. И в моей молодости и теперь... Не подумайте только, что я, простите, тряпка. Я два года был на фронте, один раз выходил из окружения и не растерял своих раненых. За это награду имею...

Жанна. Я понимаю вас всем сердцем, всей душой. Я ведь тоже одинока... И жестоко обманута... Вы правы: тяжело жить, когда нет настоящего друга, когда некому отдать свою любовь, теплоту, самые лучшие чувства...

Онолюб. Вы так красивы... Даже удивительно, что вы не встретили молодого, достойного вас друга...

Жанна. Я ненавижу молодых! Я знаю, о, слишком хорошо знаю, чего стоят их легкомысленные, бессердечные души...

Онолюб. Как справедливо! Как справедливо!..

Жанна. Я пережила такую трагедию... Простите... (*Достала платок, приложила к глазам и уронила.*)

Онолюб хочет поднять платок, но не может согнуться: тогда он становится на одно колено, достает платок.

(*Вскочила.*) Не надо, мой дорогой, не надо!.. Я так волнуюсь. (*Помогает ему подняться.*) Вам нужен друг, который без слов понимал бы вас, создал вам тихую, скромную жизнь, без всяких претензий...

Однолюб. Да-да, без претензий... В мои годы это важно.

Жанна. Вы, кажется, любите музыку?..

Однолюб. Очень! Сам играю на гитаре, пою, и, говорят, неплохо... А вы?..

Жанна (*улыбнулась, начинает тихо петь*). «Не искушай меня без нужды...»

Однолюб. Это же мой любимый романс!.. (*Подпевает ей.*)

Поют все громче и громче. В окне появляется Клеопатра.

Клеопатра. Эй, кто там на корме? Заткнись, я спать хочу! (*С шумом захлопнула окно и задернула штору.*)

Однолюб. Что она сказала?

Жанна. Не понимаю... Пойдемте. Вы домой?..
(Берет его под руку.)

Однолюб. Да.

Жанна. Нам по пути.

Поют «Не искушай...» и с песней уходят. Входит Тимофей. На нем чрезмерно узкие брюки в крупную клетку, пиджак оранжевого цвета, американская рубашка — верх нестроготы — и галстук, на котором танцующая балерина. Лицо покрыто синяками, на скулах — пластиры. В руках плащ и старый чемодан с наклейками заграничных отелей. Тимофей подошел к дому Барабаша. Поставил чемодан, встремхнул плащ, повесил на дерево. Поправил галстук, подошел к двери, постучал. Никто не отвечает. Стучит все громче. Слышен голос Клеопатры: «И кого это черт несет!..» Выходит Клеопатра в халате.

Тимофей. Здравствуйте, Клеопатра Гавриловна!

Клеопатра. Здоров! (*Зевнула.*)

Тимофей. Простите, я нарушил ваш отдых... Я пришел проститься с вами. Уезжаю в Одессу, а оттуда теплоходом за границу.

Клеопатра. Попутный ветер!

Тимофей. Спасибо.

Клеопатра. В Бискайском заливе всегда штурмажи сильные — захвати водки с перцем, а то из галлюона не вылезешь...

Тимофей. Я пью только коньяк...

Клеопатра. Ну и дурак!
Тимофей. Что?!

Клеопатра. Только наша водка от любого шторма спасет. А кто это тебе такие бакены на роже поставил? (*Подошла ближе, смотрит.*) Узнаю руку хорошего боцмана...

Тимофей. Позвольте! Во-первых, у меня не рожа, а лицо, а во-вторых...

Клеопатра. Было лицо, а теперь рожа битая — смотреть тошно...

Тимофей. Я очень сожалею, что пришел к вам. Я думал, встречу деликатную, высокой культуры, благородную женщину, а встретил вульгарную особу. Прощайте!

Клеопатра. Постой! (*Схватила его за галстук.*) Это я вульгарная особа?! (*Рванула, и кусок галстука остался в ее руке.*) Жаль, что некуда смазать тебя — все расписано... Мотай отсюда, пока я еще на якоре. (*Бросила галстук, идет в дом.*)

Тимофей (*поднял галстук, выдернул из-под воротника оставшийся кусок, отошел, смотрит. Тихо.*) Это невыносимо... Это черт знает что! Хватит!.. Испил всю чашу горечи до дна. Нет, не могу я здесь жить... Среди тупых, вульгарных индивидов... Сюда я больше не вернусь, нет! Сюда я больше не езжок... Скорей на теплоход! Каюту мне, каюту!.. (*Берет плащ, чемодан и уходит.*)

Выходят Оксана и Морж.

Оксана. Что делается, что делается, Карп Карпович! Артистка сбежала чуть свет с сыном Дмитрия Александровича. Моя хозяйка сегодня утром перебила старинную посуду и начала так отчаянно ругаться, что даже я, тихая, скромная женщина, никогда не слыхала такого...

Морж. Не может быть. Не верю...

Оксана. И вы мне не верите!.. Да чтоб у меня язык отсох! Чтоб мне печеньку раздуло! Чтоб мне никогда не услышать вашего голоса, не увидеть ваших усов...

Морж. Вот теперь верю, верю, Оксана Дмитриевна...

Оксана. И как же вы меня обидели, Карп Карпович...

Морж. Я не хотел... Я вам рамочку сделал для вашей большой фотографии... (*Подает.*)

Оксана. Спасибо. Красивая... Жаль только, что одна я в такой рамочке буду... (*Смотрит на Моржа.*)

Морж (*приложил рамку к ее голове, смотрит, тихо поет*). «Канареюшка, эх, и жалобно поёт...»

Оксана. Пойдем, усатый дьявол, ко мне на кухню...

Идут, навстречу им выходит Барабаш.

Барабаш. Сзытай, Оксана, всех соседей и скажи им: приглашаю посмотреть на такую картину, что им и не снилось...

Оксана. А где ж та картина?..

Барабаш. Когда все придут, покажу.

Оксана пошла.

Садитесь, Морж. Эх, Карп, Карп...

Морж. Что случилось?

Барабаш. Шпака арестовали.

Морж. Арестовали?!

Барабаш. Да. Оказался жуликом...

Морж. Жуликом?!. Ваш друг?! «Друг Шпак, кто тебя выдумал?»... «Вы, вы меня выдумали, Яков Петрович...» Такой интеллигентный человек... И на гитаре играет, и Клеопатре Гавриловне ручки целует, и вам картинки носит, и денежки ждет, и песни поет... «Забыты нежные лобзанья...» Что же теперь получается?.. «Уснула страсть, прошла любовь, и радость нового свиданья уж не волнует больше кровь...» Жулик! Но ничего, другого найдете, шпаков у нас хватает...

Барабаш. И как я его не разгадал, не раскусил! Дурак! Пень! Слов нет, чтоб назвать... Дай, Морж, слова!

Морж. Балда!

Барабаш. Слабо.

Морж. Шляпа!

Барабаш. Слабо.

Морж. Посильней можно?..

Барабаш. Валяй!

Морж. Ишак в шляпе. А? Живописная вещь!..

Барабаш. Слабо.

Морж. Покрепче можно?..

Барабаш. Валяй!

Морж шепчет на ухо Барабашу.

Ну-ну!.. А впрочем, все равно! Ругайте меня, любыми словами ругайте!

Морж. А-а, это вы про себя... А я думал, Шпаку слова подбираете. Простите...

Барабаш. Не извиняйтесь, я заслужил.

Выходит Ольга.

Ольга. Здравствуйте, Карп Карпович!

Морж. День добрый, Оля!

Ольга. Отец, можно тебя на мишутику?..

Морж. А я отойду... (*Отходит в сторону.*)

Барабаш. Что, дочка?.. Какие еще неприятности принесла?

Ольга. Вот. (*Достает письмо.*) Опять от бабушки...
Барабаш. Что пишет?

Ольга. Сейчас прочитаю. (*Читает.*) «Дорогой сын Яков! У нас в четверг ночью была сильная гроза... Молния запалила нашу хату и еще две. У нас сгорело все. Я лишь успела вынести постель и твою, сынок, фотографию... Спасибо, правление колхоза дало мне комнату. Так что, сынок, много денег не присытай, только немножко, если можешь, на одежду пришли. Кланяюсь тебе и жене твоей. Поцелуй мою внучку Ольгу. Твоя мать Марфа».

Барабаш. Дай письмо! (*Взял, молча смотрит.*) Завтра же поеду за ней, привезу сюда!

Ольга. Не верю.

Барабаш. Сегодня поверишь. (*Пауза.*) Ты не представляешь, что у меня сейчас на душе...

Ольга. У тебя нет ни души, ни сердца.

Барабаш. И ты это говоришь отцу...

Ольга. У меня был отец. Когда мне исполнилось восемнадцать лет, он купил мне кольцо. (*Снимает с пальца кольцо.*) Не пожалел, большие деньги заплатил... Возьмите, Яков Петрович, продайте и пошлите деньги моей бабушке. (*Положила кольцо около него.*)

Барабаш. Оленька!..

Ольга. Завтра я уезжаю на два месяца и больше к вам не вернусь... (*Уходит.*)

Барабаш. Ольга!

Ольга не оглянулась.

*Барабаш взял кольцо, смотрит на него. Подходит Морж.
Большая пауза.*

Морж. Дочки купили?..

Барабаш кивнул головой.

Хорошая она, сердечная... И на вас очень похожа... Э, да что с вами?

Пауза. У *Барабаша* полные глаза слез.

Барабаш (тихо). Нет, не похожа она на меня...
Разложите костер, Карп Карпович, там, за домом...

Морж. Зачем?

Барабаш. Будем гнилой мох жечь, что на сердце вырос... (*Идет в дом.*)

Морж. Так вправду костер разложить?..

Барабаш (обернулся, крикнул). Разложите, да такой, чтоб огонь выше дома был! (*Уходит.*)

Морж (смотрит вслед *Барабашу*, чешет затылок). Э-э... И тебя жизнь шкипидарить начала... Это хорошо. Даже очень хорошо! (*Уходит за дом.*)

Поют соловьи. Вдалеке зажглись первые огоньки. За домом сверкнул отблеск костра. Спускаются сумерки. Во двор входят *Погода* с женой, *Катерина*. Из-за дома выходит *Морж*.

Погода. Какую картину купил Яков Петрович?

Морж. Я не видел.

Катерина. И в который уж это раз нас на смотрины приглашают!.. (*Смеется.*)

Появляются Однолюб и Жанна.

Однолюб (издали). Добрый вечер! Позвольте вам сообщить, дорогие друзья: наконец-то я нашел свое счастье!

Погода. Вернулась?!

Зинаида. А наш сын?!

Погода. Где эта шлюха?!

Однолюб. Что вы, что вы!.. Вот моя невеста...
(*Показывает на Жанну.*)

Погода. Вы?..

Зинаида. Вы?..

Катерина. Неужели?..

Жанна. Я. А почему вы так удивлены?..

Морж. В раму б вас взять, какая была бы картина!..
Настоящий формализм...

Однолюб. Почему — формализм?..

Морж. Сейчас скажу. (*Подходит.*) Поздравляю вас, желаю счастливой жизни, деточек... Сыночка, дочечку...

Однолюб. Благодарю вас, но я уже о детях не думаю. В мои годы...

Морж (*перебивает*). Да вам и думать не придется, если они (*показывает на Жанну*) пожелают... Это и есть формализм, его сущность... Ясно?

Входит Барабаш.

Барабаш. Все, друзья, в сборе? Как я рад! Не вижу Хмары...

Погода. Хорошую картину купили?..

Барабаш. Онемеете, когда увидите!

Зинаида. Ну?.. Пейзаж?

Барабаш. Нет, портрет. Морж, дайте большую раму!

Морж. Сейчас. (*Идет к дереву.*)

Входит Клеопатра.

Зинаида. Кто художник?

Барабаш. Я и моя умная, тонкая супруга...

Морж приносит раму, подает.

Друзья мои, вы знаете мою жизнь: как я начинал, как я рос и как я вырос... Мой труд высоко оценен. Я — заслуженный деятель, я — интеллигентный человек... Прощу вас, присмотритесь: видели ли вы хоть на одной выставке такой портрет? (*Просовывает голову в раму. Говорит издали.*) Нет, не видели! Не то творят наши художники, отстали. Кто перед вами? Молчите? Ну, кто? Хам! Да, самый настоящий. Черствый, самодовольный... Свой талант, силу променял на что?.. Сам себя в осла превратил и еще гордился этим вместе со своей любимой женой. Вот наш семейный портрет. (*Обнял Клеопатру.*) Какие незабываемые рожи! Эх, даже звезды смеются над нами... (*Смотрит на Катерину.*) В люди вывели пастушка, а он, Катерина Сергеевна, забыл, да, забыл, кто ему пленки менял, кто на дорогу вывел! Все забыл, даже мать родную... (*Вытирает слезу.*)

Катерина. Успокойтесь, Яков Петрович...

Клеопатра. Да ты рехнулся!

Выходит Оксана.

Барабаш. Нет, голубушка. Но ты сейчас рехнешься. Морж, Оксана, идемте со мной!

Морж. Есть!

Идут в дом. Входит Ольга.

Погода. Что случилось с Яковом Петровичем?

Клеопатра. Не знаю. Арестовали Шпака, его вызывали в милицию. Вернулся, сами видите, в каком состоянии...

Погода. Похоже, он тяжело заболел...

Катерина. Он выздоравливает...

Однолюб. Арестовали?.. А... а за что? Такой хороший человек. Это несправедливо. (*Подходит к Клеопатре.*)

Зинаида. А Матильда где?

Клеопатра. Не знаю.

Однолюб. Где моя невеста?..

Жанна. Я здесь, дорогой Люсик.

Клеопатра. Жанна?..

Жанна. Да, тетя, я нашла свое счастье...

Из дома слышен шум, грохот.

Катерина. Что они там делают?

Клеопатра. Какой-то бешеный аврал.

Входит Матильда, она в плаще.

Матильда. Добрый вечер!

Пауза.

Погода. Добрый вечер!

Матильда. Я пришла проститься с вами... Я уезжаю из вашего города, и, как я думаю, навсегда...

Жанна. Как жаль, Матильда, что вы так внезапно покидаете нас... Мы слышали, ваш патрон...

Матильда. У него большая неприятность.

Выходят Барабаш, Морж, Оксана. В руках у них картины.

Добрый вечер, Яков Петрович!

Барабаш. Держите ее, держите!.. Она такая же, как и Шпак. Клеопатра, звони в милицию!.. Скорей звони!

Матильда. Зачем? Я не собираюсь удирать...

Барабаш. Врете! Жулик Шпак продавал фальшивые картины, а вы помогали ему. Вы из одной шайки!..
Клеопатра. Фальшивые?!

Барабаш. Все фальшивые. Все наши картины фальшивые...

Однолюб. И мои?..

Барабаш. И ваши. Морж, Оксана, кидайте их в огонь!

Морж. И рамы?..

Барабаш. Все кидайте!.. Все к черту, в огонь!..

Морж. Есть.

Понесли картины за дом. Большая пауза. Через минуту пламя заиграло на деревьях. Возвращается Барабаш.

Барабаш (*Клеопатре*). Иди посмотри, как горят...

Клеопатра. Воды! Воды!..

Барабаш. Ага... Не давайте ей воды, не давайте...

Клеопатра. Молчи, ржавый якорь! Ты забыл, чья я внучка?.. (*Пошла в дом.*)

Возвращаются Морж и Оксана.

Однолюб. Сколько моих денег пропало!..

Барабаш. Оксана, давай гитару! Пусть нам Матильда Андреевна на прощание романс споет, а потом я сам ее в милицию доставлю.

Оксана пошла в дом.

Жанна (*Матильде*). И как вам не стыдно! Как вы могли стать на такой бесчестный путь...

Однолюб. Вот-вот...

Матильда. Как душно сегодня!.. (*Сняла плащ; на ней погоны капитана милиции.*) Вчера в Киеве, Москве, Ленинграде и здесь арестовали шайку шпаков. Они скупали золото, ювелирные изделия, продавали фальшивые картины таким, как... (*Смотрит на Барабаша, на Однолюба.*)

Однолюб. Вы представляете себе, сколько моих денег пропало...

Матильда. Я пришла проститься с вами, хорошиими людьми. Шпаки арестованы, но появятся новые, если вы позволите обманывать себя.

Жанна (*подошла к Матильде. Взволнованно*). Так вы и в Одессе...

Матильда. И в Одессе... Но мы ведь условились: не будем вспоминать... До свидания!

Жанна. Как вы благородны! Спасибо...

Матильда поклонилась всем, уходит. Входит *Морж*.

Морж. А один граф, еще в дни моей молодости, когда узнал, что все его картины фальшивые, взял наган и трагически застрелился...

Оксана выносит гитару.

Оксана. Кому гитару?

Барабаш. Не надо.

Катерина. Почему?.. (*Берет гитару.*) Ведь сегодня вечер еще лучше, чем вчера. Посмотрите, как ярко сияют звезды, как они улыбаются нам... (*Перебирает струны гитары, подходит к Барабашу.*) И на душе веселее. Разве не так, дорогой Яков Петрович?.. Какое сияние... Как то слово?..

В глубине появляется Петр. Он без пиджака, на плечах палка, на конце которой узелок. Видно, издалека шел пешком. Нерешительно подходит ближе. Его не замечают, так как все смотрят на Барабаша.

Однолюб. Какая неприятность!.. А где моя... где моя невеста?..

Петр услышал и быстро побежал. Погода подходит к *Моржу*.

Погода. Так граф, говорите, застрелился?..

Морж. Не выдержал. Но теперь не те люди пошли — материал другой. Только вот полировка не всегда правильная. А?.. Шкипидарить нужно, крепко шкипидарить, чтоб душа сверкала, как солнце. А?..

Льются звуки симфонии Чайковского. Погода кивает головой, смотрит на Барабаша. Выходят *Ольга* и *Юрий*, идут вверх по дорожке. Все смотрят на них... Все сильнее звучит симфония.

Занавес

НАД ДНЕПРОМ

**Комедия в трех
действиях**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

РОДИОН ИВАНОВИЧ НЕЧАЙ.
КАСЬЯН РОДИОНОВИЧ НЕЧАЙ.
ГАВРИИЛ ИВАНОВИЧ НЕЧАЙ.
МАРИНА НИКОЛАЕВНА
ДЕМЧЕНКО.

АНТОН ЛУКИЧ МАК.
ОРИНА АНТОНОВНА МАК.
ГУРИЙ ВЛАСОВИЧ СТРУНА.
ПЕТР АНДРЕЕВИЧ ОРЕЛ.
ЯРОСЛАВ ВЛАСОВИЧ ГОЛУБЬ.
НАТАЛЬЯ ОРЕСТОВНА ГОЛУБЬ.
МАИЯ ЯРОСЛАВНА ГОЛУБЬ.
ЛЕОПОЛЬД МИХЕЕВИЧ КУКСА.
МАКЕДОН НИКОЛАЕВИЧ СОМ.
КАЛЛИОПИЙ ИЛЛАРИОНОВИЧ
КВАК.
БОРИС ТРОФИМОВИЧ ЧАПЛЯ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Почти до самого Днепра тянется усадьба председателя колхоза «Мир» Родиона Нечая. Под виноградными лозами лежит большой, в ярких цветах, полтавский ковер. А немного дальше дозревают пудовые арбузы. Среди них, словно сторож,— одинокий подсолнух. На ковре сидит Родион Нечай. Он внимательно слушает песню, льющуюся с реки. Она то затихает, то, как порыв ветра, нарастает. Недалеко от Нечая на пеньке сидит директор колхозного ресторана «Веселый заяц» Антон Лукич Мак. Он в костюме, из-под пиджака видна вышитая украинская сорочка, с черной бабочкой вместо галстука. На голове соломенная шляпа, в руках газета. Мак повернулся голову в сторону Днепра, и по его блаженной улыбке видно, с каким наслаждением он слушает песню.

Родион. Македоновы ребята... Хорошие голоса! А?.. Что молчите, товарищ Мак?

Мак. Когда слышу хорошую песню, меня всегда воспоминания одолевают... Эх, лета молодые!.. Я начинал свою профессию метрдотеля в портовом ресторане «Нептун», что означает морской бог...

Родион. Знаю, его всегда с вилами рисуют, словно старый на перест щук собрался.

Мак. Какой там был цыганский хор!.. Из-за него я матросскую робу скинул и в ресторан поступил, чтобы каждый день видеть Орину, слышать ее голос...

Родион. Значит, и мать так звали?

Мак. Потому и дочку Ориною назвал... Мать не уви-дela маленькой Орины... Родила и отошла...

Родион. Неужели вы, Антон Лукич, никогда не пожалели, что море на бабу променяли?

Мак. Море променял?.. (Улыбнулся.) Любовь — это тоже море... (Пауза.) Только оно всегда волнуется, всегда ломает берега... (Небольшая пауза.) А когда наступает штиль, тогда и любовь уходит...

Родион (тихо). «Ломает берега»... Это правда.

Снова издали слышна песня, она приближается.

(Повернул в ту сторону голову, тихо.) Слышишь?.. Возвращаются...

Мак кивнул головой. Родион тихо подпевает, замолк.
Песня стихает.

Мак (тихо). А нервы у вас, Родион, уже того...

Родион. Молчи! И чтоб больше никогда не напоминал мне о берегах. Слышишь, метрдотель?!

Мак. Метрдотель. (Встал, снял шляпу, поклонился.)
Простите... (Чихнул.)

Родион. Что это ты расчихался?

Мак. От большого напряжения. (Показал на голову.)
Тогда у меня всегда в носу крутит. (Чихает.)

Родион. Скоро мы тебе такое напряжение устроим,
что икать будешь.

Мак чихает.

Будь здоров!

Мак. Благодарю.

Родион. Скажи, друг, хоть ты и закоренелый беспартийный: ты чувствуешь, что в мире происходит?

Мак. Я заслуженный беспартийный, а не закоренелый.

Родион. Заслуженный... Так чувствуешь?

Мак. Приблизительно... А что?

Родион. Держитесь, председатели колхозов, все начальники областные и столичные, не спрячетесь, голубчики, за общие показатели, новая ситуация пришла... (Поет.) «Ни сна, ни отдыха» никому... Как там дальше?..

На тропинке со стороны Днепра появляется Марина.

В руках у нее весло, на плече — полотенце.

Мак (становится в оперную позу, поет).

Ни сна, ни отдыха измученной душе...

Мне ночь не шлет покоя и забвенья...

Родион (поет). «Не шлет, не шлет покоя и забвенья...» Не будет! Не дождется, голубчики, покоя!..

Марина. Что это вы за песню поете, Родион Иванович?

Родион и Мак обернулись.

Родион. Доброе утро, Марина Николаевна! Просим к нам...

Марина. Я с купанья, переоденусь и приду.
Родион. На одну минутку... Прошу.

Марина подходит, поклонилась. Ей молча отвечают поклонами Мак и Родион. Смотрят на Марину.

Марина. Что же вы замолчали?

Мак. Я знаю, почему молчит Родион Иванович. Он как раз сейчас обдумывает, как увеличить поголовье уток. А я...

Родион. Что?! (*Наступает на Мака.*) Да я тебя в Днепр скину.

Марина. Ну-ну! Антона Лукича я люблю. Спойте еще.

Мак. Я так много хочу сказать вам сейчас... Да боюсь... (*Посмотрел на Родиона.*)

Родион. Пой, раз просят.

Мак. Есть! (*Становится в оперную позу, поет.*) «Ни сна, ни отдыха...» (*Закончив петь, низко поклонился.*)

Марина. «Князь Игорь»... (*Улыбнулась.*) Я слушала эту оперу в Киеве... (*Родиону.*) Вместе слушали, а потом...

Родион. Пошли на Владимирскую горку...

Марина. Помнишь... Помнишь, Родион Иванович... (*Протянула руку.*)

Родион. Внизу в огнях Подол...

Марина. А за Днепром пояс золотых брызг... Никогда не забуду!

Родион. И я...

Марина (*увидела, что Мак уходит*). Куда же вы, Антон Лукич?.. Пригласили, а сами...

Мак. Я сейчас... Папиросы забыл...

Марина строго посмотрела на Родиона.

Родион. Вернись, у меня есть... Вернись!

Мак остановился.

Марина (*подходит к нему*). Простите, что перебила ваш разговор... (*Сорвала цветок, вложила в карманчик его пиджака и быстро пошла.*)

Мак смотрит ей вслед.

Родион (*когда скрылась Марина*). И куда это вы так пристально смотрите, товарищ Мак?

Мак. На наши берега... Скоро придет штормовая погода, выдержат ли они?

Родион. Выдержат, они закаменели... Как с обедом?

Мак (*раскрыл блокнот*). Обед на шесть персон...

Родион. Почему на шесть?

Мак. Вы, ваш сын, профессор Голубь, его жена, дочь и их друг...

Родион. Пиши: от партийного руководства — товарищ Струна...

Мак. Я думал: обед семейный...

Родион. ...Антон Лукич Мак с дочерью Ориной...

Мак. Благодарю.

Родион. ...и Марина Николаевна. Докладывай, чем твой ресторан будет моих гостей потчевать.

Мак. Начинаю с закусок. (*Читает*.) Салат из баклажан, салат из сладкого перца, салат из огурцов, салат-оливье, салат...

Родион. Да что мы кроликов или зайцев ждем в гости... Докладывай, что будет принципиальное!

Мак. Карп заливной, щука фаршированная и раки фаршированные. Затем колбаса колечком с чесночком и перчиком...

Родион кивнул головой.

Борщ на цыплятах с утра млеет в печи...

Родион. Перцу красного, чтоб как огонь!

Мак. Есть! Караби в сметане... Маринованная ветчина, запеченная в тесте, а-ля Паракса...

Родион. Паракса в тесте?! Ты что... (*Показывает на голову*.)

Мак. Запеченная так, как это делает бабка Паракса. Полсвета я объехал — нигде такой ветчины не видал. Деликатес! Специалитет нашего ресторана «Веселый заяц»...

Родион. Ну?.. Отметить надо Параксу как новатора... Дальше!

Мак. Затем сладкое...

Входит Орина. В руках у нее книги.

Орина. День добрый!

Родион. День добрый! Садитесь, Орина Антоновна.

Мак. Минуточку, дочка! Вроде в одиннадцать приезжают?

Родион. Да.

Мак. Сверим часы...

Родион (*посмотрел на его часы*). Точно! Ступайте, Антон Лукич. Чтоб все было на уровне...

Мак. Все будет по протоколу! Благодари, дочка: мы получили приглашение на торжественный обед в честь приезда Касьяна Родионовича.

Орина (*встала, Родиону*). От всей души благодарю.

Родион. Как вспыхнула...

Орина. Вам показалось...

Родион. Да, хоропа твоя Орина. Что, и мать такой же была?

Мак. Такой же... И характер ее...

Родион. Неужели?

Мак. Никогда не поймешь, что у нее на сердце...

Родион. Цыганская кровь так-таки взяла верх! Твою осилила!.. И даже внешне: ты — рыжий, а она — как Днепр в грозу... Эх, ты! Черноморец, а допустил... А может быть, ты был...

Орина. А может быть, я попозже приду, когда вы с отцом досконально выясните, почему я не стала мичуринским плодом, кто виноват в этом и нельзя ли хоть краской исправить эту досадную ошибку?..

Родион. Простите, Орина, мою шутку, возможно, и неуместную...

Мак. Я готов дать ответ на ваш принципиальный вопрос.

Орина. Отец!

Мак. Ясно. Я пошел... (*Уходит, напевая.*)

Родион. Что за книжки принесли?

Орина. Это сборник стихов под названием «В нашем колхозе». А это роман Фейхтвангера о великом испанском художнике Гойе.

Родион (*взял книгу Фейхтвангера, взвесил на ладони*). Тяжела... А мне обязательно читать ее?

Орина. Надо. Этого художника во всем мире знают и чтут... И книги про него пишут...

Родион. Знают во всем мире? (*Листает страницы книги.*) А почему у нас нет художественного кружка для детей? Почему пет?

Орина. Не знаю.

Родион. А кто должен подсказать мне, правлению, чтобы не только кабанами и надоями мы гордились?.. Вы же библиотекарь...

Орина. Я попрошу художника Сергеенко помочь нам. Вы же знаете его.

Родион. Попросите его от моего имени... А стихи заберите, я же не мальчишка...

Орина. Если б у всех парней было такое молодое сердце, как у вас, столько сил и огня...

Родион. Надсмехаешься!..

Орина. Поверьте — это правда.

Родион. Спасибо на добром слове... А вы вроде прическу изменили?

Орина. Заметили... Изменила. Идет мне?.. Скажите...

Родион. Идет ли вам?.. А кто может это сказать, если вы — словно рассвет в степи: всегда измеччивый и всегда...

Орина. Вот не ожидала, что вы мне такое скажете... Не ожидала...

Родион. Я не хотел, просто вырвалось... Большая сила в вас, Орина...

Орина (*подошла к арбузам, нагнулась, поднимает один*). Ого! Килограммов шестнадцать?..

Родион. Будет... Сколько вам лет, Орина?

Орина. Если собираетесь сватов засылать, то я лишь на десять лет моложе вас... Тридцать пять... (*Положила арбуз*.)

Родион. А на самом деле?

Орина. Ну еще десять сбавьте.

Родион. Та-ак... Когда вам будет сорок, мне стукнет шестьдесят. (*Тихо.*) А это значит, что я в основном перейду на диету... (*Громко.*) Жаль!.. Не могу быть вашим женихом.

Орина. Досадно, что я так поздно родилась...

Родион. Выходит, только свекром вашим могу быть. Как, Орина?

Орина. Касьяна я люблю...

Родион. Любите?..

Орина. Как друга.

Родион. Он пишет вам?

Орина. И много. В его письмах столько горячих чувств, столько нежной любви к... протоплазме, к белкам... Мне придется немного подождать, этак несколько сот миллионов лет, пока очередь от протоплазмы до меня дойдет...

Родион. Долгоночко ждать!.. Однако у меня есть план: мы Касьяна здесь оставим.

Орина. Здесь?!

Родион. Снова вспыхнула. Ну и горячая же кровь у вас!.. (*Отошел, смотрит.*) Вот девка!.. (*Тихо.*) Шестьдесят и сорок... Можно сказать, принципиально не выходит...

Орина. А вы не приглядывайтесь, а то Касьяну расскажу...

Родион. Да рассказывайте. Может, хоть этим немного разворопите его. (*Просматривает сборник.*) Возьмите эти стихи. Видно, слишком грамотные агрономы и зоотехники писали их. Передайте их в агротехнические кружки: пусть молодежь изучает передовой опыт в стихах... (*Пауза.*) А таких поэтов, которые пишут про девичьи рушники, о рассветах в степи, о чувствах, что берега ломают,— таких нет, Орина?

Орина. Есть, но нам шлют только то, что в столице никто не читает и не покупает.

Входит Марина Николаевна.

Марина. Простите, сосед, что вмешиваюсь. Так нельзя! В воскресенье председатель, как все люди, имеет право на отдых. А она целую охапку книг принесла и мучит вас уже два часа...

Орина. Не два, а четыре...

Родион. И вам советую, соседка, прочитать эти стихи. Тут так хорошо, в рифму сказано, как надо коров доить...

Марина. Стихи?! Так, так... Стихи носите?.. Когда-то и мне стихи носили и читали... Правда, не про коров, а про звезды. Но я полюбила не того, кто стихи носил, а того, кто меня ночью со двора аж на леваду вынес...

Орина. Надо полагать, крепко потрудился человек! Или вы тогда потоньше были?..

Марина. Сущеной воблой я никогда не была! Да таких и не носят: они сами бегают, даже когда их не просят...

Орина. Будьте здоровы!

Марина. Всего хорошего!..

Орина уходит.

И чего она в ваш сад стежку топчет?..

Родион. А я еще не такой истоптанный... Чем не жених?

Марина. Да знаете ли вы, что ее мать взяла кинжал с серебряной рукояткой и ударила прямо в сердце своего первого мужа?.. Разве не видно, что и Орина такое сделать может?!

Родион. А вы бы такое могли сделать, ну, скажем, из ревности?

Марина. Кинжалом?! Нет! Моим рукам кинжалы не нужны. (*Развела свои могучие руки.*)

Родион. А в вас, Марина, такая сила играет, что даже монисто звенит...

Марина. Спасибо, что заметили...

Родион. Сколько вам лет?

Марина. Тридцать один.

Родион. И позапрошлый год вы говорили, что тридцать один...

Марина. Неужели?.. А мы всегда ошибаемся, нас такие детали не интересуют... Мы же вас, чертей, никогда о годах не спрашиваем. Когда любишь, то и лысину в кудрях видишь...

Родион. Правда...

Марина. Родион, я уже написала... (*Тихо.*) Написала, чтобы дал развод.

Родион. Решилась?..

Марина. Да.

Родион. Когда?

Марина. Не ждала я от вас такого вопроса... (*Идет.*)

Родион. Марина!

Марина. Что, Родион?

Родион. Ответ пришел?

Марина. Нет.

Родион. А если он...

Марина. Что?.. Откажет?.. Когда он давал согласие на работу в области, он же меня не спрашивал — в один день все бросил. Бежал в канцелярию... Трус он, а не агроном... Карьерист...

Родион. Марина, а что, если в тебе только обида говорит?..

Марина. Разве этого мало?.. Прошло время, когда обиженные женщины смиренно склоняли перед вами голову. Кончилось все это! Кончилось, навсегда кончилось!.. Это не только мои слова, но и слова товарища Ленина.

Родион. Есть у него такая цитата?

Марина. И дубы же вы кучерявые!.. Дух такой, а не цитата!

Родион. Ну, при чем же я...

Марина. Все вы... Ну ладно. Не обижайтесь, это я авансом...

Входит Струна.

А-а, здравствуйте, товарищ секретарь! Вы как-то изменились... Э, да что это с вами?!

Струна. Правду говорят: женщина дальше взводного видит.

Родион. Вряд ли. Мой взводный видел даже, когда я ему дулю в кармане показывал.

Марина. Сквозь материю видел?! О, господи!.. Садитесь, Гурий Власович.

Струна. Спасибо. (*Садится.*)

Марина. Как ваша скрипка? Скоро ли мы ее услышим?

Струна. Заканчиваю... и волнуюсь.

Марина. Почему?

Струна. Мой отец кузнецом был, а скрипки мастерил для души. Немало их сделал, но пела только одна...

Марина. А вы сколько сделали?

Струна. Это — седьмая.

Родион. Из какого дерева?

Струна. Помните, на Короле, где старик Днепр крутый поворот делает, вода размыла древний корабль?.. Я отпилил кусок бруса... Столетия лежал он, занесенный песком, а звенит, как сталь... Восьмой год его оживляю... Этую скрипку я посвятил Гапне...

Марина. Покойной жене посвящаете... (*Встала, смотрит на Родиона. Тихо.*) Это хорошо...

Родион. Как она пела!.. Голос Ганны можно сравнить только с полетом орла. Никогда не забуду вот эту ее песню... (*Тихо начинает петь старинную украинскую песню.*)

За кулисами вступает женский хор. Марина отошла.

Взволнованная, слушает. Стихает песня.

Марина. Как жаль, что я ее не знала...

Родион. Она на тебя была похожа.

Марина. Правда?..

Струна. Да.

Марина. Вон Орел идет.

Все смотрят в ту сторону.

Струна. Жалуются на него комбайнеры: слишком натуральными словами их критикует...

Родион. Допускает.

Струна. Слишком горяч...

Родион. А разве жабья кровь лучше?..

Входит Орел. Он в темно-синем костюме. На голове никогда ничего не носит, его густая курчавая шевелюра надежно защищает от холода и жары. В кармане пиджака белый цветок.

Орел (издали). Добрый день всем! (Поклонился.)

Родион. День добрый, Петр Андреевич! Просим...

Орел подходит.

Садись!

Орел садится на колоду.

Марина. И чего это ты, Петр, никогда свою чуприну не причесываешь?

Орел (достает расческу, запускает в волосы и вытаскивает сломанную пополам). Сегодня третья... (Бросил.)

Марина. Купи металлическую...

Орел. Гнутся... И вытаскивать трудно. (Встает. Родиону.) Простите, у меня к вам личное дело. Я в другой раз зайду...

Родион взял Орла под руку, отводит в сторону.

Марина (тихо). Неужели жениться решил?

Струна. Вряд ли, он из закоренелых холостяков...

Родион. Э, нет!.. Это втихомолку не делается. Говори всем, зачем пришел.

Родион и Орел подходят.

Говори!

Орел (смутился). Ну... Пришел просить Родиона Ивановича, чтоб дал мне рекомендацию в партию...

Струна. Пора, пора... Садись!

Родион. Пусть постоит, мы ему несколько вопросов зададим. (*Орлу.*) Какую основную задачу поставила перед нами партия?

Орел (*подтянулся*). Построить коммунизм!

Родион. Могучий ответ!.. Но ты же не пропагандист, а механизатор. Расскажи, как коммунизм думаешь строить...

Орел. Провести такую механизацию, чтобы нигде не было ручного труда...

Родион (*Струне*). Приближается...

Струна. Планирует хорошо!

Родион. Дальше...

Орел. Перегнать Америку — по всем показателям.

Родион. Готовился!

Марина. Видно...

Струна. Кто ездил в Америку к фермеру Гарсту работать трактористом?

Орел. Товарищ Гиталов!

Струна. Как у них с организацией труда? Что говорил товарищ Гиталов?

Орел. Девяносто коров кормят, доят, полностью обслуживаются всего два человека...

Родион. А у нас сколько?

Орел. Пять.

Марина. А кто виноват?

Орел. Мы, механизаторы...

Родион (*громко*). Верно! Приближается...

Орел. И вы...

Родион (*кашлянул, тихо*). Так, так...

Струна. Молодец, совсем приблизился...

Орел. Министерство сельского хозяйства не обеспечивает машинами в такой мере, как этого требует текущий политический момент.

Родион. А кто уже опередил американцев по механизации и организации труда на больших площадях?

Орел. Первым Гиталов, Александр Васильевич, а за ним пошли и другие.

Родион. А вы, сукины сыны, чего ждете?!

Струна. В твоей бригаде кое-кто жалуется: патуральными словами обкладываешь комбайнеров...

Родион (*тихо*). Угу...

Орел. Бывает... Я выправлю...

Родион. Он выправит... Будут еще вопросы?.. Нет! По анкете у него все в полном порядке. Эх, был бы жив твой отец!.. Погиб на Волге, а старший брат — под Варшавой... Как здоровье матери?..

Орел. Лежит.

Марина. Как получила похоронки с фронта, так у нее ноги и отнялись...

Пауза.

Родион. Сколько уж раз зацветали сады, сколько воды стариk Днепр в Черное море вынес, а горе еще и по сей день не развеялось... Нет... (*Большая пауза.*) Кто-то, а мы-то хорошо знаем, что такое война... Дам тебе рекомендацию с радостью!

Орел. Спасибо...

Струна. У кого еще просить собираешься?

Орел. Хочу попросить у Марины Николаевны.

Марина. Дам. И тоже с радостью... Но, как только примут, чтоб женился. Слышишь?..

Орел. Кандидатский стаж еще погуляю, а там... (*Вздохнул.*) Придется... Будьте здоровы!

Все. Будь здоров!..

Орел уходит.

Родион. Сегодня Касьян приезжает с семьей своего профессора. Прошу, Марина Николаевна, на обед ко мне. И вас, Гурий Власович...

Марина. Спасибо.

Струна. Спасибо.

Марина. Какой же ваш Касьянчик тихий, деликатный, впечатлительный! Девичий характер у него.

Родион. В том-то и беда! Не парень, а святая Магдалина!

Марина. Такое сказали!.. Магдалина ж была на всю Иерусалимскую губернию, простите, первой шлюхой...

Струна. И я об этом слыхал. Даже читал когда-то...

Родион. Разве? А как же она святою стала?

Струна. На старости лет в самокритику ударились и долго поклоны била — за это ее и произвели в преподобные.

Родион. Долго поклоны била... Выходит, строгость была. А у нас слишком легко грешники в святые попадают...

Марипа. Касьян с невестою едет?

Родион. Не знаю.

Марина. У нас нет для него пары.

Родион. Почему?.. Мало ли красивых девчат!..

Марина. А кто же у нас? Кое-кто считает, что Орина самая красивая... Я с этим не согласна. Красота не наша... Нет в ней этакой игры... (*Глубоко вздыхает.*) Как бы вам сказать...

Струна (*с едва уловимой насмешкой*). Монисто не играет?..

Родион. Угадали. (*Улыбнулся.*)

Марина. А хоть бы и так! Красота без силы — это сумерки. А я люблю рассвет, когда красота венчается с силой...

Родион. И я больше всего люблю рассвет... И удивительно: всякий раз необычный он, и каждый раз в ту минуту хочется обнять всю землю.

Струна. Выходит, есть еще порох в пороховницах... (*Подтолкнул Родиона.*)

Родион. Есть!.. (*Схватил за руку Струну, обнял.*)
Сдаюсь!

Марина. Позор!

Родион. У этого кузнеца железные руки!

Струна. Были когда-то...

Родион. Посмотрите... (*Марине.*) Какие синяки!
(*Показывает руку.*)

Марина. А ну, давайте вашу лопату!

Струна протянул руку. Марина взяла руку, сжала ее и резко вывернула.

Струна (*едва не упал*). Ого! (*Вырвал руку, смотрит на пальцы.*)

Марина. Что, слиплись?.. Смочите водой, разойдутся.
(*Подмигнула Родиону, пошла к себе.*)

Струна. Недаром от нее муж сбежал...

Родион. Марина просит у него развод.

Струна. Наконец-то.

Родион. Он живет в области, она — здесь.

Струна. Чем скорее это произойдет, тем лучше, а то больно чешут языки бабы наши.

Родион. Чешут?

Струна. Еще как, Родион...

Пауза.

Родион. Та-ак... Я думаю...

Струна. Что?

Родион. А-а... В котором часу завтра партсобрание?

Струна. В восемь. Доклад готов?

Родион. Вот... (*Достает блокнот из кармана пиджака, который висит на опоре для винограда.*) Мысли записал... Говорить буду час, а может, и полтора. Не много?

Струна. Нет. Вас всегда слушают внимательно.

Родион. Наведу такую критику, что в носу закрутит! Я просил у вас цитатку о дисциплине. Нашли?

Струна. А может, без цитатки обойдемся?..

Родион. Хоть одну надо, чтоб культурно было... Секретарь наш областной, когда толкает доклад часа на три с половиною, сколько цитат приводит!.. И не только из партийных марксистов, но и из беспартийных поэтов, которые жили еще до революции...

Струна (*достает листок, исписанный от руки*). Одну нашел...

Родион. А ну, читайте!

Струна (*читает*). «Надо научиться соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с железной дисциплиной во время труда, с беспрекословным повиновением — воле одного лица, советского руководителя, во время труда».

Родион (*взял листок, тихо читает*). «...железной дисциплиной... с беспрекословным повиновением — воле одного лица...» Какая сила в этих словах!.. Огромная!

Струна. Если их не отрывать от предыдущего. Там точно сказано: «...научиться соединять вместе...» Это значит — не всегда командовать.

Родион. Что, что?!

Струна. Вчитайтесь внимательно.

Родион (*молча читает*). Послушайте, секретарь, а вы не встретили такой цитаты, чтоб крепко было сказано, так, как тут в конце: «беспрекословное повинование» — и все?

Струна. Нет.

Родион. Я сам поищу. Найду!

Струна. Не найдете.

Родион. А почему? Неужели вы все его книги читали?..

Струна. Всех не читал. Но он никогда не отрывал руководителя от масс и массы от руководителя. В этом — сила, мудрость товарища Ленина.

Родион (*смотрит на цитату, молча читает*). Ясно... Звонил вчера вечером сосед наш, Македон Сом: ругался, что я не приехал на его юбилей...

Струна. А Марина была?

Родион. А как же? Брат... Два дня гуляла у него. Македон сказал Марине: «Если в этом году Звезду не дадут, подаю в отставку...»

Струна. А могут дать.

Родион. Не выйдет: на фермах у него слабовато, хвалиться нечем.

Струна. Нагребет миллионы за виноград, арбузы, кабанов накупит, месяца два подкормит и такие показатели даст, что мы позади останемся... Когда ваши приезжают?

Родион (*смотрит на часы*). А скоро уже должны быть.

Струна. Пойду переоденусь, чтоб по всей форме...
(Усмехнулся.)

Родион. Да не задерживайтесь!

Струна. Ладно. *(Ушел.)*

На своей усадьбе появляется Марина. Родион надевает пиджак, на котором Звезда Героя Советского Союза.

Марина (*подошла, смотрит. Выпускает воротник рубашки на пиджак*). Так лучше будет.

Родион взял руки Марину в свои, смотрит на нее.

Что, Родион?

Родион. Если б ты знала, что на сердце у меня сейчас...

Марина. Скажи.

Родион молчит.

Давно я жду...

Родион. Трудно мне, ой, как трудно, Марина...

Марина. А мне легко?.. Не мучь себя, не мучь!..

Родион. Никого я не мучу!

Марина. Неправда!

Издали слышны гармонь, бубен и скрипка.

Вроде к вам идут... (*Пошла вперед и тут же возвращается.*) Брат мой, Македон...

Родион. Сом?..
Марина. Он. И ваш Гавриил с ним. (Пошла на встречу.)

Сышен голос Македона: «Сестричка, дорогая!..» Голос Мариньи: «Братик, дорогой!..» Македон: «Играй, музыка!..» Заиграла музыка. Входят в танце две красивые молодицы, они в праздничных платьях. Между ними — Македон Николаевич Сом. Он в хромовых сапогах, темно-синем галифе, светло-сером, в клетку спортивном пиджаке. На голубой сорочке повязан красный галстук. Зеленая с большими полями шляпа съехала на ухо. Несмотря на то что Македон весит большие центнера, он танцует легко, как юноша. За ним идут три музыканта, останавливаются в стороне, а за музыкантами пританцовывают бухгалтер Македона Борис Трофимович Чапля — высокий, худой, в украинской сорочке, белых брюках и зеленых туфлях. На голове тоже зеленая шляпа. С ним танцуют две девушки. Потом выходят Гавриил Нечай и Марина. Последним, в ритме музыки, появляется помощник Македона Каллиопий Квак. В руках у него большой чемодан, на котором стоят бутылки с вином и рюмки. Голова у Квака повязана длинным вышитым полотенцем. На протяжении сцены одним концом полотенца он вытирает рюмки, а другим — пот со лба хозяина. Македон танцует перед Родионом Нечаем, выкрикивая: «Эх!.. Эх!.. Эх!..»

Македон (остановился). Друг мой, орел сизокрылый! (Обнимает и долго целует Родиона.)

Квак махнул музыкантам — они играют туш. Квак вытирает полотенцем пот со лба Македона.

Прости, прости и еще раз прости... (Низко кланяется.)

Родион (останавливает его). Что вы, Македон Николаевич!..

Македон. При народе прошу вас, дорогой сосед, забыть все, что было между нами, когда мы люто мазали один другого дегтем... Кланяюсь тебе и ответственно заявляю в такой торжественный для меня день: от всей души желаю холодную войну меж нами прикончить и в мире и дружбе сосуществовать навечно.

Родион. И я за это.
Македон. Квак!

Квак (*прокашливается и отвечает сиплым голосом*). Я здесь, Македон Николаевич. (*Вытирает полотенцем пот с лица Македона*.)

Македон. Наливай!

Квак наполняет рюмки. Македон подает Родиону и Гавриилу. Чокаются.

Квак!

Квак. Я здесь.

Македон. Читай! (*Показывает на обрывок газеты, приколотый к борту пиджака*.) Только громко.

Квак (*прокашливается, но это мало помогает*). «Указ Президиума Верховного Совета СССР...»

Македон. Полностью читай! Не торопись... Проникновенно... (*Снял шляпу, вытянулся и застыл, как монумент*.)

Квак. «В связи с пятидесятилетием со дня рождения председателя колхоза Сома М. Н. и принимая во внимание его заслуги в развитии сельского хозяйства, наградить тов. Сома Македона Николаевича орденом Трудового Красного Знамени». Ура!

Музыканты играют туш. Родион пожимает руку Македону. Марина целует брата. Македон идет в танец с Мариной, а за ним Чапля, молодицы, девчата. Марина подбежала к Родиону, танцует перед ним. Родион пошел в танце с Мариной.

Македон. Да здравствует мир и сосуществование между нами и нашими колхозами на веки веков!..

Квак. Ура!

Македон. Громче!

Квак. Не могу: седьмой день кричу на вашем юбилее. Что-то лопнуло вот тут... (*Показывает*.)

Македон. Полощи вином... Наливай!

Марина (*подходит, тихо*). Угомонись, брат. Садись...

Македон. А что такого? Македон Сом юбилей спрашивает. За свои спрашивает!.. Три дня все село гуляло у меня... Сколько вина выпили, бухгалтерия?.. Слышишь?.. Чапля! Сколько вина?..

Чапля. Простите, это считать надо, а я еще пребываю в таком состоянии, когда моя голова служит только как вешалка...

Македон (*надевает свою шляпу на голову Чапли*). Кто ко мне в гости приезжал?! Кто приезжал приветство-

вать Македона Сома персонально?.. Музыканты, быть наготове! Кто приезжал, Квак?.. Давай проникновенно!..

Квак. Приезжали персонально сами секретарь обкома товарищ Лагода...

Македон. Товарищу Лагоде персонально! (*Махнул рукой.*)

Музыканты играют туш.

Рапортуй! Во-вторых, приезжал персонально с супругой...

Квак. Заместитель председателя облисполкома Гавриил Иванович Нечай!

Македон. Персонально с супругой! (*Махнул рукой.*)

Музыка играет. Гавриил Нечай кланяется.

Квак. А также приезжала родная сестра Марина Николаевна.

Македон. Персонально. (*Обнял Марину, целует.*) Слушайте все! Слушайте!.. Проникновенно... Если бы... если бы... (*Вытирает слезу.*) Коли б знали там (*показывает рукой вверх*)... на высокой, на сияющей вершине, сколько я в этом году выдам денег на трудодень, то приехал бы ко мне сам... персонально сам... (*Махнул рукой.*) Приехал бы!.. (*Вытирает слезы.*) Не веришь, Родион!.. (*Обнял его.*)

Родион. Не знаю.

Македон подходит к Гавриилу, обнимает.

Македон. А вы что скажете?

Гавриил. Когда опубликуем, сколько миллионов вы заработали в прошлом году и сколько...

Македон. Да что там прошлый год!.. В этом году я покажу всем, что может сделать Македон Николаевич Сом персонально... (*Обнимает Гавриила.*) Приедет?..

Гавриил. Уверен! Об этом уже был разговор... Нашего секретаря расспрашивал высокий руководитель про область и про вас, дорогой Македон Николаевич...

Македон. Спрашивал?! (*Целует Гавриила.*) Родион!.. Марина!.. Квак!.. Чапля!.. Все! Слышали?! Сам спрашивал!.. «Как живет, как работает Македон Сом?..» (*Вытирает слезу.*) Приедет...

Родион (*подходит к Македону*). Приедет непременно и спросит...

Македон. А-а... А что?

Родион. Почему, уважаемый товарищ Сом...

Македон. Уважаемый товарищ... Деликатность у него всегда большая!

Родион. ...почему батрачат у вас на виноградниках?.. Почему гребете с города миллионы без чести и совести?..

Македон (*тихо*). Что ты сказал?! (*Пауза.*) Повтори!

Родион. Об этом я не раз тебе говорил.

Македон. Мне?.. Персонально?..

Родион. Тебе. Персонально.

Македон. Квак!.. Квак!..

Квак (*издали*). Ура!..

Македон махнул ему рукой. Музыканты играют тих.

Македон. Отставить!..

Музыканты замолкли.

Как ты смеешь так оскорблять юбиляра?! А?! Отмеченного... (*Показывает на грудь.*) А?!

Гавриил. Македон Николаевич приехал к тебе с открытым сердцем... А ты чего выпячиваешься?..

Родион. Молчи, брат, и не уничи меня. Я знаю, что говорю.

Марина. А учиться никогда не стыдно, Родион Иванович.

Родион. Учиться у честных людей...

Марина. Кто дал вам право так говорить о моем брате?!

Родион. Моя совесть, честь — всё, чем я живу.

Македон. Все будьте свидетелями: нас, еще совсем свежих юбиляров, персонально оскорбили. Мы этого так не оставим! Мы до сиятельных вершин дойдем!.. Мы вас научим уважать руководящих лиц!

Гавриил. Жара! Жара! (*Кивнул в сторону Родиона.*) Ранения, нервы... Успокойтесь, пойдем, пойдем...

Македон. Пойдем, друзья, к лодкам! Играй, музыка, чтоб аж на Черном море нас услышали!.. Э-эх!.. Мы не сдадимся никогда! Мы вас на колени поставим, на самые сияющие вершины вылезем, но добьемся... Мы этого так не оставим!

Квак. Снова холодная война.

Македон и с ним все, кроме Родиона и Гавриила, уходят.

Гавриил. Я хотел помирить тебя со своим другом и думал, что ты встретишь это с радостью... А вышло... Не ждал... Жаль... Очень уж ты зазнался, выпячиваешься сильно...

Родион. Мне тоже жаль, что ничего ты не понимаешь... Поговорить бы надо, да ты ко мне забыл дорогу...

Гавриил. Будь здоров, брат. В последний раз напоминаю тебе: не забывай — от зависти печенка сильно болит и даже разлагается. По латыни это зовется — цирроз.

Родион. А у тех, кто ведет такую политику, в сердце лопухи растут... Не знаю, как по-латыни, а по-нашему таких руководителей в народе называют — большие лопухи!..

Гавриил. Если б ты не был моим братом, я б тебе...

Родион. Что?

Гавриил. Вот... вот... Не понимаешь ты, что нельзя мне расстраиваться... (*Кинул в рот таблетку.*) И за что я тебя люблю!.. Дурень!.. (*Стукнул себя по лбу.*) Дурень!.. Большие лопухи... Ясно! (*Уходит.*)

Возвращается Марина, остановилась. Издали смотрит на Родиона.

Марина. Зачем вы так оскорбили моего брата?..

Родион. Не понимаешь?

Марина. Нет!

Родион. Неправда! Такого не может быть. (*Tихо.*) Не играй с огнем, Марина...

Марина. А у меня не твой характер. Это ты всегда играешь... людьми играешь... Нет жалости у тебя...

Родион. Жалости?! Когда позорят честь всего крестьянства, забудь о брате, о сыне — все забудь!

Марина. Все?

Родион. Да!

Марина. Постараюсь... Если мой брат... Почему же его уважают и в области, и в республике?..

Родион. Кто уважает?! Гавриил мой?! Да гавриков таких хватает и в области, и в центре... Это они сомам славу создают...

Марина. А вам кто славу создает?

Родион. Мне она не нужна.

Марина. Неправда! Про вас говорят, что все мы только ступени, по которым вы идете к славе...

Родион. Что?! (*Схватил Марину за руку, повернул к себе.*) Как ты могла... (*Смотрит на нее.*)

Марина. А ты...

Родион. Идите, догоняйте своего брата... Идите к нему! Навсегда уходите... Возражать не стану.

Марина. Спасибо. (*Уходит.*)

Большая пауза.

Родион (*тихо*). «Мы только ступени, по которым...» Никто и никогда так не оскорблял меня. И кто осмелился?... Кто?! Марина... (*Пауза.*) Вторая молодость моя... Счастье... (*Пауза.*) Молчи, солдатское сердце, раз ты в походе, молчи!.. (*Пошел в глубь сада, остановился. Заложил руки за голову, смотрит вверх.*)

Входит Касьян, красивый юноша в темно-синей бархатной куртке на «молнии». В руках плащ. Белая рубашка с большим воротником расстегнута. Увидел отца, остановился. Родион повернулся.

Касьян (*тихо, взволнованно*). Отец...

Родион (*тихо*). Касьян... (*Крикнул.*) Сын!.. (*Идут навстречу.*)

Касьян подбежал к нему, Родион крепко обнял сына.
Большая пауза. Касьян поднял голову, смотрит на отца.

Слышна песня с Днепра.

Касьян (*взволнованно*). Что с тобой, отец?..

Родион молчит.

Отец!

Родион. Это от радости, что ты приехал...

Входят профессор Голубь, Наталья Орестовна, Майя, профессор Кукса. Все остановились, смотрят.
Касьян заметил их.

Касьян, сын мой...

Касьян (*тихо*). Наши гости, отец...

Родион (*поклонился*). Прошу... Прошу, дорогие гости...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Центр большого села. Слева и посредине широкая лестница на бульвар, который пересекает круглую площадь. Справа ресторан «Веселый заяц». Перед рестораном несколько столиков, накрытых скатертями из серого полотна, вышитого голубыми и красными цветами. У столиков плетеные стулья без спинок. Над столиками легкая, из цветного этернита, крыша, над которой вместо вывески вырезанный из фанеры небольшой раскрашенный усатый заяц. Он курит трубку и играет на аккордеоне. В глубине, за столиками, открытая дверь и два окна в ресторан. Сквозь клены и осокоря бульвара вдалеке видны двухэтажные дома.

Часы бьют два. Все живое укрылось от жары. За столиком сидит жена профессора Голубя Наталья Орестовна, напротив — Мак. Он тихо перебирает струны гитары. На столике бутылка вина и бокалы.

Наталья (смотрит на Мака и тихо говорит). Еще одну... только одну песню...

Мак перебирает струны гитары, и полилась тихая мелодия. Мягким душевным голосом он поет лирическую песню. Наталья слушает, и на глазах у нее появляются слезы.

Мак (заметил, поет еще тише). Что с вами, Наталья Орестовна?

Наталья (поднесла платочек к глазам). Я... я с молодостью прощаюсь... (Встала.) Вы не можете представить, что со мною, что почувствовала я, когда мы сюда приехали, когда мы вечером вышли на берег и я увидела там... синие острова. (Идет.) Только один раз в жизни я видела их в такой яркой серебряной оправе. И какая песня лилась оттуда!..

Мак перебирает струны гитары.

Мне было семнадцать лет... И я, как все киевлянки... Когда зацвели каштаны и серебристые кусты маслин, тогда опьянили ночи, и я поплыла к островам... (Идет.) Сколько

лет прожито... (*Остановилась.*) А забыть невозможно... Нет... А ведь было в жизни и радостей много, и горя, и даже смерти пришлось прямо смотреть в глаза... И все это словно в тумане... И уходит все дальше... Скажите, Антон Лукич, почему, чем больше мы седеем, тем сильнее, ярче, глубже видим, чувствуем свою юность... (*Пауза.*) Почему?

Мак перебирает струны гитары.

Что с вами?

Мак. У каждого свои острова... И я вспомнил... Трудно, очень трудно с молодостью прощаться...

Наталья. Второй год я прощаюсь и... не могу...

Мак. Второй год?..

Наталья кивнула головой.

Я двадцать лет прощаюсь и никак, никак не могу... (*Делает жест, будто вытирает слезу.*)

Наталья. Двадцать лет?! Какие это муки...

Мак (*тихо*). За ваше счастье. (*Поднял бокал.*)

Наталья (*подняла бокал*). За вашу радость...

Входит Марина.

Марина (*Наталье*). День добрый.

Наталья. Добрый день.

Марина. Орла не видели?

Мак. Нет.

Наталья. Какая здесь жара.

Марина. Да. Две недели так печет.

Наталья. Выпейте бокал вина с водой. Это охлаждает.

Марина. С водой?

Наталья. Да.

Марина. Добро, но только без воды.

Наталья (*подает*). За вашу красоту!

Марина. Что вы... (*Взяла бокал.*)

Мак. И характер... Как поглядишь... Все трепещут...

Марина. Хватит!

Входит Родион.

Наталья. Какие глаза...

Мак. Море... Океан... Не выплыvешь...

Марина. Если Орла увидите, скажите, что я жду его в правлении. (*Идет, увидела Родиона, остановилась.*)

Наталья. А что с вашим председателем?

Мак. Не знаю, чего не знаю, того не знаю. (*Приглашает ее жестом.*)

Идут в ресторан.

Родион подходит к Марине, молча кланяется.

Родион. Когда вернулась из города?

Марина. Ночью.

Родион. Чего глаза покраснели?

Марина. От пыли.

Родион. Суд был?

Марина. Был. Дали развод...

Родион. Это хорошо. Перестанут языки чесать вокруг нас.

Марина. Я думаю к брату переехать, тогда и замолчат.

Родион. Переедешь. Только не к брату, а ко мне, и сегодня же...

Марина. Сегодня?

Родион. А чего ждать? Вечером и перевезу...

Марина. Только приказ подпиши да определи, что именно я должна делать на новом месте...

Родион. Ты хочешь, чтобы я на колени упал перед тобой и умолял? Так, что ли?! Прости, годы не те...

Марина. И чувства не те...

Родион. Ошибаешься. Сегодня вечером здесь, на площади, когда людей будет много, паду перед царевною и буду умолять покорно...

Марина. Сколько гордости в тебе...

Родион. Есть, не скрываю. Рад, что не потерял это чувство. Ненавижу покорных слизняков!..

Марина. И я не утеряла и никогда не потеряю.

Родион. Знаю.

Марина. Неправда! Знал бы — не говорил со мной так...

Родион. Когда говорит сердце, за словами не следят. Разве мы только что встретились?.. Разве мы...

Марина. Лучше не вспоминай! Ты все забыл, ты даже не заметил, что произошло со мной...

Родион. Я чист перед тобой.

Марина. И как лед холоден...

Родион. Марина... И почему это бабы, чем больше мы их любим, тем больше выдумывают то, чего нет?..

Марина. Брось шутки! Если б ты знал, что было со мной в ту ночь... ты бы так не говорил... Оскорбил и... не пришел... И это — любовь?!

Родион. А когда ты оскорбляешь меня... Думаешь, легко мне...

Марина. Не было такого!

Родион. Сколько раз ты выступала против меня...

Марина. А ты хочешь, чтобы у меня не было своего мнения, чтобы я лишь поддакивала тебе, как Мак?.. Не будет этого! Не дождешься...

Родион (*тихо*). Не тронь Антона... Побратима моего не тронь... Твое мнение я уважаю, но когда ты повторяешь слова своего брата...

Марина. Неправда! Я живу своей жизнью. Да разве я одна с тобой спорила?..

Родион. Они — могут, а ты — нет. Нет!

Марина. Почему?

Родион. Не должна...

Марина. Прости, что Мака обидела. Сожалею: нехорошо я сказала. Прости.

Родион. Вот и хорошо... И у меня, бывает, вырвется... Потом жалею...

Марина. Как же может быть у тебя такое! Ты все видишь, все понимаешь... Спасибо, что просветил меня, темную женщину, как жить надо... Будьте здоровы!..

Родион. Подожди...

Марина. Не могу... Еще минута — и я закричу на всю площадь... на все село... Ничего ты не понял... Ничего...

Родион. Так скажи.

Марина. Что слова, если... (*Пошла.*)

Родион идет к правлению, проходит мимо ресторана. Из ресторана выходят Наталья и Мак.

Наталья. Родион Иванович!

Родион подходит.

Выпейте с нами бокал вина...

Родион. Спасибо.

Наталья (*подала.*) Ваше здоровье...

Родион. Пейте на здоровье...

Наталья. А у вас сегодня какой-то необычный вид... Что случилось?

Родион. Случилось... Вы угадали... Простите, меня ждут в правлении...

Наталья. Пожалуйста, у вас много дел...

Родион (*Маку*). Смотри, друже, чтоб наши гости остались довольны.

Мак. Не сомневайтесь, Родион Иванович... «Веселый заяц» не подведет.

Родион уходит.

Наталья (*смотрит в его сторону*). Милый Антон Лукич, я так счастлива, что приехала сюда...

Мак. И мы все, а особенно председатель нашего колхоза...

Наталья. Мне кажется, у него слишком суровый нрав... бешеный характер...

Мак. Строгий, но справедливый.

Наталья. Скажите, почему он не женится?.. Ведь его жена давно умерла...

Мак. Давно...

Наталья. Если бы ваши женщины имели мой характер, он и полгода не проходил бы вдовцом.

Входит Орина.

Орина. Пришла помочь тебе.

Мак. Спасибо, доченька.

Орина пошла в ресторан, возвращается, надевает фартук.

Наталья. Ох, как в нашу эпоху вырождается настоящая женщина!.. Вчера в клубе сколько девчат было: танцуют словно сонные. Ни огонька, ни искорки в их глазах я не заметила.

Орина. Ошибаетесь, Наталья Орестовна.

Мак. О, как справедливо вы говорите! И мужчина вырождается: редко теперь орла увидишь, все больше кулики. (*Насвистывает*.)

Орина. А это верно. (*Уходит.*)

Мак. Ваш муж — великий ученый, я слышал, как по радио говорили о нем... Только я не все понял...

Наталья. Он биолог, доктор наук, работает над проблемой возникновения жизни на Земле.

Мак. Доктор... А от каких болезней он лечит?

Наталья (*улыбается*). От идеализма...

Мак. Ага... Этой болезни у нас нет... Не слыхали...

Наталья. От религиозных предрассудков...

Мак. Это есть, есть... А профессор Кукса, что приехал с вами, он тоже великий ученый?

Наталья. Не орел, но известный экономист. Имеет «Волгу», его уважают... Леопольд Михеевич наш дальний родственник. Он влюблен в мою дочь и имеет благородные намерения...

Мак. Понимаю...

По бульвару идут профессор Ярослав Голубь и профессор Леопольд Кукса.

Наталья. Мой муж с профессором Куксой... Ярослав!

Голубь. Натали!.. А мы тебя ищем.

Идут к ресторану. Мак положил гитару на столик, собрал тарелки, бутылки, уходит. На столике остались бокалы с недопитым вином и ваза с виноградом.

Кукса. А мы так беспокоились...

Голубь. В такую жару ты исчезла с утра...

Кукса. С вами все могло случиться...

Наталья. Вы не ошиблись... и случилось. (*Берет в руки гитару, играет и тихо напевает.*)

Слушайте, если хотите,
Песенку я вам спою
И в этой дивной песне
Открою вам душу свою.

Голубь. Натали, что с вами?

Наталья (*поет*).

Мне так отрадно с вами
Умчаться над волнами.
В ту непроглядную даль
Умчаться мне не жаль.

Прощай, молодость!.. Прощай!..

Голубь и Кукса застыли, с недоумением смотрят на нее.

Голубь. Натали! Что с вами?

Входит Мак.

Наталья (делает широкий жест.) «Перлину степу»¹
этим юношам! (Отдает гитару Маку.)

Мак. Слушаю. (Взял гитару, уходит.)

Голубь (смотрит на недопитые бокалы). С кем вы
тут пили вино?

Наталья. Неужели вы ревнуете?..

Голубь. Натали!

Входит Мак, несет вино, бокалы, тарелки.

Наталья. Ярослав, только не забывай о жаре, а я
домой! (Идет, напевая.) Эх, прощай, молодость! (Ушла.)

Голубь (подошел к столику, взял бутылку). Холод-
ная!.. Может, попробуем?..

Кукса. Принципиально — нет!

Голубь (наливает). Надо же знать, что пьет моя
жена со своими поклонниками... (Пьет, читает.) «Перли-
на степу»... Чудесный букет! (Наливает, подает Куксе
бокал.)

Кукса (выпил). Не разобрал... (Наливает, пьет.)
Действительно, хорошее вино...

Голубь. Когда построили этот ресторан?

Мак. Третий год наш «Веселый заяц» гостей прини-
мает.

Голубь. Каким обедом вы нас угостили! А ветчина
какая была! Как она называется?

Мак. А-ля Параска.

Голубь. В Киеве такой не найдешь. Чудесная вет-
чина!

Мак. Это только днем у нас почти никого нет — все
на работе. А по вечерам, особенно в субботу и воскресенье,— переполнено. Все свадьбы, банкеты, встречи, про-
воды, именины, похороны...

Голубь. Что? Что?

Мак. Виноват, поминки... Я недавно слышал, по ра-
дио о вас говорили. Очень хорошо говорили. И крепко
прорабатывали ваши труды. Я не все понял, но показа-
тели у вас высокие. Я рад, что познакомился с вами, та-
ким знаменитым ученым.

Голубь. Что с вами?

Кукса. По-ка-за-те-ли. (Смеется.)

¹ «Перлина степу» («Степная жемчужина») — одно из лучших
украинских виноградных вин.

Голубь. Они чересчур преувеличили. По радио все можно сказать, ведь лица-то говорящего не видно.

Кукса (*едва сдерживая смех*). Крепко прорабатывали...

Мак. Да... А вот о вас не слышал... Никогда не слышал.

Голубь. Я тоже рад, что с вами познакомился, особенно рада моя жена. Ведь она вас знала еще юношей?

Мак. Ну, как же! Мы жили в одном доме. Наталка была отчаянной девчонкой. Просто огонь. Мы с ней чужие сады так очищали...

Кукса. Наталья Орестовна? Простите. Вот не думал.

Голубь. И тогда она была в вас влюблена.

Мак. Что?!

Голубь. Да... Да... Да... Вчера мне исповедовалась, все рассказала.

Мак. Боже мой! Как жаль, что я узнал об этом только сегодня!

Голубь. Представьте... я не жалею.

Мак. Вам очень посчастливились, профессор, очень посчастливились. (*Поклонился, уходит.*)

Голубь. Как ваша беседа с Родионом Ивановичем? Много вам дала?..

Кукса. Это был диалог глухих...

Голубь. Почему?

Кукса. Я всю ночь не спал...

Голубь. Да что же случилось?

Кукса. Пять лет я отдал научной работе об МТС. Когда дописывал последнюю главу, машинно-тракторные станции ликвидировали. Мой фундаментальный труд на семьсот пятьдесят страниц не увидел света. Вы понимаете...

Голубь. Понимаю.

Кукса. Тема моей нынешней работы: «Проблема трудодня в колхозе в современных условиях». Пишу последнюю главу — и что ж?.. Нечай уже ликвидировал трудодни и перешел на денежную оплату. И не он один! Снова мой фундаментальный труд на пятьсот пятьдесят шесть страниц... Вы понимаете?

Голубь. Понимаю.

Кукса. Нам, экономистам-теоретикам, работать теперь, когда все экспериментируют, когда нет ничего постоянного, просто невозможно!

Голубь. А может быть, в настоящее время вам, экономистам, лучше записаться в историки?..

Кукса. У историков дела еще хуже! Настал век практики, нас, теоретиков, не спрашивают...

Голубь. А может, практики теперь больше знают...

Кукса. В таком случае надо присвоить дояркам и свинаркам ученые степени кандидатов и докторов наук...

Голубь. А вы подали неплохую идею... Я бы присвоил ученую степень механизатору Александру Гиталову — весьма оригинальный новатор! А Валентине Гагановой присвоил бы доктора — honoris-causa.

Кукса. Это новый взгляд на науку.

Голубь. Ошибаетесь: на жизнь! (*Пошел в сторону бульвара.*)

Входит Мак.

Кукса. Счет!

Мак. Прошу. (*Подает.*)

Кукса. Благодарю. (*Заплатил, пошел к скамейке, сел.*)

Голубь (*стоит на лестнице*). Как легко здесь дышится!.. Вы чувствуете, какой воздух?.. Как бы я хотел, чтобы мой отец, который умер за чужим плугом, хотя бы на мгновение увидел, что здесь создали люди, и почувствовал, о чем они мечтают... (*Пауза.*) Леопольд, вы снова обиделись?

Кукса. Нет, нет... Я просто озадачен.

Голубь. А что, если мы одну ночь на берегу Днепра проведем?.. Я уж забыл, когда ночевал под небом...

Кукса. Это невозможно! На лугу тучи комаров...

Голубь. Да что там комары! (*Идет к нему.*) Мы же спать не будем. Вы слышали, как рыба бьет?.. Как плачут кулики?.. Свист уток... А песня, словно лодка на волнах, то исчезает, то снова звенит над берегами... Пойдемте!..

Сышен голос Майи.

Кажется, Майя с кем-то...

Кукса. Простите... Если Майя вспомнит обо мне,— я жду ее на берегу около трех верб.

Голубь. Скажу, обязательно скажу... Майя! Майя!

Голос Майи. Папа!

Кукса. Ваша дочь и на минуту не может оставить Касьяна.

Голубь. Преувеличиваете. Но он весьма интересный молодой ученый...

Кукса. Понимаю. Именно потому она с ним. (*Ушел.*)

Голубь пошел к Майе.

Появляются Марина и Петр Орел.

Марина. Что ты натворил, Петр?

Орел. А что он натворил?

Марина. Мне партийный комитет поручил расследовать... Кто первый ударил?

Орел. Какие могут быть сомнения?

Марина. Кто?

Орел. Орел всегда бьет первый.

Марина. Какой орел? Ты вел себя как хулиган. Недели не прошло, как тебя в партию приняли... Что же теперь?..

Орел. А вы видели, как он испоганил поле?! И комбайн запорол. Я сначала ему словесно выдал сполна, а когда почувствовал, что от него водкой разит, меня в момент взорвало, как магнитную мину. И я думаю, он упал от взрывной волны.

Марина. Что?

Орел. Я же его за идею... Немного допустил, признаю.

Марина. Не выкручивайся!

Орел. Я могу ошибаться, но подводники никогда не выкручиваются! За что обижаете?.. Да я этого пьянчугу привяжу к хвосту коня, как это делали в благородных романах, и по волнам нашей трассы пущу. В минуту крышка! А сам пешком на Дальний, во флот...

Марина. Слушай, матрос, твое счастье, что в эти дни у меня душа болит... Сил нет ответить тебе... Нет сил...

Пауза.

Орел (подошел, тихо). Простите, Марина Николаевна... Я же признаю ошибку. Но я не об этом хочу... Мы все заметили, что в эти дни... и вы, и Родион Иванович... Трудно мне говорить, но об одном прошу вас: берегите его... И так у него много ран...

Марина. А разве у меня нет ран? Дважды лежала на снегу и видела, как солнце меркнет...

Орел. Знаю.

Марина. Так почему же вы только о нем думаете?

Орел. С ним радостно идти и бороться, он — наша честь и наша слава!

Марина. А кто создал ему эту славу? Когда я начинала работать, какими неприглядными были наши фермы. А теперь даже в столице гордятся нами! Кто тогда первым песню запел?

Орел. За что он и любит вас.

Марина. Любит...

Орел. И очень...

Марина. Только за это...

Орел. Если бы не Родион Иванович, я бы вам ответил без слов, за что вас можно полюбить.

Марина. Все вы только о нем думаете. (*Пошла.*)

Орел. Что и говорить, ударил я некультурно, неделикатно, признаю. Черт побери! Такой здоровый, а упал, как мешок. (*Смотрит на свою руку.*) Осторожнее надо. Эх! Беспартийным легче. А теперь начнутся на бюро вопросы, речи, потом собрание, ух!.. (*Уходит, тихо напевая.*) «Ой, наступала та черная хмара, став дощ накрапать...»

Входят Майя и Касьян.

Майя. Воды... Скорее! Я умру от жажды. Что вы стоите? Что с вами? Я не узнаю вас.

Входит Орина. Они не замечают ее.

Касьянчик, скажи, почему ты весь день какой-то не такой?

Касьян увидел Орину.

Касьян. Орина!

Большая пауза. Орина резко повернулась и пошла в ресторан.

Майя. Вы побледнели... Касьян, выпейте воды.

За рестораном появилась Орина, идет по бульвару.

Касьян. Орина!

Орина не отвечает. Касьян метнулся за ней.

Майя. Молодец. Вот он какой... Любят... Любят... Счастливый. А я все зубрю и зубрю. Когда же и я?.. (*Заложила руки за голову, замерла.*)

Входит Орел. Остановился. Смотрит на Майю, потом подходит.

Орел. Здравствуй, крылатая. (*Протягивает руку.*)

Майя. Добрый день... А почему «крылатая»?..

Орел. Хорошие крылья у тебя, девушка. Высоко взлетишь, если у тебя морской характер...

Майя. А у вас тоже, как посмотрю, крылья могучие!..

Орел. Не жалуюсь... Орел Петр Андреевич, механикатор.

Майя. А я Майя.

Орел. Майя...

Майя. Почему вы так смотрите на меня?

Орел. Я со дня вашего приезда смотрю на вас.

Майя. А я вас не видела.

Орел. А я издали, в перископ за вами слежу. (*Взял бутылку с другого столика, открывает.*)

Майя (*тихо*). Орел...

Орел (*подходит*). Прошу! (*Наливает.*)

Майя. Благодарю вас. (*Взяла бокал.*)

Орел. Нравится вам у нас?

Майя. Я влюблена в ваше село.

Орел. Неужели?

Майя. Правда.

Орел. А что больше всего вам нравится?

Майя. Люди. Могучие, красивые, как Днепр. Как широко он раскинул руки за вашим селом и обнял остров. Здесь мне все время хочется петь. К сожалению, редко кто мой голос выдержать может, потому я ухожу подальше на берег и там так пою, что все птицы из камыша в небо рвутся. Во!

Орел. Придется вам помочь, чтобы птицы не пугались. Вы надолго приехали?

Майя. На неделю. Скоро уже возвращаемся.

Орел. Почему так торопитесь?

Майя. Отцу нужно быть в городе.

Орел. А маме?

Майя. Тоже.

Орел. А вам?

Майя. Я б могла, но...

Орел. Ясно! Передайте отцу и матери, чтобы они не беспокоились. Я отвезу вас на остров, сдам моему деду на хранение, а квитанцию лично вручу вашей маме.

Майя. А если я не захочу?

Орел. Вы же сказали, что вы влюблены.

Майя. Сказала.

Орел. На острове встретимся. Будь здорова, крылатая!

Майя. Подождите! (*Подходит, вынимает из петли пиджака веточку с листочками.*) Беру на память!

Орел. Берегитесь. (*Идет.*)

Майя. Кого?

Орел. Мое крыло бьет намертво! (*Уходит.*)

Майя (*тихо*). Крылатая...

Входит Голубь.

Голубь. Доченька, нельзя же так... Такое солнце, а ты... (*Снял шляпу, хочет надеть ее Майе на голову.*)

Майя отскочила, смотрит на отца.

Надень, доченька. Мама обижается: ты снова ушла, молочко не выпила.

Майя (*резко перебивает*). До каких пор ты будешь называть меня «доченька»? «Молочко на выпила»! «Бедный ребенок»! Да на какого черта мне ваше молочко? Меня и так разрывает от здоровья. Я могу быку шею свернуть.

Голубь. Что?!

Майя. А я для тебя, для мамы только деточка. Нужели ты не видишь (*вырвала у него палку*), что эта деточка может сделать? (*Переломила палку об колено.*)

Голубь. Боже мой! Надень шляпу! Это солнечный удар!

Майя. Когда мой отец станет мне другом?! Когда вспомнит, что мне уже двадцать пять лет, что я с семи лет все учусь и учусь!.. Я скоро с ума сойду от лекций, семинаров, экзаменов!.. Второй институт кончую. А зачем? Почему не докажешь маме, что мне, как когда-то и ей, научная работа противопоказана?.. Жить хочу, жить! Предупреждаю: ничем вы меня не удержите около себя. Разве я не могу быть здесь учительницей в школе, работать где угодно, только бы не зубрить день и ночь! Я больше не могу, не могу и не буду!.. (*Не заметила, как разорвала платок.*)

Голубь. Успокойся... Я никогда тебя такой не видел... (*Смотрит на нее, взяв ее под руку; они идут.*) И не жалей: я тебе новый платок куплю, а ты мне палку. Это будет первый подарок от искреннего и верного друга.

Майя (*тихо*) Спасибо, отец...

Ушли. Входят Гавриил и Струна.

Гавриил. Что ж ты молчишь?

Струна. Думаю.

Гавриил. Поздно думать. У нас очень серьезно заинтересовались вашим собранием.

Струна. Знаю. Два инструктора приезжали.

Гавриил. И кто ему такой доклад подсунул?

Струна. Никто. Родион сам его подготовил.

Гавриил. Сам?! А ты уши развесил... вместо того, чтобы не допустить... Теперь подставляй холку — намылят. Намылят!

Струна. А я полагаю, доклад был хороший.

Гавриил. «Я полагаю...» Ваше дело выполнять, а думать — дело руководящих лиц. Для того нам и кабинеты дали, и помощников, и секретарей, и аппарат...

Струна. А что, если руководящее лицо только ушами хлопает?

Гавриил. Как? Что? Что? Да ты что? На кого намекаешь?

Струна. Я вообще, принципиально.

Гавриил. Хитришь? Насквозь вижу. И ты, и брат мой, наверное, каждый день меня поносите?

Струна. Ну что вы!

Гавриил. Знаю. А я с отцом твоим дружил. Хороший был товарищ...

Струна. А я с братом вашим дружу — очень хороший товарищ.

Гавриил. Не возражаю. Ведь и я люблю его. Поэтому и беспокоюсь о нем больше, чем о себе. А он этого не понимает. Больно!.. Душа болит. Авторитетно заявляю.

Струна. А он о вас беспокоится. И очень...

Гавриил. Что? Уже и до вас докатилось?

Струна. Не понимаю.

Гавриил. Да ты говори: почему беспокоится?

Струна. Да вы сами знаете. Ведь еще когда вы с Сомом приезжали...

Гавриил. А-а-а... (*Махнул рукой*.) Хорошо, что напомнил. Сегодня Сом придет к вам. У него просьба, помогите ему.

Струна. А вы скажите Родиону Ивановичу.

Гавриил. Скажу. Это надо сделать. Понял?

Струна. Постараемся.

Гавриил. Пойду к Родиону. (*Идет.*)

Навстречу ему Квак и Чапля.

Квак. Привет, Гавриил Иванович, дорогой! (*Протягивает руку.*)

Гавриил (*сухово*). Ты кто?

Квак. Квак.

Гавриил. Как?

Квак. Квак. Вы же у нас гуляли...

Гавриил. Я?

Чапля. Ага. И жена ваша. Как она на гитаре играет...

Квак. Ра-с-рас-чудесно... Божественно!

Гавриил. У вас? Когда? Да вы что? С кем вы разговариваете?

Чапля. На юбилее.

Квак (*Чапле*). Молчи! (*Гавриилу.*) Он у нас (*показывает на Чаплю*) недоделанный. Простите, будьте добры... Вы изволили навестить Македона Сома в светлый день его награждения. Но, простите, возможно, что я ошибаюсь...

Гавриил. То-то же. У Сома был. Помню. А вас не помню и не знаю. (*Ушел.*)

Квак. Какая неприятность. И все ты...

Чапля. Ты же сам начал.

Квак. Молчи! (*Подходит к Струне.*)

Струна. А где же ваш хозяин?

Квак. Хозяин очень захворали. Тоска у него на сердце.

Чапля. Смотреть тяжело, такая жалость берет.

Квак. Не плачь, Чапля, держись. Вспомни песню, как мудро в ней сказано. (*Поет.*)

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То бросит в бездну, хоть куда.

Струна. А давно Македон Николаевич заболел?

Чапля. Нервы у него расшатались после встречи с Родионом, когда тот против сосуществования выступил. Пятый день в муках мается. Очень большим давлением вот тут страдают. (*Показывает на живот.*) Особенно под

вечер их так распирает, что они едва дышат и только сильно усами водят: один — вверх, другой — вниз. Смотреть жутко.

Квак. Левый — вверх, правый — вниз. Удивительная картина!

Струна. А доктор был?

Чапля. Профессор из города приезжал.

Квак. Что профессор!.. Осматривал Македона Николаевича наш районный ветеринар Самсон Копыто. Это же сила, какой бы ни был нарыв — сразу снимает. Каких кабанов, каких быков спасал! А нашего... (Поет.) «Судьба играет человеком...»

Струна. Не помог?

Квак. Не на высоте наша наука. Луну сфотографировали с той стороны, все вулканы пересчитали, а что у человека, какие там вулканы действуют (*показывает на живот*) — не могут разобраться. Нет, не на высоте... Примите во внимание...

Чапля. Теперь все хозяйство на наших плечах. Я и Квак за все отвечаем.

Квак. Нажмите на Родиона. Мы без вашей помощи совсем зашьемся.

Струна. Поможем. Соседям — всегда готовы.

Чапля. Благодарим. Слышали мы, что у вас с кормами плохо.

Струна. Туговато.

Квак. Может быть, вам концентраты нужны?

Струна. А где вы их достаете?

Квак. Комбинируем с комбинатом, но честно: им хорошо и нам хорошо.

Струна. А если прокурор пронюхает, как вы комбинируете?

Квак. Не пронюхает... Прокурор у нас каждую субботу нюхает, аж до понедельника... Он человек строгий: если не нанюхается, так держится всегда принципиально. Бывает — все лежат, а он стоит, как закон, и на память подряд все уголовные статьи, как стихи, проникновенно читает. Да, наш прокурор на вас в большой обиде.

Струна. За что?

Квак. А как же! Приезжали к вам на троицу, хотели рыбки половать сетью, а вы не позволили. Учтите! Закон обойти можно... А прокурора — никогда! Учтите!

Струна. Учтем! Ошибку допустили — признаю. Передайте прокурору: пусть приезжает с сетью, встретим достойно...

Квак. С особым удовольствием передам!

Струна. Мы вывезем его на середину нашего озера и утопим...

Квак и Чапля. Что?!

Струна. Утопим. Учтите!

Ушли.

Входят Гавриил и Родион.

Родион. Да я не против. Скорассорой, но соседу всегда помочь должен. А чего он хочет?

Гавриил. Сам скажет. (*Положил руку на сердце.*)

Родион. Болит?

Гавриил. Ноет. (*Пошел вперед, оглянулся, поманил пальцем Родиона.*)

Родион подошел к Гавриилу.

(*Тихо, взмолнивенно.*) Если бы ты мог заглянуть в мою душу... Тогда бы... (*Обнял Родиона.*) Нет, не миновать мне инфаркта. Не миновать! Скоро удар...

Родион. Почему? Отчего?

Гавриил. От... от обязательства... Напримали их, а теперь надвигается такая гроза... Он так бушует...

Родион. Кто?

Гавриил. Кто! Не соображаешь? (*Показывает рукой вверх.*)

Родион. А-а-а...

Гавриил. А-а-а... Теперь считаем, считаем, подправляем... Так уж подправляем... Статистики, словно тени, едва ноги волочат, а цифры — не сходятся. День и ночь в голове одни цифры мелькают. И поверишь ли... пишат... как мыши, пишат! Вот тут, под черепом. (*Показывает.*) И все равно не сходятся!

Родион. А раньше сходились?

Гавриил. Потому и брали обязательства, что сходились. А теперь... (*Оглянулся, поманил пальцем.*)

Родион подошел еще ближе.

Дай ухо!

Родион наклонился. Гавриил шепчет Родиону на ухо.

Родион. Неужели? Такая область! Сколько о ней писали...

Гавриил. Факт! Только... (*Приложил палец к губам.*) Всех сняли! Судить будут... Соображаешь?.. И теперь по всей нашей необъятной Родине летят на самолетах комиссии. В небо смотреть страшно. Всех проверяют. Всех!

Родион. Так это хорошо!

Гавриил. Очень!

Родион. А что же у нас будет?

Гавриил. А черт его знает. (*Пауза. Тихо.*) Не всех же... А?

Родион. Что?

Гавриил. «Что?».. Какой ты... Где твоя чуткость? Эх, душно. Сом идет. Я пойду купаться. (*Уходит.*)

Входят Гурый Струна, Македон Сом, за ними — Каллиопий Квак и Борис Чапля. В руках у Квака накрытая вышитым полотенцем корзина.

Македон. День добрый.

Родион. День добрый.

Македон Сом садится на скамейку, рядом с ним — Родион и Струна. Немного дальше стоят Квак и Чапля.

Македон. Квак.

Квак (*подошел*). Слушаю, Македон Николаевич!

Македон. Давай лекарство...

Квак. Даю. (*Раскрыл корзину, положил на колени Сому вышитое полотенце, подает кувшин и большую деревянную ложку.*)

Македон (*Родиону*). Извините, приму лекарство. Хвораю, голубчик... Простокваша... Доктор прописал через каждые четыре часа, по рецепту, четверть кувшина.

Квак. Это вместо колбасы, цыплят, карасей...

Македон (*поворнул голову, смотрит на Квака*). Кто тебя, осталоп, спрашивает!..

Квак. Никто не спрашивает..

Македон. Умри!..

Квак. Уже! (*Закрыл глаза и застыл.*)

Македон. Доктор говорит, что мне обязательно нужно лечение на Кавказе. Чапля, как оно?..

Чапля. Что?

Македон. Курорт тот, где людей водой промывают...
Чапля. Ессентуки?..

Македон. О-о!.. И дышать тяжело стало. Видать, помру. О, тут так колет...

Квак. Не помрете, хозяин, не позволим!

Македон. Помру!.. Приехал я к тебе, Родион, попрощаться перед дальней дорогой.

Родион. Да что вы!..

Македон. Помру... (*Похлебал несколько ложек простокваси.*) Помру... Поговорить с тобой в последний раз по душам хочу...

Родион (*тихо*). А может, без помощников ваших поговорим?

Македон. Можно. Квак!.. Чапля!..

Чапля и Квак подошли.

(*Отдает Кваку кувшин, ложку. Смотрит на них, застонал.*) Ой!.. И осточертели мне ваши физии!.. Ой!
Сгиньте!

Чапля и Квак. Уже! (*Уходят на бульвар.*)

Струна (*Родиону*). Я тоже пойду. (*Македону.*)
Будьте здоровы!

Македон. Нет-нет!.. Подождите! Я хочу, чтобы партия была свидетелем, видела, как я буду исповедоваться во всех грехах перед тобой, сосед... Садитесь, товарищ секретарь. Ой... Еще бы жить да жить, а...

Струна садится.

Родион. Македон Николаевич, мы же все знаем, что Сомы живут долго.

Македон. В корягах живут. А в чистой воде не проживешь столько. Ой... не проживешь...

Родион. Да я не о рыбе, а об отце вашем, о деде Максиме Соме... Он же сто двадцать лет жил...

Македон. А-а... А я думал... Так они же на низшем этапе жили, несознательно, без критики... А мы... Мы уже в высшей форме живем. Родион, друг, прости, что не встаю. Да, хотел трижды поклониться тебе, но не могу... Габариты не позволяют...

Родион. Не понимаю, зачем это вам...

Македон. Прости, прости и еще раз прости!.. Я не шучу. Мы, Сомы, свой конец предчувствуем заранее: так и отец мой, и дед, и я... Уже и распорядился и даже сам

составил план своих похорон: духовой оркестр из области играть будет, сводный районный хор петь... А потом на той горе, помнишь, где секретарь райисполкома товарищ Сметана потерял портфель с живыми раками, вот там я распорядился, чтоб меня, ещеенного всяких замыслов, еще не старого, еще любимого руководителя, опустили в сырую могилу и посадили над нею дубовую рощу... Ой! А жить хочется... Как хочется... (*Вытирает слезу.*)

Родион. Лечиться вам нужно. И, простите, хоть немного похудеть: это же на сердце влияет...

Македон. Промывать водой хотят. Не поможет — поздно... А как у вас столовый виноград в этом году, сколько возьмете?

Родион. Больше, чем в прошлом году. Хорошо уродил...

Македон. Выручи меня, Родион. Я вот хвораю, а мой остолоп Чапля подписал договор с Ленинградом: через десять дней надо отправлять им виноград, а у меня не хватает...

Родион. У вас, короля по винограду, и не хватает?!

Македон. Увеличили мне цифру на область, на Киев, а мои позаключали столько договоров... И в Ленинград, и в Иркутск, и в Мурманск... Все требуют, пишут, агентов шлют... В Сибири столько новых городов понастроили — и все винограда хотят!..

Родион. Сколько же вам не хватает?

Македон. Много. Но на первых порах хотя бы тонн двадцать-тридцать. Плачу на пять процентов выше нашей цены. И возить вам не придется: заберу своими машинами...

Струна. Я слышал, вы и в колхозе «Утро» купили...

Македон. Купил. Упросили! У них нечем вывозить: машины босые стоят. Пришлось выручать соседей... Ну, так как, а?

Родион. Я сам решить этот вопрос не могу.

Македон. А тут же партия! (*Показывает на Струну.*) Посоветуйтесь — и по рукам! Я отойду. (*Хочет встать.*)

Струна. Не беспокойтесь, мы потом посоветуемся.

Македон. Я набавлю еще два процента, чтоб не тянуть. Ну?.. Э-э, Родион, мой секретарь поворотливее. Куда там!.. Так по рукам?..

Струна. Мы же не на базаре...

Македон. Где торгуются, голубчик, там и базар,
какая бы вывеска ни висела.

Родион. Подумаем и до субботы дадим ответ. Так,
товарищ Струна?

Струна. Согласен.

Македон. Вы меня выручите! Может, вам для ма-
шин запчасти нужны?..

Родион. Еще как!

Македон. Присылайте: поделюсь, как с братом.
У меня запас капитальный!

Струна. Как же вы достаете?

Македон. Не имей, голубчик, сто рублей, а имей сто
друзей и тысячу рублей... Квак!.. Чапля!..

Квак и Чапля подходят.

Поехали!

Квак. Самолеты фрахтовать?

Македон. Кто тебя спрашивает, о столоп!..

Квак. Никто не спрашивает.

Македон. Умри!

Квак. Уже.

Родион. Собираетесь лететь?.. Далеко?..

Македон. Собираюсь, я же вам говорил... Сводный
хор... Речи...

Чапля. Куда же едем?

Македон. Домой! Квак!

Квак молчит.

Ты что, совсем окочурился?

Квак. Ага, по вашему приказу.

Македон. Помоги вон... платок упал...

Чапля поднял.

(Вытирает лицо.) Аж упрел... (Встает.) Будьте здоровы!
Жду... Жду и верю, что не подведешь меня, Родион, вы-
ручишь друга. А я этого никогда не забуду. Присытай
списочек, поделюсь, как с отцом родным. Ох, умру, умру...

Родион. Спасибо, не беспокойтесь...

Македон, Квак и Чапля уходят.

Видел, как Сом умирает?..

Струна. Видно, здорово вчера дернулся, что просто-
квашей лечится.

Родион. Фрахтует самолеты... Какой размах!

Струна. А что если мы его, черта толстого, на ежа посадим?.. А?..

Родион. Как?

Струна. Наш виноград в Ленинград и Иркутск!.. И не по его цене, а по государственной.

Родион. Опередить?..

Струна. Ну да!

Родион. Объявляем войну?..

Струна. Пора, Родион, пора Македона на крючок подцепить. Ох, как хвостом он будет бить. Такая волна пойдет, что все сомы в коряги нырнут.

Родион. На крючок вначале Сома, а потом и его благодетелей... Идем в правление.

Входит Гавриил.

(Струне.) Иди.

Гавриил. Теплая вода. Нырял целый час. Время ехать.

Родион. Может быть, пообедаем?

Гавриил. Не помешало бы, но меня ждут. Торжественный обед по случаю свадьбы в селе Гаевом. Председатель колхоза женится.

Родион. Кочубей?

Гавриил. Ага! Ты поедешь?

Родион. Нет.

Гавриил. А я не могу отказаться — демократии не будет. Понимаешь? На прощанье хочу тебе кое-что сказать. Там, на берегу, подошли ко мне две бабы, правда, старые, но еще бодрые, и один член правления, жалуются на тебя: отрываешься и выпячиваешься. Они против тебя, оказывается.

Родион. Знаю... Знаю, что не все согласны со мной. Даже в правлении кое-кто.

Гавриил. Против тебя, Родион, не только в правлении, но и в коллективе. (Достает коробочку, вынимает большую таблетку и кладет в рот. Начинает глотать. Делает всевозможные гримасы, стонет.)

Родион. Зачем ты это глотаешь?

Гавриил (машет рукой. Еще несколько гримас и проглотил). Это понижает... (Показывает на таблетки.) Понижает... Ты же знаешь, я в кабинете не сижу, все по селам... Толкнешь доклад, а потом приглашают на обед

с активом. Отказать нельзя — обижаются... Руководящее лицо! А обед меньше четырех часов не длится. За эту демократию я и пострадал: как пообедаю, сильно вверх выпячивает... А таблетки понижают... Только уж слишком большие делают, глотать трудно.

Родион. Тяжко мне... Возможно, я слишком требую...

Гавриил. О!

Родион. Не научился соединять, это... (*Ищет цитату.*)

Гавриил. Что ты ищешь? Может, папиросы?

Родион. Нет, нет! Одним словом, слишком командую...

Гавриил. О-о... (*Положил в рот таблетку, и начались гримасы.*)

Родион. Может, рано перевел всех на денежную оплату.

Гавриил. О-о-о!

Родион. В неделимый фонд кладу много...

Гавриил. О-о-о!.. (*Проглотил.*) До нас слухи дошли, что ты на партийном собрании делал недавно доклад и без согласования с высшими инстанциями в фантазию ударился... Это правда?..

Родион. Не понимаю...

Гавриил. Скажи, брат, что тебе нужно?.. Дела у тебя идут неплохо... Чего ты лезешь в фантазию, в теорию?.. Я закончил высшие курсы в Москве, уже двадцать девять лет сижу на ответственных постах, и то без команды даже у себя дома не разрешаю себе в теорию ударяться. Чего ты все время выпячиваешься?

Родион. Ни в какую теорию я не лезу...

Гавриил (*резко*). Ты говорил, что у нас крестьянства больше, чем нужно?..

Родион. Говорил.

Гавриил. Зачем?

Родион. Чтоб знали... В Америке только семнадцать процентов населения замледелием и животноводством занимаются. А у нас сельского населения больше половины. Сколько же людей работает не на полную силу?.. Разве в некоторых колхозах не садят картофель вручную, лишь бы только трудодни начислить?.. Ты же это знаешь... (*Пауза.*) Я верю: не за горами то время, когда механизаторы дадут намного больше продукции, чем дает сейчас все село, и количество людей, занятых в сельском

хозяйстве, будет составлять лишь десять... Ну, может, двадцать процентов всего населения Советского Союза. Какие неиспользованные резервы у нас — вот о чем я говорил...

Гавриил. Что?! (Засмеялся.) Ой-ой... Ну и фантазия!.. Насмешил, брат... А... а... а что же ты с остальным крестьянством делать будешь?.. Куда его денешь? На пенсию переведешь?.. (Смеется еще сильнее, кладет таблетку в рот.)

Родион. По всей стране надо строить предприятия для переработки сырья, а не возить его в областные центры, где оно наполовину пропадает. Из ста пятидесяти сел нашей области сделать двадцать пять небольших городов, соединить их первоклассными дорогами... Кто это сделает?.. Мы сами. Навсегда рас прощаться со старым селом и показать всем крестьянам,— а их большинство на земном шаре! — путь Ленина, который выше, ярче всех мечтаний хлеборобов всего мира. И не смейся, брат, и не смеяйтесь, сомы и сомята... Я сегодня вижу всю Отчизну нашу в зеленых спутниках. Они засияют такими звездами вокруг крупных городов и столичных планет, что небо нам позавидует!.. (Смотрит на Гавриила.) Так будет, брат. На сто лет всем работы хватит, а там пусть правнуки сами подумают, как дальше жить... Ну, что?.. (Пауза.) Проглотил?..

Гавриил (*мотает головой, что нет; видно, что он прилагает огромные усилия*). О... о... о... Уже! И зачем они такие здоровые таблетки делают!.. Одно тебе скажу прямо и откровенно. Как старший брат, имею право: либо иди, Родион, в писатели — им разрешают всякие фантазии,— либо забудь про все эти звезды, планеты, спутники и спускайся на землю. Мне больно слышать, когда наши солидные кадровые товарищи — одни смеются над тобой, когда ты выступаешь, а другие молчат, потому что неволко им за тебя... Ты же... ты же — Герой... (Пауза.) Учись у Македона Сома, как нужно жить с людьми, с руководством... Не выпячивайся, не выпячивайся, Родион!.. Не хотел я тебе говорить, но теперь скажу: за последние годы столько я получил писем, анонимок всяких, где тебя разносят твои же... Я их под сукно складывал, честь твою берег. Даже твои шашни с Мариной в деталях описали...

Родион застонал, закрыл лицо руками.

Не пощадили тебя: все выследили и описали. А ты им — зеленые спутники... Их, сукных сынов, надо драить крепко еще лет пятьдесят, а потом, по строгим анкетам, в коммунизм пускать... Да... (*Закуривает.*)

Слышино песню и гитару.

Хорошо поют... А знаешь, моя жена заочно кончает музыкальную школу по классу гавайской гитары. У нее обнаружили талант. Хорошо поют! Неплохо! А гитара не звучит... нет... Неплохо. (*Напевает.*) «Не пробуждай воспоминанья»...

Родион (*повернул голову, и вырвалось у него, как стон*). А-а... (*Тихо.*) Честь мою берег... Спасибо, брат, за то, что научил, как жить надо... Спасибо и за то, что не обнародовал, а спрятал все анонимки, даже ту, где выследили, где...

Гавриил. Забудь и берись за ум!.. Пойду к народу. Чудесно поют... (*Подтягивает.*) Неплохо!.. (*Уходит.*)

Родион (*встал, отошел*). Какой я дурак! Ночей не спал, советовался, расспрашивал, бился, не жалея ни сил, ни здоровья, за мечту большую, красивую, как сад вишневый в цвету, красивую, как невеста, которая приглашать на свадьбу. А нужно было просто вниз головой в глубокую яму, в коряги и жить там, как живут все уважаемые сомы,— во славу тихому начальству... И кто это мне советует?.. Кто?!

Входит Касьян.

Касьян!

Касьян идет к отцу.

Не уходи,— поговорить хочу.

Касьян. Вы заболели?

Родион. Нет, нет... Как твоя наука?

Касьян. Я увлечен, отец! Я счастлив, что работаю в лаборатории Ярослава Власовича.

Родион. А может, ты увлечен там какой-нибудь...

Касьян. Нет, отец, и в мыслях не было...

Родион. Когда же ты женишься?.. Неужели в кандидатах всю жизнь ходить будешь?..

Касьян. Мне сначала нужно докторскую закончить...

Родион. О чём пишешь?

Касьян. «Критика некоторых современных идеалистических взглядов на проблему возникновения жизни на Земле». Мой работой руководит Ярослав Власович.

Родион. А что для практической жизни даст твоя работа?

Касьян. Я не думал... Это борьба за наше мировоззрение... Может, хоть одно какое-то зерно из моей работы кому-нибудь пригодится...

Родион. Одно зерно... Скудный посев... скудный... Касьян... (*Смотрит на него.*) Шестой год, как мать нас покинула, и ты уехал из дома. Уже шестой год живешь в столице. А думал ли ты когда-нибудь, как трудно мне без тебя?.. Старею, видно. Каждый день тебя вспоминаю... А иногда — поверишь? — твой голос слышу. Просто не по себе становится. Думаю тебя, сын, здесь оставить: поработай с нами, покажи людям характер свой, какую высоту взять можешь... А потом будешь искать то зерно, которое когда-нибудь кому-нибудь пригодится... Что ж молчишь?.. (*Пауза. Тихо.*) Касьян... (*Еле слышно.*) Сын...

Большая пауза.

Касьян. Трудно мне, отец, так сразу ответить... Трудно... И боюсь я...

Родион (*резко*). Не отвечай, не нужно! Я милостыни не прошу и просить не собираюсь. Жалею, что начал этот разговор... (*Встал, пошел.*)

Касьян. Я не хотел вас обидеть. Отец... (*Бросился к лестнице, смотрит вниз.*)

Входит Орина.

Орина...

Орина. Что? Говорите, я спешу... Что же вы молчите?

Касьян. Если б вы знали, что со мною сейчас...

Орина. Знаю... Я все, все, все знаю...

Касьян. Если б художник такой силы, как Серов, написал ваш портрет, написал бы такою, какая вы сейчас, перед полотном стояли бы поколения...

Орина. Как вы научились в столице деликатно и красиво говорить!... Я... я...

Касьян. Успокойтесь, вы так взволнованы...

Орина. Нет, нет... Теперь спокойна. Как видите, я не пошла за нею, не взломала ее дверь, не намотала на руку ее золотые кудри, не вытащила на эту площадь!.. Не беспокойтесь, я такого не сделаю. Я только слышала, когда-то так поступали мои кочевые предки с теми, кто

обкрадывал сердца... Однако посоветуйте ей не задерживаться здесь долго. Желаю счастья вам обоим... (*Быстро пошла по бульвару.*)

Касьян. Орина... (*Большая пауза.*) Орина... Люблю тебя, люблю... Вокруг все летит... Летит вперед и вверх... Бери высоту, Касьян! Смотри: Земля на ладонь Луну взяла. Все спешат на подвиги... А что же мне делать?.. Ни славы, ни подвигов... Одни бессонные ночи в беседах с великими мертвцами, что сквозь века пронесли и передали нам души волненье вечное, неугасимую страсть борьбы за тайну тайн, скрытую в одной живой клетке... (*Пауза.*) А может, не на тот я вышел путь?.. А может, отец прав?..

Вдалеке слышен мужской хор.

Домой возвращайся, парень!.. Прочь дерзкие мечты! Домой!.. И хоть крупицу радости, крупицу славы принеси своему отцу... Что ж, попробую... (*Спускается по лестнице, медленно идет.*)

Хор нарастает.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Ночь над Днепром. Мелькают на воде зеленые и красные огни бакенов, показывая фарватер, и кажется, что могучая река поднимается все выше и выше к черным тяжелым тучам. Издали слышна песня... Когда разошлись тучи, разлился голубой свет, и засверкал Днепр, открыл свой сказочный берег, где черные корни колоссальных пней столетних осокорей и верб сплелись, словно гиганты-спруты. А за берегом, по всему лугу, седые стога паху-чего сена.

Льется широкая народная песня.

Входят Майя и Орел.

Майя. Какой красавец этот остров. А звезды звенят тысячами арф. Какая красота!..

Орел. Бывают такие дни, даже недели, когда мы не видим этой красоты. Да и люди у нас не все такие, как ты думаешь. В такую ночь о них и вспоминать не хочется. Какое счастье, Майя, что мы молоды. Сколько должны мы сделать и какую жизнь мы увидим... Жаль мне старых людей, очень жаль.

Майя целует Орла.

Какая ты, Майя!.. Меня просила, чтоб тихо, а сама на весь луг звенишь...

Майя. Я не могу иначе...

Орел. А ты думаешь, я могу!.. (*Обнял ее, целует.*)

Слышны звуки гитары — все ближе и ближе.

Ты слышишь, Майя?.. Уже близко...

Майя. Я одного тебя слышу, матрос мой, а больше никого и ничего.

Входят Мак с гитарой и Наталья.

Орел. Полундра!

Прячутся за стогом, но Мак их заметил.

Наталья. И где это моя Майя?.. Ушла с матросом... Как его фамилия?

Мак. Орел.

Голос Орла. Что?

Наталья. Как будто кто-то отозвался...

Мак. Нет, нет, вам показалось. Не беспокойтесь: Петр Андреевич Орел очень хороший парень. Начитанный, культурный и с девушками обращается деликатно... Как философ...

Наталья. Как философ?! Я когда-то знала одного. Весьма агрессивный был человек...

Мак. Наш никакой натуральности не позволит...

Наталья. Что-то очень вы его расхваливаете. Не ухаживает ли он за вашей дочкой?

Мак. За чьей дочкой он ухаживает, Наталья Орестовна, это знают только звезды...

Наталья. О своей дочери я знаю все-все!

Слышен шепот.

Как будто кто-то шепчется?..

Мак. Это камыши шелестят... Пойдемте к нашим.

Наталья. Вы не представляете себе, как взволновала меня эта ночь, мой добрый друг...

Мак. И меня... Пойдемте!

Наталья. А что вы чувствуете, скажите?..

Мак. Я там скажу...

Наталья. Нет, нет, только здесь!.. Я прошу... Как пахнет сено... (*Поворачивается к стогу.*) Может, отдохнем?.. (*Показала на стог.*) Пойдем, посидим на сене...

Мак (*быстро взял ее под руку*). Там мыши!..

Наталья. А я их не боюсь... Пойдемте...

Мак. Кто-то идет, смотрите!

Наталья. В такую минуту!.. Утопить его!

Мак. Для вас — с радостью.

Быстро входит Леопольд Кука.

Кука (*остановился, издали*). Простите, пожалуйста, вы не видели девушку...

Наталья. Леопольд Михеевич?!

Кука (*обрадованно*). Наталья Орестовна!.. Я ищу Майю. Вы не видели ее?

Наталья. Вы спрашиваете меня?.. Меня?!

Кука. Ну да...

Наталья. Это я вас спрашиваю: где моя дочь?.. (*Торжественно.*) Вы отвечаете за нее передо мной, перед Ярославом, перед... (*Подняла руку.*)

Мак (тихо). Спутником.

Кукса. Я уже три часа ищу Майю. Даже в какую-то воду попал... И откуда она на лугу?..

Мак. Здесь сотни маленьких озер.

Кукса. На этом лугу так неуютно... А... а волки здесь есть?

Мак. Волки? В лозах есть...

Кукса. Я туда ходил! Давайте вместе искать...

Мак. Ладно, идем.

Наталья (решительно). Нет, нет! Мы пойдем в эту сторону, а вы идите туда и на нашу половину не заходите: мы здесь сами старательно все осмотрим... (*Взяла Мака под руку.*) Пошли!

Идут. Кукса вздохнул, затем слышен его голос: «Майя!..

Где вы?.. Майя...»

Входят Майя и Орел.

Майя. Милый... Тут, кажется, была моя мать и еще кто-то...

Орел. Кажется. (*Читает.*)

Я есмь народ,— народной Правды сила
покорена вовеки не была.

Меня беда, чума меня косила,
а сила снова расцвела.

Живу без спросу, вольно жить желая,
и чтобы жить — все цепи разорву.

Я утверждаюсь, подтверждая,
что я живу.¹

Майя. Какой ты могучий!.. Сколько в тебе силы...

Орел. Это мы вместе с поэтом и сильны и могучи...
Ведь мы — народ, чья Правды сила покорена вовеки не была. (*Пауза.*) Что с тобой?.. Майя...

Вдалеке слышна песня.

Майя. Петр... Я сегодня скажу родителям, сейчас же!.. Пойдем к ним!..

Орел. А может, рано еще?.. Может...

Майя. Что?..

Орел. Время — судья строгий...

Майя. Боишься за себя?..

¹ Стихи П. Г. Тычины, перевод Н. Н. Ушакова.

Орел. Я все вручаю тебе, Майя. Все... и свою честь, и дружбу моряка, и труд свой, за который уважают меня даже старики... Свой веселый нрав и... Одним словом... (*Обнял Майю.*) Не покраснеешь за меня, если кто позволит обидеть тебя или стать на нашем пути.

Майя. Я верю, Петр...

Орел. Найдешь ли ты в себе силы изменить свою жизнь?.. Сбережешь ли все чувства простого работяги аж до тех дней (*пауза, тихо*)... когда лягут над нами туманы и уже не для нас будут светить звезды над этими лугами...

Майя. Для нас всегда будут светить звезды, и никакие туманы их не закроют... Тебе я верю... верю... Скажи, что я должна сделать, чтобы ты поверил мне, чтобы почувствовал, как я люблю тебя... Скажи, я все сделаю! На все готова...

Большая пауза.

Орел (*взял ее голову в руки, долго смотрит в глаза*). Майя... И откуда ты свалилась на мою голову!.. (*Целует.*)

Слышны голоса Натальи и Мака.

Идут.

Майя и Орел уходят.

Входят Наталья и Мак.

Наталья. Посмотрите, как красиво играют на воде огни катера...

Мак (*кивнул головою, играет на гитаре, незаметно осматривает стог*). И подумать только, что когда-то здесь хозяйничали немцы.

Наталья. Да...

Мак. Сядем здесь...

Наталья. Вы же говорили, что там мыши.

Мак. Они уже убежали.

Наталья. Лучше тут.

Садятся.

Мак. И когда армия отошла?..

Наталья. Мы остались в оккупации. Вскоре наша квартира стала явочной... Я, правда, говорила Ярославу, что это очень опасное дело, но он меня успокаивал... А что получилось?.. Когда гестаповцы пронюхали, под-

польщики на улице встретили моего Ярослава и вместе с ним ушли из города... Так его спасли...

Мак. А вас не взяли?

Наталья. Не успели... Гестаповцы пригласили меня к себе. Сначала очень культурно со мной обращались, но когда я упорно отвечала им, что никакой явочной квартиры у нас не было, меня стали вульгарно бить... Вы не представляете себе, как вульгарно меня били...

Мак. О...

Наталья. А самое ужасное — немецкие овчарки... Я на них теперь смотреть не могу. Меня травили ими... (*Пауза.*) А когда вернулись наши (*раскрывает сумку*)... меня наградили, видите — Звезда... Я думала, тут будет какой-то официальный вечер, прием... Взяла с собой чудесное вечернее платье... Жаль, что вы меня в нем не видели. По последней моде: темно-гранатовое, широкая юбка, здесь маленький букетик искусственных незабудок, а здесь — Звезда... Все обращают внимание... А вы были на фронте?

Мак. Нет, я тоже жил в оккупации. Содержал хороший ресторанчик. Кухня была первоклассная...

Наталья. Вы... вы содержали тогда ресторан?..

Мак. Я люблю это дело. У меня были исключительно французские вина... Бордо, шабли. И однажды, когда господа офицеры провозглашали тосты за высокого генерала, прибывшего из Берлина, из штаба, я соединил на кухне два тоненьких провода, и такой коктейль получился,— пух! — все в воздух!.. А какие у меня были сервисы, какие бокалы — резной хрусталь, баккара... Мечта! Все вдребезги!..

Наталья. Вы были в подполье?

Мак. Имел честь два года...

Наталья. И вас наградили?

Мак. Звездой... Такой же, как у Родиона Ивановича.

Наталья. Что же вы не сказали, что вы настоящий герой!..

Мак. Какой я герой!.. Это мне присвоили Героя, а я все время тогда так боялся... Но что ж: раз нужно — значит нужно... (*Перебирает струны гитары, напевает.*)

Наталья (*подошла к Маку, провела ладонью по его голове, поцеловала в щеку*). Пойдемте навстречу нашим... (*Идет, остановилась.*) Пойдемте, Антон Лукич...

Мак (*взволнованно, тихо*). Они идут сюда... А знаете, просто удивительно: если старое сердце хоть на мгновенье весну ощутит, то кажется, что снова на годы молодость вернулась... Спасибо вам... (*Взял ее под руку.*)

Уходят.

Входят Марина и Касьян.

Марина. Сегодня едете?

Касьян. Да, Марина Николаевна. Вещи мы еще вчера вечером отвезли на пристань. Скоро придет пароход, и мы — на Киев...

Сышен голос Куксы: «Майя, где вы?! Майл...»

Марина. Слышите?..

Касьян. Это Кукса Майю ищет...

Марина. Не найдет...

Касьян. Почему?

Марина. Она с Орлом.

Касьян. Почему Петр до сих пор не женился?..
Такой хороший парень...

Марина. А вы почему?

Касьян. У меня диссертация...

Марина. А отец ваш — почему?

Касьян. Не знаю.

Марина. Было бы у нас женщин на треть меньше, тогда бы все по-другому запели и поняли бы, как нелегко нам годами ждать... Я не о себе, меня это не касается... (*Пауза.*) Как у вас с Ориной?

Касьян. Я не узнаю ее, она так изменилась...

Марина. А может, не она, а вы?

Касьян. Может, и так...

Марина. А у вас характер лучше, чем у отца вашего: он бы никогда на себя крохи вины не взял...

Касьян. Я хочу спросить вас... если разрешите...

Марина. Спрашивайте.

Касьян. Зачем вы...

Марина. Что?

Касьян. Моему отцу... Не знаю, что произошло между вами, но... но я прошу вас... (*Взял ее руку.*) Очень прошу... (*Поцеловал ее руку.*) Очень

Марина. Что вы! Касьян...

Касьян (*тихо*). Ему очень тяжело...

Марина. Не от меня это зависит, поверьте... Видно, не на той стежке мы встретились: не выходит у нас ничего. Строим, строим, кажется, вот-вот, только дверь открыть — и войдем в светлый дом... И в один миг все прахом, словно буря, словно пожар... Один пепел, да кое-где тлеет огонь и всыхивают искры...

Касьян. Почему же у вас так получается?

Марина. Кто из нас виноват, не мне судить. Знали бы вы, как и мне тяжело... Жить не хочется! Если бы не работа да не то, что я всем слово дала, не знаю, выдержала ли бы...

Входит Орина.

Орина. Простите... (*Проходит.*)

Марина (*резко*). Орина!

Орина. Марина Николаевна?..

Марина. Я. Тебя Касьян Родионович искал. (*Уходит.*)

Орина. А я вас искала.

Касьян (*показал рукой на небо*). Видите?

Орина. Сгорела...

Касьян. Какая тишина...

Орина. Торжественная тишина. (*Идет к воде, читает стихотворение.*)

Вы знаете, как липа шелестит
В тиши весенней лунной ночи?

Дивчина спит, дивчина спит,
Приди, буди, целуй ей очи,—
Дивчина спит...

Вы слышали: так липа шелестит.¹

Как тревожат меня такие ночи. Может быть, потому что моя мать под этим небом родилась, возле шатра (*Поет.*) «Ах, да не вечерняя заря...»²

Касьян. Как много я хотел вам сказать.

Орина (*тихо*). Не надо. Как тут хорошо. (*Возвращается, ложится на траву.*)

К ней подходит Касьян, садится. Большая пауза.

(*Тихо поет.*) Ми підем, де трави похилі...

¹ Стихи П. Г. Тычины, перевод В. К. Звягинцевой.

² Поет не весь романс. (*Прим. автора.*)

Касьян (*когда Орина закончила песню*). Орина, скоро пароход.

Орина. Знаю... Все знаю...

Касьян. Вы могли бы полюбить человека, характер которого — полная противоположность вашему?..

Орина. Не знаю...

Касьян. Ясно...

Орина. Что?

Касьян. Не смогли бы... Я так и думал...

Орина. А вы?

Касьян. Я?

Орина. Вы.

Касьян. Я смог бы... Я даже...

Пауза.

Орина. Полюбили?

Касьян. Да. Она очень красивая... во всем красивая...

Орина. Таких не бывает.

Касьян. Я встретил такую. Может, у нее и есть какие-нибудь недостатки, но я их не вижу и никогда не увижу...

Орина. И такого не бывает.

Касьян. Так было, Орина... Так есть, Орина... Так и будет, Орина...

Орина. Вы обиделись?.. У вас даже голос изменился.

Касьян. Когда я отстаиваю то, во что верю, тогда не только голос — все во мне меняется... Вы не знаете, Орина, каким я могу быть резким...

Орина. Вы?

Касьян. Я написал статью. Называется она «Критика некоторых современных идеалистических взглядов на проблему возникновения жизни»... Я вам ее пришлю, и вы поверите... Вопрос о возникновении и происхождении первых живых существ относится к самым важным, основным проблемам естествознания... Вы оглядываетесь?.. Может, вам скучно это слушать?..

Орина. Нет, нет! Очень интересно, особенно в такую голубую ночь, слушать о возникновении жизни.

Касьян. Вы не представляете себе, Орина, какая вокруг этой проблемы шла борьба с мракобесами, попами всех религий, инквизиторами и мошенниками в мантиях и сутанах... Эта борьба шла за честь человека, за его

непокорный разум, непокорную мысль, за то, чтоб он не на небесах, а в вечном движении материи искал ответ. В наше время эта борьба вспыхнула с новой силой, и я рад, что участвую в ней... Какое это счастье, когда рождается новая мысль! Тогда слово летит как стрела и бьет без промаха!..

Орина. По вашим письмам я почувствовала, как вы увлечены своей работой...

Касьян. Всем естеством я ощущаю, в каких муках великие умы ковали ключ, чтоб раскрыть тайну возникновения жизни. И нам выпала честь приподнять завесу над этой тайной... И, может, не одна жизнь уйдет, прежде чем будет найдено и сказано последнее слово этой грандиозной проблемы, над которой трудилось человечество... Вы понимаете, Орина, все величие этой проблемы? Ей можно с радостью отдать всю свою жизнь...

Орина. Касьян... Я никогда не видела вас таким. Я думала...

Касьян. Что вы думали?

Орина. Вам не кажется, что от воды потянуло холодом?.. Вы не чувствуете?..

Касьян. Возможно...

Орина. Я вся дрожу...

Касьян. К сожалению, у нас ничего нет, даже плаща...

Орина. А что, если мы взберемся на стог? На сене будет тепло.

Касьян. Как же мы туда?.. Высоко, а лестницы нет...

Орина. Я посмотрю... (*Побежала за стог и вмиг оказалась наверху.*) Идите сюда, Касьян. Тут есть бугорок... Давайте руку!

Касьян пошел за стог.

(*Протянула ему руку.*) Ну... раз!

И они упали на сено.

Расскажите... Как же возникла жизнь на Земле?..

Касьян. Орина...

Орина. Что, Касьян?.. (*Пауза.*) Как же она возникла? Сколько я ни читала, а понять не могу...

Касьян. Орина, жизнь на Земле возникла... (*Целует ее.*) Я не могу сейчас ответить на ваш вопрос.

Орина. И не нужно... (Склонилась над ним, обняла.)

Они замерли в поцелуе.

Входят Родион и Марина.

Родион. Сядем, Марина, тут, под стогом...

Марина кивнула головою. Садятся. Марина показывает рукой вверх.

Вижу...

Смотрят на небо.

Марина. Вспыхнула и погасла...

Родион. Вы слышите, как будто что-то шуршит над нами?

Марина. Слышу...

Родион. Эй, кто там стог разрывает?! Мотай скорее отсюда, а то, как встану, плохо будет!.. Слышите?!

Голос Касьяна. Слышу!.. Мы сейчас...

Они соскочили по другую сторону стога и скрылись.

Родион. Вроде как голос Касьяна...

Марина. Не может быть!

Родион. Его... С кем же это он взгромоздился на стог?..

Марина. А вы в молодости разве под стогом сидели?..

Родион (встал). Я... Так я не был ученым кандидатом!

Марина. Вы не были ученым?

Родион. Не в том смысле, что вы думаете... С кем же это он?..

Марина. Я видела, с Ориной ходил...

Родион. Неужели?

Марина. Ревнуете?..

Родион. Я! За это, знаете, что б вам следовало сказать!.. И какими словами...

Марина. Говорите, я не боюсь. Я все слова знаю... Все!

Родион. А жаль.

Марина. А я не жалею. (Встала.) Слыхала я их, когда такие, как ты, царапали землю руками и хрюпели в муках под минами и бомбами... Мы, сестры, видели не меньше, чем ты, Герой... А может, и больше...

Родион. А разве я что... Я знаю... (Пауза.) Марина... Я и вчера, и позавчера ждал... Ты не пришла...

Марина. Не жди. Почему у тебя, Родион, хватает ума не только нашим хозяйством управлять — ты бы мог целой областью, а может, и министром быть...

Родион. Что?

Марина. Не перебивай! Тебя хватит и на это, если нужно будет, твой клятый характер я знаю. А вот почему ты за всю свою жизнь не научился...

Родион. Говори.

Марина. Прислушиваться к своему сердцу. Не зауживать его вечно в хлопотах повседневных, а вот так просто сесть, как сейчас мы сидим, и молча послушать, что оно говорит... Дать ему волю хоть раз в год... Разве я, как женщина, не достойна слова, которого ждала всю жизнь, ждала только из твоих уст, потому что тебе одному я отдала такие чувства, которых ты никогда не знал... (Тихо.) Никогда не знал... (Встала, пошла вниз. Смотрит на воду.)

Вдалеке слышны гудки пароходов.

Родион (встал). Марина!

Марина (резко). Забудь! (Повернулась, смотрит на Родиона.)

Большая пауза. Снова слышны вдалеке гудки пароходов.

Родион (тихо). Не могу... Напоминать не стану, не бойся. На это у меня сил хватит. Но забыть... Никогда! Марина, я хочу, чтобы ты была самым близким, самым верным другом в моей борьбе против сомов, сомят, против тех, кто хитрит, выкручивается, обманывает, пышными словами ласкает слух всем гаврикам, которые обленились, держатся только за кресло, которые забыли, как нужно бороться за наш чистый и светлый путь, за мечту.

Марина. В такие минуты ты ни одного человеческого слова не сказал... И снова доклад начал.

Родион. Все в этом, Марина. Для тебя — доклад, для меня — жизнь, ее лучшее слово и лучшая песня... Я весь в рубцах, прошит ими... Таким меня сделала жизнь, и никто не в силах изменить это...

Марина. Даже я?

Родион. Даже ты.

Марина (*крикнула*). Родион! (*Пошла берегом.*)
Родион. Марина...

Навстречу Марине идет Струна.

Струна. Марина...

Марина не ответила, ушла.

(Подходит к Родиону.) Что случилось?

Родион. Не спрашивай.

Струна. Понимаю. Я пойду к ней, скажу, что ты...

Родион. Не нужно, не смей... Между нами такое произошло...

Струна. А если с Мариной что-нибудь случится...
Не понимаешь ты, какую красоту губишь.

Родион (*тихо*). Молчи.

Струна. Ты сильнее, чем она, и ты должен...

Родион. Молчи.

Струна. Сердишься, выходит...

Родион (*крикнул*). Иди!

Струна. Впервые от друга такое слышу. (*Отошел, остановился, смотрит на Днепр.*)

Издали слышен хор.

Родион подходит к Струне, положил руку ему на плечо.

(Тихо, взволнованно.) Понимаю, Родион... Я найду ее.
(Ушел.)

Родион повернул голову. Входит Мак.

Мак (*тихо*). Родион.

Родион его не слышит.

(Подходит ближе.) Время на пристань идти. Время прощаться, тебя там ждут.

Родион. Это ты, Антон...

Мак. А кто может быть еще?.. В такую минуту.

Родион обнял Мака.

Время, пойдем.

Уходят.

Сышен шум приближающегося моторного катера. Шум ближе. Вдруг мотор умолк, слышны удары весел, голоса.

Голос Македона. Квак!.. Куда гребешь, остолоп!..

Голос Квака. К берегу...
Голос Македона. Бросай якорь!
Сышен удар по воде.

Голос Чапли. Можно выходить.

Голос Македона. Квак, Чапля, слушайте! Если я упаду в воду, я вас всех утоплю раз и навсегда...

Голос Квака. Смело становитесь на трап. Так... Держитесь! Вот... вот...

Голос Чапли. Держитесь, Македон Николаевич...

Голос Македона. Молчать! За что же мне держаться: за звезды или за месяц? Держите меня, олухи!.. Ну... вот... вот... вот... Вот так! Спасибо, хлопцы! Молодцы, спасибо!

Сышен всплеск воды.

(Кричит.) Квак!.. Чапля!.. Остолопы, где вы!

Голос Квака. Мы здесь. А вы, хозяин, уже на берегу...

Голос Македона. На каком берегу, остолопы!.. Я по самые завязки в воде! И шляпа уплыла.

Входит Македон.

Македон. Вампиры! Что теперь будет, а?.. Чего молчите?.. (Трижды чихает.) Слыхали? Воспаление легких у меня начинается, разбойники, вампиры!.. Ступайте сюда, я вас топить буду!

Входят Квак и Чапля.

Квак. Скидайте штаны, хозяин...

Македон. А в чем же я останусь?!

Квак. Мы вас в одеяло завернем... И будете вы похожи на римского партийца... Когда-то они так ходили, я в кино видел!..

Чапля. Только не римские партийцы, а римские патрийцы!

Македон (чихнулся). Да скорей уж делайте из меня римского партийца, а то я дрожать начинаю!..

Квак. Идемте...

Македон и Квак уходят.

Чапля (подтягивает, а потом привязывает трос катаера к коряге). Квак, дай сюда прожектор!

Голос Квака. Сейчас...

Луч прожектора осветил берег. Входит задрапированный под римского патриция в большое красное одеяло Македон Сом, за ним — Квак.

Квак. Смотри, Чапля...

Чапля. Вы похожи на римского императора, забыл, как его звали...

Квак. Лукьян...

Чапля. Он тоже весил центнера полтора и сильно любил банкеты...

Македон. Да ну?..

Квак. Протяните вот так руку...

Македон протянул руку и замер.

Чапля (*склонил голову*). Вылитый Лукьян.

Македон. Ну, хватит! Где же его искать?..

Чапля. Вон там костер; наверное, все у огня...

И Родион Иванович...

Македон. Я же так к ним не пойду! Ступай, Чапля, попроси Родиона сюда прийти. Скажи, что я пострадал... Беги!

Чапля. Бегу! (*Пошел.*)

Македон. Квак!

Квак. Чего?

Македон. Скажи, почему Родион Нечай так меня возненавидел? Как ты думаешь?..

Квак. Они вам завидуют.

Македон. А нет ли тут какой другой подкладки?

Квак. Может, какие-нибудь новые изменения у нас намечаются...

Македон. О-о!.. (*Чихнул.*) Видишь, правда. Про это я думаю.

Квак. Но Гавриил Иванович знал бы и вас бы предупредил.

Македон. Рассказывал, что уже предупредили тех, кто хлопок выращивает... Говорил, нельзя, мол, такие деньги брать с государства... И тех, что за лавровые листики и мандарины дерут с мирного покупателя не по плану.

Квак. Это нас не касается: у нас ни хлопка, ни листиков...

Македон (*сердито*). Я с тобою, как с равным разговариваю, а ты — хлопка нет, листа нет. А виноград?! А вино?! А арбузы?! А?! (*Махнул рукой.*) Квач¹ ты, а не Квак!

Квак. Тогда, выходит...

Македон. Вот и выходит! Надо с Родионом мирно сосуществовать, чтоб шуму было меньше... А то, если шум докатится туда... (*показал рукой вверх*) до сиятельных вершин, боюсь, Родиона послушают...

Квак. А я думаю...

Македон. Умри!

Квак. Уже.

Вошел Родион, остановился, его не замечают.

Македон. Пока я сам с собой разговариваю, молчи!

Квак. Молчу.

Македон. Ох, и когда она, жизнь наша, утихомирится?.. И на селе, и в городе люди повеселели, все за мебелью, за телевизорами бегают... И критика стала более принципиальная и менее персональная... Люди сейчас хотят жить спокойно, без всяких перемен. Все идут старателльно в коммунизм. Но идти надо солидно, как хозяева, и, главное, не торопиться, чтобы и внуки и правнуки наши тоже имели счастье по этой светлой дороге шествовать. А если мы, торопясь, въедем при нашей жизни в полный коммунизм, то что же им, беднягам, делать останется? Не назад же им идти! А куда-то идти надо, потому что без движения нет диалектики... Сыпал, Квак, в какую я философию влез?..

Родион. Пора бы и вылезать! Приветствую, сосед.

Македон. Что... что такое?..

Родион (*подходит*). Приветствую, сосед. Что это вы... (*Смотрит на Македона.*)

Македон (*протянул руку*). Перед тобой стоит без штанов римский владыка... Как его... Квак?

Квак. Император Лукьян...

Македон. Упустили меня в воду мои остоловы, и теперь я не Македон, а римский Лукьян...

Родион. Не простыли бы...

Македон. Уже... (*Чихает.*) Я слышал, ваши едут...

Родион. Едут. Скоро пароход...

---

¹ Квач (*укр.*) — малярная кисть, помазок. (*Прим. автора.*)

Македон (*чихнул*). Простыл-таки!.. Вы, наверное, догадываетесь, зачем я ночью вас разыскиваю...

Родион. Нет...

Македон. Когда же за виноградом машины присыпать? Послезавтра я должен в Ленинград отправить...

Родион. А я уже отправил на аэродром, сегодня... (*Смотрит на часы.*) Скоро пойдет самолет, турбовинтовой... Двадцать пять тысяч килограммов утром в ленинградских ларьках будет. Так что беспокойтесь...

Большая пауза.

Македон (*тихо*). Квак...

Квак. Что?

Македон (*чихает*). Ой... Ой... Помру!.. Воспаление легких... Уже колет... вот тут... Надо ехать! Чапля!.. Где он?.. Чапля!

Чапля (*ходит*). Я здесь.

Македон. Поехали. Мне надо лечь в кровать, согреться... Квак, заводи мотор!

Квак и Чапля направились к лодке.

И в Иркутск тоже пойдут ваши самолеты?

Родион. Пойдут завтра.

Македон. Завтра... Так, так... И кто это надоумил вас самолетами...

Родион. Вы...

Македон. Я?! Да ну?.. Не верю! Вы б поблагодарили...

Родион. Собираюсь на людях...

Македон. Зачем поднимать шум?.. Не люблю аплодисментов... Какую цену назначили за килограмм?

Родион. По сравнению с вашей, на половину дешевле.

Македон. Без прибыли отдаете... Колхозники вас душевно поблагодарят за такую щедрость...

Родион. Этот рейс даст нам шесть тысяч пятьсот — разве это малая прибыль?..

Македон. Для кого как... А сколько зарабатывают, когда продают нам тракторы, сеялки, дисковые бороны, запчасти?.. Какую прибыль имеют на килограмме, а?.. Не подсчитывали?..

Родион. А куда идут эти доходы — вы разве не знаете?..

Македон. Нет. Со мной не советовались.

Родион. А со мной советовались.

Македон. Удостоили!

Родион. Удостоили. И я всей душой поддержал руководителей наших, не пожалевших народных денег на атомные станции, ракеты и спутники — на все то, что так высоко подняло над всем миром нашу честь, нашу славу... Если вас это не касается, то спускайтесь на дно, в коряги, живите там и не высовывайте свои усы, не то оборвем начисто! (*Уходит.*)

Македон. Подождите, сосед, вы меня не так поняли!.. Разве я не патриот!.. Квак!.. Чапля!..

Вбежали Квак и Чапля.

Родион! (*Кваку и Чапле.*) Ушел... Обидел, уничтожил и ушел! Не дал и последнее слово сказать. В суде и то, даже мошенникам и разбойникам, дают последнее слово, а он... За что?.. (*Размахивает одеялом.*) За что?! (*Идет к Кваку и Чапле.*) Прощайте! Иду топиться... (*Бросил одеяло.*) Иду бесповоротно...

Квак. Успокойтесь...

Чапля. Как же мы без вас будем?

Квак. На кого ж вы нас покидаете?..

Македон. Молчать! О себе только думаете!.. А как же вся область без меня будет?! Где... где... у кого возьмут самые высокие показатели?.. К кому персонально руководящие гости будут ездить?.. Прощайте все! Не забывайте... А когда правда восторжествует, поставьте мне хоть из вербы... нет, лучше из кирпича памятничек на этом месте и скромно напишите: «Здесь нырнул вниз головой бесповоротно обиженный Македон Сом — председатель-миллионер, о котором во всех газетах писали и в одной портрет напечатали... Вечная слава...» (*Чихнул.*) Квак, где одеяло?

Квак. Вот...

Македон. Нет, нет, не надо! Не надо... Прощай, Квак, друже...

Квак накинул на него одеяло.

Не плачь... (*Идет.*)

Квак. Сюда, сюда... Осторожно, там обрыв! Еще сорветесь...

Македон. Куда же ты меня ведешь, осталоп!

Чапля отвязывает канат.

Квак (за сценой). А где же трап?

Чапля. Здесь.

Квак. Вот так... Держитесь, держитесь...

Чапля. Смело ступайте... Вот так...

Слышен всплеск воды.

Македон (кричит). Осталопы!.. Спасайте, тону!
Спасайте, тону!

Квак. Держитесь за канат!

Македон. Я тебя повешу на этом канате!.. Тяните, олухи! Скорее!..

Чапля. А вода теплая или холодная?..

Македон. Молчи! Заводи мотор... Ноги моей больше не будет на этом берегу! Вон отсюда, вон бесповоротно!

Вспыхнули огни катера, шумит мотор, катер пошел вверх по Днепру. Мотор все глуше. Входят Родион, Мак, Орина.

Родион. «Спартак» голос подает.

Входят Наталья и Голубь.

Наталья. Где Майя? Где Майя?

Голубь. Наталья, на минутку... (*Отходит с нею.*)
Ты только не волнуйся: произошло важное для нас событие...

Наталья. Что случилось?

Голубь. Наша дочь твердо решила выйти замуж...

Наталья. Боже, как ты меня напугал!.. Разве это новость для меня?.. У профессора Куксы есть определенные недостатки, он не орел, но...

Голубь. О-о-о! Поэтому Майя и хочет выйти за Орла... Петра Андреевича.

Наталья. Что?! За того кудлатого... запорожца?..

Голубь. Твой характер у Майи... Романтика!.. Я тоже был когда-то кудлатым и родился вблизи Хортицы...

Наталья. Где они?

Голубь. Пошли на пристань, Майя свои вещи заберет...

Наталья. Так сразу решила остаться здесь?..

Голубь. Ничего удивительного: ты тоже сразу...

Наталья (*тихо*). Молчи! Что могут подумать обо мне.

Орина. Я поеду только на один день... Родион Иванович разрешил...

Мак. Знаю, скоро ты навсегда покинешь меня. (*Обнял дочку*.)

Входит Кукса.

Кукса. Где же Майя? Пароход отходит, я уже места занял... Скорее на пароход. (*Уходит*.)

Касьян подходит к Родиону.

Родион (*взволнованный*). Возьми его, Орина, а то еще осрамится, на людях слезу пустит... (*Голубю*.) Забираете?

Голубь. Забираю. Не для себя, для науки... Это моя надежда и не только моя.

Родион. Скажите Касьяну, чтоб писал.

Голубь кивнул головой. Снова вбегает Кукса.

Кукса. Скорее, мы опоздаем, где же Майя?

Голубь. Пошли.

Все (*Родиону*). Прощайте, спасибо. (*Уходят*.)

Остаются только Родион и Мак.

Мак. Не вернется Орина... Нет.

Шум парохода, с него звучит оркестр и песня «Реве та стогне Дніпр широкий».

Что такое жизнь... Это вечное расставание и вечное ожидание... Первое я не люблю, очень не люблю...

Все сильнее нарастает песня с оркестром, прожектор парохода осветил взволнованные лица Родиона Нечая и Мака. Вдалеке появляются Марина и Струна. Нарастают звуки хора и оркестра.

Занавес

Примечания

«МАКАР ДУБРАВА»

Пьеса в трех действиях, четырех картинах.
Написана в 1948 году.

Впервые отдельными изданиями выпущена в 1948 году в Киеве и Москве (на украинском и русском языках).

Постановлением Совета Министров СССР от 10 апреля 1949 года А. Е. Корнейчуку за пьесу «Макар Дубрава» присуждена Государственная премия СССР.

В первые послевоенные годы в Донбассе развернулось массовое социалистическое соревнование шахтеров за увеличение угледобычи. В ряду многих патриотических начинаний возникло движение ветеранов труда за то, чтобы поднять отсталые шахты до уровня передовых. Инициаторами его выступили старые горняки шахты им. Карла Маркса в г. Енакиево. А. Е. Корнейчук, побывав в Донбассе, увидел в этих начинаниях ростки коммунистического труда. Этому он и посвятил драму «Макар Дубрава», которую написал в ответ на просьбу рабочих Донбасса создать пьесу о шахтерах.

Премьера пьесы «Макар Дубрава» в Киевском театре им. И. Франко состоялась 12 июня 1948 года (постановка Гната Юры). Созданный А. Бучмой образ Макара Дубравы явился выдающимся достижением советского театрального искусства. Спектакль франковцев в 1949 году отмечен Государственной премией СССР.

В Москве пьеса шла в Театре им. Евг. Вахтангова (режиссер И. Рапопорт, в роли Дубравы М. Державин). Она получила сценическую жизнь почти во всех театрах Советской Украины, братских республик. Была поставлена в театрах Польши, Болгарии, Чехословакии, Германской Демократической Республики.

«КАЛИНОВАЯ РОЩА»

Комедия в четырех действиях, пяти картинах.
Написана в 1950 году.

Впервые отдельными изданиями вышла в 1950 году в Киеве и Москве (на украинском и русском языках).

Постановлением Совета Министров СССР А. Е. Корнейчуку за пьесу «Калиновая Роща» присуждена Государственная премия СССР.

Первым поставил пьесу Киевский театр им. И. Франко (премьера 1 мая 1950 г.). Объясняя режиссерскую трактовку «Калиновой Рощи», ее постановщик Гнат Юра отмечал: «У украинского народа калина — это символ верности, любви, преданности... Ветви калины в руках украинской девушки — знак любви и верности. «Калина» — говорят, когда речь идет о людях стойких, непоколе-

бимых, способных довести начатое дело до конца. Итак, место действия пьесы — Калиновая Роща. И люди, выросшие здесь, хорошие, светлые, надежные. Смело и уверенно идут они к новой жизни... Вся пьеса — это гимн радостному, животворному труду. Так она написана и так она должна быть поставлена и сыграна» (Гнат Юра. Життя і сцена. Киев, 1965, с. 129, 131). В спектакле особенно выделялся дуэт Романюка и Наталии Ковшик в исполнении Ю. Шумского и Н. Ужвий. Постановка «Калиновой Рощи» у франковцев была удостоена Государственной премии СССР (1950 г.).

В 1950 году спектакли «Калиновой Рощи» были показаны зрителям Москвы — в Малом театре (режиссер А. Дикий, в ролях: Романюка — Ф. Григорьев, Наталии Ковшик — В. Пашенная), зрителям Ленинграда — в Театре драмы им. А. С. Пушкина. Пьеса была поставлена почти всеми театрами Украины, ведущими театрами Российской Федерации, Белоруссии, Грузии, Латвии, Литвы, Узбекистана, Киргизии и других республик.

Пьеса шла и за рубежом — в Польше, Чехословакии, Болгарии, Румынии, ГДР, Англии.

В 1953 году комедия была экranизирована на Киевской киностудии (режиссер Т. Левчук, в ролях: Ю. Шумский, Н. Ужвий, Н. Мордюкова, О. Кусенко, М. Кузнецова, Е. Пономаренко, Д. Милютенко и другие).

«КРЫЛЬЯ»

Пьеса в четырех действиях, пяти картинах.

Написана в 1954 году.

Отдельным изданием вышла на украинском языке в Киеве в 1954 году. В русском переводе вначале опубликована в журнале «Новый мир» (1954, № 11), затем в 1956 году издана отдельной книжкой (М.).

Пьеса явилась откликом драматурга на важные мероприятия партии по дальнейшему совершенствованию стиля партийного и государственного руководства, по строгому соблюдению ленинских принципов и норм во всех сферах общественной жизни. Рассказывая о творческой истории пьесы, А. Е. Корнейчук свидетельствовал, что в близких ему образах положительных героев (Ромодан, Калина) он стремился утвердить тип руководителей ленинской закалки, деловитости и человечности, в то время как в персонажах отрицательного плана (Дремлюга, Овчаренко, Терещенко) — осудить гневом сатиры обюрократившихся работников, пустозвонов, карьеристов.

В знак глубокого уважения к великой русской актрисе А. А. Яблочкиной драматург роль учительницы Горицвет написал специально для нее.

Первая постановка «Крыльев» осуществлена 8 ноября 1954 года Киевским театром им. И. Франко (режиссер Гнат Юра, исполнители ролей: Ромодана — В. Добровольский, Анны Падолист — Н. Ужвий, Катерины Ремез — О. Кусенко, Самосада — Е. Пономаренко, Дремлюги — Г. Тесля, Овчаренко — П. Сергиенко, Терещенко — Д. Милютенко).

В Москве «Крылья» были показаны в 1955 году на сцене Малого театра (режиссер К. Зубов, в ролях: Ромодана — М. Царев,

Дремлюги — Н. Комиссаров, Терещенко — Н. Светловидов, Овчаренко — В. Хохряков, Самосада — В. Доронин, Б. Бабочкин, Екатерины Ремез — И. Ликсо, учительницы Горицвет — А. Яблочкина, Анны Падолист — Е. Гоголева). Пьесы А. Корнейчука и спектакль Малого театра высоко оценены в статье К. Симонова, опубликованной на страницах «Правды» (1955, 17 мая). В ней драматург и театр названы первопроходцами по целине нового жизненного материала. В Ленинграде пьеса шла в Театре драмы им. А. С. Пушкина.

Пьеса была поставлена также во многих других городах страны: в Харькове, Одессе, Львове, Симферополе, Вильнюсе, Таллине, Фрунзе, Душанбе и т. д.

«ПОЧЕМУ УЛЫБАЛИСЬ ЗВЕЗДЫ»

Пьеса в трех действиях.

Написана в 1957 году.

Впервые опубликована отдельными изданиями: на украинском языке в 1958 году (Киев), на русском языке в 1959 году (М.).

В середине 50-х годов, когда партия вооружила советских людей новыми перспективами развития и укрепления социалистического общества, А. Е. Корнейчук неоднократно говорил о возрастающей роли интеллигенции в борьбе за светлое будущее. Идеи высокого призыва деятелей культурного фронта на новом этапе общественного развития нашей страны драматург воплотил в пьесе «Почему улыбались звезды». Подвергая сатирическому осмеянию проявления мещанства, самовлюбленности, обывательщины в некоторых кругах творческих работников, писатель противопоставил этим негативным тенденциям высокую мораль достойных представителей рабочего класса и народной интеллигенции.

Спектакль «Почему улыбались звезды» Киевского театра им. И. Франко (премьера 4 ноября 1957 г., режиссер М. Крушельницкий, среди исполнителей ролей: Д. Милютенко — Барабаш, Н. Ужкий — Катерина Бессмертная, В. Дальский — Морж и другие) на Всесоюзном фестивале драматических театров, посвященном 40-летию Октября, отнесен Почетным дипломом первой степени.

В 1958 году пьеса была поставлена в Москве Малым театром (режиссер Б. Равенских), в Ленинграде — Театром драмы им. А. С. Пушкина.

Спектакли своих театров смотрели трудящиеся Харькова, Одессы, Днепропетровска, Донецка, Симферополя, Львова, Ашхабада, Семипалатинска, Тарту, Фрунзе, Тулы и других городов страны.

«НАД ДНЕПРОМ»

Комедия в трех действиях.

Написана в 1960 году.

Отдельной книжкой впервые издана на украинском языке в 1960 году. Первая публикация на русском языке в журнале «Театр» (1960, № 10).

А. Е. Корнейчук рассказывал, что богатый материал для этой пьесы он почерпнул на партийных пленумах, совещаниях передовиков сельского хозяйства, в беседах со многими руководителями

колхозов, районов и областей, с передовиками и новаторами производства, учеными и агрономами. Исследуя непримиримый конфликт между зазнавшимися и безответственными работниками (Гавриил Нечай, Македон Сом) и людьми деятельными, инициативными, духовно богатыми (Родион Нечай, Антон Мак, Петр Орел), писатель утверждает идеал целостной человеческой личности — строителя коммунизма. Показательно, что многие зрители и читатели 60-х годов воспринимали образ председателя колхоза Родиона Нечая как воплощение лучших черт народного вожака, партийного руководителя.

Пьеса «Над Днепром», название которой символизирует образ социалистической Украины, завершает цикл произведений драматурга на колхозную тему, начатый комедией «В степях Украины».

Постановку пьесы «Над Днепром» осуществил Киевский театр им. И. Франко (премьера 6 сентября 1960 г., режиссер М. Крушельницкий). «Вершина достижений спектакля — В. Добровольский в роли Родиона Нечая, — писал нар. арт. СССР Б. Смирнов в газете «Труд» (1960, 26 ноября). — Родион в его исполнении сильный, веселый и волевой человек». В 1961 году пьеса получила сценическую жизнь в Московском Художественном театре им. М. Горького (руководитель постановки М. Кедров, в ролях: Родиона Нечая — Л. Золотухин, Антона Мака — В. Топорков, Гавриила Нечая — В. Белокуров, Македона Сома — С. Блинников). Мхатовский спектакль был положительно оценен театральной критикой (В. Пименов. Жизнь — как она есть.— «Литературная газета», 1961, 24 октября.; Ю. Зубков. Они живут над Днепром.— «Огонек», № 48, 1961).

Пьеса шла также в Харьковском театре им. Т. Шевченко и ряде других театров страны.

СОДЕРЖАНИЕ

Макар Дубрава	5
Калиновая Роща	61
Крылья	139
Почему улыбались звезды	213
Над Днепром	285
Д. Шлапак. Примечания	354

Корнейчук А.

К67   Собрание сочинений в четырех томах. Том 3.
Л., «Искусство», 1977.
360 с.; 9 л. ил.; портр.

В третьем томе помещено пять пьес А. Е. Корнейчука, посвященных острым вопросам общественной и духовной жизни советских людей в период с конца 40-х до начала 60-х годов. Драмы и комедии, написанные драматургом в этот период, — «Макар Дубрава», «Калиновая Роща», «Крылья», «Почему улыбались звезды», «Над Днепром», — отличают актуальность проблематики, острота жизненных конфликтов, стремление к созданию укрупненного образа положительного героя нашего времени. Книга снабжена примечаниями и иллюстрирована фотографиями.

К 70600-060
025(01)-77   подписаное

С(Укр)2

**АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВИЧ
КОРНЕЙЧУК**

Собрание сочинений. Том 3

Редактор Н. К. Войцеховская. Художественный редактор Э. Д. Кузнецов. Технический редактор М. С. Стернина. Корректор А. Б. Решетова. Сдано в набор 2/III 1976 г. Подписано к печати 9/VII 1976 г. М-28389. Бумага тип. № 1, для иллюстр. мелов. Формат издания 84×108^{1/32}. Усл. печ. л. 19,85. Уч.-изд. л. 19,06. Тираж 25 000 экз. Изд. № 194. Зак. № 359. Издательство «Искусство», 191186, Ленинград, Невский, 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26. Цена 1 р. 15 к.

**Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)**

1р.15к.

3

Александр Норнейчук